

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1974

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

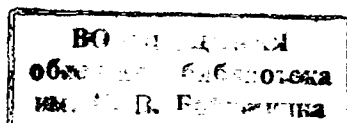
1

Январь — Февраль

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. М. Дробужева, Г. Е. Марков, Л. Ф. Моногарова,
А. П. Окладников, Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Н. С. Полищук
(зам. главн. редактора), Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), К. В. Чистов

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

IX Международный конгресс антропологов и этнографов проходил с 1 по 8 сентября 1973 г. в Чикаго. Он собрался на этот раз в соответствии с новым уставом через пять лет после VIII МКАЭН, состоявшегося в сентябре 1968 г. в Токио и Киото. В Чикагском конгрессе приняли участие около 3 тыс. человек, представляющих более чем 100 стран. По сравнению с предыдущими конгрессами это был самый многочисленный форум ученых.

Подавляющее большинство участников конгресса составляли, естественно, ученые Американского континента, в первую очередь США. Достаточно широко были представлены на конгрессе исследователи из стран Азии и Африки, в частности, весьма активное участие в нем принимали делегации Индии, Японии, Алжира и Нигерии. Западноевропейских делегатов было сравнительно немного: отдельные исследователи из Англии, Франции, ФРГ, Италии, Греции, Скандинавских стран. Характерной особенностью делегаций США и западноевропейских государств было преобладание в них молодых ученых.

Советская делегация состояла из 33 человек. В нее наряду с учеными Москвы и Ленинграда входили представители Украины, республик Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Прибалтики. Помимо этнографов и антропологов, делегация включала фольклористов, археологов, историков и философов.

Из европейских социалистических стран наиболее многочисленные делегации (пять-семь человек) направили Румыния, Польша и Югославия; по три-четыре представителя было от Венгрии и Чехословакии.

В целом атмосфера, в которой оказалась наша делегация на конгрессе, может быть охарактеризована как доброжелательная. В этом, несомненно, сказалась та общая разрядка международной напряженности, которая произошла в последнее время, прежде всего в результате визита в США Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Вместе с тем в работе конгресса давала себя знать острая идеологическая борьба, напряженность которой нами ощущалась на протяжении всего пребывания в США. Иногда это проявлялось в прямых выпадах в адрес советской науки, в фальсификации нашей действительности, чаще — в полемике между представителями различных научных направлений.

В научно-организационном плане Чикагский конгресс заметно отличался от предыдущих международных конгрессов антропологических и этнологических наук. Прежде всего не были заранее (обычно это делалось за два года до начала конгресса) определены его тематические подразделения (секции, симпозиумы). По идее президента конгресса проф. Сола Такса, профиль этого научного форума должен был стихийно сформироваться на основе заявок на доклады. Было заявлено и опубликовано

но¹ свыше 2 тыс. докладов (в том числе 150 советских), причем заявки на них принимались чуть ли не до дня открытия конгресса. В результате до самого последнего момента происходили изменения в структуре конгресса — наименованиях и числе его тематических секций. В конечном счете было выделено 105 тем для секционных заседаний.

В соответствии с предложением организаторов конгресса, доклады на нем не зачитывались, а лишь обсуждались. Иначе говоря, все время отводилось на дискуссии. И в этом отношении конгресс был экспериментальным. Эксперимент в основном удался. В четырех залах Хилтон-отеля, где проходил конгресс, в течение шести дней шли параллельные заседания, посвященные обсуждению секционных тем; на дискуссию по теме отводилось от одного до трех часов. Впрочем, секционные заседания были организованы далеко не одинаково. В одних случаях после вступительного слова председателя секции и коротких выступлений двух-трех основных докладчиков начиналась дискуссия с участием всех желающих; в других — заседание фактически сводилось к выступлениям (притом неоднократным) нескольких членов президиума секции, так сказать, экспертов, а для остальных присутствующих почти не оставалось времени. Не обошлось и без некоторых организационных трудностей. В частности, относительно того, какие конкретно доклады входят в каждую секцию, стало известно только перед самым конгрессом. К тому же предварительно была получена небольшая часть текстов докладов, и наши делегаты должны были готовиться к участию в их обсуждении на основании тезисов.

Несмотря на все эти трудности, советская делегация сумела принять самое активное участие в работе конгресса. Об этом достаточно наглядно свидетельствует тот факт, что члены нашей делегации выступили в общей сложности более ста раз, т. е. в среднем по три раза, непосредственно участвуя по крайней мере в 85 секциях.

Открытие конгресса состоялось 1 сентября в 14 часов в зале городского театра. С краткой речью выступил президент Конгресса проф. Сол Такс, предоставивший затем слово для выступлений представителям тех стран, в которых проходили предшествующие конгрессы, в том числе руководителю советской делегации Ю. В. Бромлею. От имени индейцев Северной Америки собравшихся приветствовал Вайн Делория, этнограф индейского происхождения. Все остальное время было посвящено организационно-техническим вопросам предстоящей работы конгресса и информации о многонациональном составе населения и достопримечательностях Чикаго.

Секционные заседания проходили со 2 по 7 сентября. На рассмотрение конгресса был вынесен не только весьма разнообразный, но и чрезвычайно широкий круг проблем: хронологически — от становления человека и человеческого общества до вопросов прогнозирования будущего человечества, в пространственном же плане — весь земной шар. При этом рассматривались не только вопросы, относящиеся непосредственно к физической антропологии и этнографии в нашем понимании этих дисциплин, но практически все аспекты жизни человечества: биологические, медицинские, экономические, социальные, культурные, языковые, этнические, психологические. Этому немало способствовала уже упоминавшаяся стихийность в формировании профиля конгресса. Но главная причина — в характерной для англоязычных стран трактовке самого термина антропология, в соответствии с которой эта научная дисциплина претендует на всестороннее изучение человека и человечества.

Одно из центральных мест на конгрессе заняли методологические проблемы. В этой связи прежде всего следует отметить выделение осо-

¹ См. тезисы докладов и структуру конгресса в кн.: «IXth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Plan of the Congress and résumé of contributions», Chicago, 1973.

бой секции «Проблемы и возможности марксистской этнологии». Работе этой секции предшествовал специальный предконгрессный симпозиум. Он, как и другие подобные семинары, проходил с 28 по 31 августа. К сожалению, советским ученым удалось участвовать в нем в последние два дня его работы. Главным организатором симпозиума и секции был видный американский ученый Стенли Дайамонд. Основной состав участников симпозиума — ученые США: Э. Ликок, Дж. Велтфиш, С. Бенет, М. Салинс, Б. Шольте, супруги Данны и др. Для участия в нем были приглашены французский ученый М. Годелье, итальянец Ф. Росси-Ланди; активно участвовали в симпозиуме также ученые из стран «третьего мира» (из Алжира, Пакистана, Судана, Мексики, Нигерии). На симпозиуме присутствовали ученые из Венгрии (Л. Таркани), из ФРГ (Б. Бенциг), из Дании (Ст. Рендер).

На симпозиуме было заслушано около десяти докладов по самым различным вопросам: от освещения с марксистских позиций конкретных проблем первобытности до общеметодологических проблем марксистской теории познания и соотношения ее с другими концепциями, претендующими на роль общей методологии. Например, в докладе Ст. Левина (США) «Критическая антропология: критика повседневной жизни» была сделана попытка изобразить экзистенциализм как «марксизм эпохи неокapитализма». Пожалуй, наиболее яркой была дискуссия, развернувшаяся по докладу Б. Шольте «Марксизм и структурализм». В этой дискуссии, как и в самом докладе, подверглась критике структуралистская концепция Леви-Стросса. Оспаривался не сам структурный подход к изучению конкретных явлений, а структурализм, как некая универсальная философская система, как идеалистическое течение в современной буржуазной социологии (выступления М. Салинса, С. Дайамонда, М. Годелье). С прогрессивных позиций выступили, проявив большой интерес к развитию связей с советской наукой, нигерийские этнологи И. Нзимири и О. Отите. В заседаниях симпозиума приняли активное участие советские делегаты Ю. П. Аверкиева и С. А. Арутюнов. Ю. В. Бромлей выступил с докладом «Проблемы первобытного общества в советской этнографии». Доклад вызвал оживленную дискуссию. М. Годелье поднял в связи с ним проблему азиатского способа производства и места общины в истории общества. Присутствовавшие интересовались исследованиями советских этнографов в области африканистики, американистики, а также сельской общины.

Нельзя не упомянуть и о докладе итальянского философа Ф. Росси-Ланди «Диалектика эндогамного брака», в котором он пытался трактовать эндогамные браки древнейшего в истории человечества периода дуально-родовой организации в терминах товарного хозяйства. Неправомoрность такого подхода отметили в своих выступлениях М. Салинс, С. Дайамонд и Ю. П. Аверкиева.

В заключение работы симпозиума было принято решение созвать такого рода совещание через год в Европе.

Общие итоги работы симпозиума были подведены на специальной секции. Заседание это привлекло внимание многих участников конгресса и прошло очень активно. Обзор работы симпозиума сделал пакистанец Талал Асад. Затем М. Годелье в популярной форме изложил марксистское понимание производственных отношений, соотношения базиса и надстройки.

Ю. В. Бромлей в своём выступлении охарактеризовал теоретические основы марксистской этнографии, уделив особое внимание вопросу о критериях, позволяющих отграничить марксиста от немарксиста, что особенно важно, поскольку марксизм стал на Западе модой, и марксистами нередко именуют себя люди, ничего общего с ним не имеющие. В данной связи была отмечена прежде всего неправомoрность представления о марксизме как о вульгарном экономическом детерминиз-

ме. Вместе с тем было подчеркнуто значение для марксизма принципа историзма, который не следует смешивать ни с простым эволюционизмом, ни с концепцией, трактующей скачки как полные разрывы постепенности и отрицающей всякую преемственность между различными стадиями общественного развития.

Представление о том, что марксизм дает общую методологию познания — диалектический материализм, — было поддержано большинством выступавших на секции. Правда, один алжирский ученый, признавая значение марксизма для изучения урбанизированных обществ, заявил, что для анализа архаических обществ и для стран «третьего мира» он не подходит. Однако следующий же выступающий, тоже из Алжира, отверг этот тезис, подчеркнув, что марксизм применим для анализа африканской действительности. О всеобщем характере, универсальности марксистской методологии говорили и многие другие ораторы. Более того, в ряде выступлений подчеркивалось, что марксизм нужно понимать не только как теорию, но и как руководство к действию, что этнографы должны быть марксистами по своему мировоззрению и помогать борьбе угнетенных не только за пределами своей страны, но и внутри ее.

В целом же рассматриваемая секция явилась яркой и внушительной демонстрацией необычайно возросшего престижа марксизма среди ученых всех континентов, притом не только в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки, но и в таких развитых государствах, как США.

Наряду с секцией по методологии марксизма, одной из важнейших методологических секций была «Антропология (этнография) сегодня и завтра». В основу обсуждения этой секционной темы была положена специальная работа профессора социальной антропологии Оксфордского университета М. Фридмэна «Социальная и культурная антропология», подготовленная им для ЮНЕСКО в качестве одной из глав специального труда «Основные направления исследований в социальных и гуманитарных науках». Она была заранее разослана участникам конгресса, а перед ее обсуждением были розданы предварительные комментарии к ней, представленные рядом авторов. Эти комментарии в обобщенной форме доложил председатель секции известный американский ученый Ф. Эгган (сам М. Фридмэн на конгресс не приехал).

В целом в работе Фридмэна сделана попытка более или менее объективной характеристики общего состояния зарубежной культурной и социальной антропологии; учтены в ней и некоторые результаты исследований советских этнографов. Однако его оценка современного состояния мировой этнографической науки сделана с позиций английской социальной антропологии и достаточно наглядно продемонстрировала те трудности, с которыми сталкиваются культурно-социальные антропологи при определении предмета своей науки. Следуя традиции, М. Фридмэн определяет исследовательскую зону своей науки в пределе между так называемыми «примитивными» обществами и современностью, причем в последнем случае имеется в виду изучение преимущественно малых групп. Но такое определение неизбежно влечет за собой ряд вопросов, касающихся прежде всего соотношения наименования науки и ее содержания.

Например, почему все же главное внимание социальная и культурная антропология уделяет «примитивным» обществам? Не снимает недоумений и указание Фридмэна на то, что в высокоразвитых обществах антропологией изучаются главным образом малые социально-культурные группы. Разве крупные общности в современном мире (такие, как скажем, нации) не представляют собой социально-культурных единиц? Сложность ситуации, в которой оказалась социально-культурная антропология в наши дни становится особенно очевидной,

когда встает вопрос о ее соотношении со смежными дисциплинами, в первую очередь с конкретной социологией. Когда речь идет лишь об одной культурной антропологии, то обычно делается ссылка на то, что она отличается от конкретной социологии так же, как культурные явления от собственно социальных. Можно, конечно, спорить относительно такого разграничения общественных явлений, но в определенной логичности самому разграничению при этом антропологии и социологии отказать нельзя. Но если, как это имеет место в работе М. Фридмэна, речь идет о социально-культурной антропологии, то в таком случае отграничить ее от социологии оказывается особенно трудным. Сами же английские ученые считают социальную антропологию частью социологии.

Совершенно по-иному решается вопрос о соотношении наименования науки с ее содержанием применительно к этнографии, этнологии. В тех случаях, когда предполагается, что объектом их изучения является этнос — народ, мы имеем полное соответствие между наименованием и содержанием науки. На все это обратил внимание присутствующих Ю. В. Бромлей, выступая по работе М. Фридмэна. Э. С. Маркарян подчеркнул значение для определения предметных зон культурной и социальной антропологии разработки проблемы соотношения понятий «культурные» и «социальные» явления. Ю. П. Аверкиева отметила, что в работе М. Фридмэна марксистское понимание исторического процесса неправомерно отождествляется с эволюционизмом, что в ней переоценено научное значение структурализма.

П. Карстенс из Торонтского университета, справедливо критикуя английскую социальную антропологию и приведя в качестве образца ее работу М. Фридмэна, очень высоко отзывался о работах И. И. Потехина. По ним, сказал он, многие молодые африканисты учатся, эти работы помогают понять им классовую сущность африканских обществ. Представительница Бразилии В. Мартинес-Алиер, критикуя работу М. Фридмэна, говорила, в частности, о тенденциозности его оценки труда Л. Г. Моргана «Древнее общество». В труде Моргана «изложена не просто хронологическая модель эволюции человечества, а дана структурная теория истории», — сказала она.

Дискуссии по труду М. Фридмэна, состоявшейся в предпоследний день работы конгресса, логически предшествовала работа нескольких секций. Это такие секции, как «Общие концепции и теории в культурной антропологии» и «Текущие проблемы профессии в исторической перспективе». На первой из названных секций выступил Э. С. Маркарян со своим обоснованием концепции культуры. На секции, посвященной истории науки, выступил Ю. В. Бромлей, показавший несостоятельность утверждения одного из руководителей секции, будто советская этнография ориентируется на так называемые формальные ценности.

Значительное место в науковедческих секциях занимали заседания, посвященные вспомогательным этнографическим (антропологическим) дисциплинам. Специальные секции были посвящены таким темам, как «Антропологическая библиография», «Этнологическое музееведение», «Визуальная антропология». Кроме того, во время конгресса заседала специальная комиссия по этнографическим фильмам; в ее работе приняла участие Л. Н. Терентьева. Одновременно с секционными заседаниями ежедневно шел просмотр этнографических фильмов. Нами было представлено два фильма — «Сабантуй» и «Хевсурь».

Значительное число секций было посвящено широкому комплексу актуальных проблем современности. К ним относятся, например, «Процессы урбанизации» и «Антропологическое изучение образования». На секции по урбанизации дискуссия в основном сводилась к анализу субъективных восприятий городского образа жизни этническими группами, слабо адаптировавшимися в городе. В дискуссии приняла учас-

гие Л. М. Дробижева, подчеркнувшая необходимость видеть за субъективными изменениями, столкновениями ценностей различных групп в процессе урбанизации, их объективные причины. На секции по образованию обсуждались главным образом социальные последствия приобщения к образованию отставших в культурном развитии народов.

Одним из кульминационных моментов деятельности советской делегации явилось ее участие в работе секции «Социальные изменения в социалистическом обществе» (председатель — молодой венгерский ученый Т. Хофер). К моменту прибытия на конгресс советской делегации проведение этой секции находилось под угрозой срыва. Однако все же удалось восстановить эту секцию, сформулировать ее программу, договориться об участии в ней представителей других социалистических стран, провести специальное подготовительное совещание. Эту работу возглавила Л. Н. Терентьева, ставшая затем сопредседателем секции.

Центральное место в работе секции заняли выступления советских делегатов. Так, К. Г. Каракеев охарактеризовал процессы культурной интеграции, связанные с формированием советского народа; Л. М. Дробижева рассказала о некоторых результатах этносоциологических исследований, проводимых в нашей стране; Т. А. Жданко — о диалектике взаимосвязи традиций и инноваций в социалистической культуре народов нашей страны; И. С. Гурвич — о социальных и культурных преобразованиях за годы Советской власти у малых народов Севера, а также об участии советских этнографов в планировании социокультурного развития этих народов; Г. П. Васильева сообщила о тех коренных изменениях, которые за годы советской власти произошли в положении женщин среднеазиатских республик. Все выступления советских делегатов были выслушаны с большим вниманием, свидетельствующем об огромном интересе аудитории, состоявшей главным образом из молодых американских ученых, к жизни нашей страны. Выступления советских делегатов были дополнены информацией о достижениях других социалистических стран. Эта тема была затронута в выступлениях наших коллег из Польши, Венгрии, Чехословакии.

Тематически к рассматриваемой секции примыкают секция «Кооперативы, коллективы и национализированная индустрия», секция по аграрной проблематике, а также секция, посвященная Afro-Азиатским пустыням и степям, в программу которой было включено большинство докладов наших специалистов по Средней Азии и Кавказу.

На этих секциях выступило значительное число наших делегатов. К. Г. Каракеев, Р. Г. Кузеев, К. Ш. Шаниязов, Ю. И. Мкртумян, Ш. Д. Инал-Ипа, Д. С. Вардумян в своих выступлениях рассказали об аграрных преобразованиях и процессе коллективизации в различных районах нашей страны. Особое внимание было уделено проблеме адаптации бывших кочевников к оседлому образу жизни в условиях социализма. Этим заседанием руководила Т. А. Жданко, которая в своем вступительном слове охарактеризовала основные проблемы номадизма, исследуемые в СССР и в международном масштабе.

Проблемы социалистических преобразований были затронуты также в ряде других секций. В частности, на секциях, посвященных статусу женщины, был поднят вопрос о положении женщин в СССР. С фальсифицированными данными по этому вопросу (о характере труда женщин, оплате труда, представительстве женщин в выборных органах и т. п.) выступила Б. Розенталь из Нью-Йорка. Необоснованность ее утверждений была хорошо показана в выступлении Л. М. Дробижевой. Особенно сильное впечатление произвели приведенные Л. М. Дробижевой данные о том, что в нашей стране уровень образования у женщин до тридцати лет сейчас выше, чем у мужчин. Это выступление вызвало одобрение присутствующих. Многие из них в беседе с советскими делегатами

осудили необъективное и ненаучное выступление Розенталь. Впрочем консервативное большинство руководства секции не дало слова для выступления по этому же вопросу второму нашему делегату — Г. П. Васильевой, которая, как уже говорилось, привела данные о положении женщин Советского Востока в другой секции.

Существенное внимание на конгрессе было уделено этнической проблематике, современным этническим процессам. Этому кругу вопросов было посвящено несколько секционных заседаний. На них зарубежные ученые в основном проявили интерес к самосознанию малых этнических групп, их стремлению к солидарности как средству самозащиты в условиях капиталистической конкуренции. Руководитель одной из секций этнического профиля, американская исследовательница Р. Холломан, особо отметила большое внимание, уделяемое советскими учеными этнической проблематике, в том числе теории этноса. Выступавшие на этой секции советские делегаты — Ю. В. Бромлей, Л. Н. Терентьева, В. Наулко, М. И. Куличенко — охарактеризовали специфику подхода советской науки к решению этнической проблематики. Их сообщения вызвали большой интерес аудитории. В дискуссии по выступлениям советских делегатов приняло участие несколько зарубежных ученых, в том числе такой известный специалист в области этнической проблематики, как проживающий сейчас в Канаде французский ученый Г. Роан-Чермак.

Характерно, что на секции, посвященной этническим проблемам в США, ученые говорили об устарелости, несостоятельности теории «котла», в котором якобы перевариваются в единый «сплав» различные этнические группы в населении США. Они подчеркивали «взрыв» национального самосознания в этих группах. Американские организаторы конгресса стремились показать многонациональный характер своей страны («плюрализм культур в США»).

На ряде секционных заседаний были рассмотрены различные культуроведческие проблемы. Значительный интерес, в частности, представляет работа секции «Естественнонаучный подход к проблемам культурной адаптации» (председатели Т. Клок, С. А. Арутюнов). Ее участники, американские ученые К. Бажема, Д. Меддокс, П. Ньюкамер, К. Рикардо и др., на конкретных примерах показали адаптивную по отношению к среде роль культурных особенностей. В докладах ясно прослеживалось стремление к сугубо материалистическому подходу к проблемам культуры, иногда приводящее, однако, к упрощенно биологизаторскому толкованию процессов развития человеческого общества. С разъяснением марксистского понимания проблем культурологии и адаптации, с показом специфики человеческих обществ по сравнению с животными выступили Э. С. Маркарян и С. А. Арутюнов, чьи выступления были встречены с большим интересом и одобрением.

Специальная секция конгресса была посвящена происхождению земледелия. В основу проходивших здесь дискуссий были положены следующие вопросы: изменения среды и происхождение земледелия, проблема однократного и множественного независимого происхождения земледелия, проблема перехода охотников-собирателей к земледелию и др.

Значительное место на конгрессе заняла языковая проблематика, рассматривавшаяся в различных аспектах: язык и человек, язык и мышление, эволюция языка, язык и внеязыковые факторы, язык в антропологии (этнологии) и т. д. В большинстве этих заседаний активное участие принял М. Н. Губогло, успешно выступивший по ряду вопросов, в частности, о методике изучения этнолингвистических вопросов в СССР.

На двух секциях рассматривались этнопсихологические проблемы. На секции «Антропология и психическое здоровье» дискуссия носила

узко специальный характер. Из выступлений на секции «Психическое единство и психологическая антропология» следует, что этнопсихологические исследования в США ведутся довольно широко, правда, как правило, на «микрогруппах» (школьный коллектив, студенческая группа, несколько соседних семей).

Ряд секционных заседаний был посвящен проблемам искусства и фольклора. На секции по визуальному искусству выступила Г. П. Васильева, рассказавшая об использовании материалов народного декоративно-прикладного искусства в качестве источника для изучения этногенеза. На заседании фольклористов в выступлении А. Дандиса (США) было особо отмечено, что современная наука о фольклоре в Западной Европе и Америке существенно отстала в теоретическом отношении от советской фольклористики. В ряде выступлений говорилось о значении и необходимости изучения современного фольклора, о его политическом и социальном звучании, подчеркивалось, что фольклор не умирает в современном, индустриальном мире, а лишь меняет форму. С большим вниманием на секциях были заслушаны выступления наших фольклористов — Е. Б. Вирсаладзе, К. А. Сихарулидзе, М. Я. Чиковани, говоривших о традициях советской фольклористики, истории изучения у нас современного фольклора, эстетических функциях фольклора, определении предмета фольклористики; в частности был подвергнут критике тезис И. Греверус (ФРГ) о том, что раз фольклористика является частью этнологии, то нет необходимости в ее особой дефиниции.

Вопросы истории религии, прежде всего ее ранних форм, обсуждались на секции «Ритуалы, культы и шаманизм». Здесь же шла речь о современном состоянии различных религиозных систем. Особое внимание было обращено на то, что шаманизм изучается главным образом с биологических и философских позиций. В этой связи выступил И. С. Гурвич, рассказавший об изучении шаманизма советскими этнографами, для которых характерен комплексный подход к этому феномену.

Проблемы первобытности были рассмотрены на ряде археологических секций. В их работе активно участвовали наши археологи П. И. Борисковский и Р. С. Васильевский. Обсуждались вопросы технологии производства каменных орудий, пути развития палеолитических культур Юго-Восточной, Восточной и Северной Азии, сходство материалов верхнепалеолитических памятников Северной Америки и Японии с аналогичными находками в Сибири. Выступления на этих секциях свидетельствовали о высоком престиже советской археологической науки за рубежом. Они показали также значительные достижения индийских и египетских археологов исследователей палеолита.

Характеризуя рассмотрение на конгрессе проблем культуры, нельзя не упомянуть о том, что не остались без внимания и вопросы, так сказать, «антикультуры». В этой связи можно упомянуть секции по антропологическому изучению алкоголизма и гашиша. Весьма своеобразной была также секция «Общинная жизнь в исторической перспективе». Доклады и выступления на этой секции были посвящены главным образом движению американской молодежи «против буржуазной культуры», назад в прошлое, «обратно к индейцам», к общинной жизни, к коммунам. Оно трактовалось как разновидность «эскапизма», бегства от цивилизации, от «бесчеловечности», крайностей индивидуализма современного капиталистического общества. Молодежью США создано до 30 тысяч самых разнообразных общин и коммун: «общей пищи» «обратно к природе», «свободы любви», сектантские коммуны. Молодые этнографы США, занятые их изучением методом «наблюдателя — участника», приходят к выводу, что в общинах и коммунах меняется индивидуалистическая психология личности, развивается сознание при-

надлежности к коллективу, чувство взаимозависимости людей. В их выступлениях, однако, далеко не всегда присутствовала достаточно критическая оценка характера и перспектив такого рода протеста против капиталистического образа жизни.

Уделив значительное внимание различным аспектам культуры, конгресс вместе с тем почти оставил в тени такую традиционную этнологическую тему, как эволюция и структура социальных институтов.

Наряду с проблемными, на конгрессе были и региональные секции: Европы; Западной, Восточной и Центральной Африки; Азиатско-африканских жарких и холодных пустынь и степей; Гималаев; Меланезии; Полинезии и Микронезии; Австралии и Тасмании; Дальнего Востока; циркумполярных областей; Северо-западной Америки; Кордильер; Мезоамерики; Анд; Амазонки. Специальная секция была посвящена проблемам экономического развития индейских общин США.

Наиболее активным участие советских ученых было в секциях по трем регионам — циркумполярному, европейскому и афро-азиатским аридным зонам. О последней из них уже шла речь выше. На секции же по проблемам циркумполярной этнографии были поставлены восемь докладов советских ученых. Активное участие приняли в работе секции Р. С. Васильевский, С. А. Арутюнов, И. С. Гурвич, С. Г. Федорова.

На первое заседание секции «Европа» был вынесен доклад чикагского историка У. Макнейла «Модели европейской истории», заранее разосланный участникам конгресса. Автор сосредоточил свое внимание главным образом на античной и средневековой истории Европы. При этом он пытался учесть различные объективные факторы, определявшие ход европейской истории. Однако докладчик фактически обошел молчанием главную движущую силу социального прогресса — классовую борьбу, придавая вместе с тем чрезмерно большую роль демографическому фактору. В докладе не обошлось и без некоторой тенденциозности при освещении послеоктябрьского периода в истории нашей страны, которую он упорно именовал Россией. На все это было обращено внимание в выступлении Ю. В. Бромлея, который вместе с тем поставил вопрос о правомерности вынесения на конгресс доклада, не имеющего прямого отношения к этнографии (антропологии). С критикой доклада выступил ряд других ученых, в частности Б. Братанич (Югославия). На следующее заседание секции было вынесено обсуждение вопросов, связанных с подготовкой историко-этнографических атласов. С сообщением о ведущейся в СССР работе выступила Л. Н. Терентьева.

Значительное место на конгрессе заняли проблемы физической антропологии. Эти вопросы рассматривались на секциях, посвященных проблемам приматологии, палеоантропологии, одонтологии, роста лицевого отдела, дерматоглифики, физиологическо-морфологических вариаций адаптации, роли генетического фактора в человеческой дифференциации. Среди вопросов, обсуждавшихся на этих секциях, привлекают внимание, например, такие, как влияние экстремальных условий обитания (высокогорье, холод, тропический климат) на процессы роста у человека. В частности, было показано, что в популяциях жарких стран средний вес тела ниже, чем в популяциях, живущих в умеренном и холодном климате. Это обусловлено в данном случае более выгодной для организма реакцией, направленной на поддержание теплового баланса. Значительный интерес вызвало сообщение о роли различных факторов (социально-экономических, генетических и семейных) в процессах роста и развития. Оказалось, что сроки постнатального окостенения менее всего подвержены влиянию социально-экономических факторов. На секции дерматоглифики главное внимание было уделено эффективности использования дерматоглифического материала как важнейшего источника при морфологической характеристике человека.

Оживленные дискуссии развернулись по вопросам популяционной генетики. В работе большинства секций физической антропологии активное участие приняли наши специалисты В. П. Якимов, В. П. Алексеев, М. Г. Абдушелишвили, О. И. Исмагулов, Н. Н. Миклашевская.

Наряду с собственно научной проблематикой на конгрессе были затронуты и некоторые политические аспекты антропологических и этнологических исследований. Была даже создана секция «Политическая антропология и государство». Однако большинство выступавших на ней отмечало неопределенность предмета и метода этого направления в науке. Выступая на этой секции, Ю. П. Аверкиева кратко изложила марксистско-ленинское учение о преходящем характере классов и государства и об исторических условиях их возникновения и высказала мнение, что объектом политической антропологии должно быть, по-видимому, изучение генезиса и развития ранних форм государственности.

В специальную секцию была выделена также тема «Антропология и политика». Организаторы этой секции и ее участники — молодые этнографы США, Европы, Африки, Латинской Америки — выступили с призывом к борьбе против использования этнографии в колониалистских целях, к участию этнографов в революционной борьбе изучаемых народов. Этнографы старшего поколения из Англии (Х. Фюрер-Хаймендорф), из Индии (А. П. Сингх) и другие в своих выступлениях выражали понимание позиции молодежи, но призывали к осторожности, аргументируя это тем, что вмешательство в политику якобы может сделать невозможной плодотворную научную работу.

В данной связи следует отметить, что во время конгресса на заседаниях исполнительных органов Международного союза антропологических и этнологических наук (исполкома Союза, его Постоянного совета и Генеральной ассамблеи) был принят (причем не без борьбы) документ, осуждающий все формы этноцида и геноцида. Необходимо упомянуть также о том, что во время конгресса, но уже вне его официальных органов, активную деятельность вели антропологи и этнологи, считающие своим долгом не только изучать народы, но и помогать им в борьбе с геноцидом, этноцидом, угнетением и эксплуатацией. Они называют себя «радикальными антропологами». На специальном совещании, состоявшемся 2 сентября в одном из залов заседаний конгресса, они создали организацию «Международное движение радикальных антропологов», ставящую своей целью направить объединенные усилия антропологов и этнологов на защиту народов от эксплуатации, угнетения, этноцида и геноцида, порождаемых капиталистической системой. В своей программе эта организация призывает ученых к политическим действиям в союзе с местными борцами против империализма. Этим же целям посвящена деятельность «Международной рабочей группы по делам коренных народов мира» с секретариатом в Копенгагене.

Политические сюжеты широко дебатировались и на секционном заседании по теме «Концепция человечества». На этом заседании обсуждалась заранее разосланная участниками конгресса книга Г. Хиршфельда «Народ». Ее автор — исполнительный директор Чикагского общества по изучению человечества, президентом которого является Сол Такс. В этой книге под «народом» понимается «простонародье», говорится об извечном существовании элиты, угнетающей простонародье, в качестве образца социального прогресса приводятся США, делается ряд выпадов в адрес социалистических стран, а в заключение предлагается создать международную партию, которая бы устранила все барьеры между народами и установила бы всеобщее благоденствие на земле. Несостоятельность этой космополитической концепции была убедительно показана в выступлениях советских делегатов М. И. Куличенко и Р. Г. Кузеева.

Были затронуты на конгрессе также проблемы войны и мира. Имелась даже секция «Война: ее причины и корреляты». Проблема происхождения и социального значения войны неоднократно поднималась в наше время в западной этнографической (антропологической) науке, что вполне закономерно. Этнография на своем материале может внести свой вклад в изучение исторических корней войны и развития ее форм в связи с зарождением и развитием классового общества. Но антропологи (в том числе этнографы) Запада подходят к изучению войн с различных идеологических позиций, что нашло отражение и в заявленных на IX конгрессе докладах. В одних из них делались попытки оправдания войны трактовкой ее либо как проявления извечно присущего человеческой природе инстинкта агрессивности, либо как необходимого средства восстановления равновесия между населением и его «экологической нишей». Война трактовалась также как якобы неизбежная черта общечеловеческой культуры. Однако преобладающими на конгрессе были антивоенные настроения. Многие ученые показывали научную несостоятельность попыток оправдания войн, говорили об экономических причинах войн и об альтернативных войне способах разрешения конфликтов. О сильных антивоенных настроениях, характерных для подавляющего большинства участников конгресса, свидетельствует единогласное принятие на ассамблее Международного союза антропологических и этнологических наук обращения в ООН о создании специального международного учреждения по изучению причин войны и условий сохранения мира. Об общей антивоенной атмосфере, в которой проходил конгресс, свидетельствует даже опера, написанная по заказу организаторов конгресса. В этой опере, именуемой «Таму-таму», в символической форме очень ярко, порой даже излишне натуралистично, показаны ужасы войны во Вьетнаме.

8 сентября состоялось закрытие конгресса. С речами о единстве и многообразии человечества выступили представители Нигерии (О. Оти-то), Индии (А. Р. Сингх), СССР (С. А. Арутюнов). По теме «США — пример культурного плюрализма» выступили американец мексиканского происхождения, негритянка, два индейца. По этой теме между выступавшими возникла дискуссия о взаимоотношениях между антропологами (этнологами) развитых и отставших в своем развитии стран. В дискуссии приняла участие известная американская исследовательница М. Мид, высказавшая взгляд, что антропология едина. Последняя тема пленарного заседания — «Чикаго как город плюрализма культур». Выступления по этой теме представителей отдельных этнических групп, проживающих в Чикаго, были в целом довольно поверхностными.

Помимо научных сюжетов на заключительном заседании был рассмотрен ряд научно-организационных вопросов. Было принято несколько резолюций общего характера, в том числе уже упоминавшиеся резолюции по вопросу о войне и мире, об осуждении этноцида и геноцида.

Были также утверждены официальные органы Союза. Вопрос о них предварительно рассматривался на заседаниях Исполкома и Постоянного совета Союза, вызвав оживленные обсуждения. На должность вице-президента Союза был вновь избран В. П. Якимов. Таким образом, среди семи вице-президентов остается представитель СССР. Был продлен срок вхождения в секретариат Союза Ю. В. Бромлея. Генеральным секретарем Союза вновь избран Л. Крадер (США). На заседании исполкома была достигнута договоренность о создании у генерального секретаря постоянного вспомогательного аппарата.

По предложению индийской делегации следующий, X МКАЭН состоится в Индии в 1978 г. В соответствии с этим, президентом будущего конгресса и президентом Союза стал индийский этнограф Л. П. Видьярхти. Следующее заседание исполкома Союза, посвященное подготовке очередного конгресса, должно состояться в 1976 г. в Риме.

Что касается публикации материалов конгресса, то эту задачу взяло на себя издательство «Мутон». Однако материалы будут издаваться несколько необычно. Предполагается публиковать не стенографические отчеты о работе секций, а сборники, составленные руководителями секций, причем некоторые секционные материалы могут быть не включены и, наоборот, включены материалы (по усмотрению руководителя секции), не фигурировавшие на конгрессе. Поэтому основными официальными публикациями конгресса следует, очевидно, считать издания тезисов и отдельные оттиски докладов.

Культурно-развлекательная программа для участников конгресса состояла из посещения уже упоминавшейся оперы «Таму-таму», и концерта американской народной музыки; состоялся также вечер индейской пляски «Пау-вау». Кроме того, были организованы визиты делегатов в культурные центры живущих в Чикаго национальных меньшинств (индейцев, украинцев, армян и т. д.), экскурсия в чикагский Музей естественной истории Филда.

В целом IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук свидетельствует о развитии гуманистических, прогрессивных тенденций в мировой этнографической науке, о несомненном росте общественно-политической активности ученых.

Выступления ученых на теоретических секциях конгресса свидетельствовали о несомненном расширении влияния марксизма-ленинизма на этнографическую науку капиталистического мира.

Отрадное впечатление произвело активное участие в конгрессе ученых из стран Африки. Из их выступлений можно заключить о становлении в этих странах этнографической науки, стремящейся к самостоятельному развитию. Выступавшие на конгрессе африканские ученые, критикуя буржуазную этнографическую науку (социальную и культурную антропологию), говорили о необходимости «деколонизации» своей науки. Правда, некоторые из них с ошибочных позиций теоретического релятивизма высказывали мнение, что их наука должна быть самобытной даже в общефилософских ее основах. В этом они расходились со многими из своих коллег из развивающихся стран, подчеркивавшими всеобщее значение марксистско-ленинской теории.

Хотя проблемам этнографии индейцев Северной Америки на чикагском конгрессе было уделено сравнительно небольшое внимание, однако примечательной чертой этого конгресса было участие в нем ученых и общественных деятелей индейского происхождения, говоривших о современном положении и задачах угнетенного индейского меньшинства США. Они выступали на специальной секции, посвященной вопросам экономического развития индейцев США и на торжественных пленарных заседаниях Конгресса.

Все эти выступления говорят о новом прогрессивном явлении в развитии мировой этнографической науки — о появлении в ней групп этнографов из народов, которые до сих пор были только объектами исследований западных ученых и на изучении которых по существу сложилась сама социальная и культурная антропология Запада.

Большое впечатление произвела активность на конгрессе ученых из Югославии, Польши, Венгрии, Румынии и Чехословакии. К сожалению, на конгрессе не были представлены этнографы Болгарии и ГДР.

Проходившие во время конгресса дискуссии, обсуждения и встречи, несомненно, способствовали росту взаимопонимания между нами и нашими зарубежными коллегами, занимающими прогрессивные позиции. Вместе с тем советская делегация внесла свой вклад в конкретную критику буржуазных концепций в области антропологии и этнографии, в разоблачение фальсификаций антисоветской пропаганды.

Участие в IX МКАЭН позволило советским ученым получить обширную информацию о состоянии зарубежной науки, познакомиться со многими последними достижениями в научной деятельности наших коллег. В свою очередь, доклады и выступления советских делегатов дали участникам конгресса научно-аргументированные знания о социальных и культурных завоеваниях нашей страны, о ленинской национальной политике, о достижениях советской науки.

THE IXth INTERNATIONAL CONGRESS OF ANTHROPOLOGICAL AND ETHNOLOGICAL SCIENCES

The article reviews the main themes of the Congress discussions, the structure of its work and the tendencies in the development of anthropological and ethnological sciences. it has revealed.

В. В. Седов

СЛАВЯНЕ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

(ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ)

В 70-х годах прошлого столетия в Антропологический музей при Московском университете поступило свыше 200 черепов из раскопок Д. Я. Самоквасова (курганные могильники Гушино, Болдины Горы, Троицкий монастырь, Бахмач, Липовое, Медвежье, Переяславль и др., древнее кладбище в Чернигове)¹, Т. В. Кибальчица (Киевский некрополь, Черниговское и Конотопское древние кладбища)² и В. Б. Антоновича (Киевский некрополь)³. Это было началом составления славянской краниологической коллекции из раннесредневековых курганов и грунтовых могильников Среднего Поднепровья. Тогда же черепа были исследованы А. П. Богдановым⁴, который пришел к выводу, что в ту эпоху в Среднем Поднепровье существовали два антропологических типа — длинноголовый и короткоголовый. Более древним был длинноголовый тип, который постепенно смешивался с короткоголовым.

Последующие пополнения московской коллекции в дореволюционное время были незначительными. В 1891 г. было доставлено 11 черепов из раскопок Н. Ф. Беляшевского на Княжьей Горе под Каневом⁵, в 1903 г. три черепа из курганов в Броварках (раскопки В. В. Хвойка)⁶ и в 1912 г. еще три черепа из курганов в Лубнах, раскопанных Н. Шмыткиной⁷. Но в это время образуются коллекции черепов в музеях Киева, Полтавы, Житомира и Польши. В Киевский и Житомирский музеи поступили черепа из раскопок Е. Н. Мельник на Воляни (курганы Белев, Вечулки, Жуков Старый, Колоденка, Пересопница, Поддубцы, Термно, Усичи, Ягнятин)⁸, Я. В. Яроцкого (курганы Андреевичи, Зубковичи, Ма-

¹ Д. Я. Самоквасов, Могилы Русской земли, М., 1908, его же, Северянская земля и северяне по городищам и могильникам, М., 1908.

² Т. В. Кибальчиц, Сообщение о черепах из древних погребений в Черниговской и Киевской губерниях, «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (далее — ИОЛЕАЭ), т. XXXI, М., 1878—1879, стр. 97, 98; его же, Сообщение о древних черепах из г. Чернигова, Там же, стр. 156.

³ В. Б. Антонович, Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губернии в течение 1876 года, «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. 1, Киев, 1879, стр. 244—261; его же, Пояснительная записка о черепах, ИОЛЕАЭ, т. XXXI, 1878—1879, стр. 120, 121, 145.

⁴ А. П. Богданов, Курганные черепа области древних северян. Суджанское длинноголовое население по реке Псле, ИОЛЕАЭ, т. XXXI, М., 1878—1879, стр. 180—194; его же, Древние киевляне по их черепам и могилам, ИОЛЕАЭ, т. XXXV, М., 1880, стр. 305—319; его же, Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии, Там же, стр. 350—361.

⁵ Н. Ф. Беляшевский, Раскопки на Княжьей горе в 1891 г., Киев, 1892, стр. 43.

⁶ В. В. Хвойко, Раскопки могильника при с. Броварки Гадячского уезда Полтавской губ., Древности, «Труды Московского археологического общества» (далее — Древности), т. XX, вып. 2, М., 1904, стр. 40—48.

⁷ Н. Шмыткина, Раскопки близ г. Лубен Полтавской губ. летом 1912 г., Древности, т. XXIV, М., 1914, стр. 320—321.

⁸ Е. Н. Мельник, Раскопки в земле лучан, «Труды XI Археологического съезда», т. I, М., 1910, стр. 489—576.

леванка, Олевск, Речица)⁹ и С. С. Гамченко (курганы Норинск, Яжбегрень)¹⁰. В 20-х годах XX в. киевское собрание пополнилось черепами после раскопок шестовицких курганов П. И. Смоличевым¹¹ и ягнятинских курганов Ф. Н. Молчановским. Хорошая коллекция черепов составила в Полтавском музее из курганных раскопок В. М. Щербаковского (Переяславль, Липлява, Липовое, Ламанный, Алексеевский, Гонцы)¹².

В самом начале XX в. сводный анализ черепов, собранных к тому времени в среднеднепровских курганах, был выполнен Ю. Д. Талько-Гринцевичем¹³. Помимо материалов, уже описанных А. П. Богдановым, исследователь измерил около 60 черепов из курганов полян и древлян, раскопанных В. Б. Антоновичем и С. С. Гамченко. К сожалению, данные Ю. Д. Талько-Гриневича не могут быть ныне использованы, так как черепа не были распределены по полу, а некоторые измерения взяты не от общепринятых точек. Сами же краниологические материалы не сохранились. Курганные черепа, хранящиеся в Музее антропологии МГУ, в начале 30-х годов были описаны в работах В. В. Бунака¹⁴.

Позднее краниологией среднеднепровских славян раннего средневековья занялся Г. Ф. Дебеч¹⁵. Последним были измерены повторно черепа, хранящиеся в Москве, а также введены в научный оборот не опубликованные материалы, хранящиеся в Киевском, Полтавском и Житомирском музеях. Изданные Г. Ф. Дебецом индивидуальные измерения черепов использованы в настоящей работе при составлении таблиц.

Среднеднепровские черепа славян XI—XII вв. Г. Ф. Дебеч объединил в две серии: северянскую, куда вошли черепа из курганов левобережья, и древлянскую, составленную из черепов правобережных курганов. Исследователь отметил, что северянская серия черепов по своим основным данным близка к сериям черепов из черняховских могильников, а древлянские черепа в общем близки к северянским. На основе этих и других краниологических материалов из восточнославянских курганов Г. Ф. Дебеч пришел к заключению, что племенное деление восточного славянства, обнаруживаемое археологами, не находит соответствия в антропологических материалах.

Краниологические измерения Г. Ф. Дебеца были использованы Т. А. Трофимовой¹⁶. На основе археологической работы Б. А. Рыбакова исследовательница разделила черепа левобережных славян на две группы: полянскую и северянскую. Относительно серии курганных черепов правобережья Среднего Поднепровья, отнесенной Г. Ф. Дебецом целиком к древлянам, Т. А. Трофимова заметила, что она не является однородной, но археологических данных, которые позволили бы разделить ее на локальные группы, пока нет.

⁹ Я. В. Яроцкий, Краткий отчет о раскопках Речицкого могильника, «Труды общества исследователей Волины», т. I, Житомир, 1902, стр. 97—117; его же, Могильники по среднему течению р. Уборть, «Археологическая летопись южной России», т. 3—4, Киев, 1903, стр. 173—193; его же, Раскопки у с. Андреевичи, Там же, т. 5, 1903, стр. 329—331.

¹⁰ И. П. Русанова, Курганы полян X—XII вв., М., 1966, стр. 30, 31 (№ 48, 54).

¹¹ П. Смоличев, Розкопки сіверянських могил в с. Шестовиці на Чернігівщині, Україна, кн. 1, Київ, 1926, стр. 178—180.

¹² Материалы раскопок не опубликованы. Некоторые сведения из архивных данных имеются в указ. раб. И. П. Русановой, стр. 36, 37 (№ 165, 167, 192).

¹³ J. Talko-Grinczewicz, Przyczynek do poznania świata kurhanowego Ukrainy, «Materiały antropologiczne-archeologiczne i etnograficzne», t. IV, Kraków, 1900, s. 3—32.

¹⁴ V. Bunak, The craniological types of the East Slavic kurgans, «Anthropologie», t. X, Praga, 1932.

¹⁵ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 259—261.

¹⁶ Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 97—101.

В 50-х годах под руководством Д. И. Блifelъда производились раскопки курганов Шестовицкого могильника¹⁷. В лабораторию антропологии Института искусствознания, фольклора и этнографии АН Украинской ССР поступило 17 черепов из этих раскопок. Последние вместе с тремя черепами из этого могильника, опубликованными Г. Ф. Дебецом, изучены Г. П. Зиневич¹⁸.

Она же исследовала 42 черепа, поступивших в ту же лабораторию из двух бескурганных могильников Среднего Поднепровья, раскопанных экспедицией под руководством В. И. Довженка. Оба могильника — Хутор-Половецкий и Николаевский — расположены южнее Киева в бассейне р. Роси и содержали остатки трупоположений с вещевым материалом XI—XII вв.¹⁹

В последнее время среднеднепровские курганные черепа, хранящиеся в музеях Москвы и Полтавы, повторно измерены Т. И. Алексеевой, так как в практику краниометрических работ введены новые приемы измерений уплощенности лица и выступания носа²⁰. Одновременно Т. И. Алексеева ввела в научный оборот краниологические материалы из раннесредневековых кладбищ древнерусских городов — Киева, Чернигова, Любеча и Витачева²¹. После работ А. П. Богданова киевские и черниговские черепа не изучались антропологами, а черепа из Любеча и Витачева поступили в Музей антропологии МГУ только в 50—60-х годах (раскопки Б. А. Рыбакова) и обработаны Т. И. Алексеевой впервые.

Довольно много черепов из раннесредневековых погребений Среднего Поднепровья собрано в музеях и научных учреждениях Польши. Еще в самом начале XX в. в Краков были доставлены черепа из раскопок курганов в Новоселках близ Владимира Волынского. Черепа были измерены методом П. Брока исследователем курганов В. Олехновичем²². Позднее эта краниологическая серия изучена с применением методики Р. Мартина польской исследовательницей М. Войцеховской²³. В 20-х годах в Варшаву были доставлены черепа из курганных раскопок в Гродке и Пересопнице под Ровно (раскопки М. Древко и Р. Якимовича). Пересопницкие курганы ошибочно отнесены исследователем к эпохе бронзы, их устройство и инвентарь не позволяют сомневаться в славянской атрибуции погребенных. В 30-х годах в Варшаву были привезены черепа из грунтовых могил XIII—XIV вв. на городище в Давидгородке (раскопки Р. Якимовича и Я. Марциняка). Ныне все эти черепа, обработанные Б. Мицкевичем, хранятся в Вроцлаве²⁴.

¹⁷ Д. І. Бліфелъд, Дослідження в Шестовицях, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. 3, Київ, 1951, стр. 123—131.

¹⁸ Г. П. Зіневич, До антропології Шестовицького могильника, «Матеріали з антропології України», вып. 2, Київ, 1962, стр. 37—47.

¹⁹ Г. П. Зіневич, Очерки палеоантропологии Украины, Киев, 1967, стр. 133—145.

²⁰ Т. И. Алексеева, Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья, «Вопросы антропологии», вып. 1, М., 1960, стр. 97—101; Т. Aleksiejewa, Wschodniosłowiańskie czaszki z kurhanów plemiennych, «Materiały i prace antropologiczne», № 72, Wrocław, 1966; Т. И. Алексеева, Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения, Автореф. докт. дис., М., 1969.

²¹ Т. І. Алексеева, Антропологічний склад населення древньоруських міст, «Матеріали з антропології України», вып. 4, Київ, 1969, стр. 73—86.

²² Wł. Olechnowicz, Smentarzysko w Nowosilkach pow 'włodzimierski, gub Wołyńska, «Materiały antropologiczne-archeologiczne i etnograficzne», t. VI, Kraków, 1903, s. 3—12.

²³ M. Wojciechowska, Czaszki z Nowosilki z wieku VI—IX, Przegląd antropologiczny, t. XIV, Poznań, 1946—1947, s. 122—138.

²⁴ B. Miszkiewicz, Wczesnośredniowieczne kości z kuzhanow w Gródku pod Równem USRR, «Materiały i prace antropologiczne», № 4, Wrocław, 1954, s. 17—48; егo же, Smentarzyska z Polski i ziem ościennych, s. 61—75; егo же, Crania Lithuanica, Polonica et Ruthenica. Groby z okresu brązu i wczesnegośredniowiecza, «Materiały i prace antropologiczne», № 25, Wrocław, 1956, s. 8—16.

В настоящей статье анализируются все краниологические материалы из раннесредневековых курганных и грунтовых могильников Среднего Поднепровья. Серии черепов составлены по отдельным археологическим памятникам и объединяются в группы не по территориальным признакам, как это делалось до сих пор, а исключительно в зависимости от характеристики самого памятника. Наиболее надежные материалы для археологической дифференциации дают курганы. Поэтому в основе исследования лежат прежде всего черепа из курганов.

Курганные древности X—XIII вв. славянских племен Среднего Поднепровья характеризуются значительной однородностью. Уже А. А. Спицын в работе, положившей начало археологическому изучению восточнославянских племен, отметил, что курганы Среднего Поднепровья представляют полное единство и в обряде погребения, и в вещевых материалах²⁵. В отличие от племен лесной полосы Восточной Европы (кривичей, словен новгородских, вятичей, радимичей, дреговичей) среднеднепровские славяне не имеют этнически определяющих племенных украшений. Около двух третей курганных погребений Среднего Поднепровья вовсе не содержат вещей. В остальных курганах вещевой материал крайне малочислен и состоит из предметов общевосточнославянского или общеславянского типов.

Единственным отличием славянских курганов Среднего Поднепровья является местоположение умершего в насыпи. По этому признаку курганы подразделяются на две группы: насыпи с труположениями на материке и насыпи с захоронениями в ямах, вырытых в материке.

Исследователи курганных древностей на многочисленных примерах установили, что в лесной полосе Восточной Европы курганы с погребениями в ямах являются хронологически более поздними. Эволюция курганного обряда в лесной зоне Восточной Европы заключалась в следующем: до конца X—начала XI в. здесь был распространен обряд трупосожжения, в XI—XII вв.—обычай погребения умерших несожженными в основаниях курганов, который во второй половине XII в. постепенно заменяется захоронениями в подкурганных ямах. В XIII в. последний обряд является господствующим²⁶.

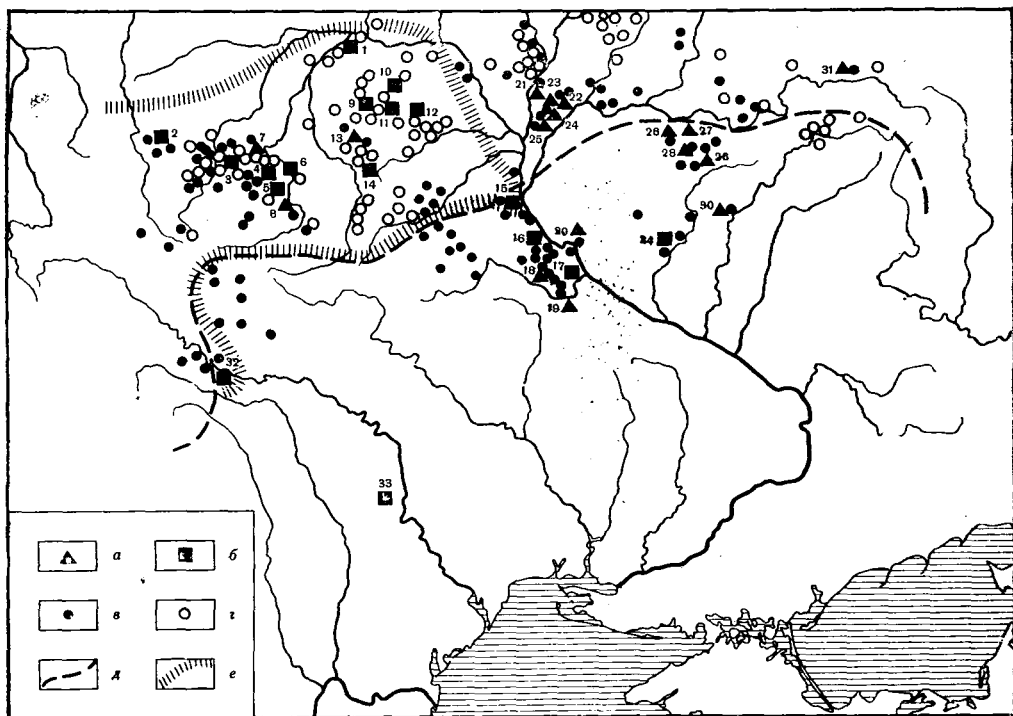
В Среднем Поднепровье наблюдается иная картина. Здесь курганы с труположениями в их основаниях и курганы с захоронениями в грунтовых ямах различаются не хронологически, а ареально. С самого начала распространения погребений по обряду ингумации, т. е. с X в., в ряде районов Среднего Поднепровья господствуют курганы с ямными захоронениями, в других местах — курганы с труположениями в основаниях курганов (или в насыпях несколько выше основания). Исследователь киевских курганных некрополей Л. А. Голубева установила, что здесь труположения в подкурганных ямах появляются уже в IX в. и этот обряд остается неизменным на протяжении X—XII вв.²⁷ В Чернигове и его окрестностях, как показал Б. А. Рыбаков, курганы с труположениями в грунтовых ямах являются единственным типом погребальных насыпей с захоронениями по обряду ингумации²⁸. Е. И. Тимофеев на об-

²⁵ А. А. Спицын, Расселение древнерусских племен по археологическим данным, «Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1899, VIII, стр. 326, 327.

²⁶ А. А. Спицын, Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского, «Материалы по археологии России», вып. 18, СПб., 1896; А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1936; Б. А. Рыбаков, Радимичи, «Труды секции археологии Беларускай Акадэміі навук», т. III, Минск, 1932; Т. Н. Никольская, Хронологическая классификация верхневолжских курганов, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее — ИИМК), вып. XXX, 1949, стр. 31—41; А. В. Успенская, Курганы южной Белоруссии X—XIII веков, «Труды Гос. исторического музея», вып. XXII, М., 1953, стр. 97—124.

²⁷ Л. А. Голубева, Киевский некрополь, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), № 11, 1949, стр. 106.

²⁸ Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА, № 11, 1949, стр. 15—20.

Распространение антропологических типов и археологических памятников: а — мезодолхокранный узколицый антропологический тип; б — мезодолхокранный, относительно широколицый антропологический тип; в — курганные могильники с труположениями в грунтовых ямах; г — курганные могильники с труположениями на материке (курганные могильники, содержащие оба типа труположений, на карту не нанесены); д — северная граница территории черняховской культуры; е — граница ареала культуры керамики пражского типа;

1 — Давид-городок; 2 — Новоселки; 3 — Теремно; 4 — Белев; 5 — Старый Жуков; 6 — Колоденка; 7 — Гродек; 8 — Пересопница; 9 — Олевск; 10 — Речица; 11 — Норинск; 12 — Яжберень; 13 — Зубковичи; 14 — Андреевичи; 15 — Киев; 16 — Витачев; 17 — Родня; 18 — Хутор-Половецкий; 19 — Николаевка; 20 — Переславль; 21 — Любеч; 22 — Чернигов; 23 — Троицкий монастырь; 24 — Гушино; 25 — Шестовицы; 26 — Бахмач; 27 — Конотоп; 28 — Липовое; 29 — Медвежье; 30 — Броварки; 31 — Липино; 32 — Васильев; 33 — Бронешты; 34 — Лубны

ширных материалах убедительно показал, что обряд погребения в подкурганных ямах на Волини возникает одновременно с обрядом труположения в основаниях курганов и сосуществует с ним на протяжении X—XII вв.²⁹ Аналогичную работу на материалах курганов Киевщины провела И. П. Русанова³⁰.

Исследовательнице удалось убедительно показать, что здесь подкурганные ямные захоронения появляются в X в. и господствуют в X—XII вв., в то время как в других районах восточного славянства были распространены курганы с труположениями на горизонте.

В Среднем Поднепровье курганы с труположениями в грунтовых ямах сосредоточены в основном в южных районах (см. карту). Они господствуют на Киевщине и в левобережной части поднимаются несколько к северу, охватывая нижнее течение Десны. Курганы с труположениями на горизонте господствуют на Случи, Уборти, Уже, в верховьях Тетерева. На Волини граница между курганами с труположениями в основании и курганами с ямными захоронениями проходит примерно по

²⁹ Е. И. Тимофеев, Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв., «Сов. археология», 1961, № 3, стр. 57—64.

³⁰ И. П. Русанова, Указ. раб., стр. 22—24.

линии Ровно — Луцк. В местах соприкосновения ареалов рассматриваемых типов курганов имеются курганные могильники, содержащие насыпи с труположениями на горизонте и насыпи с захоронениями в ямах.

Следовательно, положение умершего на материке или в грунтовой яме в среднеднепровских курганах является показателем какого-то этнографического разделения. Поэтому черепа из курганов Среднего Поднепровья следует дифференцировать прежде всего в зависимости от этих особенностей погребальной обрядности. Оказывается, что черепа из курганов с труположениями в грунтовых ямах заметно отличаются от черепов из курганов с труположениями на горизонте.

Череп из курганов с захоронениями в могильных ямах довольно однородны (табл. 1). Они мезодолихокранны и имеют прямой лоб с небольшими размерами его наименьшей ширины и умеренно развитым надбровьем. Лицо низкое или низкосреднее по высоте, сравнительно узкое с мезоринным носом и мезоконхными орбитами.

Серии черепов из курганных могильников с труположениями в основаниях погребальных насыпей составляют иной антропологический тип (табл. 2). Эти черепа также мезодолихокранны, но более крупные по абсолютным размерам. Лоб прямой, несколько более широкий по сравнению с черепами первого типа. Лицо среднее по высоте, относительно широкое, с несколько более узким мезоринным носом. Наиболее ощутимое различие черепов первого и второго типов проявляется в скуловом диаметре. Если первые черепа относительно узколицы (скуловой диаметр от 127,6 до 134,5), то вторые широколицы (скуловой диаметр от 135,0 до 137,8).

Череп из курганных могильников, состоящих из насыпей с ямными захоронениями и насыпей с труположениями в основании, обработаны суммарно, так как установить, из какого именно кургана происходит каждый череп, невозможно. Эти черепа по своему строению в целом занимают промежуточное положение между первым и вторым выявленными антропологическими типами (табл. 3).

Кроме населения, хоронившего умерших в курганах с грунтовыми ямами, к первому антропологическому типу принадлежало население древнерусских городов левобережной части Среднего Поднепровья — Чернигова и Любеча³¹. Сюда же относятся черепа из раннесредневекового кладбища на Конотопском городище, а также черепа из Николаевского и Хутор-Половецкого могильников в бассейне Роси (табл. 4).

Поиски аналогий мезодолихокранным узколицим антропологического типа славян Среднего Поднепровья приводят к черняховским материалам (табл. 4). Действительно, славянские черепа из курганов с могильными ямами близки к черепам из черняховских могильников III—IV вв. Среднего Поднепровья (могильники Черняховский, Масловский и Дедовщинский)³². Мезодолихокранный узколицим антропологический тип известен и среди западнославянского населения раннего средневековья. Однако ряд существенных черт, например, грацильность славянских черепов Среднего Поднепровья и некоторая уплощенность их лицевого скелета, говорят против генетической связи рассматриваемого мезодолихокранным узколицим антропологического типа из курганов с ямными захоронениями с населением западнославянских земель. Поэтому, исходя из материалов курганов с ямными труположениями, можно утверждать, что славянское население Среднего Поднепровья происходит от

³¹ В работах Т. И. Алексеевой в краниологическую серию из Чернигова (44 мужских и 39 женских черепов) включены черепа из древних черниговских кладбищ (60 черепов), а также черепа из погребений на Конотопском городище (6 черепов) и в Любече (17 черепов из раскопок 1958 г.). В настоящей статье эти черепа сгруппированы по отдельным археологическим памятникам.

³² Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 164, 165.

Таблица 1

Сводка средних размеров мужских черепов из курганных могильников с ямными труположениями

Признаки	Бахмач-Ромен-ский	Броварки	Гродек	Гуцутино	Зубковичи	Липино	Липовое
	Т. И. Алексеева		Б. Мицкевич	Т. И. Алексеева			
1. Продольный диаметр	189 (1) *	181,7 (3)	184,1 (11)	187,0 (5)	189,5 (2)	180,3 (3)	186,3 (9)
8. Поперечный диаметр	155 (1)	136,0 (3)	141,0 (11)	138,8 (4)	136,0 (2)	135,7 (3)	141,9 (8)
17. Высотный диаметр базион-брегма	—	130,7 (3)	134,7 (11)	135,8 (5)	133,0 (2)	133,0 (3)	137,6 (8)
5. Длина основания черепа	—	99,7 (3)	100,4 (11)	100,4 (5)	106,4 (2)	96,3 (3)	104,8 (8)
9. Наименьшая ширина лба	105 (1)	94,0 (3)	95,5 (11)	97,2 (5)	94,5 (2)	93,7 (3)	95,8 (10)
45. Скуловой диаметр	132 (1)	130,0 (3)	133,2 (10)	134,5 (2)	132 (1)	128 (1)	130,7 (7)
40. Длина основания лица	—	99,7 (3)	94,8 (11)	97,0 (4)	96,5 (2)	93,0 (2)	100,8 (8)
48. Верхняя высота лица	—	67,7 (3)	71,1 (11)	66,2 (4)	73,5 (2)	66,5 (2)	69,1 (9)
55. Высота носа	54 (1)	48,7 (3)	51,7 (11)	48,5 (4)	53,0 (2)	49,0 (3)	50,7 (10)
54. Ширина носа	—	24,3 (3)	24,9 (11)	25,2 (4)	26,0 (2)	25,0 (2)	24,9 (10)
51a. Ширина орбиты от d	41 (1)	38,3 (3)	—	37,2 (4)	38,0 (2)	38,3 (3)	38,4 (10)
52. Высота орбиты	31,3 (1)	30,2 (3)	34,3 (11)	31,2 (4)	32,5 (2)	32,0 (3)	31,4 (10)
32. Угол лба nas-met	—	88,5 (2)	—	85,0 (3)	80 (1)	83,7 (3)	85,4 (9)
72. Общий угол лица	—	82,7 (3)	—	87,7 (3)	90 (1)	78,3 (3)	85,3 (7)
75 (1). Угол носовых костей	—	25,7 (3)	—	27,0 (3)	—	34 (1)	33,3 (6)
8:1. Черепной указатель	82,1 (1)	74,9 (3)	76,8 (11)	74,2 (4)	71,4 (2)	75,3 (3)	76,3 (8)
17:0,5 (1+8). Смешанный высотный указатель	—	82,3 **	82,8	83,4	81,7	84,3	83,8
9:8. Лобно-поперечный указатель	61,0 (1)	69,1 (3)	67,7 (11)	70,3 (4)	69,5 (2)	69,0 (3)	67,1 (8)
40:5. Указатель выступания лица	—	96,1 (3)	94,4 (11)	96,6 (4)	90,7 (2)	97,9 (2)	96,2 (7)
48:45. Лицевой указатель	—	52,0 (3)	53,4 (11)	47,6 (2)	57,5 (1)	50,0 (1)	53,2 (7)
54:55. Носовой указатель	—	50,2 (3)	48,6 (10)	52,2 (4)	49,2 (2)	50,4 (2)	49,7 (10)
52—51a. Орбитный указатель	76,3 (1)	78,7 (3)	—	84,0 (4)	85,6 (2)	83,4 (3)	81,8 (10)

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

Признаки	Лубны	Медвежье	Пересопница (рас- копки Р. Якимовича)	Переяславль	Троицкий мона- стырь на Болдиных горах в Чегнигове	Шестовицы	Суммарно
	Т. И. Алексеева		Б. Мицкевич	Т. И. Алексеева		Г. П. Зиневич	
1. Продольный диаметр	190 (1)	186,2 (10)	187,3 (3)	187,2 (32)	182,2 (10)	189,9 (11)	186,2 (101)
2. Поперечный диаметр	136 (1)	139,3 (10)	137,3 (3)	137,5 (32)	135,8 (11)	142,2 (11)	138,8 (100)
17. Высотный диаметр базиион-брегма	141 (1)	134,2 (9)	139,0 (2)	137,6 (29)	134,7 (10)	133,7 (10)	135,7 (93)
5. Длина основания черепа	104 (1)	100,0 (9)	103,0 (2)	102,5 (27)	100,9 (9)	104,7 (9)	101,9 (89)
9. Наименьшая ширина лба	94 (1)	96,4 (8)	97,7 (3)	97,0 (30)	94,1 (10)	97,7 (11)	96,3 (98)
45. Скуловой диаметр	137 (1)	132,1 (7)	129,3 (3)	132,2 (24)	130,4 (8)	127,6 (3)	131,6 (72)
40. Длина основания лица	105 (1)	97,9 (7)	97,0 (2)	97,8 (24)	99,0 (8)	95,9 (7)	97,6 (79)
48. Верхняя высота лица	70,0 (2)	70,2 (8)	69,0 (3)	70,3 (27)	68,0 (9)	69,3 (7)	69,6 (87)
55. Высота носа	46,0 (2)	51,4 (8)	54,3 (3)	50,2 (29)	48,6 (10)	49,9 (7)	50,3 (93)
54. Ширина носа	24,0 (2)	26,2 (8)	26,0 (3)	24,9 (29)	25,1 (9)	25,0 (7)	25,1 (90)
51a. Ширина орбиты от d	37 (1)	38,5 (8)	—	38,3 (29)	38,0 (10)	39,3 (7)	38,3 (78)
52. Высота орбиты	32,5 (2)	31,5 (8)	34,0 (3)	32,0 (29)	31,0 (10)	33,8 (8)	32,2 (94)
32. Угол лба nas-met	87 (1)	85,6 (7)	—	84,5 (24)	84,9 (9)	87,4 (5)	85,1 (64)
72. Общий угол лица	81 (1)	84,0 (6)	—	85,7 (25)	84,2 (8)	86,6 (5)	85,1 (62)
75 (1). Угол носовых костей	—	31,1 (6)	—	31,6 (21)	31,6 (5)	23 (1)	31,2 (46)
8:1. Черепной указатель	71,6 (4)	74,9 (10)	73,5 (3)	73,5 (32)	74,7 (10)	75,0 (11)	75,2 (99)
17:0,5 (1+8). Смешанный высотный указатель	86,5	82,5 (9)	85,6	84,8 (29)	84,7	80,5	83,5 **
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,1 (1)	69,7 (8)	71,4 (3)	70,6 (30)	69,2 (10)	68,8 (11)	69,4 (95)
40:5. Указатель выступания лица	99,1 (1)	98,9 (7)	94,2 (2)	95,3 (24)	97,9 (8)	93,5 (7)	96,0 (65)
48:45. Лицевой указатель	49,6 (1)	52,9 (7)	53,4 (3)	53,0 (24)	52,5 (7)	54,5 (2)	52,8 (68)
54:55. Носовой указатель	53,4 (2)	51,3 (8)	47,9 (3)	49,4 (29)	52,8 (9)	47,5 (6)	49,9 (88)
52—51a. Орбитный указатель	86,9 (1)	82,0 (10)	—	83,1 (29)	81,7 (10)	86,7 (7)	82,9 (81)

* В табл. 1—5 в скобках указано число обследованных.

** Указатель средних.

Т а б л и ц а 2

Сводка средних размеров мужских черепов из курганов с труположениями на материке (измерения Г. Ф. Дебеца)

Признаки	Могилиники с труположениями только на материке		Могилиники со значительным преобладанием труположений на материке					Суммарно
	Олевск	Норинск, Яжберень	Андреевич	Белев	Речница	Старый Жуков	Теремно	
1. Продольный диаметр	187,3 (6)	189,0 (2)	191 (1)	192,8 (4)	188,0 (6)	189,2 (5)	195 (1)	189,4 (25)
8. Поперечный диаметр	139,0 (6)	137,5 (2)	146 (1)	140,2 (4)	140,0 (6)	149,0 (5)	144 (1)	141,6 (25)
17. Высотный диаметр базион-брегма	134,0 (4)	140,5 (2)	137 (1)	136,5 (4)	136,8 (5)	139,8 (4)	137 (1)	137,2 (21)
5. Длина основания черепа	105,0 (2)	105,0 (2)	103 (1)	102,8 (4)	102,9 (3)	101,6 (4)	107 (1)	103,3 (17)
9. Наименьшая ширина лба	97,0 (6)	102,0 (2)	101 (1)	103,0 (4)	97,1 (6)	97,8 (5)	101 (1)	98,9 (25)
45. Скуловой диаметр	135,0 (5)	137 (1)	137 (1)	137,2 (4)	135,7 (3)	137,8 (5)	136 (1)	136,5 (20)
40. Длина основания лица	98,5 (2)	—	—	100,0 (4)	97,0 (3)	95,3 (3)	104 (1)	97,9 (13)
48. Верхняя высота лица	72,0 (4)	—	73 (1)	73,5 (4)	69,0 (5)	71,8 (4)	67 (1)	71,3 (19)
55. Высота носа	50,3 (6)	55 (1)	50 (1)	52,0 (4)	47,8 (4)	50,6 (5)	48 (1)	50,4 (22)
54. Ширина носа	24,0 (5)	26 (1)	26 (1)	24,8 (4)	24,8 (4)	25,2 (5)	26 (1)	24,9 (21)
51a. Ширина орбиты от d	39,4 (5)	41 (1)	40 (1)	38,2 (4)	37,5 (4)	38,0 (5)	37 (1)	38,5 (21)
52. Высота орбиты	33,5 (6)	33 (1)	31 (1)	33,2 (4)	31,2 (4)	31,0 (5)	30 (1)	32,2 (22)
32. Угол лба паз-мет	85,6 (5)	87 (1)	84 (1)	87,0 (4)	83,0 (4)	90,4 (5)	90 (1)	86,7 (21)
72. Общий угол лица	84,7 (3)	—	83 (1)	85,2 (4)	85,3 (3)	89,2 (4)	88 (1)	86,2 (16)
75 (1). Угол носовых костей	30 (1)	—	33 (1)	32,2 (4)	31,0 (2)	35,2 (4)	33 (1)	32,9 (13)
8:1. Черепной указатель	74,2 (6)	72,8 (2)	76,0 (1)	72,8 (4)	74,4 (6)	78,9 (5)	73,9 (1)	74,9 (25)
17:0,5 (1+8). Смешанный высотный указатель	82,1 *	86,0 *	81,1 (1)	82,0 *	83,4 *	82,7 *	80,8 *	82,9 *
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,8 (6)	74,2 (2)	69,2 (1)	73,9 (4)	69,7 (6)	66,1 (5)	70,1 (1)	70,0 (25)
40:5. Указатель выступания лица	93,8 (2)	—	99,0 (1)	97,3 (4)	94,3 (3)	93,8 (4)	97,2 (1)	95,4 (15)
48:45. Лицевой указатель	52,5 (4)	—	53,3 (1)	53,6 (4)	52,8 (3)	52,0 (4)	49,3 (1)	52,6 (17)
54:55. Носовой указатель	48,0 (5)	46,4 (1)	52,0 (1)	47,6 (4)	51,9 (4)	50,4 (5)	54,2 (1)	49,6 (21)
52:51a. Орбитный указатель	84,4 (6)	80,5 (1)	77,5 (1)	87,0 (4)	83,6 (4)	81,2 (5)	81,1 (1)	83,4 (22)

* Указатель средних.

Таблица 3

Сводка средних размеров мужских черепов из курганных могильников с двумя типами труположений — в ямах и на материке

Признаки	Вечулки	Колоденка	Липлява	Новоселки	Пересопница (раскопки Е. Н. Мельни- ка)	Усичи	Ягнятин	Суммарно
	Г. Ф. Дебц	Г. Ф. Дебц	Т. И. Алексеева	М. Войцехов- ская	Г. Ф. Дебц	Г. Ф. Дебц	Г. Ф. Дебц	Г. Ф. Дебц
1. Продольный диаметр	186,5 (2)	186 (1)	192,0 (4)	188,9 (14)	187,2 (4)	190,5 (4)	192,3 (6)	189,6 (35)
8. Поперечный диаметр	135,0 (2)	135 (1)	139,3 (4)	143,9 (14)	136,0 (4)	141,0 (4)	141,7 (6)	141,0 (35)
17. Высотный диаметр базиио-брегма	134,5 (2)	143 (1)	133,8 (4)	137,3 (13)	135,2 (4)	134,0 (4)	144,5 (2)	137,2 (30)
5. Длина основания черепа	105,4 (2)	103 (1)	103,5 (4)	—	104,5 (4)	100,2 (4)	104 (1)	103,2 (16)
9. Наименьшая ширина лба	100,0 (2)	103 (1)	101,0 (4)	98,8 (14)	96,5 (4)	96,2 (4)	96,2 (5)	98,2 (34)
45. Скуловой диаметр	133,5 (2)	138 (1)	133,3 (4)	136,9 (8)	133,2 (4)	133,5 (4)	133,0 (2)	134,6 (25)
40. Длина основания лица	95,0 (2)	100 (1)	102,3 (4)	—	100,2 (4)	97,8 (4)	98,0 (1)	99,3 (16)
48. Верхняя высота лица	67,5 (2)	72 (1)	68,3 (4)	66,9 (14)	69,0 (4)	72,8 (4)	70,5 (2)	68,5 (31)
55. Высота носа	49,5 (2)	43 (1)	49,3 (4)	50,9 (14)	50,2 (4)	51,5 (4)	52,3 (3)	50,0 (32)
54. Ширина носа	25,5 (2)	23 (1)	25,5 (4)	24,0 (14)	24,5 (4)	25,8 (4)	24,3 (3)	24,5 (32)
51а. Ширина орбиты от d	39,0 (2)	40 (1)	40,0 (4)	—	39,0 (4)	39,0 (4)	39,0 (2)	39,3 (17)
52. Высота орбиты	32,5 (2)	30 (1)	30,0 (4)	31,1 (14)	32,5 (4)	30,8 (4)	32,0 (2)	31,2 (31)
32. Угол лба nas-tei	86,0 (2)	83 (1)	83,3 (3)	—	84,2 (4)	87,0 (4)	84,5 (2)	84,9 (16)
72. Общий угол лица	90,0 (2)	85 (1)	84,3 (3)	—	84,2 (4)	88,2 (4)	85 (1)	86,2 (15)
75 (1). Угол носовых костей	31,5 (2)	39 (1)	29 (1)	—	32,1 (4)	35,0 (3)	37,5 (2)	33,8 (13)
8:1. Черепной указатель	72,4 (2)	72,6 (1)	72,7 (4)	76,1 (14)	72,6 (4)	74,0 (4)	73,6 (6)	74,3 (35)
17:0,5 (1+8). Смешанный высотный указатель	83,6 *	89,3 (1)	80,8 (4)	82,5 *	83,7 *	80,8 *	86,0 *	83,0 *
9:8. Лобно-поперечный указатель	74,0 (2)	76,3 (1)	72,7 (4)	68,9 (14)	71,4 (4)	68,4 (4)	67,4 (5)	69,9 (34)
40:5. Указатель выступа лица	90,1 (2)	97,1 (1)	98,8 (4)	—	95,9 (4)	97,6 (4)	94,2 (1)	96,3 (16)
48:45. Лицевой указатель	50,4 (2)	52,2 (1)	51,3 (4)	53,6 (8)	51,9 (4)	54,4 (4)	52,2 (2)	52,7 (25)
54:55. Носовой указатель	51,6 (2)	46,9 (1)	51,7 (4)	47,4 (14)	49,0 (4)	50,0 (4)	46,5 (2)	48,6 (32)
52:51а. Орбитный указатель	83,4 (2)	75,0 (1)	75,0 (4)	—	83,3 (4)	78,9 (4)	82,0 (2)	79,7 (17)

* Указатель

Таблица 4

Сводка серий мужских черепов мезодолихокранного узколицего типа

Признаки	Курганы с ямными трупоположения- ми (суммарно)	Чернигов (древние кладбища)	Любеч (древнее кладбище)	Конотопское горо- дище (древнее кладбище)	Николаевский и Хутор-Половецкий могильники	Черняховские мо- гильники Среднего Поднепровья
		Т. И. Алексеева			Г. П. Зиневич	
1. Продольный диаметр	186,2 (101)	180,1 (32)	189,3 (16)	178,7 (3)	183,3 (23)	185,6 (16)
8. Поперечный диаметр	138,8 (100)	138,9 (29)	140,8 (17)	133,3 (3)	138,4 (22)	134,3 (16)
17. Высотный диаметр базион-брегма	135,7 (93)	134,0 (27)	138,9 (14)	139,0 (2)	134,6 (21)	136,6 (9)
5. Длина основания черепа	101,9 (89)	100,4 (26)	103,6 (13)	100,0 (2)	101,2 (20)	104,4 (7)
9. Наименьшая ширина лба	96,3 (98)	95,1 (31)	97,7 (13)	91,0 (3)	95,4 (22)	93,6 (16)
45. Скуловой диаметр	131,6 (72)	131,3 (26)	133,1 (16)	129,7 (3)	130,6 (20)	132,0 (9)
40. Длина основания лица	97,6 (79)	97,2 (20)	98,9 (13)	98,0 (2)	96,4 (20)	101,3 (6)
48. Верхняя высота лица	69,6 (87)	66,4 (28)	69,3 (16)	67,5 (2)	68,0 (22)	71,1 (8)
55. Высота носа	50,3 (93)	49,3 (28)	51,1 (17)	51,0 (3)	49,9 (22)	52,0 (8)
54. Ширина носа	25,1 (90)	25,3 (28)	25,4 (17)	24,7 (3)	24,8 (21)	25,2 (8)
51а. Ширина орбиты от d	38,3 (78)	38,3 (28)	39,9 (17)	38,0 (3)	39,1 (22)	39,6 (8)
52. Высота орбиты	32,2 (94)	31,6 (29)	33,0 (17)	30,3 (3)	33,0 (22)	31,0 (8)
32. Угол лба nas-met	85,1 (64)	85,3 (25)	84,2 (14)	83,3 (3)	84,5 (21)	82,8 (6)
72. Общий угол лица	85,1 (62)	84,0 (23)	84,6 (14)	84,0 (3)	83,4 (31)	86,5 (6)
75(1). Угол носовых костей	31,2 (46)	27,4 (23)	28,9 (9)	33,0 (2)	28,0 (18)	33,2 (4)
8:1. Черепной указатель	75,2 (99)	76,7 (29)	73,8 (16)	74,7 (3)	75,8 (22)	72,4 (16)
17:0,5 (1+8). Смешанный высотный указатель	83,5 *	84,0 *	84,2 *	89,1 *	83,7 *	85,4 *
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,4 (95)	68,6 (28)	71,3 (16)	69,1 (2)	68,9 (20)	69,8 (16)
40:5. Указатель выступления лица	96,0 (65)	95,7 (20)	95,3 (12)	96,0 (2)	95,2 (20)	96,5 (6)
48:45. Лицевой указатель	52,8 (68)	50,7 (25)	52,0 (16)	52,7 (2)	51,9 (20)	53,8 (8)
54:55. Носовой указатель	49,9 (88)	51,6 (28)	50,3 (17)	48,4 (3)	49,8 (21)	48,6 (8)
52:51а. Орбитный указатель	82,9 (81)	82,6 (28)	82,7 (17)	80,1 (3)	88,8 (22)	78,3 (8)

* Указатель средних.

создателей черняховской культуры. Заслуживает внимания и тот факт, что мезодоліхокранный узколицый антропологический тип в Среднем Поднепровье в эпоху раннего средневековья в значительной степени соответствует ареалу черняховской культуры и почти нигде не выходит за его пределы (см. карту).

Еще в 40-х годах Г. Ф. Корзухина в статье, посвященной некоторым южнорусским украшениям X в., выполненным в технике тиснения, установила генетическую преемственность этих украшений как в технике, так и в формах от более ранних севернопричерноморских изделий через украшения среднеднепровских культур VI—VIII вв.³³ Поскольку передача ремесленных традиций маловероятна при смене населения, нужно полагать, что потомки черняховского населения обитали в Среднем Поднепровье до эпохи Киевской Руси.

В этой связи стоит коснуться вопроса о раннем появлении в Среднем Поднепровье трупоположений в грунтовых ямах под курганами. Этот вопрос привлекал внимание многих исследователей. Высказывалась догадка о распространении подкурганных ямных захоронений в X в. под воздействием христианства. Однако среди вещевой коллекции этих погребений нет материалов, подтверждающих эту мысль. Даже в Киевском некрополе совершенно отсутствуют предметы, которые свидетельствовали бы о распространении христианской религии в X в.³⁴ Б. А. Рыбаков при анализе черниговских курганов высказал предположение, что курганы с могильными ямами и срубамі в них³⁵ оставлены славянизированными потомками местных племен, «в IX—X вв. по своей культуре не отличавшихся от остального населения Чернигова, но сохранивших особый обряд погребения»³⁶.

Это заключение, по-видимому, можно распространить на все подкурганные ямные трупоположения Среднего Поднепровья. Оно подтверждается антропологическими материалами, неоспоримо свидетельствующими, что славянское население рассматриваемого региона, хоронившее умерших в X—XII вв. в курганах с грунтовыми ямами, восходит к черняховским племенам, а те в свою очередь — к ираноязычным скифам Среднего Поднепровья. Следовательно, славяне Среднего Поднепровья X—XII вв. мезодоліхокранного антропологического типа являются потомками славянизированного скифо-сарматского населения этих мест. В этой связи представляется правомерным предположение, что обряд трупоположения в грунтовых ямах заимствован частью славян от скифо-сарматов.

И это предположение не является новым. В. И. Абаев и А. Калмыков установили, что восточнославянские языческие божества Хорс и Симаргл имеют скифо-сарматское происхождение и, по-видимому, заимствованы от иранцев Северного Причерноморья³⁷. В. И. Абаев считает, что украинский Вий этимологически и семантически связан с иранским богом ветра, войны, мести и смерти³⁸. Скифо-сарматское воздействие прослеживается в древнерусском искусстве, фольклоре и ремесле³⁹. Мно-

³³ Г. Ф. Корзухина, О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XIII, 1946, стр. 45—52.

³⁴ М. К. Каргер, Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958, стр. 202, 203.

³⁵ Деревянные срубы или им. подобные сооружения из брусев в курганах с могильными ямами встречаются по всему ареалу последних.

³⁶ Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, стр. 52.

³⁷ А. Калмыков, Iranians and Slavs in South Russia, «Journal of the American oriental society», № 45, 1925, p. 68—71; В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 115—117.

³⁸ В. И. Абаев, Дохристианская религия алан, «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 5—7.

³⁹ А. Калмыков, Указ. раб., стр. 68—71; Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 99—117.

гочисленные иранизмы ощутимы и в некоторых славянских языках⁴⁰. Среди иранизмов имеются такие, которые невозможно объяснить маргинальным контактом славян с иранцами и которые свидетельствуют об участии скифо-сарматского населения в этногенезе славян.

Интервал в четыре столетия, отделяющий рассматриваемые славянские курганы от черняховских могильников, не противоречит сказанному выше.

Во-первых, обряд трупоположения в Среднем Поднепровье был известен и в промежутке между черняховским и курганным периодами. Так, у с. Балаклея Чигиринского района открыто захоронение по обряду трупоположения VI—VIII вв.⁴¹ Таково же впускное трупоположение с зооморфной фибулой, обнаруженное в кургане у с. Поставамки в Лохвицком районе⁴². Эти захоронения, видимо, принадлежали не славянам, а остаткам ираноязычного населения. Славянское население междуречья Днестра и Днестра в V—VII вв. представлено культурой типа Пеньковки, отдельные элементы которой увязываются с черняховской. Судя по единичным памятникам, славяне в это время сжигали умерших.

Во-вторых, археологии известны случаи, пока не объясненные наукой, когда после значительного перерыва происходит возрождение прежних погребально-ритуальных традиций. Так, в Центральной Европе после 500-летнего перерыва, вызванного распространением культуры полей погребальных урн (XIII—VIII вв. до н. э.), в IX—VIII вв. до н. э. наблюдается возрождение элементов старой курганной культуры бронзового века по всему ареалу последней (от восточной Франции до Чехии включительно).

Второй антропологический тип раннесредневековых славян Среднего Поднепровья — мезодолихокранный, относительно широколицый — по территории распространения в значительной степени соответствует ареалу керамики пражского типа (рис. 1). Кроме курганов с трупоположениями на горизонте черепа этого типа обнаружены в раннесредневековых кладбищах древнерусских городов Днепровского правобережья — Киева⁴³, Витачева, Родни (Княжья Гора под Каневом) и Давид-городка (табл. 5), а также в двух славянских грунтовых могильниках X—XI вв. Поднепровья — у с. Бронешты в Молдавии и у с. Васильев в Черновицкой области. Черепа последних могильников описаны М. С. Великановой⁴⁴.

Ближайшими аналогиями черепам рассматриваемого типа являются черепа из отдельных славянских могильников Южной Польши и Чехословакии, на что уже обращали внимание исследователи. К мезокранному, относительно широколицему типу принадлежат черепа из велико-

⁴⁰ О. Н. Трубачев, Из славяно-иранских лексических отношений, «Этимология», 1965, М., 1967, стр. 37—44; В. И. Абаев, Провербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе, «Проблемы индо-европейского языкознания», М., 1964, стр. 90—99; его же, О происхождении фонемы $\gamma(h)$ в славянском, Там же, стр. 115—121; его же, Этимологические заметки, «Studia Linguistica Slavica Baltica», Lund, 1966, стр. 1—20.

⁴¹ А. А. Бобринский, Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. II, СПб., 1894, стр. 29, 148—150.

⁴² Н. П. Авенариус, Поставамские курганы, «Записки Русского археологического общества», т. VIII, вып. 1—2, СПб., 1896, стр. 184.

⁴³ В работах Т. И. Алексеевой в краниологическую серию из Киева (38 мужских и 19 женских черепов), кроме черепов из киевских кладбищ, по-видимому, включены черепа из неславянских курганов Каневского уезда, раскопанных Д. Я. Самоквасовым. В настоящей работе в Киевской серии объединены только черепа из древних могильников с территории Киева. В серию не вошли череп, найденный Т. В. Кибальчи-чем вне погребения в яме на Лукьяновской улице, и черепа, взятые в 1870 г. В. Б. Антоновичем из ямы на Кирилловской улице, в которой в беспорядке находились кости 2000 индивидуумов.

⁴⁴ М. С. Великанова, К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья, «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 37—53.

Таблица 5

Сводка серий мужских черепов мезодолихокранного, относительно широколицего типа

Признаки	Курганы с труположениями на горизонте (суммарно)	Киев (древние кладбища)	Витачев (древнее кладбище)	Родня (древнее кладбище)	Давид-городок (кладбище XIII—XIV вв.)	Поднестровье (могильники Бронешты и Васильев)
	Т. И. Алексеева				Б. Мицкевич	М. С. Великанова
1. Продольный диаметр	189,4 (25)	183,6 (21)	182,3 (20)	183,2 (9)	184,7 (7)	187,8 (22)
8. Поперечный диаметр	141,6 (25)	140,1 (21)	138,8 (19)	140,3 (11)	141,2 (7)	141,9 (22)
17. Высотный диаметр, базисно-брегма	137,2 (21)	133,4 (22)	134,5 (19)	135,9 (10)	134,6 (7)	136,6 (15)
5. Длина основания черепа	103,3 (17)	101,7 (22)	102,7 (20)	103,1 (10)	100,4 (7)	104,1 (13)
9. Наименьшая ширина лба	98,9 (25)	98,2 (19)	95,7 (20)	96,5 (11)	98,3 (7)	97,2 (21)
45. Скуловой диаметр	136,5 (20)	135,2 (15)	135,5 (20)	135,0 (10)	135,8 (6)	135,2 (17)
40. Длина основания лица	97,9 (13)	97,7 (16)	100,0 (20)	97,8 (9)	94,3 (7)	97,7 (6)
48. Верхняя высота лица	71,3 (19)	67,9 (22)	67,9 (20)	68,7 (10)	72,1 (7)	70,9 (17)
55. Высота носа	50,4 (22)	50,1 (22)	50,3 (20)	49,9 (10)	53,3 (7)	51,4 (17)
54. Ширина носа	24,9 (21)	25,8 (22)	25,7 (20)	25,7 (10)	25,6 (7)	25,8 (17)
51а. Ширина орбиты от d	38,5 (21)	39,1 (21)	39,9 (20)	38,1 (10)	—	41,1 (16)
52. Высота орбиты	32,2 (22)	31,0 (21)	32,4 (20)	30,6 (10)	33,3 (7)	33,0 (17)
32. Угол лба nas-met	86,7 (21)	82,2 (17)	82,0 (19)	82,4 (8)	—	80,4 (16)
72. Общий угол лица	86,2 (16)	83,6 (15)	84,0 (19)	84,0 (8)	—	83,7 (17)
75 (1). Угол носовых костей	32,9 (13)	25,9 (13)	33,7 (19)	25,8 (4)	—	30,4 (14)
8:1. Черепной указатель	74,9 (25)	76,8 (18)	87,2 (19)	76,1 (9)	76,8 (9)	75,7 (22)
17:0,5(1+8). Смешанный высотный указатель	82,9 *	82,4 *	83,8 *	84,0 *	82,6 *	82,9 *
9:8. Лобно-поперечный указатель	70,0 (25)	69,9 (18)	68,5 (19)	68,4 (10)	69,3 (7)	68,5 (21)
40:5. Указатель выступания лица	95,4 (15)	95,4 (16)	97,8 (20)	95,7 (9)	93,9 (7)	93,8 (6)
48:45. Лицевой указатель	52,6 (17)	50,1 (15)	50,2 (20)	50,9 (10)	53,1 (6)	52,6 (16)
54:55. Носовой указатель	49,6 (21)	51,8 (21)	51,4 (20)	50,5 (10)	48,1 (7)	50,1 (17)
52:51а. Орбитный указатель	83,4 (22)	78,9 (20)	81,4 (20)	81,0 (10)	—	79,8 (16)

* Указатель средних.

Признаки
по Р. Мартину

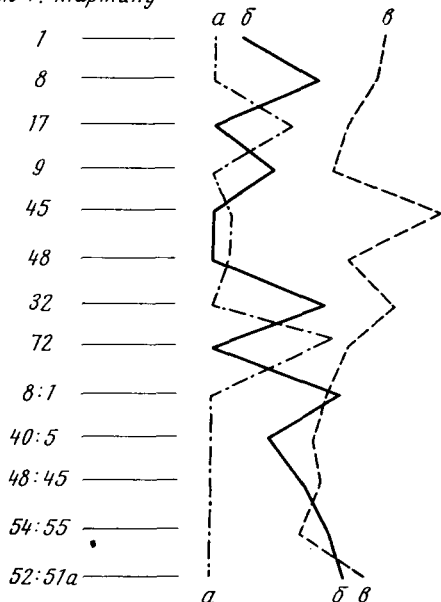

Рис. 1. Взаимоположение основных данных различных антропологических типов Среднего Поднепровья: а — черепа из черняховских могильников; б — черепа из курганов с труположениями в грунтовых ямах; в — черепа из курганов с труположениями на материке

Верхнем Поднепровье долихокранный широколицый антропологический тип ведет начало от местных балтов, ассимилированных славянами⁴⁹.

Аналогичные черепа, характеризующиеся массивностью, долихокранией, высоким и широким лицом, свойственны латгалам⁵⁰. Обнаружены они также в славянских могильниках Северо-Восточной Польши, в областях, занятых прежде балтами⁵¹.

Происхождение мезодолихокранного, относительно широколицего антропологического типа раннесредневековых славян Среднего Подне-

польских могильников в Руднице и Нелямгове⁴⁵, из Скарбановского кладбища в Кольском уезде⁴⁶ и из могильников XI—XII вв. в Бешенева и Сулейовичах на территории Чехословакии⁴⁷. Скорее всего с этим антропологическим типом связаны многие краниологические серии из раннесредневековых славянских могильников Моравии и Словакии, характеризующиеся мезокранией или мезодолихокранией, но менее широким лицом (Новый замок — 134,8 (40), Теплиц — 134,7 (6), второе Микульчицкое кладбище — 134,2 (103); Девин — 133,5 (59) и др.)⁴⁸.

Здесь мезокранный, относительно широколицый антропологический тип также распространен в пределах ареала керамики пражского типа. Но в отличие от среднеднепровских областей на территории Польши и Чехословакии он встречается вперемежку с иными антропологическими типами.

В Верхнем Поднепровье и в бассейне Западной Двины черепа из курганов характеризуются также широколицестью, но в отличие от рассматриваемых они явно долихокранны и, по-видимому, не имеют прямого отношения к среднеднепровским. В

⁴⁵ K. Stojanowski, Typy kranjologiczne Wielkopolski, «Slavia occidentalis», t. 13, Poznań, 1934, s. 29—92.

⁴⁶ B. Miszkiewicz, Cmentarzyska z Polski i ziem ościennych, s. 76—86.

⁴⁷ B. Szöke, J. Nemeskeri, Archeologické a antropologické poznatky z výskumu v Bešeňove pri Šuranach, «Slovenská archeologia», Bratislava, 1954, № 2, s. 105—135; J. Chocholá a H. Palečková, Antropologický příspěvek k poznání slovanských populací v čechách, Památky archeologické, Praha, 1961, № 2, s. 631—651.

⁴⁸ Z. Frankenberger, Anthropologie starého Slovenska, Bratislava, 1935; M. Blajerová, Tělesné vlastnosti středověkého obyvatelstva z Teplic, Památky archeologické, Praha, 1961, № 2, s. 652—660; M. Stloukal, H. Hanáková, Anthropologie der Slawen aus dem Gräberfeld in Nové Zámky, «Slovenská archeologia», Bratislava, 1966, № 1, s. 167—204; M. Stloukal, Druhé pohřebiště na hradisti «Valy» u Mikulčic, Antropologický razbor kostei z pohřebiště u trojlodního kostela, «Památky archeologické», Praha, 1967, № 1, s. 272—319.

⁴⁹ В. В. Седов, Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 12—18.

⁵⁰ R. Denisova, Austrumlatviešu antropologiska tipa ipatnibas sakara ar vinu etnisko vesturi, «Arheologija un etnografija», t. VIII, Riga, 1968, s. 93—103.

⁵¹ L. Ruikoski, Lestavienie tymczasowych pomiarow dotyczacych charakterystyki anthropometrycznej dawnej ludności powiatów plockiego, sierpskiego i płonskiego z cmentarzyk rzedowych, «Światowit», IX, 1911, s. 68—72.

провья пока не выяснено. Исходя из территории его распространения, можно предполагать, что к этому антропологическому типу принадлежали носители культуры, характеризующейся керамикой пражского типа и оставленной одной из трех диалектных группировок славян V—VII вв.⁵² В настоящее время наиболее ранние сосуды пражского типа (II—III вв. н. э.) известны в пшеворских памятниках междуречья Верхнего Одера и Вислы⁵³. По-видимому, из Висло-Одерского междуречья эта группа славян в V—VI вв. расселилась в Среднее Поднепровье и в бассейн Дуная.

Предлагаемый выше вывод о том, что основную часть славянского населения Среднего Поднепровья в X—XII вв. составляли потомки черняховских племен, нельзя использовать для утверждения о славянской принадлежности всей черняховской культуры. Последняя была сложным многоэтническим формированием, в котором приняли участие и скифо-сарматские племена, и фракцийцы, и славяне и восточные германцы. Свидетельством славянского проникновения скорее всего являются пшеворские элементы, обнаруживаемые в погребальном ритуале и керамическом материале черняховских памятников. По-видимому, в черняховском ареале протекали разные этнические процессы. В Среднем Поднепровье уже в черняховское время, судя по таким элементам, распространенным у славян 2-й половины I тысячелетия н. э., как концентрация полужезельных жилищ, трупосожжений и трупоположений с западной ориентировкой, протекал процесс славянизации потомков скифо-сарматских племен.

В пользу этого предположения косвенно говорят и материалы антропологии. Сравнительный же анализ черняховских и раннесредневековых краниометрических материалов показывает, что серии черепов из курганов с ямными трупоположениями занимают промежуточное положение между черняховскими и раннесредневековыми сериями из курганов с захоронениями на горизонте (рис. 1). Объяснение этому может быть только одно: славяне, хоронившие умерших в подкурганных ямах, к X—XI вв. были уже частично метисными. В их формировании наряду с потомками черняховского населения приняли участие представители мезодолехокранного относительно широколицего типа. Смешение антропологических типов происходило в период черняховской культуры.

SLAVS OF THE MIDDLE DNIEPER REGION ACCORDING TO PALAEOANTHROPOLOGICAL DATA

Slav kurgans (barrows) of the Middle Dnieper region from the Xth—XIIth centuries show no tribal differences in the composition of material objects they contain. Two groups of these barrows are distinguished, solely according to the position of the bodies: mounds with inhumations in graves and those with inhumations upon the ground. Archaeologists have established that in the Middle Dnieper region these differences are not chronological but geographical and ethnographical.

Analysis of craniological material from the barrows according to the position of the bodies shows that this archaeological conclusion is fully confirmed by anthropology. Skulls from barrows with inhumations in graves belong to the mezodolichocranial narrow-faced type, while skulls from barrows with inhumations on ground level are also mezodolichocranial but have relatively broad faces. To the first of these anthropological types belong also skulls from early Russian graveyards in the area of the left Dnieper drainage in Tchernigov, Liubetch and Konotop, and from soil graveyards in Porosye. This type is genetically related to the Tchernyakhov population of the Middle Dnieper drainage. The second anthropological type embraces skulls from graveyards in the towns of the right-hand drainage of the Dnieper: Kiev, Vitachev, Rodnia, David-town, and those of the Dniester Region Slavs. In the area under investigation this type corresponds to the Prague type ceramics culture area; it appears to have originated outside the region.

⁵² В. В. Седов, Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, стр. 63—76.

⁵³ Могильники Спицымеж (A. Kiétińska, T. Dąbrowska, Smentazysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymeirz, powiat Turek, «Materiały starożytne», IX, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, s. 143—254), Конин, Копки, Закрзов и др.

Н. Г. Борозна

ВИДЫ ЖЕНСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА *

(В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА)

В состав женского национального костюма народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX—начале XX в. входил обязательный комплекс ювелирных украшений, которые, как и одежда, отражали в какой-то мере этническое своеобразие народа, а также его этнографических и локальных групп. Поэтому исследование ювелирных украшений в известной степени помогает не только вскрыть пути эволюции народного костюма, но и выявить этнические и культурные связи.

В Средней Азии и Казахстане ювелирные изделия распространены повсеместно. Изготавливали их чаще всего из серебра, золота, латуни, меди, бронзы, олова. Украшались ювелирные изделия преимущественно бирюзой, сердоликом, перламутром, кораллами, стеклом. Женщины из богатых семей носили украшения, отделанные драгоценными камнями — жемчугом, рубинами, изумрудами. Распространенными способами отделки ювелирных изделий были зернь, чернь, филигрань.

Мастера-ювелиры использовали различные приемы обработки металлов: горячую и холодную ковку пластин, напай, позолоту (с применением ртути и кислоты), чернение и др.

Ювелирными изделиями издавна торговали в городских и сельских центрах Средней Азии и Казахстана, в результате чего можно отметить заимствования и взаимовлияния в этой отрасли прикладного искусства. Однако, несмотря на это, художественные ювелирные изделия не толь-

---

* Статья написана недавно скончавшейся сотрудницей Сектора народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР Нэлой Григорьевной Борозной, изучавшей материальную и духовную культуру народов Средней Азии, в частности узбеков (см., например, ее работы: Изменения в хозяйстве узбеков долины Кафирнигана, «Сов. этнография», 1963, № 1; Материальная культура узбеков Баба-тага и долины Кафирнигана, в кн.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966; Некоторые черты свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Сов. этнография», 1969, № 2 и др.).

Последние годы Н. Г. Борозна изучала женские ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана. Собранный материал обработать полностью Н. Г. Борозна, к сожалению, не успела. Он частично был использован ею в докладе, прочитанном на Сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 г., в двух опубликованных статьях — «Особенности комплексов ювелирных украшений населения некоторых районов Узбекистана» (в кн.: «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году», М., 1971) и «Некоторые черты культуры населения Каракульского оазиса в связи с его этническим составом (типы и комплексы ювелирных украшений)» (в кн.: «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году», М., 1972) и в подготовленной к печати работе о ювелирных изделиях, имевших магическое значение.

При написании данной статьи автором использованы богатейшие коллекции украшений и их научные описания, хранящиеся в музеях Средней Азии, а также собственные полевые материалы. На рисунках, приведенных в статье, изображены изделия из фондов музеев Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы и др. городов.

ко каждого народа, но и отдельных этнографических и локальных групп его, сохранили свои, свойственные только им, особенности. При исследовании ювелирных изделий обычно довольно четко прослеживается связь с этнической принадлежностью их носителей. Самым непосредственным образом отражались в характере предметов ювелирного производства также социальные и возрастные различия населения. Так, были особые украшения для богатой прослойки населения, для рядовых городских и сельских жителей. Различались украшения девочек, девушек, невест, молодых, женщин-матерей и старух¹.

Научная классификация женских ювелирных украшений еще не разработана. Предварительным этапом ее может служить выделение определенных видов изделий у отдельных этнических групп².

В данной статье мы рассмотрим женские ювелирные украшения, распределив их с учетом лишь одного признака — способа ношения. По этому признаку можно выделить четыре основных вида женских ювелирных украшений: 1) головные, 2) нагрудные, шейные и наплечные, 3) украшения, которыми отделялись пояса, 4) украшения для рук и ног. Виды мы подразделяем в свою очередь на группы, затем типы и подтипы.

Рис. 1. Узбечка в свадебном уборе

Головные украшения

Этот вид объединяет несколько групп: украшения налобные; височные; прикрепляемые к головному убору; накосные; серьги ушные и носовые.

Налобные украшения. В эту группу входят три типа украшений: 1) кокошники; 2) диадемы; 3) налобные подвески.

1. Кокошник *тилло кош* (золотые брови) — серебряная фигурная пластина, по форме напоминающая широкие брови. На позолоченную поверхность ее наносился орнамент, имитирующий волоски бровей. К верхней части прикреплялось серебряное, выполненное техникой проresi навершие, с вставленными овальными или круглыми камнями и стеклами. Нижний край пластины украшался рядом коротких подвесок,

¹ Существовали также особые кольца для мужчин, занятых определенным видом труда: мясников, парикмахеров, обмывальщиков трупов и др.

² Попытка классификации женских украшений у отдельных народов Средней Азии уже предпринималась исследователями. См.: М. В. Сазонова, Украшения узбеков Хорезма, «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XXVI, Л., 1970; Л. А. Чвырь, Ювелиры-ремесленники и местная художественная традиция, «Сов. этнография», 1972, № 1 и др.

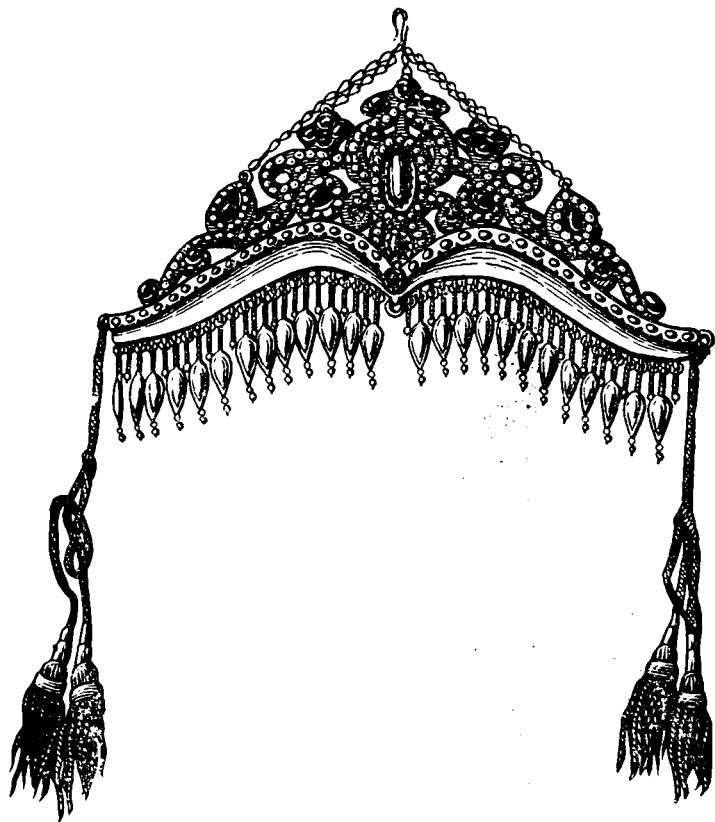

Рис. 2. Кокошник
тилло коши

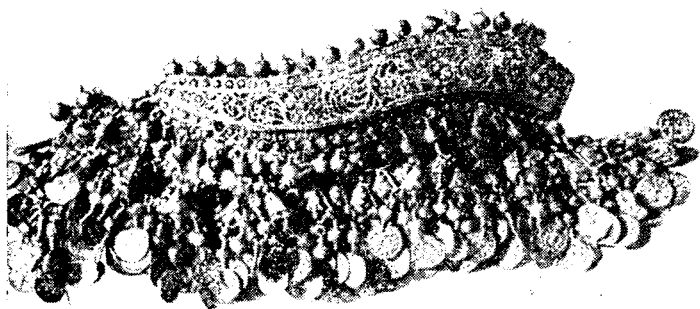

Рис. 3. Фрагмент
налобного украшения,
бытовавшего
в Хорезме

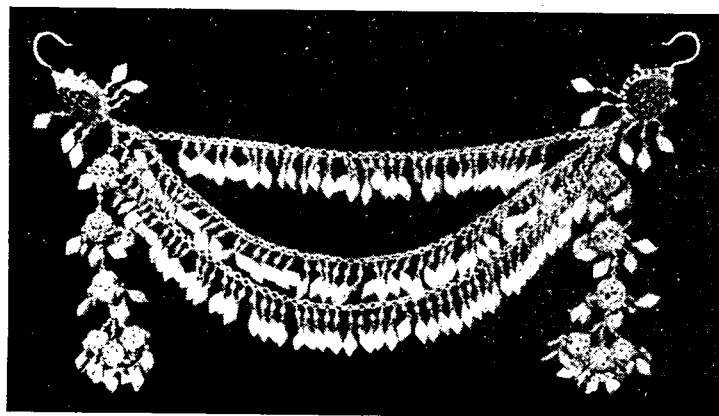

Рис. 4. Налобное
украшение *синсиля*

спускавшихся на брови. Несколько отличались от описанного типа бухарский, хивинский и ташкентский кокошники.

В бухарском кокошнике навершие делали более низким и украшали драгоценными камнями; хивинский — имел особую форму: он был высокий, рогообразный. Основой ташкентского кокошника служила массивная, довольно грубо обработанная пластина. Он вошел в обиход лишь в самом конце XIX — начале XX в.³

Тилло кош носили преимущественно жители городов, а также земледельческое население оазисов (таджички и узбечки), не имевшее родоплеменного деления. Встречались кокошники и у даштикипчацких узбечек, заимствовавших их, видимо, у местного оседлого населения.

2. Диадемы. Основой этого украшения служили подвижно соединенные фигурные пластины. Металлическая лента охватывала лоб и завязывалась на затылке. Встречались диадемы двух подтипов: *баргак* и *синсиля* (*силсиля*).

Баргак (листок) — изделие из серебряных квадратных пластинок, подвижно соединенных при помощи шарниров. Поверхность пластинок украшена розетками из мелкой бирюзы и кораллов. К нижнему краю баргака прикреплялись подвески, подобные подвескам тилло коша. Своим образом бухарский баргак, в котором серебряные квадратные фигурки со штампованным орнаментом были соединены пропущенными сквозь них тонкими шнурами.

В начале XX в. баргак носили в сочетании с тилло кошом, который надевали поверх баргака. Баргак, так же как и тилло кош, бытовал среди таджиков и узбеков-сартов; у них он был, видимо, и заимствован некоторыми группами казахов, каракалпаками и даштикипчацкими узбеками Ферганской и Заравшанской долин.

Синсиля (цепочка) состоит из фигурных полых или плоских пластинок (овальных, ромбовидных и т. п.) с ромбовидными подвесками. Пластины соединены подвижно при помощи цепочек или колец. Отличительная черта украшения — отсутствие на поверхности пластинок вставок из камней и стекла. Этот подтип диадемы в разных его вариантах был распространен у полукочевых населения Средней Азии и Казахстана: казахов, киргизов, полукочевых узбеков и туркмен. У некоторых племенных групп туркмен синсиля были сделаны из массивных ромбовидных пластин с крупными вставками сердолика, но без подвесок. Кроме того, у них встречались синсиля из прорезных серебряных пластин с длинными височными подвесками, спускавшимися до плеч, и налобными, с обильными вставками сердолика, спускавшимися до бровей.

3. Налобные подвески. Старинным головным украшением был комплекс, состоявший из трех крупных подвесок в виде полумесяца с концами, обращенными вверх. Подвески назывались *махи тилло*. Они прикреплялись крючками к головному убору. Одна подвеска спускалась на лоб, две другие — на виски.

Височные подвески иногда имели треугольную форму. *Махи тилло* носили в сочетании с *зильфи тилло* — черными шнурами, на которые нанизывались черные кисти с серебряными куполками, перемежающи-

Рис. 5. Налобная подвеска *махи тилло*

³ См. материалы М. А. Бикжановой в описях коллекций ювелирных изделий Музея искусств Узбекской ССР.

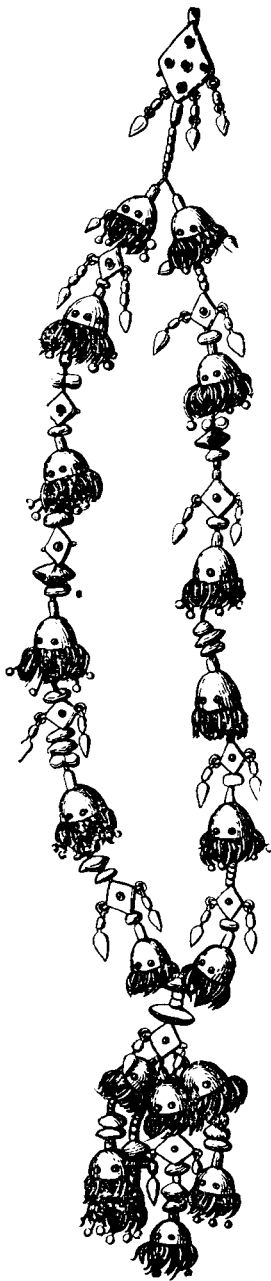

Рис. 6. Головное украшение
зульфи тилло

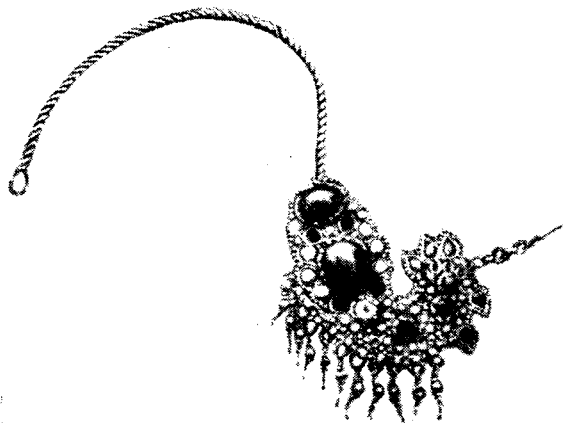

Рис. 7. Височное украшение *каджак*

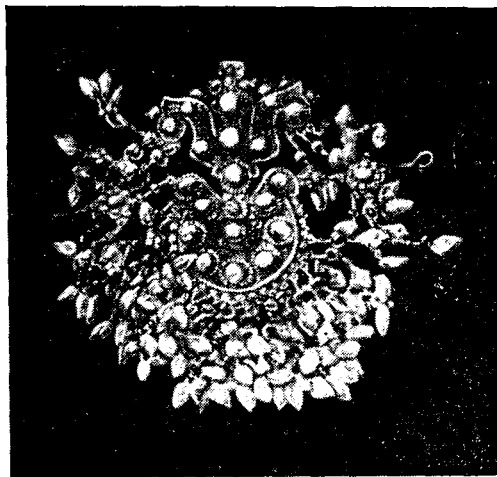

Рис. 8. Височное украшение *дузи*

мися с бусами. Шнуры пришивались к налобной повязке или наматывались на головной убор. Встретить этот комплекс украшений в быту нам не удалось, так как он вышел из употребления к концу XIX в.

Височные украшения. К этой группе относятся:

- 1) *каджак*, или *гаджак* (завиток) — фигурная серебряная пластина в форме завитка. Распространен каджак у узбеков городов и близлежащих районов Ташкентского, Ферганского и Заравшанского оазисов;
- 2) *дузи* — фигурная серебряная пластина с многочисленными подвесками. Распространена в Хорезме;

3) *саукелини сыргасы* (у казахов), *сойко желбурооч* (у киргизов в северных районах Киргизии), *халка* (у каракалпаков) и *адамлык* (у туркмен) — подвеска, зацеплявшаяся крючком за головной убор и спускавшаяся вдоль висков и щек.

Украшения, прикрепляемые к головному убору. Головные уборы нередко украшались серебряными пластинами, монетами, бусами, куполками. Особенно характерно это для бывших кочевников и полукочевников. Очень нарядными выглядели *саукеле* — старинные головные уборы невест и молодых у казахов. Спереди к саукеле прикреплялись подвески, нити бус и цепочки, спускавшиеся вдоль щек на плечи, а иногда узорная серебряная пластина — *мандайша*, отделанная драгоценными камнями, сзади — лента из галуна или две затылочные лопасти с узорами.

К *шоуколо* — накосным шапочкам киргизок — прикреплялись длинные лопасти, спускавшиеся по косам или вдоль щек, украшенные низкими кораллов, монетами и бляшками.

Так же украшалась и *саукеле* — шлемообразная шапочка каракалпачек.

Отделкой девичьих тюбетеек повсеместно служили монеты, иногда в сочетании (что характерно для туркменок) с купольными наверхиями — *кубпа*.

Украшения, прикрепляемые к головному убору, подразделяются на два типа:

- 1) ювелирные изделия, пришивавшиеся к головному убору;
- 2) булавки и заколки, скреплявшие платок, наброшенный поверх головного убора. Эти пользовались, например, таджички, туркменки и оседлые узбекки.

Накосные украшения вплетались в косы либо прикреплялись к ним. Среди них можно выделить несколько типов.

1. *Найча, гуломи* — серебряные трубочки для волос. Из каждой трубочки выходил короткий локон волос (см. рис. 1). Таджички и оседлые узбекки надевали две-три пары таких украшений.

2. Черные шнуры с кистями, заканчивавшимися серебряными трубочками или куполками. У таджиков и узбеков земледельческих районов трубочки и куполки были без отделки, а у южных киргизов, некоторых групп каракалпаков и казахов украшались подвесками, богато инкрустированными бирюзой и кораллами.

Если прическа состояла из двух кос, шнуры с кистями вплетались в косы. Если же в прическе было много косичек, к ним прикреплялась полоска из черного бархата или сатина с кистями.

Рис. 9. Женщина в традиционных узбекских украшениях

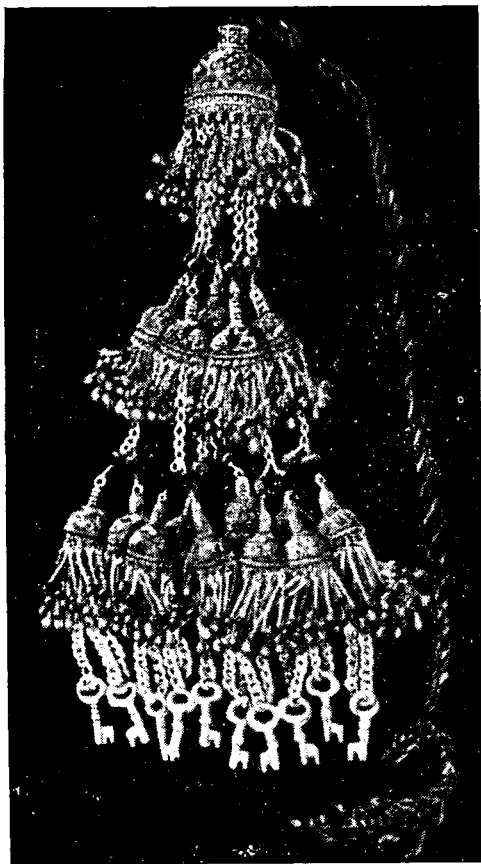

Рис. 10. Накосный шнур с подвесками

3. Черные шнуры, заканчивавшиеся шариками из бисера или канители. Шнуры были хлопчатобумажные или шелковые, их называли *джамалак*, *шамаля*, *пупак* (*чач пупук*) и т. п. Они бытовали сначала у оседлых жителей, затем распространились также среди полукочевых узбеков, где получили название *чач пупак*.

4. Два шнура с подвесками из вееро- и крестообразно нашитых монет, ажурных пластин с прикрепленными к ним на кольцах монетами. Шнуры вплетались в косы (в этом случае волосы заплетались в две косы). Этот тип украшений характерен для казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков даштикипчакского происхождения и именуется *шашпау* (у казахов), *чалпу* (у казахов и киргизов).

5. Накосные шнуры с кистями, заканчивающимися декоративными ключиками, встречались главным образом у полукочевников, но их (значительно реже) носили и оседлые хорезмские узбеки.

6. Подвески в виде прорезных серебряных пластин со вставками сердолика или сплошных сердцевидных пластин с орнаментом чернью и гравировкой. Такие подвески были специальным накосным (для двух кос) украшением туркменок.

Ушные серьги — самая распространенная группа украшений Средней Азии и Казахстана. Они широко бытуют и сейчас. Можно выделить четыре основных типа ушных серег.

1. Так называемые кольцевые серьги. Наиболее распространены серьги, основой которых служит:

а) кольцо разъемное, сделано из круглой в сечении серебряной проволоки. Части его соединены крючком. Внизу к кольцу изнутри и снаружи припаяны украшения в виде треугольников или розеток, выполненных техникой филигрании, иногда в сочетании с зернью. Из серег этого подтипа в Средней Азии и Казахстане повсеместно известны так называемые кашгарские серьги — *кашгар-балдак*;

б) кольцо из серебряной, круглой в сечении проволоки с подвесками. Внутренняя часть его обычно заполнена ажурными завитками из тонкой, прямоугольной в сечении проволоки. Подвески могут быть различными: из зерни, напоминающей виноградную гроздь; из цепочек и кораллов, заканчивающихся ромбовидными, полыми листиками или плоскими пластинками; из серебряных куполов с чернью, по низу которых крепятся длинные цепочки с кораллами, и т. д. Число подвесок колеблется от трех до семи. Для Бухары были характерны серьги из такого же кольца; внутри его располагались изящные веерообразные детали из проволоки. К кольцу прикреплялись три подвески, обычно со встав-

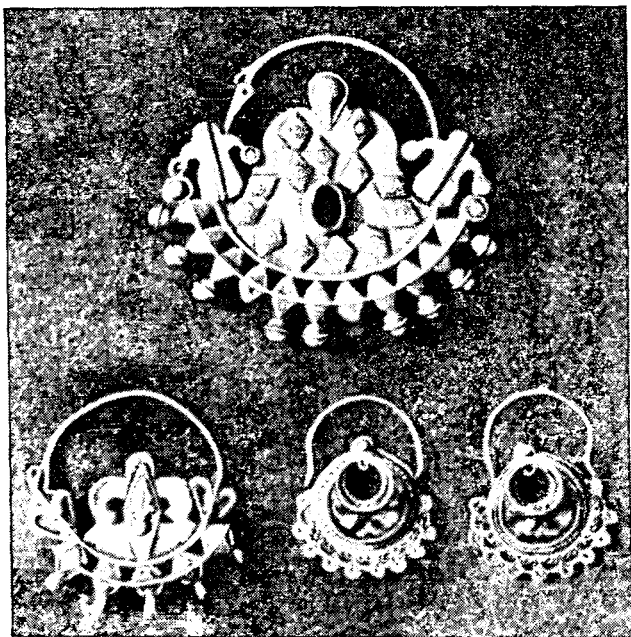

Рис. 11. Ушные серьги, основой которых служит кольцо

ками из овальных изумрудов и рубинов. Такие серьги, довольно широко бытовавшие в Средней Азии, изготовляли только в Бухаре;

в) серебряное кольцо, до половины заполненное серебряной пластиной в форме полумесяца или полукруга. Иногда к кольцу прикреплялись подвески, как правило простые, из цепочек, заканчивающихся ромбовидными пластинками. Поверхность серьги украшалась чернью, гравировкой, порой в сочетании с эмалью. Наиболее характерны для этого подтипа так называемые туркестанские серьги — *туркестан сырға*.

2. Серьги, состоящие из двух или трех подвижно соединенных круглых или овальных серебряных пластинок, в которые вставлялись камни. В нижнюю пластинку часто вставлялось стекло. К таким серьгам, вдевавшимся в ухо при помощи крючка, прикреплялись коротенькие подвески. Этот тип серег был наиболее распространен в Ташкентском и Ферганском оазисах.

Перечисленные типы и подтипы серег характерны прежде всего для оседлого населения оазисов. Но благодаря заимствованиям и торговым связям они встречались и у даштикипчакских узбеков, южных киргизов, казахов, расселенных в пограничных районах Казахстана и Узбекистана, а также у каракалпаков Ферганской долины.

3. Серьги, основу которых составляют вертикальные фигурки. Серьга вдевается в ухо при помощи крючка. Их носили и носят сейчас полукочевые узбеки, казахи, киргизы. Специфическая черта этих серег — отсутствие камней, несложный орнамент. Выделяется несколько подтипов таких серег:

а) грушевидные, полые внутри, украшены чеканным геометрическим или растительным орнаментом; на конце серьги — филигранная розетка;

б) конусообразные, полые внутри; к средней части их иногда прикреплялись подвески из цепочек и ромбовидных пластин;

Рис. 12. Ушные серьги, основу которых составляют вертикальные фигурки

в) шаровидные, полые внутри (из одного или двух шариков), с орнаментом, выполненным гравировкой и чернью;

г) сердцевидные и каплеобразные (кованые), плоские с примитивным орнаментом;

д) конусообразные, объемные (кованые), с процарапанным орнаментом.

4. Серьги из прорезных пластин, украшенные вставками сердолика и чеканкой. Они довольно массивны. Характерны главным образом для туркменов.

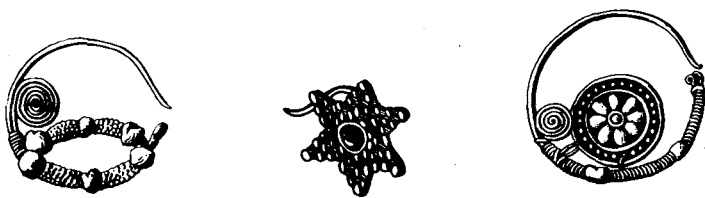

Рис. 13. Носовые серьги

Носовые серьги. Встречались у туркмен, узбеков даштикипчакского происхождения, некоторых групп таджиков, казахов и каракалпakov. В комплексе украшений оседлых таджиков и узбеков носовые серьги, как правило, отсутствовали.

Носовые серьги носили либо в крыле, либо в перегородке носа. Различаются два типа носовых серег:

1) серьга, основой которой было кольцо, отделанное снаружи спиралевидной проволокой;

2) серьга в форме звездочки; распространена в ряде районов Средней Азии. Иногда в носовые серьги вставляли бусинки. Носовые серьги называли *исырга*, *аравак*, *арабек*, *бурун серьга*. Некоторые группы таджиков и узбеков употребляли для названия носовых серег термины *лати бинни*, *латиба*.

Собственно нагрудные украшения можно разделить на три большие группы: ожерелья из металлических деталей; ожерелья из бисера и бусин; отдельные металлические предметы на цепочках — тумары или бозбанды.

Ожерелья из металлических деталей. В эту группу входит несколько типов.

1. Металлические ожерелья из полых серебряных медальонов, квадратных, прямоугольных и фигурных пластин, соединенных несколькими рядами цепочек. Поверхность медальонов или пластин украшена вставками из разноцветных стекол, чернью, гравировкой, позолотой. К этому типу ожерелий относятся *зиби-гардан*, *нози-гардан* и *хайкаль*. Они характерны для таджиков и узбеков-сартов. Подобные ожерелья известны казахам, киргизам, узбекам даштикипчакского происхождения, живущим вокруг оазисов, где эти ожерелья часто и приобретались.

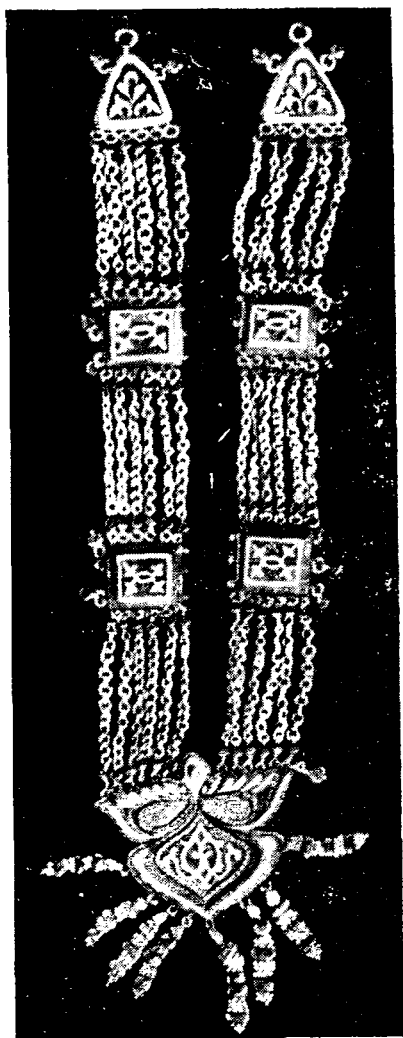

Рис. 14. Металлическое ожерелье

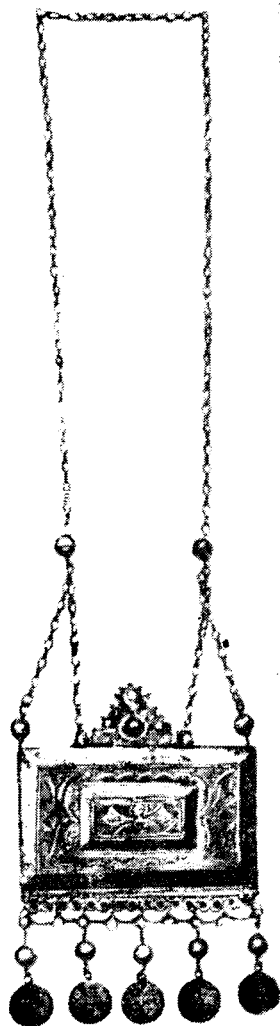

Рис. 15. Нагрудное украшение
бозбанд

2. Ожерелье *джавак* (ячмень). Оно состоит из серебряных полых бусин или ромбовидных пластинок, которые чередуются с сердоликовыми или коралловыми бусинами. К пластинам крепятся подвески из полых фигурок, напоминающих зерна ячменя (отсюда и название украшения). Джавак был распространен в Ферганской долине; реже встречался в Заравшанском и Ташкентском оазисах и в Бухаре, где он был несколько иной формы.

3. Ожерелье из нескольких рядов монет. Бытовало у узбеков и таджиков.

4. Ожерелье из фигурных пластинок с ромбовидными подвесками. Встречалось главным образом у узбеков даштикипчакского происхождения. Иногда в такое ожерелье вставляли коралловые бусины.

Ожерелья из бисера и бусин. В этой группе выделяются два типа:

1. Ожерелья из нескольких ниток кораллов (трех, четырех, пяти); коралловые бусины в сочетании с ажурными или полыми серебряными бусинами. Эти украшения характерны как для оседлого, так и для полукочевого населения, однако чаще они встречались у оседлых жителей.

2. Сетки из разноцветного бисера и низки из множества ниток бисера (желтого, красного и голубого) преобладали у узбеков даштикипчакского происхождения и таджиков некоторых горных районов. Их носили также казахи и киргизы.

Тумары или бозбанды. Это серебряные футляры прямоугольной, квадратной и цилиндрической формы, используемые обычно в качестве амулетов. С помощью цепочек их подвешивали на грудь или через плечо. Поверхности тумаров богато украшались гравировкой, чернью, позолотой, стеклом, иногда камнями. К нижнему краю их прикреплялись подвески из монет, бусин и пластинок. Эти своеобразные серебряные коробочки служили для хранения молитв и были своего рода оберегами. Нагрудные украшения этой группы встречались в Средней Азии в разных вариантах: так, например, для Хивы и ее окрестностей более характерны трубчатые тумары для Заравшанской долины — цилиндрические и квадратные, для Ферганской долины — треугольные и прямоугольные и т. д.

Способы украшения поверхности тумаров различны: позолота без каких-либо вставок (часто в орнамент вносилась арабская надпись); двухслойный орнамент с чернью, вставки мелкой бирюзы по краям тумара и крупная вставка красного граненого стекла в середине его.

Тумары были распространены в Средней Азии и Казахстане повсеместно как среди оседлого, так и среди полукочевого в прошлом населения, однако их несомненно изготовляли в городских центрах, откуда они проникали в кишлаки и аулы узбеков, казахов, киргизов и других народов Средней Азии.

Шейные украшения. Эту группу можно разделить на два типа.

1. Серебряные ожерелья-обручи, охватывающие шею и скрепляющиеся при помощи серебряного стерженька. Такие своеобразные шейные украшения, характерные только для туркмен, называют *буков*.

2. Лента из разноцветного бисера, составляющего определенный геометрический рисунок, плотно охватывающая шею. Ожерелье такого типа широко распространено среди всех народов Средней Азии и везде называется примерно одинаково: *хапобанд*, *хавобанд*.

К шейным и наплечным украшениям относятся и различные ювелирные изделия, которые пришивались или пристегивались к наплечной одежде — платью, халату, камзолу. Попытаемся выявить их основные типы.

1. Брошь *фибула* для застегивания ворота платья. Распространена по всей Средней Азии и в Казахстане, но у каждого народа имеет свои особенности. Можно выделить четыре основных подтипа таких брошей:

Рис. 16. Браслеты

а) таджикские броши. Они представляют собой ажурные или сплошные круглые серебряные пластины небольших размеров с чернью и гравировкой на поверхности, иногда с овальным или круглым камнем, вставленным посередине. Такая брошь у таджиков называется *садаф*, у припамирцев — *чима*;

б) казахские броши. Это круглая сплошная серебряная пластина значительно больших размеров, украшенная чеканным или штампованным узором;

в) киргизская брошь *тооноч*. По форме она отличается от двух описанных выше подтипов. В середине серебряной пластины вырезается круглое отверстие. Поперек отверстия укрепляется игла, которая служит для прикрепления броши к одежде;

г) туркменская брошь *гульяка*. Эта брошь наиболее сложна по технике изготовления. Она часто украшается прорезью, многочисленными вставками из сердолика. В отличие от перечисленных выше подтипов, которые теперь бытуют в весьма незначительной степени, гульяка и сейчас популярна среди различных туркменских групп, где она встречается в нескольких разновидностях.

2. Украшения, нашиваемые на платья и халаты (бляшки из серебра, штампованные пластины, монеты и бусины). Заметим, что одежда полукочевой группы населения Средней Азии была обильно украшена всякого рода изделиями из пластин и монет. У жителей городов и оседлых земледельцев подобные украшения встречались значительно реже. Украшения этого типа у разных народов отличаются по форме и штампованному орнаменту на бляшках. Различны были также способы и манера отделки наплечной одежды. Так, например, у таджиков и юго-восточных групп туркмен нашивные пластины *ситора* для одежды более мелкие и тонкие, чем у других народов. У казахов же и киргизов вместо пластин чаще применялись монеты, круглые пластинки *тана*. Для туркмен и киргизов характерна также отделка одежды бубенцами. В большом ходу у казахов, киргизов и каракалпаков были различные полые и кованые пуговицы. У них же часто встречались застежки-пряжки *капсырма* филигранной работы или сплошные, которыми скреплялись полы камзола.

3. Особый тип нашивных украшений — треугольные тумары и цилиндрические бозбанды, часто филигранной работы. Обычно они играли роль оберегов. Эти украшения бытовали у узбеков-сартов и таджиков. Бозбандами называются также круглые массивные бляхи с встав-

кой сердолика, которые нашивали на плечи халатов у туркмен. Различные куполообразные подвески с когтями филина характерны для жителей городов и земледельческих районов.

Украшения, которыми отделывались пояса

Можно выделить две группы таких украшений.

1. Фигурные бляхи, выполненные техникой филиграна, со вставками шлифованной мелкой бирюзы, похожими на перегородчатую эмаль, а также сплошные пластины и пряжки для поясов с чернью и гравировкой. Встречаются они главным образом у жителей городов и оседлых земледельцев.

2. Фигурные резные бляхи из сплошной пластины серебра, отделанные орнаментом, нанесенным чернью, гравировкой или аппликацией другими металлами. Они более массивны, чем бляхи предыдущей группы. Пояса с такими украшениями носили казахи, киргизы, каракалпаки и туркмены.

Украшения для рук и ног

Браслеты. В этой группе можно выделить несколько типов:

1) браслеты, застегивающиеся при помощи серебряного стержня, филигранные, прорезные или сплошные широкие, отделанные чернью, гравировкой и вставками из камней (бирюза);

2) браслеты несомкнутые, плоские, украшенные чернью, чеканкой, гравировкой и вставками из бирюзы;

3) браслеты несомкнутые (концы могут быть разной формы), круглые в сечении, с примитивным орнаментом, иногда украшенные камнями (сердолик, бирюза);

4) браслеты несомкнутые, массивные, широкие, состоящие из двух-трех рядов (как бы спаянных друг с другом браслетов).

Кольца. Бытовали кольца с напаянными монетами или пластинами разной формы, украшенными примитивным орнаментом или вставками из камней.

Оригинально туркменское украшение из пяти колец, соединенных цепочками с браслетами четвертого типа. Этот вид украшений очень слабо изучен. Подобные сочетания браслетов и колец бытовали также у казахов, соседствующих с туркменами.

Браслеты для ног зафиксированы лишь у туркмен, носят их только дети.

TYPES OF FEMALE JEWELRY ORNAMENTS AMONG THE PEOPLES OF MIDDLE ASIA AND KAZAKHSTAN

The article deals with female jewelry that was prevalent in Middle Asia and Kazakhstan at the close of the XIXth and the beginning of the XXth centuries. The author distinguishes and describes four main types of female jewelry ornaments: 1) ornaments worn on the head (on the forehead; on the temples; ear-rings; nose-rings); 2) ornaments for the breast and neck (worn over the neck; on dresses supported by the shoulders; on the breast); 3) belts; 4) rings and bracelets.

These main types are subdivided into groups, then into narrower types and sub-types.

Л. В. Маркова

О ПРОЯВЛЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БОЛГАР

Тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи.

(В. Г. Белинский)

При изучении этнических процессов перед исследователем неизбежно встает ряд вопросов: об устойчивости этнической традиции, о степени адаптации переселенцев к новой экологической среде, о закономерностях в процессе культурных заимствований и пр. В свою очередь, проблема устойчивости этнической традиции предполагает выяснение того, в какой степени она присуща различным явлениям народной культуры и быта, все ли эти явления несут в себе специфические признаки данной этнической общности и в чем эти признаки воплощаются.

За последние годы в разработке этой проблематики сделан большой шаг вперед¹, однако дискуссия по отдельным вопросам продолжается. Таков, в частности, вопрос об этническом аспекте материальной культуры, значение которого для этнографических и археологических исследований очевидно.

По поводу отражения этнической традиции в материальной культуре были высказаны разные мнения. Одни авторы считают материальную культуру устойчивым хранилищем этнических традиций, которые зримо отображаются в формах жилища, одежды и пр.²; другие уточняют, что этнознаковую марку вещь приобретает (или теряет) в определенных общественно-экономических условиях³; третьи находят, что этнические традиции в хозяйстве и в формах земледельческих орудий вовсе не прослеживаются⁴; четвертые полагают, что поскольку материальная культура обусловлена главным образом уровнем развития производительных сил и особенностями природной среды, ее этническое

¹ См., например: В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1; С. А. Токарев, К методике этнографического изучения материальной культуры, «Сов. этнография», 1970, № 4; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971; С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, «Расы и народы», 2, М., 1972; К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, «Сов. этнография», 1972, № 3; Я. В. Чеснов, Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии, «Сов. этнография», 1972, № 4; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973.

² П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XV, М., 1951, стр. 7, 9, 68; сб. «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968, стр. 369—370.

³ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 71—72.

⁴ Г. Г. Громов, Ю. В. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография», 1967, № 1; Л. Дуков, Характерът на културно-историческо наследство от железни части на земеделски оръдия в българските земи, в кн. «Етногенезис и културно наследство на българския народ», София, 1971.

значение бесспорно лишь для эпохи родо-племенного строя, позднее же оно непрерывно убывает и не представляется существенным⁵ и т. д.

Каждая из этих точек зрения обоснована наблюдениями над конкретными проявлениями этнической специфики в разных видах материальной культуры у разных народов и в разных ситуациях, но для широких обобщений, очевидно, необходимо дальнейшее накопление знаний в этой области и поиски путей для более разностороннего понимания этого явления.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть проявление этнической специфики в некоторых видах материальной культуры болгар. Мы располагаем очень благодарным источником для изучения этого вопроса: сведениями о быте болгар, живущих в степной части Прутско-Днестровского междуречья (юг Молдавской ССР и запад Одесской области Украинской ССР, т. е. б. Бессарабская губерния), которые можно сопоставить с соответствующими данными из тех местностей Болгарии, откуда в конце XVIII — первой трети XIX вв. вышли предки бессарабских болгар.

Как справедливо заметил Ю. В. Бромлей, миграции в известной мере возмещают этнографам невозможность поставить эксперимент, в котором этническая традиция была бы проверена на устойчивость или изменчивость⁶. Болгарские поселения в СССР представляют собой своего рода естественную «лабораторию» для подобных исследований⁷.

В Бессарабии переселенцы по преимуществу занимались земледелием. Зерно и другие сельскохозяйственные продукты они сбывали главным образом в дунайских портах и в Одессе. Для Болгарии этот товар не представлял интереса. Поэтому торговые связи колонистов со старой родиной были незначительны, родственные и личные также мало поддерживались. Болгары «акклиматизировались» в бессарабских степях, сохранив при этом свой язык, целый ряд культурно-бытовых особенностей и национальное самосознание. Наша задача сводится к тому, чтобы в материальной культуре одних и тех же по происхождению, но долгое время живущих раздельно локальных групп, уловить то общее, что характеризует эту культуру как болгарскую, несмотря на создавшиеся со временем различия в ее облике.

Районы Болгарии, из которых вышли переселенцы, достаточно хорошо известны благодаря работам историков и диалектологов (иногда вплоть до отдельных сел)⁸. В Бессарабии нередко в одном селе оказывались люди из разных мест, говорившие на разных диалектах. Но существовали и колонии с населением однородного происхождения или же такие, в которых одна группа сильно преобладала. Такие колонии называли именем родного села преобладающей группы.

Для начала исследований мы выбрали пары «материнских» и «дочерних» сел, носящие (или носившие до переименования) одинаковые названия⁹. Языковые и этнографические данные (один и тот же говор,

⁵ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 44—45; М. Г. Рабинович, Древний ландшафт и жилище, «Сов. этнография», 1969, № 2; И. С. Каменецкий, Археологическая культура — ее определение и интеграция, «Сов. археология», 1970, № 2, стр. 35.

⁶ Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», «Расы и народы», I. М., 1971, стр. 14—15.

⁷ См. об этом, в частности, Л. В. Маркова, Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР (к вопросу об устойчивости этнической традиции), М., 1966.

⁸ См.: «Атлас болгарских говоров СССР» (под ред. С. Б. Бернштейна). Вступительные статьи, М., 1948; И. И. Мещеряков, Переселение болгар в южную Бессарабию, 1828—1834 гг., Кишинев, 1965, и др.

⁹ Это: с. Твардица (Чадыр-Лунгский р-н МССР) и с. Твърдица, в 1965 г. получившее статус города (северо-запад Сливенского округа Болгарии); с. Кирютня (б. Кортен) того же р-на МССР и с. Кортен на юго-западе Сливенского округа; с. Кирсово (б. Баш-кёй) Комратского р-на МССР и село Жеравна (б. Баш-кёй) на севере Сливенского округа.

одинаковый свадебный обряд и пр.) подтверждают «родственность» таких сел. Объединяет выбранную группу сел и то, что их судьба связана с одной наиболее массовой волной болгарской колонизации 1829—1831 гг., которая отличалась, кроме всего прочего тем, что в составе переселенцев находилось немало жителей городов и селений полугородского типа («паланок», т. е. местечек). Горожане осели не только в местных городках, но и в селах; в 1860-е годы в процессе внутренних миграций в Бессарабии деревенское население еще пополнилось горожанами¹⁰. Быстрая и безболезненно происшедшая перемена горожанами занятий объясняется тем, что и в самой Болгарии сельское хозяйство было для многих городских жителей важным материальным подспорьем. Автор трехтомного труда об истории и быте города Сливена (откуда было много переселенцев в Россию) С. Табаков нашел убедительные свидетельства тому, что часть его жителей в прошлом занимались земледелием. Особо он отмечает виноградарство как «третий по значению источник доходов сливенцев»¹¹.

Сходство имущественного состояния (в Бессарабии после всех перипетий колонизации осели преимущественно бедные и средние слои горожан) также облегчило сближение групп городского и сельского происхождения. Эта особенность социального состава колонистов наложила свой отпечаток на их дальнейшее культурно-бытовое развитие.

По роду основных занятий переселенцы разделялись на ремесленников и крестьян, а крестьяне в свою очередь на земледельцев и скотоводов. Среди земледельцев выделялась группа потомственных виноградарей (с. Кортен). В Бессарабии же все они превратились в хлебопашцев. Лишь в редких случаях (село Вайсал — ныне Васильевка) скотоводство до конца XIX в. оспаривало первенство у земледелия. Казалось бы, налицо быстрое изменение направления хозяйства с переменой условий обитания. На самом же деле это — лишь возвращение к древней земледельческой традиции болгар. Вековая привязанность болгар к земле не изменяла им на их родине даже в горах, где разведение зерновых совсем неэффективно. Во многих городах еще в I-й половине XX в. жители выращивали на загородных и приусадебных участках виноград, фрукты, овощи, корма для домашних животных; все это составляло немаловажную статью доходов средних и бедных слоев населения¹². Приверженность к привычным отраслям хозяйства подтверждается и таким фактом: с. Кортен в Болгарии — одно из передовых виноградарских сел, которое, в частности, поставляет черенки (их выращивание требует особого искусства) во многие районы своей страны и за границу; потомки выходцев из этого села в Бессарабии со временем развили больше, чем другие колонисты, виноградарство и в настоящее время являются одними из лучших в Молдавии мастеров в этой отрасли хозяйства.

Таким образом, в направлении хозяйства определенно прослеживается этническая традиция, показывающая большую устойчивость.

В области же сельскохозяйственной техники картина иная. В Болгарии до первой мировой войны повсеместно, а до коллективизации в большей части страны сохранялись деревянные рала. Они различались по своей конструкции. Два типа рал — оба с изогнутым грядилом — бы-

венского округа; в Болградском р-не Одесской обл. УССР: села Голица, Ореховка (б. Пандаклия), Васильевка (б. Вайсал) — и в Болгарии: села Голица (Варненский округ), Пандаклия (Бургасский округ); с. Вайсал после первой мировой войны осталось на территории Турции.

¹⁰ «Атлас болгарских говоров СССР», Вступительные статьи, стр. 15; И. И. Мещеряков, Указ. раб., стр. 96, 149, 161—162; А. Скалковский, Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, Одесса, 1848, стр. 39.

¹¹ С. Табаков, История на град Сливен, т. III, София, 1929, стр. 62, 74.

¹² С. Табаков, Указ. раб., стр. 74; Полевые записи автора, Архив Этнографического ин-та Болгарской Академии наук, № 559-II, л. 39.

товали в районах расположения избранной нами группы сел¹³. Но в Прутско-Днестровском междуречье зафиксирован только один его тип — с грядилем, вставленным в место соединения полоза с ручкой, да и то в качестве подсобного орудия для рыхления и окуливания огородных культур. Другой тип рала, характерный для горных и предгорных районов Восточной Болгарии, здесь не привился. Зато встречалось рало с прямым грядилем, какое издавна известно в южной России, например, у украинцев, молдаван¹⁴. В Болгарии вариант прямогрядильного рала распространен в западных пределах страны (откуда переселений в Россию почти не было) и лишь отдельными пятнами в ее восточных районах, притом вне области расположения избранной нами группы «материнских» сел¹⁵. Поэтому больше данных за то, что переселенцы заимствовали этот тип рала у местного населения, чем за то, что они принесли его с родины¹⁶. Поля же свои, уже по сведениям, относящимся к середине XIX в. (более ранних у нас не имеется), колонисты пахали деревянными плугами типа «малороссийского» (на целине и залежи) и более легким «сабаном» (на старопахотных землях); оба типа пахотных орудий были широко распространены в южнорусских степях еще до болгарской колонизации¹⁷. Во второй половине XIX в. колонисты стали пользоваться железными плугами ремесленного или фабричного изготовления.

Так же быстро восприняли переселенцы-болгары у окружающих их народов орудия для уборки урожая и обмолота зерна. Колонисты расстались, например, с типичной для Фракии «каврамой» (род крупного гладкого серпа), с деревянным напалечником для жатвы «паламаркой» и перешли к уборке хлебов косой, на родине для этой цели никогда не употреблявшейся¹⁸.

Здесь налицо неустойчивость традиции, ее прямая зависимость от эффективности производства. Получив крупные наделы и привилегии, колонисты перешли к товарному земледелию, развитому в южной России. Оно вызвало решительную ломку старой технологии производственного процесса: изменились система земледелия и орудия труда. Традиционная сельскохозяйственная техника сохранялась известное время лишь в натуральном секторе хозяйства (огороды), причем и здесь она сочеталась с местной. При контакте с более рациональными способами хозяйствования болгары легко отказывались от традиции.

Всему этому не противоречит длительное сохранение в определенных районах Болгарии вплоть до массовой механизации ее сельского хозяйства разных форм старинных земледельческих орудий. Я. В. Чеснов, по-видимому, прав, полагая, что у примитивных орудий, создаваемых в сходной среде, коэффициент полезного действия приблизительно одинаков, и поэтому заимствования у соседей лишаются смысла¹⁹. Ду-

¹³ Chr. Vakarëlski, *Ethnografia Bulgarii*, Wrocław, 1965, str. 11—12, mapa IV; Ж. Н. Выжарова, О происхождении болгарских пахотных орудий, М., 1956, стр. 14, рис. 8; В. Маринов, Классификация на ралните форми в България, «Музеи и паметници на културата», София, 1966, № 2. Некоторые разногласия между болгарскими учеными по поводу типологии пахотных орудий в данной связи не существенны.

¹⁴ Личное сообщение сотрудника Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР Н. А. Демченко. См. также: В. Ф. Горленко, И. Д. Бойко, О. С. Кунницкий, Народна землеробска техника українців, Київ, 1971, стр. 35.

¹⁵ См.: Chr. Vakarëlski, Указ. раб., карта IV; Ж. Н. Выжарова, Указ. раб., рис. 8.

¹⁶ К такому выводу пришел Н. А. Демченко, который в настоящее время работает над этой темой.

¹⁷ А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I, Одесса, 1850, стр. 56; Н. А. Демченко, Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XIX вв., Кишинев, 1967, стр. 55—60; Полевые записи автора, Архив Ин-та этнографии АН СССР (АИЭ), ф. 17, ед. хр. 4, стр. 57.

¹⁸ Н. А. Демченко, Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XIX вв. стр. 128; Полевые записи автора, АИЭ, ф. 17, ед. хр. 4, стр. 42.

¹⁹ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 67, 70—71.

мается, однако, что складывающаяся таким образом прочная традиция воспроизведения одних и тех же форм — не всегда только «этническая», как полагает Я. В. Чеснов, наряду с нею допустима и региональная — как в случае с типами болгарских орудий труда, распространенными далеко за пределами этнической территории болгар и связанными, судя по всему, с определенными историко-этнографическими областями. Зависимость традиции в сельскохозяйственной технике от ее производственной рациональности прослеживается на территории Болгарии и в древности. Новейшие исследования железных частей сельскохозяйственных орудий, распространенных в пределах этой страны, показали, что все они бытовали здесь до прихода славян, а это значит, что славяне заимствовали у фракийцев формы наиболее важных — рабочих — частей орудий труда, — более эффективных, чем их собственные, так как они выработаны продолжительной практикой применительно к местным условиям. Эти формы зафиксированы далеко за пределами древней Фракии (на всем Балканском полуострове, в Средиземноморье, на Ближнем Востоке), то есть они не были специфичны для какого-либо одного этноса, а для широкого региона, включающего части нескольких этнических территорий²⁰.

Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чеснов высказали мысль о проявлении этнической специфики в навыках пользования орудиями труда, поскольку главную роль в производственном процессе до применения машин играет искусство земледельца²¹. Это перенесение внимания с вещи на поведение человека, опосредствованное отношением к данной вещи, — весьма интересный и еще мало затрагиваемый аспект в изучении этнических признаков материальной культуры.

Представляется, что устойчивость и специфичность традиции в направлении хозяйства объясняется тем, что она закрепляется в целом комплексе бытовых привычек, вкусов, в навыках трудовой деятельности, наконец, в представлениях людей. Напротив, форма и конструкция сельскохозяйственных орудий подвержены большей изменчивости, вероятно, потому, что они связаны с узкой сферой производственной деятельности, не опосредствуясь при этом народным бытом в целом.

Попробуем рассмотреть, как проявляется этническая специфика в таких сферах материальной культуры, как жилище и одежда.

Создание и использование жилища зависит от переплетения многих факторов. Влияние географической среды сказывается (особенно в доиндустриальный период жилищного строительства) в выборе сырья для строительных материалов. Способы обработки природного сырья, хотя и связаны с его видом, однако непостоянны в пределах одного района, они совершенствуются в ходе развития производительных сил. Перемена строительных материалов, естественно, ведет к изменению конструкции стен, крыши и пр. Все эти зависимости особенно наглядно выявляются с переселением в другую местность.

При миграциях (внутри ли Болгарии или за ее пределы) не обнаруживалось особой приверженности к привычной технике строительства. Горцы Болгарии, жившие в каменных и деревянных жилищах, после переселения в равнинные части своей страны сразу же начинали строить турлучные и саманные дома, воспринимая опыт старожилов. В Бессарабии в связи с острой нехваткой леса колонисты быстро перешли от каркасной к глинобитной технике возведения стен. В XX в. неформованную глину заменил распространившийся из северной Молдавии и с

²⁰ В. Маринов, Ралии форми в планинските райони на България, «Известия на Почвения институт», кн. IV, София, 1957, стр. 513—514; Л. Дуков, Указ. раб., стр. 95—96; ср. Ж. Н. Выхарева, Указ. раб., стр. 49—52.

²¹ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1967, № 3, стр. 63—64; Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 65, 67.

Рис. 1. Дом с усложненной планировкой в с. Жеравна (Болгария) (фото Л. В. Марковой)

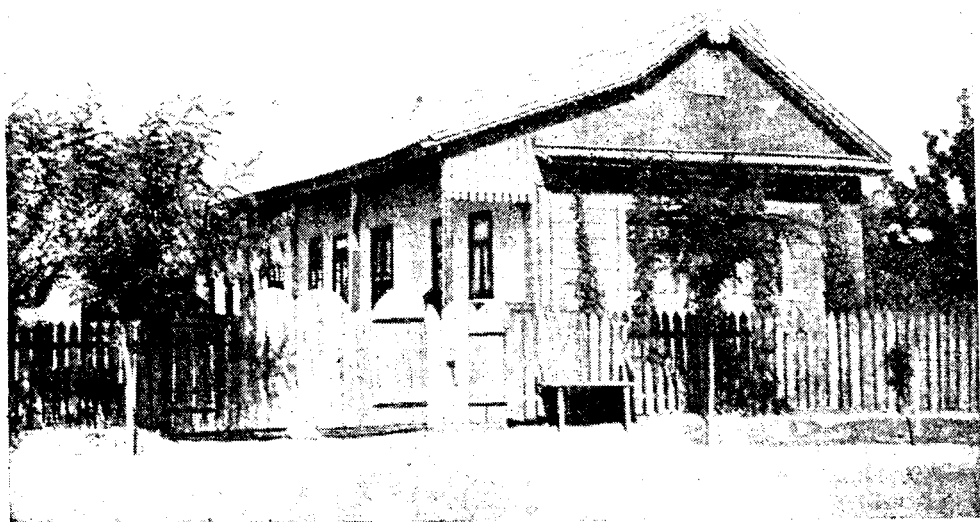

Рис. 2. Дом с усложненной планировкой в с. Кирсово (МССР) (фото Л. В. Марковой)

Украины сырцовый кирпич, при этом способы использования его для кладки стен со временем претерпели изменения. От окружающей среды зависит и ряд других особенностей жилища: его вертикальное развитие, некоторые конструктивно-архитектурные детали. В меньшей степени экологические условия влияют на ориентацию дома, на связь помещений и хозяйственное их назначение.

На юго-западе России переселенцы из разных этнографических групп Болгарии в значительной степени унифицировали свое жилище²². Особенно разительные изменения претерпело оно у выходцев из одного района Балканских гор (г. Котел, села Жеравна, Медвен), основавших в пределах нынешней Молдавии село Кирсово. На родине у них были массивные деревянные дома (этот район славился в Болгарии деревянным зодчеством), здесь же они стали жить в глинобитных; там — тенденция к вертикальному развитию, здесь — разрастание помещений по горизонтали; там — сочетание однорядного расположения помещения с двухрядным, здесь — рост дома в длину при однорядной связи; там — просторные, приближающиеся к квадрату террасы, здесь — узкая галерея столбов под навесом крыши. Внешне — как будто бы совершенно разные типы жилища. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что в них однотипны набор помещений, в которых протекает основная жизнь семьи (комната с очагом и комната типа коморы), их внутреннее устройство и использование. При увеличении числа комнат до трех и более различалось их пространственное размещение, но назначение оставалось сходным. Из-за холодных зим в Бессарабии комору стали обогревать печью; в Болгарии вторую комнату начали утеплять в XX в. только в областях с более прохладным климатом к северу от Балканского хребта²³. Лишь терраса балканского и галерея бессарабского дома, приспособленные более для хозяйственных, нежели для собственно жилых нужд, использовались по-разному.

Дальнейшее развитие жилища переселенцев привело к двум важнейшим изменениям в его функциональной модели: во-первых, к превращению комнаты с очагом (или с выходом устья печи), бывшей центром домашней жизни, в род теплых сеней или в прихожую и, во-вторых, к выделению парадной части, резко отграниченной от жилой или же вынесенной в отдельную постройку. В конструктивное устройство последней раньше всего вносились новшества; здесь было сосредоточено наиболее ценное домашнее имущество, интерьер старательно украшен, но парадные комнаты не отапливались и большую часть времени пустовали. Подобный же тип жилища начал складываться в Болгарии еще в середине XIX в., но в городах и местечках. В бессарабских селах эта традиция развивалась, по-видимому, под влиянием горожан, а также в условиях известного подъема материального благосостояния. В деревнях Болгарии комплекс из двух жилых построек аналогичного функционального назначения, но с иной планировкой парадных домов, сложился совсем недавно — в последние два десятилетия. Это связано с внедрением в сельское жилищное строительство проектов, носящих черты городской архитектуры (род коттеджей) и не приспособленных к целому ряду особенностей деревенского быта²⁴. Такие дома становятся поэтому парадными и приобретают прежде всего престижное значение, которое ранее в крестьянском жилище было слабо выражено. Для по-

²² Подробнее см.: Л. В. Маркова, Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье, сб. «Этнография и искусство Молдавии», Кишинев, 1972.

²³ См. С. Георгиева-Стойкова, Огнището в българския бит, София, 1956, стр. 85.

²⁴ Б. Георгиева, Г. Данчев, Социалистическо преустройство на къщата и домакинството в полските села, «Известия на Етнографския институт и музей» (далее ИзЕИМ) кн. X, София, 1967; Р. Пешева-Попова, Бит и култура на селото, София, 1970, стр. 45—46.

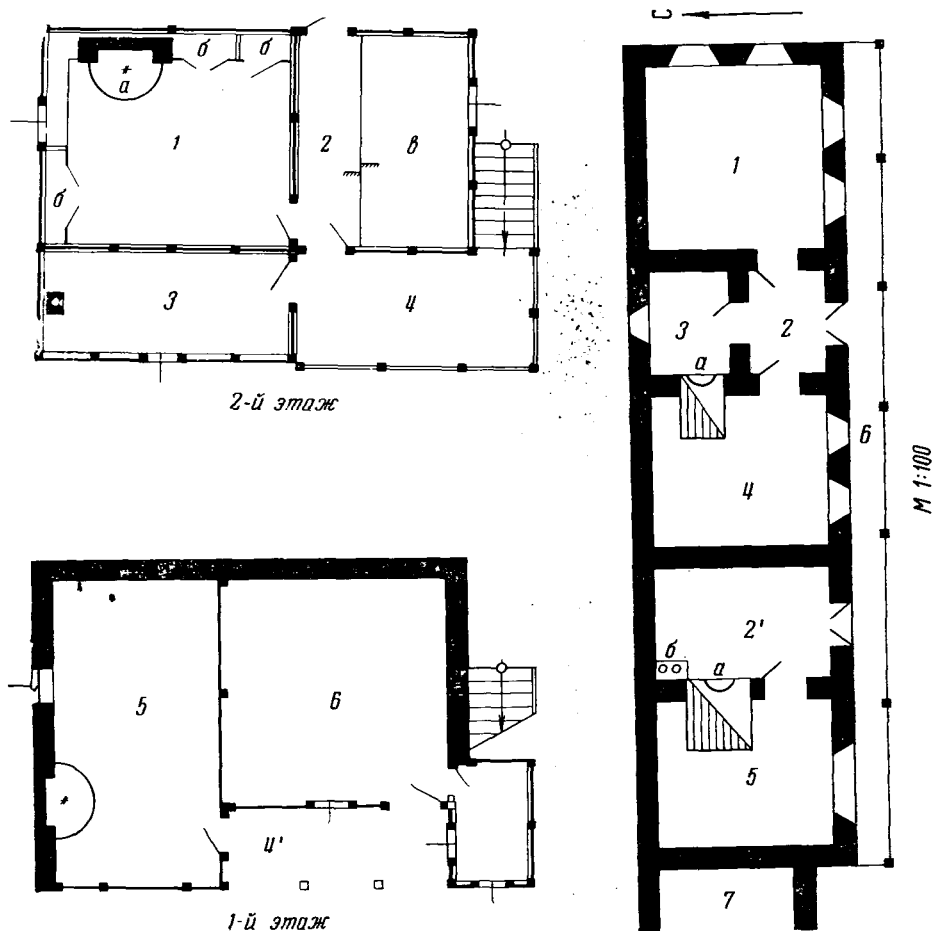

Рис. 3. Типы планировки жилища в с. Жеравна (Болгария) и в с. Кирсово (МССР). Слева — тип, отражающий начало развития планировки в ширину в с. Жеравна. Начало XIX в. (Съемка архитектора Георгия Данчева). Второй (жилой) этаж: 1 — *голяма стая* (большая комната) — основное жилое помещение и кухня, а — очаг, б — стенные шкафы; 2 — *пруст* — род сеней, в — возвышение земляного пола, место для сна в теплое время года; 3 — *стая* (комната); 4 — *сайван* — терраса. Первый (нежилой) этаж: 4' — *сайван* — открытое пространство под навесом крыши; 5 — *дюкян* — мастерская хозяина дома — ремесленника; 6 — *маза* — хозяйственное помещение для хранения домашних припасов, сырья для ремесленного производства и пр. Справа — тип с однорядным развитием планировки в с. Кирсово 1960-е годы. (Съемка Л. В. Марковой): *Къща* (дом): 1 — *гулямата къща* (большая комната) — парадное помещение; 2 — *хаят* — прихожая; 3 — *куморка* (коморка) — жилая комната (в домах, строившихся до начала XX в., 2 и 3 составляли одно помещение с функциями 2, см. ниже); 4 — *малката къща* (малая комната) — спальня; *кухня* — основная жилая часть дома: 2' — *хаят* — кухня и (в прошлом) жилое помещение, а — печь, б — плита; 5 — *кухня* — комната под этим названием служит спальней; 6 — *сулдурма* — галерея под навесом крыши; 7 — хозяйственные помещения

вседневной же жизни обычно строят другой дом (или пристройку) с традиционной планировкой и набором помещений, выработанных применительно к данной природной среде, домашнему укладу, представлениям о комфорте болгарской сельской семьи. Так разрешилось противоречие между развитием материальной стороны быта и отстающим от него комплексом культурно-бытовых потребностей, между инновацией и традицией. Как видим, оно разрешилось у болгар одинаково как на основной этнической территории, так и за ее пределами. Традиция более всего выражена в той части жилища, где протекает повседневная жизнь

семьи. Нужно подчеркнуть при этом, что «будничные» дома болгар юго-западных районов СССР сходны по планировке со старинными домами (соответственно — с «повседневными» жилыми современными постройками) низменной зоны северной и северо-восточной Болгарии, хотя значительную часть колонистов составили выходцы из центральных районов страны и из восточной Фракии с иной традицией жилой архитектуры. Причина, очевидно, кроется, в сходстве природно-климатических и хозяйственных условий Дунайской низменности и юга Прутско-Днестровского междуречья, для которых данная форма жилища наиболее рациональна.

Существование нескольких типов планировки домов у одного народа — часто наблюдаемое явление и в других, в том числе в небольших, странах²⁵. В Болгарии привязанность планировки к природно-хозяйственным условиям подчеркивается еще и тем, что в локальных ее вариантах прослеживается местная преемственность, которую не нарушали изменения состава населения в результате внутренних миграций болгар на протяжении веков²⁶. Действительную устойчивость в жилище обнаруживает его функциональная модель, приспособленная к «образу жизни» болгар, отличающемуся у них, как и у всякого другого народа, своеобразием, и в ней заложена, следовательно, наибольшая этническая значимость.

В этой связи тезис об устойчивости формы жилых построек на протяжении веков²⁷ требует, очевидно, пересмотра и уточнения, так как он во всяком случае не приложим ко всем народам и ко всем ситуациям в истории этносов.

Одежда связана со многими сторонами жизни человека. Она одновременно и консервативна, и подвижна, отражая, с одной стороны, устойчивые навыки, взгляды, вкусы людей, а с другой — чутко реагируя на изменения их состояния и положения. Так, например, столетиями у болгар в различных районах сохранялись рубахи определенного покроя, которые входили в состав костюмов людей разного возраста, семейного, социального положения, занятий, локальной принадлежности и пр., притом не все эти виды костюмов сосуществовали одновременно.

Устойчивые свойства одежды делают ее одним из наиболее ценных источников для этноисторических исследований²⁸; в то же время изменчивость ее и многофункциональность подчас затрудняют определение ее этнической специфики. Ведь этнические особенности одежды — это лишь одно из проявлений общей функции одежды как социально-разделительного и социально-интегрирующего фактора²⁹. В связи с этим встает вопрос: постоянна ли в одежде интенсивность этой функции и всегда ли ее отражает внешний вид костюма? Попытаемся с этой точки зрения рассмотреть в самых общих чертах одежду болгар на их основной этнической территории и в междуречье Прута и Днестра в XIX—XX вв.

В «традиционной» одежде крестьян Болгарии бросается в глаза любопытная ее особенность: территориальное несовпадение мужских и женских ее типов. В то время как зоны распространения трех комплексов женской одежды (двупрестилочного, сукманного и саечно-

²⁵ См.: «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968.

²⁶ «Народы зарубежной Европы», I (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 329—332; Л. В. Маркова, Типы сельского жилища Болгарии, в кн. «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», стр. 19—33 и рис. 1—2.

²⁷ «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», стр. 369—370.

²⁸ См., например: М. Велева, Синтез на етническите елементи в българското народно облекло, ИзЕИМ, VIII, 1965; ее же, Българската двупрестилчена носия, София, 1963, и др.

²⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 11.

Рис. 4. Девушки из с. Пыдарево Сливенского округа (Болгария) в костюмах двух эпох: слева — обрядовая одежда «лазарки», сохраняющая старинные черты сукманного типа женской одежды; справа — наиболее поздняя модификация этого типа (вторая четверть XX в.) (фото Л. В. Марковой)

особенностями развития самой одежды и, во-вторых, оба этапа ее эволюции отразили лишь незавершившийся процесс повышения однородности бытовой культуры, который проходил по-разному в различных сферах быта.

Разный ход эволюции мужской и женской одежды объяснялся тем, что в период зарождения капиталистических отношений (вторая половина XVIII в.) в деревне Восточной Болгарии, экономически развивавшейся быстрее Западной, сложилось такое разделение труда между

го) разделяли карту Болгарии на три горизонтальных пояса³⁰ граница двух типов мужского костюма (белодрешиного и чернотрешиного) проходила в меридиональном направлении³¹. По мнению специалистов, части одежды, которые положены в основу ее типологии, — более поздние по сравнению с кельтской; они полагают, что женские и мужские типы одежды отражают два последовательных, сравнительно поздних, этапа этно-культурной интеграции болгарского народа. Предполагается, например, что сукманый тип сформировался и, соответственно, отделился от более архаического двупрестилочного в XVI—XVII вв.³²; разделение мужской одежды на два типа произошло в течение второй половины XVIII в.³³ Из-за крайне скудных сведений о предшествующих формах мужской одежды трудно сказать, совместились ли они с зонами распространения женской. Но во всяком случае границы комплексов и женской, и мужской одежды не совпадали с какими-то новыми этническими образованиями. Значит, в

первых, мы имеем дело с

³⁰ Четвертый — однопрестилочный, — кстати, самый архаичный, имел очень узкую локализацию на юго-западе Болгарии.

³¹ См. описание типов болгарской народной одежды в кн.: «Народы зарубежной Европы», I, стр. 337—339; карту их распространения в кн.: Chr. Vakaralski, Указ. раб., карта XII.

³² См., напр., К. Миятев, Българският сукман, «Списание на Българската Академия на науките», кн. I—XXI, София, 1950, стр. 258.

³³ М. Велева, Данни от българските народни носии за някои характерни черти в облеклото на славяните, ИзЕИМ, XI, 1968, стр. 18, 39; ее же, Народните носии като свидетелство за културно-битовата общност и историко-културните области по българските земи, в кн. «Етногенезис и културно наследство на българския народ», стр. 79—80; Г. Михайлова, Промени в мъжката традиционна носия от района на същинска Средна гора през епохата на възрождането, ИзЕИМ, XII, 1969, стр. 142—143.

мужчинами и женщинами, которое породило существенные различия в их образе жизни. Женщины продолжали свои привычные занятия в сельском хозяйстве и дома, не выходя далеко за пределы родного села, и их удовлетворял традиционный костюм, который «сросся» с обычаями, этическими и эстетическими представлениями народа. Значительная часть мужского населения была вовлечена в сферу товарного скотоводства и занялась отхожими промыслами. Вынужденные по несколько месяцев в году жить в других областях страны или за ее пределами, мужчины изменили свое отношение к одежде: признак принадлежности к сельскому коллективу, к этнографической группе, связанной общностью быта и обычаев, в обстановке межобластных и межнациональных контактов сделался малосущественным, а иногда и нежелательным. Поэтому восточноболгарский мужской костюм (чернодрешный) однороднее более архаического западноболгарского (белодрешного) и ближе к общебалканским формам³⁴.

Из изложенного ясно, что общеболгарскую форму крестьянской одежды в XIX веке выделить едва ли возможно. Очевидно, как и в случае с жилищем, нужно обратиться к более общим, в том числе «внутренним» ее особенностям. В назначении составных частей костюма, в этических нормах, связанных с одеждой, в символике ее для разных случаев жизни, в использовании ее в обрядах и т. п. — во всем этом, независимо от покроя, цвета и других внешних качеств одежды можно проследить общеболгарские черты. Ограничимся некоторыми примерами.

Традиционный костюм болгарки состоит из двух неперменных частей: рубахи и одного из четырех видов одежды, надеваемой на нее. Народная этика требовала закрывать все тело³⁵, отсюда — длина рубах (любого покроя) до щиколоток, в то время как верхняя одежда могла быть короче. Рубаха — основа одежды крестьянок. Смысл, придаваемый ей в обычаях и ее использование в качестве реквизита при исполнении обрядов во многом сходны по всей стране. Различия форм крестьянской одежды зависели от возраста и семейного положения ее носителей. Средства выражения этих различий имели общие для всех болгар особенности. Обряд смены одного вида одежды на другой происходил в одни и те же традиционные дни (например, подростковой на девичью — в Лазаров день, девичей на женскую — в Георгиев день) и т. п. Наследие этого этапа развития одежды и принесла с собою в Россию основная масса болгарских переселенцев.

Одежда небольшой части колонистов сформировалась в городках и торгово-ремесленных селах Восточной Болгарии, где начала развиваться промышленность и возрождаться национальная культура. Это — зона бытования чернодрешного мужского и сукманного женского типов, на основе которых и создавалась городская одежда, постепенно преодолевавшая областную вариантность как в мужском, так и в женском традиционном костюме. Городская одежда однородна во всей стране и типологически отлична от крестьянской. Дифференциация по социальному положению становится в ней ведущей, как существенная для буржуазного общества. Возникает и подразделение одежды на будничную и праздничную, различную по покрою (первая — ближе к традиционной, вторая — больше воспринимает влияние иноэтничной городской моды). Основой женской городской одежды становится та ее часть, которая надевается на рубаху: это видоизмененный сукман «фустан» («рокля», «чапак»); дополняющийся короткой кофтой (в буд-

³⁴ М. Велева, Котленската носия от началото на XIX век, ИзЕИМ, кн. 1, 1953, стр. 16—18; ее же, Синтез на етническите елементи в българското народно облекло, стр. 74; Г. Михайлова, Указ. раб., стр. 111—112, 143.

³⁵ М. Велева, Данни от българските народни носии за някои характерни черти в облеклото на славяните, стр. 10.

ни) или платье со значительной примесью элементов европейской моды (в праздники). Во второй половине XIX в. фустан вытесняется платьем и в качестве повседневной одежды. Рубаха, сохранив традиционный покрой, служит нижним бельем³⁶.

Мужской костюм горожан отличался меньшей, по сравнению с женским, оригинальностью и большей восприимчивостью к внешним влияниям: в первой половине XIX в. это — некоторые восточные заимствования, в буржуазной Болгарии, с изменением направления экономических связей, мужской костюм приобретает европейский облик³⁷.

Распространившись по всей стране, городская одежда стала оказывать влияние на крестьянскую и приобрела, таким образом, национальную значимость. Характерно, что именно одежда тех социальных слоев, которые играли ведущую роль в процессе формирования болгарской нации, выразила своим «языком» сложение нового типа этнической общности.

Заметные изменения в деревенском костюме в «материнских» селах болгар СССР наступили лишь в начале XX в. (с. Твърдица, с. Кортен и др.), а в иных — после первой мировой войны (с. Голица, с. Пандаклия и др.). В них прослеживаются, хотя и в слабой степени, черты начального этапа модификации городской одежды. Но даже существенно изменив свою форму под городским влиянием (например, юбка с кофтой у женщин равнинных сел в XX в.), деревенская одежда сохранила свои типологические особенности и соответствие сельскому быту.

У болгар-переселенцев весь комплекс одежды, которую они носили на родине, бытовал только до середины — третьей четверти XIX в. В дальнейшем наблюдается сближение костюмов населения разных сел, и к концу XIX в. складывается своеобразный его тип, не имеющий на старой родине аналогий. В процессе его образования были заимствованы практичные для здешнего климата виды одежды окружающего населения (в основном, верхней). Но главное, что определило тип одежды бессарабских болгар — это синтез деревенских и городских элементов. Видоизменение одежды типологически почти повторило то, что произошло в городках и местечках Болгарии в первой половине XIX в.: рубаха изменила свое назначение, сукман — свой покрой (стал сходным с фустаном). Впоследствии (начало XX в.) распространилось и платье в качестве праздничного, а также и зимнего, наряда. На верхнюю одежду особенно сильно повлияла местная городская мода. Терминология частей одежды, имевших традиционную основу, осталась болгарской («риза», «рокля», «вистань» — ср. «фустан»), а названия заимствованных форм также были заимствованы — например, род жакета «пальтён» (искажен. русск.), овчинная безрукавка «киптарь» (молд.) — ср. род жакета «кюрк» (тур.) в г. Котеле, с. Жеравне и т. п.

Городская традиция в одежде, занесенная переселенцами-горожанами, нашла благоприятную почву в деревне бессарабских болгар, вступившей на путь капиталистического развития раньше деревни Болгарии, — но лишь до известного предела. Восприняв и переработав эту традицию, крестьянский костюм сохранил присущее ему свойство устойчивости, традиционализма; дальнейшая его урбанизация приостановилась. В нем сочетались характерные для крестьянской одежды градации по возрасту и семейному положению с резким разделением ее на повседневную и «представительную». Для будничной, рабочей одежды рациональнее были более традиционные ее формы.

³⁶ М. Велева, Котленската носия през XIX и първата половина на XX век, ИзЕИМ, II, 1955, стр. 19—32, 68 и др.; Г. Михайлова, Указ. раб., стр. 70—74; ее же, Възникване на възрожденско женско облекло в Панагюрище и Панагюрско, ИзЕИМ, X, 1967, стр. 142—147.

³⁷ М. Велева, Котленската носия през XIX век и първата половина на XX век, стр. 55—56, 63.

Костюм городского стиля, созданный в иной социальной среде и мало подходящий для деревенского быта, несколько модифицировался и приобрел преувеличенное престижное значение. В результате создались непрактичные, даже нелепые модели праздничного женского наряда, состоявшего из 5—8 платьев, одетых одно на другое. Это нашло затем свое эстетическое и этическое «оправдание»: стало считаться красивым и приличествующим женской скромности скрывать очертания фигуры. Но и такое направление развития одежды имело параллель в прошлом городского быта Болгарии. В г. Котеле, например, обладание платьями новой моды имело то же престижное значение, и невесты демонстрировали их, надев лишние на своих родственниц³⁸.

Рис. 5. Современная женская праздничная одежда
в с. Твардица (МССР)

Итак, консолидация выходцев из разных районов Болгарии в особую национальную группу проявилась, в частности, в сложении единого для них типа одежды. Восприняв некоторые элементы одежды у соседей, она, со своей стороны, оказала и на их костюм известное влияние: безрукавная «рокля» распространилась в качестве повседневной женской одежды среди многих народов южной Бессарабии³⁹.

В настоящее время в рассматриваемой нами группе болгарских сел Прутско-Днестровского междуречья женская одежда сохраняет черты своеобразия, а в некоторых (с. Твардица) еще цел ее традиционный комплекс. Праздничный костюм принял более разумную форму (не более двух платьев). В мужской одежде бытуют отдельные традиционные детали (широкий пояс, шляпа, жилет), главным образом, у старшего поколения.

Таким образом, в разных социальных слоях, в разное время и у изолированных друг от друга групп болгарского народа прослеживаются определенные общие свойства одежды. Это и общность ее основных частей, и сходство путей ее развития, и аналогичный характер ее использования, отраженный в целом комплексе связанных с нею бытовых навыков, обычаев, норм поведения и представлений. Как мы видели, не всякое обособление одежды по внешним признакам приобретает этническую значимость, иногда последняя скрыта во внутреннем «строении» одежды, если ее рассматривать как явление культуры, в функ-

³⁸ М. Велева, Котленската носия от началото на XIX век, стр. 18.

³⁹ «Народы Европейской части СССР», II (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 810.

циях, которые она выполняет. Бóльшей «этничностью» обладают более устойчивые части одежды, теснее связанные с бытом ее носителей.

Суммируя наблюдения над хозяйственным бытом, жилыми постройками и одеждой болгар с точки зрения их этнической специфики⁴⁰, можно было бы сказать, что она внешне проявляет себя в тех их элементах, которые опосредствованы системой народного быта. Когда же вид материальной культуры или ее элемент являются составной частью производительных сил (в нашем примере — орудия труда и строительная техника), или же их форма продиктована прежде всего приспособлением к экологической среде (например, планировка дома, некоторые части верхней одежды), или, наконец, они возникают в процессе урбанизации быта, — этническую метку в форме предмета найти затруднительно. Однако она может быть выражена в особенностях функционирования этого предмета в быту, в значении, придаваемом ему народом. Изучение функционального назначения предметов материального быта в значительной мере удовлетворяет такому подходу, хотя и не исчерпывает его. На эту их сторону в работах общего характера обращалось внимание⁴¹, но в конкретных исследованиях еще существует традиция рассматривать функциональные признаки материальной культуры как дополнительные⁴². Между тем, навыки в применении орудия труда, способ использования жилища, значение, придаваемое той или иной части одежды, — столь же важные их качества, без учета которых невозможно определить их место в культурно-бытовом комплексе, а следовательно и их этническую специфику.

ON ETHNIC SPECIFICITY AS REVEALED IN THE BULGARIANS' MATERIAL CULTURE

An attempt is made in the article to examine the ethnically specific features in the traditional economy, agricultural implements, dwellings and dress of the Bulgarians. The problem is examined on material from the everyday life of the Bulgarians living in the USSR, in the Prut—Dniester interfluvial area and of those settlements in Bulgaria, whence their ancestors had migrated in the first third of the XIXth century. In comparing the material culture of these two groups we discover certain stable elements. It is not always in the shape of the object that such a similarity can be traced but, in cases of differences in shape, in the object's functional significance and in the meaning attached to it by the people. Hence the importance of studying the essential nature of material objects; without this their place in the cultural-domestic complex and, consequently, their ethnic specificity cannot be determined. Specific traits of material culture become ethnically characteristic when they are linked with a certain mode of life. Ethnic specificity is less clearly traced in those cases where the elements of material culture form an integral part of the productive forces, where their shape is primarily determined by adaptation to the ecology, or arises in the course of urbanization.

⁴⁰ О понятии этнической специфики см.: Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, стр. 31—32—33, 37 и др.; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, *Указ. раб.*, стр. 32.

⁴¹ См., например: С. А. Токарев, *Указ. раб.*, стр. 3—5 и ссылки в этой статье; Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, стр. 66 и др.

⁴² Этот критерий учитывался, в частности, при типологизации жилища европейских народов, но применительно только к первоначальной функции ядра дома — см. «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», стр. 361 и др. Взаимосвязи формы и функции одежды, жилища, значительное место уделяется в работах современных болгарских ученых (Г. Михайловой, М. Велевой, Г. Данчева, Б. Георгиевой и др.).

Н. М. Гиренко

КОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ И ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

(НА ПРИМЕРЕ ТАНЗАНИИ)

Вопросам, связанным с влиянием колониализма на развитие африканских народов, уделялось и уделяется значительное внимание как в советской, так и в зарубежной литературе. Однако основная направленность большинства буржуазных исследований — показать «культурную миссию» колониализма, тогда как основной акцент работ советских исследователей истории Африки — раскрытие хищнической сущности колониализма, его исторической обреченности. Такое понимание сущности колониализма опирается на общие закономерности общественного развития и постоянно подтверждается практикой.

Обращает на себя внимание, что ряд социальных процессов, длившихся в европейских странах в течение многих веков, в странах «третьего мира», к которым относят и Танзанию, нередко совершался в течение жизни одного-двух поколений. Изменения, происходившие в столь короткий срок, ускорили формирование классов и государственности, государственного языка, внутреннего рынка и т. д. Но тем самым происходило накопление предпосылок последующего распада колониальной системы.

Здесь хотелось бы обратить внимание на возникновение в Танзании в колониальный период социальной структуры особого типа — колониального общества. Географические границы ее оформились в ходе колониального раздела Восточной Африки, завершившегося к концу XIX в. Передача Германской Восточной Африки после поражения Германии в первой мировой войне под опеку Англии в данном случае не имела принципиального значения, так как в колониальном управлении произошло мало изменений¹. Временные границы существования колониального общества на территории Танзании условны. Оно сложилось к началу XX в. и прекратило свое существование после предоставления Танганьике независимости в декабре 1961.

Традиционная социальная организация народов, населявших территорию современной Танзании, не была приспособлена для обслуживания колониально-капиталистической экономики. Поэтому метрополия стремилась в известной мере изменить эту организацию в интересах колониальной эксплуатации. Это дает основание рассматривать колониальный период в истории Танзании как время столкновения традиционных общественных структур с привнесенной, стоящей на более высокой ступени развития общественно-политической системой. Колониальное общество — результат этого столкновения. В итоге все народы Танзании были постепенно включены в систему социально-экономических отношений метрополии, хотя и оставались в ней неполноправными, эксплуатируемыми членами. Одной из характерных черт колониального общества являлось то, что вся бюрократия, вся админи-

¹ G. M. Carter (ed.), *African one-party states*, N. Y., 1964, p. 403.

стративная машина стояла на службе правящих классов метрополии, вне зависимости от того, был ли чиновник африканцем или европейцем. Традиционное общество в колониальный период целиком было подчинено социально-экономической системе метрополии, и дальнейшее общественное развитие традиционного общества шло в рамках обслуживания интересов этой системы. Поэтому необходимо учитывать, что этнографические материалы, собранные в колониальный период, нередко дают описание уже псевдотрадиционных обществ.

При изучении псевдотрадиционного общества очень важно выяснить вопрос о трансформации формы власти.

Чтобы показать основные принципы создания колониальных институтов власти на территории Танзании, обратимся к мнению компетентного в этих вопросах британского чиновника П. Хейли. «Конкретная форма туземной администрации,— писал он,— могла быть различной на отдельных территориях. Однако во всех случаях она обеспечивала те мероприятия, с помощью которых управление колонией, с его ограниченным количеством учреждений, могло создать административную машину, необходимую для достижения вполне определенных целей. Наиболее важными из них были следующие: наблюдение над племенными и прочими институтами, регулирующими внутренние дела у большинства африканских обществ; поддержание законности и порядка; обложение налогом и сбор его; обеспечение службы управления на местах; организация судебного разбирательства широкого круга дел, если обе стороны — туземцы»². Во главе такой администрации на местах стояли вожди. «Туземная» форма ее была необходима для «поддержания мира и стабильности традиционного общества»³, т. е. для гибкого проведения в жизнь мероприятий, планировавшихся европейской колониальной службой⁴.

Не каждый традиционный вождь мог возглавлять такой административный аппарат. Обязательным условием было официальное признание его и утверждение колониальными властями⁵.

Колониальное управление состояло из двух неравноправных сфер: высшая — европейская колониальная администрация, низшая — «туземная» колониальная администрация, с помощью которой решения и установки европейской администрации доводились до местного населения, приобретаая «туземную», «национальную» форму.

Следует обратить особое внимание на то, что «туземная администрация» была частью общей системы колониального управления территорией, финансировалась из общего бюджета колонии. Такое финансирование теоретически рассматривалось как рычаг, с помощью которого «туземные власти» должны были превратиться в органы местного управления по британскому образцу.

Очевидно, что слой «туземной администрации» в целях служения интересам колонизаторов должен был находиться в отрыве от традиционных обществ, так как интересы колониальной администрации не совпадали с интересами отдельных традиционных общностей. Этот неизбежный отрыв туземной администрации от колонизируемого общества

² P. Hailey, *Native administration in the British African Territories*, London, 1951, pt. 4, p. 1.

³ Там же, стр. 2.

⁴ В отношении функций «туземных» судов П. Хейли не совсем точен, утверждая, что они разбирали случаи, когда обе стороны были местными жителями. Если в существе дела наличествовали элементы, чуждые туземному образу жизни, то суд не был обязан придерживаться «традиционных правил и обычаев» и в силу вступало уже английское законодательство (см.: T. O. Elias, *Customary law. The limits of its validity in colonial law*, «African Studies», vol. 13, № 3—4, 1954, p. 98), хотя «традиционный» суд и состоял, как правило, из совета старейшин и вождя, которым «помогали» представители европейской администрации и секретарь, назначаемые колониальной службой.

⁵ A. Richards (ed.), *East African chiefs*, London, 1960, p. 245.

ва по существу, несмотря на формальное сохранение «традиционности», представляется одной из главных особенностей так называемых туземных властей; одна часть «туземного» общества эксплуатировалась через посредство другой. При этом колониальные власти не были заинтересованы в чисто территориальном или политическом (административном) дроблении крупных традиционных обществ, так как это вело к увеличению числа оплачиваемых чиновников.

Социальное расслоение традиционного общества ускорялось экономической политикой колонизаторов. В основном она была направлена на создание свободной, оторванной от основных средств производства рабочей силы. Наиболее надежным средством для достижения этой цели было внедрение частной собственности, в первую очередь на землю, поощрение частного предпринимательства. Этой сложной в условиях традиционного африканского хозяйства задаче уделялось огромное внимание⁶.

Метрополия не была заинтересована во всестороннем экономическом развитии колониальных территорий, в создании многочисленной и особенно крупной местной буржуазии. Нужна была такая деформация традиционного общества, которая способствовала бы эксплуатации его с максимальной отдачей, но в пределах уже сложившейся экономической системы метрополии. В идеале колонизаторы хотели бы все население колоний превратить в эксплуатируемый класс. Фактическое же вовлечение населения колонии в сферу капиталистической экономики неизбежно стимулировало социальное расслоение в самом традиционном обществе. Институт «туземной администрации» призван был направить этот процесс в нужное метрополии русло, так как колонизаторы понимали, к чему может привести общественное развитие внутри так называемого колониального государства⁷. Создание «туземной администрации» по английским образцам, но с традиционными атрибутами можно рассматривать как попытку задержать самостоятельное развитие колонизируемого общества путем превращения уже появившихся или возникающих эксплуататорских элементов (например, вождь, старейшина) по сути дела в колониальных чиновников. Таким образом, эти лица ставились в подчиненное положение по отношению к буржуазии метрополии, превращались в ее действительное орудие. Формально это считалось «укреплением местной традиционной власти путем предоставления традиционным институтам государственных полномочий»⁸. По существу же традиционные власти лишались самостоятельности, становясь проводниками политики, чуждой обществу, частью которого они считались. Формально они функционировали в системе традиционного общества, что подчеркивалось сохранением регалий и т. п., по существу же они функционировали в системе метрополии, причем в качестве низшего слоя колониальной бюрократии. Такое положение «туземной администрации» отражало противоречивость экономики колониального общества, которая должна была работать на метрополию и находилась в зависимости от мировой конъюнктуры. Это требовало решительного слома традиционных социально-экономических систем, введения товарных культур и плантационного хозяйства, высвобождения постоянного резерва свободной рабочей силы. Но такие коренные преобразования были невозможны без значительных вложений капитала в традиционную экономическую сферу, на что колонизаторы не могли пойти. Кроме того, все это уж никак не способствовало увеличению стабильности традиционного общества.

⁶ A. A. Oldaker, *Tribal customary land tenure in Tanganyika*, «Tanganyika Notes and Records» (далее TNR), 1957, № 47, p. 117—145.

⁷ R. L. Buell, *The native problem in Africa*, vol. 1, N. Y., 1928, p. 451—452.

⁸ P. Hailey, Указ. раб., ч. 4, стр. 17

Наиболее эффективным методом «заставить негра работать» на европейца было введение налогового обложения⁹. В Танганьике подушный налог был введен немцами в 1897 г. Социальные последствия этого шага трудно переоценить: через налоговую систему (вне зависимости от размера налога) все местное население включалось в сферу товарно-денежных отношений, в сферу мировой экономики¹⁰.

Вопрос о роли налогового обложения часто либо игнорируется в работах зарубежных авторов, либо налоги приравнивают к «традиционной дани». В рецензии на справочник П. Хейли «Африканское обозрение» К. Янг отмечал: «...Способность африканцев платить налог принимается как нечто само собой разумеющееся. Однако, за незначительными исключениями, подобная форма «дани» была совершенно чужда африканским обществам, и связь между налогом и традиционной данью вождю весьма формальна»¹¹. Стремление представить денежный налог как закономерное развитие традиционного подношения заметно, в частности, в монографиях, посвященных отдельным этническим общностям Танганьики. Так, Д. Малькольм в книге «Сукумаленд» сообщает: «Раньше вожди принимали от народа подношения зерном и щедро использовали его на благо всего общества; так что с организацией «туземных фондов» форма подношений была просто видоизменена — казначейства представляли собой лишь незначительное изменение (старой практики.— Н. Г.), а не введение совершенно нового принципа»¹². Но такое «формальное» видоизменение традиционной дани произошло у всех народов Танганьики вне зависимости от уровня их социально-экономического развития ко времени колонизации. Обложение налогом толкало большие массы населения на поиск работы, на продажу рабочей силы (в конечном счете европейцу), чтобы затем ему же выплатить налог. Этот пример, как мне кажется, наглядно иллюстрирует основной принцип экономической деятельности европейцев: взять как можно больше при минимальных затратах. Причем основной упор делался не на повышение интенсивности традиционного сельского хозяйства, а на повышение эффективности административного аппарата. Уровень развития традиционной экономики оставался очень низким.

* * *

До колонизации на территории Танзании не было единой общественно-политической организации в масштабе всей страны. Первые путешественники застали здесь большое количество самостоятельных политических объединений, границы которых не совпадали с «этническими» границами. Эти общности находились на разных ступенях общественно-экономического развития. Реакция их на колонизацию зависела от политической ситуации в конкретном районе, но в значительной мере она определялась тем, в какой мере колонизация подрывала экономические основы традиционного общества. Степень жизнеспособности традиционных общественных институтов в условиях колонизациишла своеобразное отражение в формах «туземной администрации» колониального периода. П. Хейли выделяет три основных типа последней:

1) Власти, осуществляющие контроль над населением исключительно в соответствии с предписаниями Уложения о туземной администрации. Это лица, назначаемые колониальной службой и не имеющие даже

⁹ Ж.-П. Гарруа, Африка — умирающая земля, перевод с фр., М., 1954, стр. 272.

¹⁰ Подробный анализ механизма этого процесса на примере народа тив см.: Р. J. Vohannan, The impact of money on an African subsistence economy, в сб.: J. Middleton (ed.), Black Africa, N. Y., 1970, p. 14—22.

¹¹ «Journal of the Royal African Society», Supplement, 1939, p. 32.

¹² D. W. Malcolm, Sukumaland, London, 1953, p. 85.

формально традиционного статуса. Такой тип администрации был распространен там, где трудно было найти традиционные власти, способные выполнять функции колониального управления на местах;

2) Традиционные власти, получившие политическое признание на первых этапах колонизации, но оказавшиеся неспособными справляться с требованиями, предъявленными европейской колониальной службой;

3) Традиционные по форме власти, сумевшие обеспечить колониальное управление на местах.

Рассмотрим несколько подробнее типы «туземной» администрации, условно выделенные П. Хейли. Первый тип — практически назначаемые европейской администрацией чиновники, не имеющие традиционных связей с общностями, находящимися в их подчинении. Этот тип администрации был распространен в Южной провинции (районы Масаи, Невала, Микиндани, Кильва, Линди и др.), в Восточной провинции (прибрежная зона), в провинции Танга (районы Карагве, Багамои, Танга). В этих районах проживали такие этнические общности, как нгиндо, макуа, яо, маконде, мверу, нгани, зарамо, зигуа, диго, сегеджу, руфиджи и пр. Особо следует отметить суахили, жителей прибрежных торговых городов и поселений. Этническая общность суахили возникла на основе древних контактов населения прибрежных районов Восточной Африки с жителями побережья и островов Аравийского моря. Морской промысел и торговля были экономической основой складывающейся общности. Ко времени колониального раздела Африки политическим и экономическим центром суахили был Занзибар. Развитие работоторговли и товарообмен городов суахилийского побережья — центров этнической консолидации суахили — с народами прилежащих континентальных районов ставили эти народы в экономическую зависимость от суахили. Влияние суахилийской культуры не ограничивалось только прибрежными районами. Сеть караванных дорог тянулась далеко во внутренние районы Восточной Африки, а параллельно с торговлей шло и распространение языка населения побережья — суахили, который и воспринимался как язык торговцев. Одновременно шло проникновение в эти районы отдельных элементов экономической и духовной культуры городов суахилийского побережья. Караванная торговля в значительной мере подчиняла себе экономику тех народов, которые принимали в такой торговле активное участие, и тем связывала их хозяйство с хозяйством суахилийского побережья. К середине XIX в. в городах и торговых центрах непосредственно прибрежной зоны правила султанская администрация, они входили в Занзибарский султанат. Более отдаленные районы сохраняли политическую самостоятельность, но так как они участвовали в торговле, все значительные изменения в экономической и политической жизни Занзибарского султаната влияли и на жизнь народов этих областей. Экономическая зависимость внутриконтинентальных районов от Занзибара нашла свое отражение в суахилийской пословице «Когда на Занзибаре играют на флейте, вся Восточная Африка пляшет». До колониального раздела восточноафриканское побережье было исходным и конечным пунктом большей части караванов. Население прибрежных районов постоянно подвергалось набегам работоторговцев¹³.

С каждого каравана, прибывающего из внутриконтинентальных районов в город на побережье, взималась пошлина как в пользу занзибарского султана, так и в пользу джумбе — правителя этого города.

Термин «джумбе» использовался и в качестве титула вождя у некоторых народов прибрежной зоны. Как правило, джумбе признавал

¹³ См., например: W. H. Whiteley (ed.), *Maisha ya Hamed bin Muhammad*, Kampala, 1969, p. 15.

свою зависимость от занзибарского султана. По традиции должность джумбе занимал представитель одного из старинных кланов данной местности. Он либо избирался советом старейшин с учетом мнения джумбе соседних районов, либо назначался султаном; такой назначенный глава поселения иногда именовался вакили, т. е. полномочным представителем султана. Джумбе имели право наделять земельным участком, участком для строительства дома, для плантации. Большую часть дохода джумбе получали от торговли, в том числе от работорговли¹⁴. Контроль за деятельностью джумбе (мн. ч. — ваджумбе) осуществлял чиновник султана, носивший звание «акида» и не имевший в данном районе статуса традиционного вождя. Формально акиды находились в подчинении у джумбе. В местности, представлявшие особую важность для султана, назначались «ливали» — наместники последнего.

Традиционная торговля на Индийском океане, составлявшая основу экономики городов суахилийского побережья, с приходом европейцев перестала существовать. С подрывом экономики и политическим разделом суахилийского берега между Германией и Англией стал падать и политический престиж занзибарского султана. Не найдя у него поддержки, отдельные суахилийские лидеры самостоятельно пытались восстановить свои традиционные привилегии и доходы. К таким выступлениям можно отнести восстание Бвана Хери (1888—1894) и Абушири бин Салима (1888—1889), войны племен хехе (1891—1898) и восстание «Маджи-маджи» (1905—1907). Войны сопровождались голодом, гибелью большого числа людей и экономическим упадком, способствовали подрыву традиционной социальной организации народов востока и юго-востока Танганьики¹⁵.

После подавления восстаний на покоренных территориях формально восстанавливалась прежняя система управления. Но теперь и джумбе, и акиды назначались колониальной службой из угодных им лиц, причем далеко за пределами районов распространения бывшей султанской администрации. Если ранее существовала разница в положении джумбе и акидов, то после подавления восстаний это различие исчезло: положение джумбе практически было приравнено к положению акида¹⁶.

В период немецкого владычества в Танганьике джумбе и акиды были низведены до положения чиновников, назначаемых колониальными властями. Экономически и политически они полностью зависели от этих властей и к традиционной социальной организации фактически уже никакого отношения не имели. Ошибочно считать, будто немцы распространили на Танганьiku занзибарскую систему акид и джумбе, т. е. что они использовали элемент традиционной социальной системы, в данном случае суахилийской. Точнее полагать, что заимствована была лишь терминология суахили. После перехода немецких колониальных владений в Восточной Африке под опеку Великобритании этот же «туземный аппарат» продолжал существовать и в системе колониальной администрации англичан.

Второй тип «туземной» администрации был наиболее характерен для Центральной Танганьики, где на юге жили многочисленные племена гого, сагара, пангва, ньямванга, сафва, сангу и частично яо; в центральной полосе — погоро, бунга, ндемба и руфиджи; в восточной части — самбара, нгуу, зигуа и др. Это все районы слабо развитого скотоводческого, земледельческого и смешанного хозяйств. Почвы здесь, как правило, весьма скудны. Засуха, падеж скота — регулярные явления¹⁷.

¹⁴ L. Harries (ed.), *Swahili prose texts* (Mali ya Jumbe), London, 1965, p. 48.

¹⁵ P. Hailey, *Указ. раб.*, ч. 1, стр. 300.

¹⁶ Там же, стр. 213.

¹⁷ См. Cl. Brooke, *The heritage of famine in Central Tanzania*, TNR, 1967, № 67, p. 15—23.

Население отличалось большой мобильностью, имелось много свободных земель, пригодных для хозяйственного использования. Плотность населения была весьма незначительна¹⁸. В эти места часто мигрировали различные племена, вытесненные из более благоприятных в экономическом отношении районов воинственными народами, такими, как игони, масаи¹⁹. Указанные области первоначально не представляли особого экономического интереса для европейских колонизаторов. Их главное значение заключалось в том, что здесь проходили торговые караваны. Пока велась караванная торговля (с образованием колонии она исчезла), местные вожди взимали с проходящих караванов пошлину в виде части товаров (так называемое хонго), предоставляя взамен право пользоваться источником воды и выменивать продовольствие у подчиненного этим вождям населения. Поскольку здесь отсутствовали крупные политические объединения, народы этих районов не могли оказать серьезного сопротивления экспансии европейцев. Протест отдельных мелких вождей, вызванный лишением традиционного права на «хонго», быстро подавлялся карательными экспедициями.

Самой заметной фигурой у народов этих областей был ритуальный лидер — как правило, глава клана. Основные его функции заключались в регулировании обряда инициации, отправлении общих для группы кланов ритуалов поклонения предкам, «освящении земли» при открытии очередного сельскохозяйственного сезона. Основной административной властью обладали главы большесемейных общин. Такой глава исполнял и ритуальные функции, но только по отношению к членам его общины²⁰. Эти общины, ведя полуседлый образ жизни, не создавали постоянных поселений. Однако, если позволяло плодородие земли и состояние пастбищных угодий, несколько общин, нередко принадлежащих к различным кланам, могли жить в близком соседстве, образуя некое подобие постоянного селения. Решение вопросов, жизненно важных для всего такого сообщества, регулировалось советом старейшин, в который входили представители всех общин, особым авторитетом в совете пользовались представители клана, первыми обосновавшегося в данной местности. Если такое сообщество сохранялось длительное время, то авторитет, а с ним и «власть» могли перейти в руки того из глав кланов, который проявил наибольшую «способность» вызывать дождь. Такое качество лидера высоко ценилось у многих народов Тропической Африки.

В начальный период германской колонизации Танганьики, когда авантюристы типа Карла Петерса юридически оформляли «права» немецких колонистов на обширные территории внутренних районов, традиционных лидеров заставляли подписывать документы, не имеющие смысла с точки зрения традиционных законов. Так, в «договоре» К. Петерса с одним из мелких вождей в Усагара записано: «...Султан Мангунго предлагает всю свою территорию со всеми жителями доктору Карлу Петерсу как представителю Общества для германской колонизации в целях полной и всеобщей утилизации ее для германской колонии». И далее: «... В соответствии с этим султан Мангунго настоящим передает всю территорию Мсоверо, принадлежащую ему по наследству или на других основаниях, на все времена Карлу Петерсу, передавая ему одновременно все свои права. Доктор Карл Петерс от имени Общества ... возлагает на себя обязанность уделять особое вни-

¹⁸ M. S. Thomas and G. W. Wittington (eds.), *Environment and land use in Africa*, London, 1969, p. 252—253.

¹⁹ R. L. Buell, *Указ. раб.*, стр. 445—448.

²⁰ См., например: P. Rigby, *Cattle and kinship among the Gogo*, Ithaca — London, 1969, ch. V.

мание Мсоверо при колонизации области Усагара»²¹. Далее следовала подпись Петерса и условные знаки — подписи лиц, присутствовавших при «заключении договора». Интересная деталь: в «договоре» сказано, что султан Мангунго «даже не слышал о занзибарском султани». Очевидно, в данном случае имелось в виду, что султан области Мсоверо не является подданным Занзибарского султаната и сама область — суверенная территория. Для немецких колонизаторов это было важно подчеркнуть, чтобы оградить «свои» территории от юридических притязаний Англии, к тому времени фактически овладевшей Занзибаром. Захват Танганьики немцами проходил «решительно и энергично», в полном соответствии с манифестом общества К. Петерса. Уже к 1888 г. в немецкой Восточной Африке действовало 30 немецких компаний и начался экспорт табака в Германию.

«Договоры», заключенные К. Петерсом и другими авантюристами, имели значение в первую очередь для самих немцев: на их основе происходило разграничение сфер экономической деятельности между отдельными компаниями и странами. О. Т. Бидельман отмечал, что весь смысл подобных «договоров» заключался именно в оформлении документов на землю, причем на гораздо большую площадь, чем та, где европейцы реально побывали²². Эти документы в действительности нельзя считать договорами, ибо традиционные лидеры, как правило, не имели представления об их истинном содержании. Однако сами они по этим «договорам» получали от колонизаторов официальный статус вождя (султана, джумбе). Более того, они должны были осуществлять административные функции не только в районе, где пользовались реальным влиянием, но и за его пределами. Однако в других районах такой вождь не обладал ни родственными связями, ни правами первопоселенца. При поддержке колонизаторов эти вожди могли некоторое время справляться с такими обязанностями, как сбор налога. Но, опираясь только на них, колонизаторы не в состоянии были создать сколько-нибудь стабильную систему административного управления.

Дело в том, что традиционные власти этого типа оказались слишком консервативными, чтобы служить активными проводниками колониальной политики. Привнесенная европейцами система административного управления, построенная на территориальном принципе, могла использовать традиционные социальные институты этого типа только в своих низших звеньях — в общине, в домохозяйстве. Для осуществления собственно административной власти в район поселения группы кланов назначался колониальный чиновник-африканец, именовавшийся джумбе, вакили или даже султани. Он представлял группу кланов в вышестоящей административной инстанции, т. е. у районного комиссара — европейца, и доводил распоряжения последнего до совета старейшин родственных групп, если таковой имелся. Преемником такого «пассивного агента комиссара дистрикта»²³ назначали его прямого наследника, которого старались заранее определить в миссионерскую школу. Наследование должности должно было придать стабильность этому псевдотрадиционному социальному институту.

Отсутствие крупных политических объединений характерно для большинства районов Танганьики ко времени активной колонизации. Исключением можно считать военно-политические союзы хехе и нгони. К середине XIX в. многочисленные племена хехе были объединены вождем Муягумба. Толчком к образованию этого объединения послужило вторжение в южные районы Танганьики нгони — осколков военной

²¹ G. L. Steere, *The Judgement on German Africa*, London, 1939, p. 250—251.

²² T. O. Beidelman, *A brief history of Ukaguru*, TNR, 1958, № 58, p. 23—24.

²³ P. Hailey, *Указ. раб.*, ч. 1, стр. 261.

«империи» зулусов. В этническом смысле нгони были далеко не однородны²⁴, но система военной иерархии связывала их в единый социальный организм. К середине XIX в. нгони подчинили себе почти все племена юга Танганьики от оз. Ньяса до побережья Индийского океана. Принято считать, что хехе смогли остановить продвижение нгони на север благодаря тому, что заимствовали от них военную организацию и технику ведения боя²⁵. Интересно отметить, что существовало и такое мнение, будто хехе и родственные им бена сами являются остатками вторгшихся нгони²⁶. Когда вспыхнуло восстание на побережье, хехе поддерживали выступление Абушири бин Салима, а в 1891 г. самостоятельно начали войну против немцев. Через четыре года отряды хехе были разбиты регулярными войсками колонизаторов. Вождь хехе Мквава (преемник Муягумбы) бежал и продолжал партизанскую войну до 1898 г., когда он с несколькими последователями попал в окружение и застрелился. Во время военных действий и в карательных экспедициях были истреблены почти все вожди хехе и их родственники. После «умиротворения» немцы пытались выявить остатки прежних племен и на их основе создать свою систему управления. Это оказалось невозможным. Традиционный тип связей остался только на уровне клана, как у гого, лангва, сафва и пр.

Впоследствии все хехе управлялись уже через немецких ставленников, которые хотя и именовались джумбе, но к традиционной структуре никакого отношения не имели. С переходом Танганьики под управление англичан у хехе была искусственно «воссоздана» традиционная организация: один из дальних родственников Мквавы был назначен верховным вождем — «мтва», всю территорию, отведенную для хехе, поделили на административные районы с «районными вождями» (ванзагия) и подчиненными им старостами (вапакази). Однако никаких попыток восстановить традиционную организацию хехе в том виде, какой она была в правление Мквавы, не делалось²⁷.

Примерно такая же судьба постигла нгони. Их «знакомство» с немецкой колонизацией началось с того, что главы их военной организации были приглашены в немецкий укрепленный пункт «на совет» и там уничтожены (1897 г.). Это явилось столь сильным ударом для военнополитической организации нгони, что они не нашли сил для открытого сопротивления колонизаторам вплоть до 1905 г., до так называемой войны Маджи-маджи. Они, как и другие народы, участвовавшие в этом антиколонизальном восстании под мистическими лозунгами, потерпели поражение. Колонизаторы широко применяли тактику выжженной земли. От голода, последовавшего за жестоким подавлением восстания, погибло еще больше людей, чем от военных действий²⁸. Традиционная социальная организация нгони была окончательно разрушена²⁹.

Основой третьего типа «туземной администрации» (если следовать типологии П. Хейли) стали традиционные власти таких сообществ, как хайа, ха, многочисленные племена группы ньямвези-сукума, чагга и некоторые другие. Главным образом это группы населения севера, северо-запада и запада Танганьики. Но сюда же можно отнести бена, проживающих на юге, и шамбала — на востоке, а с другой стороны, к этому типу не принадлежат, например, масаи, кочующие в северных районах страны.

Сохранение в этих общностях традиционной формы социальной организации в условиях колониального управления можно, на наш

²⁴ G. W. Hatchell, *The Angoni of Tanganyika Territory*, «Man», 1935, № 73.

²⁵ I. N. Kimambo, A. J. Temu (eds.), *A history of Tanzania*. Nairobi, 1969, p. 69.

²⁶ H. M. Stanley, *Through the Dark Continent*, N. Y., 1878, vol. II, p. 339.

²⁷ P. Hailey, Указ. раб., ч. I, стр. 270.

²⁸ O. B. Marunda, *The Maji Maji war in Ungoni*, Dar-es-Salaam, 1969, p. 26.

²⁹ Там же, стр. 14.

взгляд, объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, хотя население этих районов участвовало в караванной торговле, она еще не стала основой их экономики. В основном это были зоны развитого земледелия с относительно богатыми почвами и хорошими климатическими условиями. В районах, где отсутствовала муха це-це, обычно развивалось хозяйство смешанного, земледельческо-скотоводческого типа. Прекращение караванной торговли не сказалось на них так сильно, как в прибрежной зоне. Во-вторых, лишение вождей дохода с торговли вызвало протест, в частности в районе Уньянембе, однако сильного сопротивления колонизации эти вожди оказать не могли, ибо здесь отсутствовали крупные военные объединения того типа, как у хехе или нгони. В-третьих, ко времени прихода европейцев у населения этих районов уже начался процесс образования межплеменных политических объединений. Кровнородственные связи с племенем еще считались необходимым атрибутом вождя, но они становились настолько запутанными, что реальным критерием старшинства становилось не положение в традиционной родственной иерархии, а наличие большого числа подданных³⁰. В стремлении расширить свое влияние вожди прибегали ко всевозможным интригам для уничтожения политических соперников. Например, известный вождь Мирамбо сумел в 1871 г. распространить свое влияние на всю территорию ньямвези-сукума³¹. Со смертью Мирамбо его «империя» тотчас перестала существовать. Вожди предгорий Килиманджаро активно привлекали на свою сторону не только воинственные соседние племена, например масаев, но и отряды арабов и суахили, проходившие по подвластным этим вождям территориям³². В междоусобицу нередко вовлекались и европейцы. Бывали случаи, когда традиционные лидеры этих районов пытались устанавливать отношения с властями Уганды, Занзибара, даже Англии и Германии.

В силу всех этих обстоятельств европейская экспансия в указанные районы не вызвала такого решительного сопротивления, как на юге и востоке, и местные традиционные власти стали опорой системы «туземной администрации» при немцах и англичанах. Правда, в колониальный период эти власти по существу утратили свою «традиционность». Это можно заметить по тому, как быстро отмирали, например, элементы обряда возведения в ранг вождя, несмотря на стремление колониальных властей сохранить институт вождя в традиционной форме³³.

Из изложенного выше схематического обзора основных типов «туземной администрации» в колониальной Танганьике видно, что систему управления на указанной территории лишь условно можно именовать «косвенным управлением». Большая часть колонии по существу управлялась назначаемыми чиновниками. «Традиционные власти» колониального периода — это фактически тоже колониальные чиновники.

Если они оказывались неспособными к исполнению возложенных на них обязанностей, их замещали назначенными лицами. Сочетание систем прямого и «косвенного» управления, правда в разных пропорциях, типично не только для британских территорий, но и для французских владений³⁴. Это вполне естественно, так как нет и принципиальной разницы в сущности этого управления. Вопрос, очевидно, не в том, как колонизаторы хотели управлять захваченными территориями, а в том,

³⁰ A. J. Kimambo, A. I. Temu, Указ. раб., стр. 82—83.

³¹ Анализ деятельности Мирамбо см.: N. Bennet, Mirambo of Tanzania, in: «Studies in East African History», Boston, 1963, p. 23—24.

³² K. M. Stahl, History of Chagga people of Kilimanjaro, TNR, 1964, № 64, p. 33—49.

³³ См.: R. E. S. Tanner, The Installation of Sukuma chief in Mwanza District, Tanganyika, «African Studies», vol. 16, № 4, 1957, p. 207 (table).

³⁴ B. Davidson, Africa. History of a continent, London, 1966, p. 283.

как они могли это практически осуществлять. Во всех случаях в основе процесса колонизации лежало включение колонии в качестве подчиненного элемента в социально-экономическую систему метрополии. Это сопровождалось политическим подчинением, перестройкой традиционной экономики, изменением содержания традиционных общественных институтов до такой степени, чтобы они могли служить целям эксплуатации. В противном случае эти институты беспощадно уничтожались. Параллельно шло «окультуривание туземца» — лишь в той мере, к какой это было нужно для получения максимальной прибыли от его труда, но без предоставления коренным жителям возможности для свободного социального и культурного развития, права занимать равное с европейцами положение в насаждаемой общественно-экономической системе.

**THE COLONIAL REGIME AND TRADITIONAL
SOCIAL INSTITUTIONS
(ON MATERIAL FROM TANZANIA)**

The article deals with certain features of the social structure of the community that emerged in the territory of present day Tanzania with the establishment of the colonial regime. An attempt is made to show the relations between traditional and newly introduced elements in the social structure of this community, which is designated here as «colonial society». The tendencies in the establishment and evolution of colonial society were determined by the exploiter nature of colonialism and by the level of social and economic development attained by traditional societies at the time of colonization. The author draws attention to the contradiction underlying colonial policy: on the one hand, an incentive existed for developing the colony's economy to a certain extent, with a view to a more effective exploitation of its labour force and natural resources. On the other hand, there was a desire to preserve the colonial regime, to conserve social backwardness. In practice both social and economic progress was hampered. However, traditional institutions were, in that period, included in the machinery of colonial administration, where they formed its lowest stratum, or were eliminated. Traditional social-political communities became transformed into territorial-administrative units. The subordination of social development to the needs of the colonial powers led in practice to the people becoming aware of the exploiter nature of the regime.

These features of colonial society should be taken into account in analysing ethnographic data for the colonial period.

М. А. Итина

СРЕДНЯЯ АЗИЯ НА КАРТЕ СТРАЛЕНБЕРГА

Дельты двух великих среднеазиатских рек — Амударьи и Сырдарьи человек заселил еще в глубокой древности, ибо в условиях аридной зоны они были наиболее благоприятными для жизни: здесь были многочисленные крупные и мелкие протоки со старицами и тихими заводьями.

Таким образом, вся многотысячелетняя история племен и народов, населявших южное, юго-восточное и восточное Приаралье, теснейшим образом связана с историей функционирования амударьинских и сырдарьинских дельтовых протоков.

Комплексный метод исследования этих районов археологами, геоморфологами и почвоведом, широкое использование данных аэрофотосъемки, специальная археологическая крупномасштабная аэрофотосъемка отдельных исторических памятников, и, конечно, тщательное картографирование последних — все это позволило Хорезмской археолого-этнографической экспедиции наметить этапы функционирования и освоения человеком древних дельт Амударьи и Сырдарьи в различные исторические периоды.

Именно эти работы привели к открытию огромных массивов земель древнего орошения, повторное освоение которых ведется в настоящее время.

Древние дельты Амударьи и в географическом и в историческом аспектах изучены лучше, чем сырдарьинские¹.

Удалось установить, что Амударья задолго до появления человека образовала две дельты — Присарыкамышскую и Акчадарьинскую. По Присарыкамышской дельте амударьинские воды попадали в Сарыкамышское озеро, а оттуда по р. Узбой, пересекавшей Каракумы, изливались в Каспийское море. По Акчадарьинской дельте, расположенной восточнее современной, шел сток Амударьи в Аральское море. Современная Приаральская дельта сформировалась, видимо, довольно поздно, в начале I тысячелетия до н. э. Все три дельты тесно взаимосвязаны, т. е. активизация действия одной из них неизбежно вызывала затухание других. Поэтому в различные исторические периоды люди осваивали в основном ту дельтовую область, по которой шел основной сток амударьинских вод. Древняя Акчадарьинская дельта (ныне это — система сухих русел) функционировала наиболее активно в эпоху бронзы: именно тогда по ней шел сток в Арал. Течение амударьинских вод по ее протокам прекратилось не позднее середины I тысячелетия до н. э., т. е. когда начала уже действовать Приаральская дельта.

Участвуя в разработке всей этой проблематики и занимаясь специально историей Акчадарьи, я обратила внимание на опубликованную в

¹ См.: «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960.

свое время Л. С. Бергом карту (рис. 1)². Это карта Средней Азии, составленная в 1730 г. шведом Страленбергом, часть его «Карты Сибири и Великой Татарии». Меня заинтересовала показанная на ней система амударьинских русел и особенно правый безымянный проток Амударьи, направление которого напоминало направление Акчадарьи. На карте Страленберга это русло показано действующим, а не сухим, что никак не вязалось с нашими представлениями о времени действия Акчадарьи.

Карта Страленберга представляет интерес во многих отношениях. На ней показано Каспийское море с тщательно и достаточно достоверно вычерченной восточной береговой линией. С севера в него впадают реки Яик (Урал) и Эмба. Аральское море вытянуто в меридиональном направлении, имеет относительно правильные очертания и названо «озеро Арал». В него впадает с востока Сырдарья с многочисленными правыми притоками. С юга в Арал тремя протоками впадает Амударья (видимо, основное русло), от нее в юго-западном направлении отходит р. Кезелдарья и впадает в Каспий между Карабугазом и Балханским заливом. Справа и слева Амударья принимает ряд притоков, среди которых р. Согд (правый приток) с городами Самаркандом и Бухарой, — бесспорно, современный Заравшан. Справа, выше г. Малый Ургенч, от Амударьи отходит упомянутый выше безымянный рукав. Он тянется в северо-западном направлении и соединяется в нижнем течении с Сырдарьей. Наконец, у Замахшара от Амударьи в юго-западном направлении отделяется сухой проток, который впадает в залив южнее Балханского. Он имеет надпись: «Здесь старое направление реки Аму» и на его северном берегу показан г. Большой Ургенч.

Помимо физико-географической карта имеет политическую и даже этнографическую нагрузку. Вся территория между Амударьей и Каспийским морем названа «Хоразмия», на севере ее составной частью является «Туркомания». Междуречье Сырдарьи и Амударьи занимает «Мавренахр», на юге его показана «Бухареа». На Средней Сырдарье помечен «Туркустан», на правобережье Сырдарьи видим надпись «Козачи Орда». Карта насыщена большим числом названий населенных пунктов, причем ее нагрузка заметно увеличивается к востоку от среднего и нижнего течения Амударьи. Есть на карте и этнонимы: каракалпаки, аральцы, племя кунграт и т. д. Кем же был автор этого интереснейшего документа и какова история его создания?

Филипп Иоганн Табберт (впоследствии фон Страленберг — 1676—1747 гг.) в июне 1709 г. попал в плен под Полтавой и прожил в России, преимущественно в Тобольске, 13 лет. Человек он был, видимо, незаурядный. Достаточно сказать, что он являлся ближайшим сотрудником исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта и участвовал в его экспедиции 1721 г.; именно Страленберг открыл исторический труд хивинского хана Абулгази «Родословное древо тюрков».

В бытность свою в Сибири Страленберг встречался с целым рядом интересных людей, в числе которых, кроме Мессершмидта, были русский картограф Семен Ремезов с сыновьями, историк В. Н. Татищев и др. Последний приезжал в Тобольск в 1720 г., где и познакомился со Страленбергом, а потом в 1724—1726 гг. они вновь встретились в Швеции³.

Много времени и сил потратил Страленберг на сбор материалов для карты. В своей книге он писал: «...я сам с самого начала пребывания в плену в течение нескольких последующих лет трудился над составлением лучшей и более точной карты Сибири и Великой Татарии, неже-

² Л. С. Берг, Аральское море. Опыт физико-географической монографии, СПб., 1908, стр. 53.

³ Биографические данные о Страленберге даются по книге: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг, М.—Л., 1966.

ли те, которые были изданы в Европе до этого...»⁴. Известно, что в Тобольске в 1715 г. им была составлена одна карта, которая якобы пропала во время пожара, и вторая — в 1718 г. Эти материалы впоследствии оказались за границей и были использованы без ведома автора, так как в 1730 г. в предисловии к своей книге, говоря о «Новой карте Северной Азии», приложенной к французскому переводу рукописи Абулгази (Лейден, 1726 г.), Страленберг писал: «...по сравнению с предыдущими картами она более точна, но и с ней дело обстояло бы не лучше, если бы не моими руками жар загребли, т. е. если бы не воспользовались при этом первыми составленными мною для этой части света в 1715 и 1718 гг., но оставленными в России, картами»⁵.

Работу над составлением карты 1730 г. Страленберг начал, видимо, вскоре после возвращения на родину (1722 г.), так как уже в 1724 г. он писал: «...я пошел на это (составление карты.— М. И.), так как нашел здесь одного достаточно интересующегося этим делом пленного, путешествовавшего по другой части Татарии, который за соответствующее вознаграждение предложил мне свою помощь»⁶. По-видимому, это был капитан Матерн, находившийся вместе со Страленбергом в плену в Тобольске и вернувшийся на родину в 1722 г.⁷ В. Н. Татищев, упоминая о получении книги Страленберга, пишет, что ее автор к ней «...ландкарту капитаном Матерном сочиненную, приобрел»⁸. Издание карты и книги встретило большие затруднения и вышли они в свет лишь в 1730 г. (в Стокгольме и Лейпциге).

Книга Филиппа Иоганна фон Страленберга⁹ и особенно приложенная к ней карта давно привлекли к себе внимание исследователей — как современников автора, так и тех, которые впоследствии в том или ином аспекте занимались физической географией, исторической географией, историей и этнографией Сибири и Средней Азии¹⁰.

Большинство современных исследователей, в целом положительно оценивая карту Страленберга¹¹, указывают на ряд ее недостатков. Нельзя, например, не согласиться с тем, что города на этой карте показаны более чем неточно¹², и поэтому не могут служить ориентиром для выяснения достоверности того или иного участка карты. Неверно нанесена на карту р. Кезелдарья, также неверно показан Зеравшан (на карте он впадает в Амударью). Наконец, по установившемуся мнению, безымянный правый приток Амударьи, соединяющийся с Сырдарьей,

⁴ Цит. по кн.: М. Г. Новлянская, Указ. раб., стр. 78.

⁵ Там же, стр. 65—66.

⁶ Там же, стр. 45 (Письмо Страленберга к Брэйну от 24 апреля 1724 г.).

⁷ Там же, стр. 33, сноска 7.

⁸ В. Н. Татищев, История Российская, т. 1, М., 1962, стр. 349.

⁹ F. J. Strahlenberg, Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia, Stockholm, 1730, S. 10.

¹⁰ См., например: В. Н. Татищев, Указ. раб., стр. 346, 349; его же, Общее географическое описание всей Сибири, в кн.: В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 46, 47; И. И. Георги, Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches, Bd 1, Königsberg, 1797, S. 52; К. М. Бэр, Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний, ч. 1, «Зап. РГО», т. III, 1849, стр. 247; П. С. Савельев, Средняя Азия. Обзорные географические открытия и путешествий, совершенных в средней части Азии с древнейших времен до наших. Карманная книжка для любителей земледения от Русского географического общества, СПб., 1848, стр. 268, 269; П. П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, СПб., 1862, стр. 355 и др.

¹¹ М. Г. Новлянская, Указ. раб., стр. 56; В. Н. Федчина, Как создавалась карта Средней Азии, М., 1967, стр. 55; С. У. Умурзаков, Из истории русских географических и картографических представлений о природе Киргизии (XVII — первая половина XIX в.), «Уч. зап. Киргизского Гос. заочного пед. ин-та, серия история — география», вып. 3, Фрунзе, 1957; А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири XVII в., вып. 1, М.—Л., 1960, стр. 149.

¹² Н. Л. Корженевский, К истории развития картографии и географических представлений о территории Средней Азии и Узбекистана в XVIII в. «Изв. АН Уз. ССР, серия географическая», Ташкент, 1949, № 1, стр. 51.

считается легендарным¹³. Лишь Р. Л. Югай пытается идентифицировать этот рукав с протоком Сырдарьи — Жанадарьей¹⁴, хотя его направление, как бы трудно определимо оно ни было, совершенно не соответствует направлению Жанадарьи.

Крупнейший русский востоковед В. В. Бартольд справедливо заметил, что «за редкими исключениями каждая географическая карта, даже если она составлена лицом, лично ознакомившимся с соответствующими странами, представляет крайне сложный документ, в котором соединены данные, относящиеся к самым различным периодам, притом без указания источников»¹⁵. А между тем, именно выявление источников, которыми пользовался составитель карты, позволяет понять ход его мыслей, понять его удачу и объяснить ошибки. Обращение к поискам источников карты «Великой Татарии» Страленберга и позволило найти пути к разъяснению некоторых ее темных мест.

Известно, что при составлении сибирской части карты Страленберг использовал чертежи Семена Ремезова¹⁶, а также опросные данные и сведения, собранные им самим во время путешествия с Мессершмидтом. С Ремезовым Страленберг был знаком: «Я могу свидетельствовать, что нашел в Тобольске старого художника, который изготовил партикулярные карты всех провинций Сибири и пограничных с ними земель, но он был настолько скрытен и недоверчив, что я получил от него разрешение только посмотреть на карты»¹⁷. По мнению А. И. Андреева, знакомство Страленберга с Ремезовым произошло уже в 1715 г.¹⁸ и, судя по результатам этого знакомства, Страленбергу удалось не только посмотреть, но и скопировать чертежи Ремезова. Так, к моменту приезда Мессершмидта в Тобольск (24 декабря 1719 г.) Страленберг уже составил несколько карт Сибири, материалом для которых послужили ему, в частности, и чертежи Ремезова¹⁹.

Со среднеазиатской частью карты вопрос обстоит сложнее хотя бы потому, что в Средней Азии Страленберг никогда не был. Тем интереснее был розыск ее источников.

И тут мы вновь должны обратиться к чертежам С. У. Ремезова и особенно к одному из листов «Чертежной книги Сибири» под названием «Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи» (1697 г.). На этой карте, ориентированной на юг, Сырдарья и Амударья текут обе в широтном направлении и впадают в Аральское море с востока, причем по Сырдарье показано очень много городов. У западного берега Арала надпись «около моря и на островах люди аральцы», к северу от Сырдарьи, в ее низовьях, показаны каракалпаки. На 113 листе «Хорографической книги», составленной, видимо, тоже С. У. Ремезовым и опубликованной в 1958 г. Л. Багровым, в нижнем течении Сырдарьи надпись: «кочуют по обе стороны Сырта реки каракалпаки на 10 дней»²⁰. Для получения необходимых для чертежей материалов в Тобольской приказной палате, как сообщает сам С. У. Ремезов, были допрошены многие сведущие лица, по показаниям которых было составлено описание пути из Тобольска до Казахской Орды, Бухары и Хивы²¹. Он

¹³ В. Н. Федчина, Указ. раб., стр. 55; М. Г. Новлянская, Указ. раб., стр. 57.

¹⁴ Р. Л. Югай, История развития географических и картографических представлений о пустыне Кызыл-Кум (с древнейших времен до середины XIX в.), Ташкент, 1966, стр. 184.

¹⁵ Рецензия В. В. Бартольда на книгу Л. С. Багрова («Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря», СПб., 1912), см.: В. В. Бартольд, Соч., т. III, М., 1965, стр. 289.

¹⁶ С. Е. Фель, Картография России XVIII в., М., 1960, стр. 126.

¹⁷ Цит. по кн.: Л. А. Гольденберг, Семен Ульянович Ремезов, М., 1965, стр. 81.

¹⁸ А. И. Андреев, Указ. раб., вып. 2, стр. 43.

¹⁹ М. Г. Новлянская, Д. Г. Мессершмидт, Л., 1970, стр. 21.

²⁰ В. Н. Федчина, Указ. раб., стр. 40, 41.

²¹ А. И. Андреев, Указ. раб., вып. 1, стр. 101.

также использовал данные, собранные «у тобольского города и иных городов, всяких чинов людей, старожил, ведомцев, бывальцев, выходцов и полонянников русских и иноземцев: бухар и татар и калмыков и новокрещенных...»²².

Помимо опросных данных Ремезов, по мнению В. Н. Федчиной, использовал для составления своих чертежей карту думного дьяка Виниуса, составленную не позднее 1681 г. (на которой впервые в истории

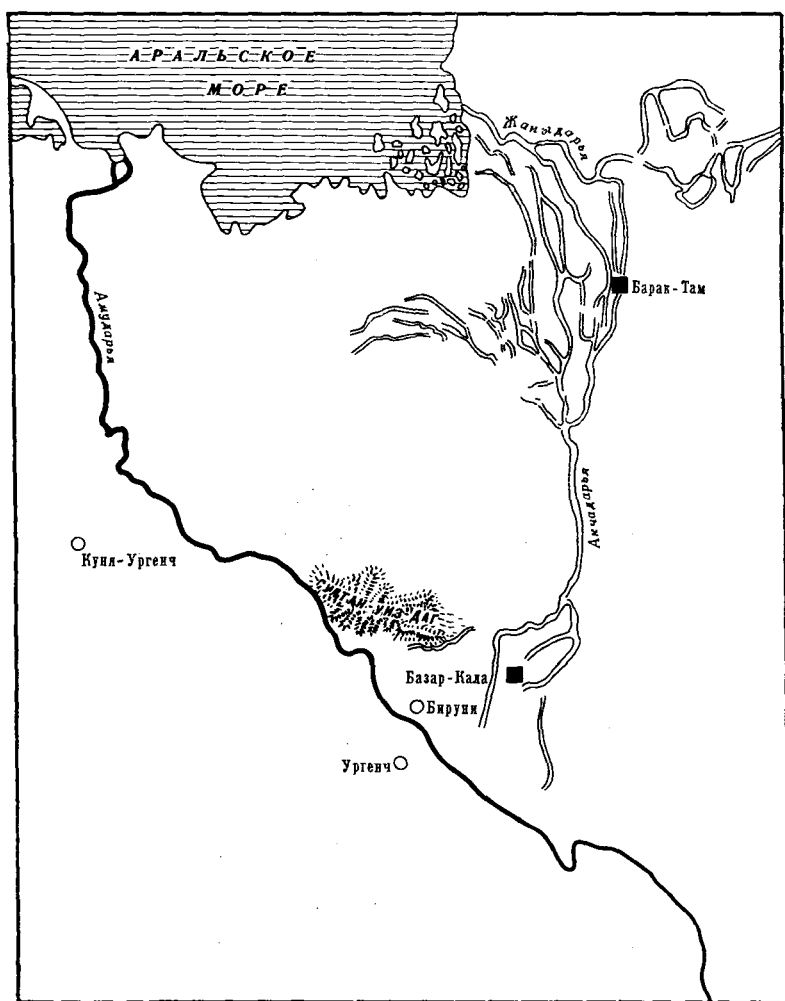

Рис. 2. Схема древних русел Амударьи и Сырдарьи

русской картографии Амударья и Сырдарья изображены впадающими в Аральское море и тоже с восточной стороны), а также данные «Книги Большому чертежу»²³.

Обратившись в свете сказанного к карте Страленберга, нельзя не согласиться с мнением В. Н. Федчиной, которая видит влияние чертежей С. У. Ремезова на эту карту именно в изображении долины Сырдарьи

²² Там же, стр. 102.

²³ В. Н. Федчина, Средняя Азия на русских чертежах (картах) XVII в., «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 4, М., 1957, стр. 103, 104; е е же, Как создавалась карта Средней Азии, стр. 39—41.

и названиях городов вдоль нее²⁴. К этому можно добавить, что на карте Страленберга есть каракалпаки к северу от Сырдарьи и Аральского моря, есть аралы к западу от последнего.

Другим картографическим источником могли послужить для Страленберга, как думает В. Н. Федчина, карта Каспийского моря Ф. Соймонова (1720 г.) и карта «Узбекской страны» (1723 г.), данные которых были использованы им при нанесении на свою карту Каспийского моря и особенно изображения его восточного берега²⁵.

Но, пожалуй, самым важным источником послужили для Страленберга опросные данные, собранные им у различных информаторов. Здесь прежде всего следует назвать его соотечественников — пленных шведов. Страленберг писал: «...Я получил сведения от тех людей, которые вместе со злосчастной экспедицией Александра Бековича²⁶ несколько лет тому назад были на восточном побережье Каспийского моря, а затем вернулись опять в Россию из туркменского и узбекского плена. Среди них было несколько шведов и немцев, которые сообщили мне наилучшие сведения о Каспийском море»²⁷. И. И. Голиков подтверждает участие шведских пленных в этом походе: «Бекович набрал в Казани эскадрон шведских пленных, кои добровольно с ним следовать согласились, под начальством пленного же майора храброго Франкенберга, уроженца Шлезского»²⁸. Этот же эскадрон драгун упоминается им и тогда, когда речь идет уже непосредственно о печально известном походе 1717 г.²⁹

«Есть сведения, что в известной экспедиции князя Бековича в Хиву участвовали многие шведские пленные, которых он принял в службу в Казани и в Астрахани...» — свидетельствует Я. Гротт³⁰. Из показаний члена экспедиции Бековича, лейтенанта Кожина, дезертировавшего из нее и отданного за это под суд, известно, что в ее составе был эскадрон шведских драгун в количестве 600 человек³¹.

По мнению Я. В. Ханыкова, из четырехтысячного отряда Бековича «значительная часть, вероятно, погибла уже в 1717 г., тем не менее большая половина долженствовала остаться в живых еще долго после того, однако же выходцев из них в Россию было весьма мало»³². Таким образом, запись в книге Страленберга, очевидно исторически подтверждается. По-видимому, Страленберг извлек много полезных сведений из общения с местными жителями. Этому источнику информации он придавал большое значение. В своей книге Страленберг писал, что работая над картой он «был вынужден в силу этого поддерживать дружеские отношения как с проживающими в г. Тобольске и его окрестностях бухарскими татарами, так и с другими татарами-магометанами как ради изучения языка, так и ради тех путешествий, которые некоторые из них совершали в Великую Татарию»³³. Вещественным результатом этих знакомств было приобретение рукописи Абулгази и, видимо, «неизвестно откуда взятые планы городов Бухары и Туркестана»³⁴, обнаруженные в архиве Мессершмидта.

²⁴ В. Н. Федчина, Как создавалась карта Средней Азии, стр. 55.

²⁵ Там же, стр. 54, 55.

²⁶ Речь идет об экспедиции князя Александра Бековича-Черкасского в Хиву (1717 г.), окончившейся для него и многих из ее участников трагически.

²⁷ Цит. по кн.: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг, стр. 56.

²⁸ И. И. Голиков, Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, т. 7, М., 1838, стр. 60.

²⁹ Там же, стр. 62.

³⁰ Я. Гротт, О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом, «Журнал Министерства народного просвещения», 1853, № 2, стр. 126.

³¹ Я. Ханыков, Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, в кн.: Я. Ханыков, Сборник статей о Средней Азии и Отчет Географического об-ва за 1850 г., СПб., 1851, стр. 51.

³² Там же, стр. 51.

³³ Цит. по кн.: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг, стр. 78.

³⁴ М. Г. Новлянская, Д. Г. Мессершмидт, стр. 177.

Торговые связи среднеазиатских ханств с Московским государством в XVII—XVIII вв. осуществлялись по трем основным путям. Первый из них шел через Гурьев и далее через Устюрт по большой Хивинской дороге, а от спуска с Устюрта — на юг, по левому берегу Амударьи до Хивы. От Хивы караваны шли к югу до переправы у Чарджоу, а затем в Бухару. Второй путь шел «из Тобольска через казахские степи к Аральскому морю, а от него по Сырдарье до Туркестана, и далее до Бухары по пустыне Кызылкум...»³⁵. Третий путь — из Оренбурга через низовья Сырдарьи. Судя по нагрузке карты Страленберга, его информаторам был знаком главным образом второй путь.

Высказав предположения об источниках, использованных Страленбергом для составления среднеазиатской части карты, мы имеем возможность судить о степени достоверности этой карты, а в некоторых случаях и о причине заблуждений ее автора.

По-видимому, устной информации «бывалых людей», собранной и положенной на карту еще С. У. Ремезовым и дополненной сведениями, собранными самим Страленбергом, мы обязаны появлению на его карте не только многих географических названий, но и этнонимов. Эта же информация послужила основанием для нанесения на карту интересующего нас безымянного протока Амударьи, сливающегося в нижнем течении с Сырдарьей и принимаемого нами за Акчадарью.

Хорезмская экспедиция частично обследовала караванную тропу, которая шла из Хивы на северо-восток через колодцы Кокча, Бай-Мурат, Иркибай на Жанадарье, до Казалы (Казалинска) на Сырдарье. Как большинство караванных троп, сохранившихся в пустыне и поныне, она существовала по крайней мере с эпохи средневековья; использовалась она и позднее. Прошедший по ней в 1873 г. зоолог М. Н. Богданов писал, что «этим путем, несмотря на значительные безводные переходы, везется в Казалу из Нового Ургенча и Шах-Абас-Вали (г. Бируни.—М. И.) главная масса хлопка, каракульские мерлушки и другие сырые продукты торговли Хивинского оазиса с Россией»³⁶. А между тем, эта тропа, если идти по ней из Хивы, пересекает Южную Акчадарьинскую дельту и далее идет по Акчадарьинскому коридору и восточной границе Северной дельты Акчадарьи. Следуя по ней, путешественник встречает на своем пути множество сухих русел, устремляющихся в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях — староречий Акчадарьи. Русла эти подходят к Сырдарье, вернее к ее южному староречью — Жанадарье, и контактируют с ее протоками (рис. 2). Таким образом, возможность получения Страленбергом информации о протоке Амударьи, соединяющемся с Сырдарьей, от людей бывавших в этих местах, вполне вероятна. Но мы знаем, что на карте Страленберга этот проток показан действующим, в то время как доподлинно известно, что ни в XVII в., ни в начале XVIII в. Акчадарья обводнена не была. Кто же ошибся: Страленберг или его информаторы?

В результате исследований Хорезмской экспедиции установлено, что сток сырдарьинских вод по Жанадарье начался не раньше середины I тысячелетия до н. э., когда в Акчадарье воды уже не было. В то же время мы располагаем археологическими материалами, которые убедительно показывают, что высохшие акчадарьинские русла время от времени заполнялись сырдарьинской водой. Так, например, в IV—V вв. сырдарьинской водой орошались поля Барактамского оазиса, расположенного в северной акчадарьинской дельте³⁷. Видимо, на протяжении

³⁵ Р. Л. Югай, Географические сведения арабских, среднеазиатских и других ученых до XVIII в., в кн.: «История открытия и исследования Советской Азии», М., 1969, стр. 109.

³⁶ М. Н. Богданов, Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызыл-Кум, Ташкент, 1882, стр. 13.

³⁷ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 236—239.

истории процесс этот происходил не один раз; так, по тем же данным, после перерыва в несколько сот лет — с XII по XIV в. Жанадарья была вновь обводнена и сырдарьинская вода могла периодически заполнять акчадарьинские русла в их нижней части. Собранные экспедицией материалы позволили С. П. Толстову предположить, что в этот период главным протоком «сырдарьинской дельты снова стала Жанадарья и именно она составляла ниже г. Отрара русло „Сейхуна“ арабоязычных авторов средневековья»³⁸. Кстати, и на чертеже С. У. Ремезова, и на карте Страленберга устье Сырдарьи показано южнее места ее современного впадения в Арал. И, если воспринимать Сырдарью на карте Страленберга в ее нижнем течении как Жанадарью, то вопрос о соединении Амударьи и Сырдарьи на его карте значительно проясняется. Известно, что о соединении Сырдарьи с Амударьей писал еще в XV в. Хафиз-и-Абру³⁹. Надо полагать, что Страленберг получил определенное количество традиционных сведений, которые он и использовал. Сколь живуча была эта традиция мы можем судить по широко известному в литературе письму члена Амударьинской экспедиции (руководитель Н. Г. Столетов) полковника Л. Н. Соболева к вице-председателю Географического общества, в котором он писал: «Еще в третьем году из разговоров с бухарцами и самаркандцами я сделал предположение, что было время, когда воды Сыра и Аму сливались непосредственно... Даукаринский киргизский султан Назар-хан сообщил мне, что Яны-Дарья (Жанадарья. — М. И.), хотя и называется новой рекой, но очень древняя. Тому 1000 лет или 500 (точно не знает), река эта до урочища Каска шла одним руслом. Тут она делилась надвое. Одна ветвь шла к морю (Аральскому. — М. И.) через Каракуль и Аксай. Другая на юг, через урочище Кукча, на Шураханы до Амударьи. Эта часть реки ныне засыпана песками... Местами следы русла видны хорошо. Султан видел эти места»⁴⁰. Вторая ветвь реки — это Акчадарья, но направление ее течения (с севера на юг) не соответствует действительности.

К этому же времени относится еще одно утверждение о соединении Амударьи с Сырдарьей, причем занятно, что в числе доказательств автор приводит именно карту Страленберга. При этом он не сомневается в реальности существования протока, соединяющего Амударью с Сырдарьей, и даже делает вывод, что в начале XVIII в., т. е. когда Страленберг работал над картой, этот проток был действующим⁴¹. По-видимому, мы имеем основание заключить, что версия о соединении Амударьи с Сырдарьей может быть объяснена процессами преникновения вод Сырдарьи (Жанадарьи) в акчадарьинские (амударьинские) русла. Но это еще не объясняет заполнения водой всей Акчадарьи, как показано на карте Страленберга. Как нам представляется, во время сильных паводков на Амударье вода прорывалась по старым акчадарьинским руслам (некоторые из них уже со второй половины I тысячелетия до н. э. использовались как каналы) и затопляла их, заходя довольно далеко к северу. Так, во время сильного паводка 1878 г., принесшего большие разрушения на левом берегу Амударьи, на правом берегу, по сообщению Ф. Старинова (газета «С.-Петербургские ведомости», № 151, 1879), вода прорвалась по протоку южнее Бий-Базара вдоль гор Султануиздаг и, не дойдя до Кок-

³⁸ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 79.

³⁹ В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в., в кн.: В. В. Бартольд, Соч., т. III, М., 1965, стр. 66.

⁴⁰ Л. Соболев, Из письма Л. Н. Соболева к вице-председателю Географического общества. Сел. Чимбай, 1874 г., 30 мая, «Изд. РГО», т. X, вып. 7, 1874, стр. 242.

⁴¹ Л. Ф. Костенко, Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. 1, СПб., 1880, стр. 199.

чи, затерялась в песках⁴². Те же сведения сообщает и Х. Р. Гельман⁴³. С другой стороны, известно, что во время больших паводков вода затопляла и один из меридиональных протоков Акчадарьи, юго-западнее Джанбаскалинской возвышенности. Так случилось в средние века⁴⁴, видимо, так было и в 30-е годы нашего века, когда вода достигла района Базар-калы⁴⁵. Совершенно очевидно, что подобные паводковые прорывы, повторявшиеся неоднократно в разные исторические периоды, могли создать представление об обводненности Акчадарьи. Достаточно сказать, что такие крупные исследователи, как Н. А. Северцев и А. В. Каульбарс считали, что в районе горы Кокча (крайние восточные отроги Султануиздага) происходит соединение амударьинских вод, текущих с юга, и сырдарьинских, текущих с севера. Только Н. А. Северцев считал, что амударьинская вода устремлялась по меридиональным протокам Акчадарьи от Шурахана к горе Кокча⁴⁶, а А. В. Каульбарс думал, что она подходила по широтному акчадарьинскому протоку к югу от гор Султануиздаг⁴⁷. Таким образом, и тот, и другой не сомневались в обводненности Акчадарьи и в соединении Амударьи (Акчадарьи) с Сырдарьей. Думается, что их заблуждение было основано на известных фактах проникновения воды в акчадарьинские русла с юга из Амударьи и с севера — из Сырдарьи.

В свете всего сказанного безымянный проток Амударьи на карте Страленберга теряет свою легендарность, а заполнение его, по воле автора карты, водой не кажется уже таким фантастическим. А может быть Страленберг его никак не назвал именно потому, что одни считали его протоком Сырдарьи, а другие — Амударьи? Кстати, сам Страленберг жаловался на противоречивость сведений, которые он получал от путешественников в Тобольске⁴⁸.

Итак, информаторы Страленберга верно сообщили ему о протоке к востоку от основного русла Амударьи, но ввели его в заблуждение, назвав его действующим. Причину их ошибки мы постарались объяснить выше. Теми же обстоятельствами объясняется, видимо, и то, что на карте Страленберга Зеравшан показан впадающим в Амударью, в то время как археологическими исследованиями экспедиции Я. Г. Гулямова установлено, что по одному из его дельтовых протоков — Махандарье сток в Амударью шел в эпоху неолита⁴⁹, но не позднее. Кроме того, известно о неоднократных мощных прорывах воды в Махандарью в конце XIX в. и в наши дни⁵⁰. Более того, Наршахи (X в.) пишет о том, что воды Зеравшана доходили до Фараба (берег Амударьи), а Хифиз-и-Абру (XV в.), — что «нижнее течение (Зеравшана. — М. И.) иногда во время половодья доходило до Амударьи»⁵¹. Очевидно, и в этом случае информаторами Страленберга могли быть люди, знавшие эти места и воспользовавшиеся традиционными сведениями. К тому же у Страленберга были и предшественники, которым он мог следовать, так как на всех

⁴² См. Г. Гельмерсен, Очерк геологии и физической географии Арало-Каспийской низменности, «Горный журнал», т. IV, 1879, стр. 77.

⁴³ Х. Р. Гельман, Исследование прорывов реки Амударьи, образовавшихся во время ее разлива летом 1878, «Зап. Кавказского Отд. РГО», Тифлис, 1879, т. X, вып. 3 (приложение), стр. 7.

⁴⁴ «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 138.

⁴⁵ С. А. Никитин, С. Ф. Песков, Пески юго-западных Кызылжумов, «Труды Каракалпакской комплексной экспедиции 1931—1932 гг.», т. II, вып. 3, М.—Л., 1936, стр. 116.

⁴⁶ Н. А. Северцев, О результатах физико-географических наблюдений в Арало-Каспийских степях в 1874 г., «Изв. РГО», т. XI, вып. 3, 1875, стр. 228, 229.

⁴⁷ А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, «Зап. РГО по общей географии», т. 9, СПб., 1881, стр. 291.

⁴⁸ F. J. Strahlenberg, Указ. раб., стр. 10.

⁴⁹ Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров, Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана, Ташкент, 1966, стр. 14, 15.

⁵⁰ Там же, стр. 15; Э. М. Мурзаев, Средняя Азия, М., 1957, стр. 151, 152.

⁵¹ Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров, Указ. раб., стр. 14.

известных русских картах того времени Зеравшан впадает в Амударью. Причина этой «ошибки», как мне кажется, теперь разъясняется.

Рукопись Абулгази «Родословное древо тюрков», честь открытия которой, как мы знаем, принадлежит Страленбергу⁵², оказала известное влияние на карту Страленберга, и ее так же можно рассматривать как один из источников. Думается, что знакомство с сочинением Абулгази привело к тому, что Страленберг нанес на свою карту р. Кезелдарью.

Еще Ленц писал, что Абулгази, ошибочно отождествляя Кызылдарью с Амударьей, в одном месте заставлял ее течь в Арал, в другом — в Каспийское море⁵³. Противоречивость этих сведений нашла отражение на карте Страленберга, где как бы соединены эти два варианта. Если иметь в виду, что «Новая карта Северной Азии...», приложенная к лейденскому изданию 1726 г., была составлена на материалах Страленберга, и если сравнить ее с картой 1730 г., можно представить себе пережитые им колебания. На карте 1726 г. Амударья к северу от г. Тук вливается в имеющую до слияния широтное направление Кезелдарью, которая после этого тремя рукавами впадает в Аральское море. На карте 1730 г. получается, что Амударья впадает тремя рукавами в Арал, а в Каспий впадает лишь Кезелдарья. У Абулгази р. Аму за 30 лет до его рождения (в 1573 г.) проложила себе русло, которое, протекая мимо г. Тук, впадало в Аральское море. Из-за этого высохло русло, направлявшееся на запад, на берегу которого стоял Б. Ургенч⁵⁴. Это нашло отражение на карте Страленберга, где Б. Ургенч действительно стоит на сухом русле, а Амударья впадает в Аральское море. Нет только г. Тук, в то время как на лейденской карте 1726 г. он еще помечен.

Река Кызыл упоминается Абулгази в двух случаях, причем каждый раз она находится где-то неподалеку (к северу) от крепости Тук. На карте Страленберга 1730 г. р. Кезелдарья, текущая с востока на запад и соединяющаяся с Амударьей ниже г. Тук, исчезает, но зато появляется Кезелдарья, текущая в Каспий. Здесь можно предположить, что Страленберг использовал и литературную традицию, ибо известно, например, свидетельство Хафиз-и-Абру, что Сырдарья «в Хорезмийской степи соединяется с Джейхуном и впадает в Хазарское море»⁵⁵. С другой стороны, на карте Гондиуса (1633 г.), где Амударья и Сырдарья впадают в Каспийское море, Сырдарья названа *Chesel, olim Jaxartes*⁵⁶, т. е. Кезел (дарья) или Яксарт. Вся эта путаница в локализации Кезелдарьи нашла свое отражение на карте и в книге Страленберга.

В литературе нового времени есть попытка отождествления Кезелдарьи с южным протоком Сырдарьи — Жанадарьей. Так, В. В. Бартольд приводит выдержку из старой рукописи, заимствованную у М. С. Андреева: «Была в старое время у нас река, называлась она Кызылдарья; ее началом был Сейхун (Сырдарья), перерезывала она Кызылкумы до Джейхуна (Амударья)»⁵⁷. В. В. Бартольд, ссылаясь на Хафиз-и-Абру и Бабура, дает описание направления этой реки (от Дженда к юго-западу), не исключает стока по ней в Арал, но Жанадарьей не называет. Н. А. Северцев же прямо пишет, что «загадочная средневековая Кызылдарья» и есть, видимо, Жанадарья⁵⁸. Этой точки зрения придерживает-

⁵² Подробно об этом см.: А. Н. Кононов, История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-гази «Родословная тюрков», «Сов. тюркология», 1971, № 1.

⁵³ Р. Э. Ленц, Наши сведения о прежнем течении Аму-Дарьи, «Зап. РГО по общей географии», т. IV, СПб., 1871, стр. 133.

⁵⁴ Абульгази-Бахадур-хан, Родословное древо тюрков (перевод и предисловие Г. С. Саблукова, с послесловием и примечаниями Н. Ф. Катанова), «Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI, вып. 5, 6, 1905, стр. 261.

⁵⁵ Цит. по кн.: В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 66.

⁵⁶ Л. С. Берг, Указ. раб., стр. 35.

⁵⁷ В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, стр. 66, сноска 8.

⁵⁸ Н. А. Северцев, Путешествие по Туркестанскому краю, М., 1947, стр. 73.

ся в наши дни Э. Мурзаев⁵⁹. Поскольку, как известно, сток по Жанадарье неоднократно возобновлялся и потом прекращался, то противоречивость сведений о Кезелдарье, возможно, объясняется именно этим, и тогда отождествление Кезелдарьи с Жанадарьей вполне вероятно.

Что же касается сухого протока, на котором расположен Б. Ургенч (современный Куня-Ургенч), — это Дарьялык, и его осушение вследствие поворота русла в Аральское море, как об этом пишет Абулгази, вполне объяснимо. В XVI—XVII вв. происходит возрождение оросительных систем Южного Хорезма (после разгрома, учиненного Тимуром), вызвавшее перемещение основного стока вод Амударьи в Арал и усыхание Дарьялыка⁶⁰. Так что здесь Страленберг, следуя Абулгази, не погрешил против истины.

В соответствии с данными Абулгази показан на карте и г. М. Ургенч (современный Новый Ургенч), который был основан Абулгази после запустения Б. Ургенча. Думается, что здесь можно уверенно говорить, что Страленберг использовал рукопись, а не сведения очевидцев, так как г. М. Ургенч на самом деле находился не на правом, а на левом берегу Амударьи, южнее Б. Ургенча. По-видимому, следование тому же литературному источнику привело к неверной локализации гор Шейх-Джели (Султануиздаг) и оз. Ходжи-Куль, которые упоминаются в рукописи Абулгази, но без четких координат. На самом деле и горы, и озеро должны находиться на правом берегу не безымянного протока, а основного русла Амударьи. В свое время Л. С. Берг к числу достоинств карты Страленберга относил наличие на ней именно этих названий, полагая, что сведения о них были получены Страленбергом от очевидцев⁶¹. Нам представляется более вероятным наше предположение.

Мы уже упоминали о большом числе этнонимов на карте Страленберга. Разбор их не входит в нашу задачу, коснемся лишь тех, которые связаны с интересующим нас регионом. На карте к северу и северо-востоку от Аральского моря показана обширная территория расселения каракалпаков, западная граница которой доходит до Эмбы. Известно, что в XVII — начале XVIII в. каракалпаки селились на Средней и Нижней Сырдарье и назывались в источниках, соответственно, «верхними» и «нижними». При этом, как сообщали послы Петра I к казахскому хану Тауке, — Ф. Скибин и М. Трошин (1694 г.), жили они «сообща» с казахами и принимали участие в их походах⁶².

Другим центром расселения каракалпаков в этот период были верховья Яика и Эмбы, где каракалпаки были связаны с ногаями⁶³. На карте Страленберга каракалпаки показаны и в низовьях Эмбы, а в основном имеется в виду, очевидно, территория расселения «нижних» каракалпаков, но сдвинутая к северу. Последнее — шаг назад по сравнению с чертежом С. Ремезова, ибо там каракалпаки показаны на обоих берегах Сырдарьи. На Средней Сырдарье они у Страленберга не отмечены, но зато там имеются этнонимы «племя кунграт» к северу от Сырдарьи, и «племя найман» — к югу. Эти и другие племена, показанные на карте в районе Сырдарьи, объединяются под общим названием «козачи орда». Видимо, речь здесь может идти о казахских племенах. Племя кунграт — древнее монгольское племя⁶⁴, которое пришло в XIII в. в Среднюю Азию с войсками Чингиз-хана, а в XIV в. входило в число тюркоязычных племен государства кочевых узбеков в Дешт-и-Кипчаке (сырдарьинские степи). После его распада кунграты влились в состав казах-

⁵⁹ Э. Мурзаев, Указ. раб., стр. 248, слово «Қызылқум».

⁶⁰ «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 201.

⁶¹ Л. С. Берг, Указ. раб., стр. 52.

⁶² Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IX, М.-Л., 1950, стр. 12.

⁶³ Там же, стр. 135.

⁶⁴ Для территории Южного Приаралья предполагается домонгольское происхождение этого этнонима.

ских, каракалпакских и узбекских племен, сохранивших это племенное имя. То же произошло и с тюркским племенным объединением найман — они в результате ряда исторических событий вошли в состав казахов и узбеков. Казахские племена кунграт и найман входили в состав Среднего жуза, территория расселения которого охватывала районы Сырдарьи, Каратау, Муюнкумы и степные зоны Центрального Казахстана. Летовки у них были по притокам Тобола, Ишима, Нуры и Сары-Су⁶⁵. На карте Страленберга племя кунграт показано на левом берегу притока Сырдарьи Талаш (Талас?), к западу от него нанесено оз. Телегул с рекой без названия, видимо, Сары-Су, но на этой территории показаны каракалпаки. По более поздним источникам (1785 г.) известно, что в летнее время казахи кунграт доходили до р. Тургая и оз. Телегул⁶⁶. По-видимому, действительно, на карте показаны казахи кунграт, но исключать наличие на Сырдарье в XVII в. каракалпаков с тем же племенным названием, не приходится. Заслуживает внимание название «араллы», помещенное к западу от Аральского моря, фактически на Устюрте. Мы уже писали, что на чертеже С. Ремезова у западного берега Арала была надпись: «около моря и на островах люди аралыцы». Эта надпись вполне соответствовала действительности. К началу XVII в. относится появление Аральского владения в низовьях Амударьи и на островах Аральского моря. Оно было образовано переселившимися сюда из Туркестана кочевыми узбеками⁶⁷ и играло довольно большую роль в политической истории Хорезма XVII в. Я. Г. Гулямов пишет, что благодаря обильным урожаям пшеницы аралыцы имели «возможность большого сбыта товарного хлеба в Мангышлак, Устюрт и в Южный Хорезм»⁶⁸. Может быть, активная роль аралыцев в освоении западных торговых путей (Мангышлак, Устюрт), где их могли встречать информаторы Страленберга, и объясняет его ошибку — помещение надписи «аралыцы» к западу от Аральского моря. «Земля Аралл» упоминается в примечаниях к французскому переводу Абулгази (1726 г.), где говорится, что это провинция Хорезма, лежащая к берегу Каспийского моря, которая «распространяется от гор Абул Хан (Б. Балханы. — М. И.) и от севера старого устья северного рукава реки Аму, которая ныне пересохла (очевидно, имеется в виду Узбой. — М. И.) до границ каракалпакских»⁶⁹. Здесь, по-видимому, речь идет о Северной Туркмении, тем более что в тексте далее сказано, что живут там одни туркмены, и что вообще провинция эта гористая, песчаная и неплодородная⁷⁰.

Туркмения, действительно, была подчинена Хорезму, что и нашло отражение на карте Страленберга. Там же она и названа уже «Туркомания».

Даже выборочный анализ данных среднеазиатской части карты Страленберга показывает, какой огромный материал содержит она для специалистов самых разных профилей. И особенно это относится к специалистам-этнографам, ибо в этом плане карта Страленберга, мне кажется еще ждет своего исследователя.

⁶⁵ «Народы Средней Азии и Казахстана» (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, М., 1963, стр. 326.

⁶⁶ Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 119.

⁶⁷ См. К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Амударьи, «Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 321 и сл.

⁶⁸ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 196, 197.

⁶⁹ «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книг Сочинения Абулгази Баядур-хана и дополненная великим числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северных Азии с потребными географическими ландкартами», пер. с французского Тредьяковского, ч. I, СПб., 1768, стр. 429, примеч.

⁷⁰ Там же.

MIDDLE ASIA (SOVIET CENTRAL ASIA) IN STRALENBERG'S MAP

The «Map of Siberia and Great Tataria» by Philipp Johann Strahlenberg, a Swede who had remained in Russia as a war prisoner after the Poltava Battle, is one of the most interesting cartographic documents from the early XVIIIth century.

The part of this map devoted to Middle Asia, with its ramified hydrographic network, its numerous populated settlements, its great number of ethnonyms, testifies to the extensive cartographic and written sources drawn upon by the compiler, and especially to the use made of oral data collected from people who had visited those regions.

The combined archaeological and geographical investigations carried out by the Kho-rezm expedition in the areas of the ancient deltas of the Amu-Darya and the Syr-Darya with extensive use of aerial photography have permitted us to outline the changes in the functioning of their various channels and the stages by which these great rivers were harnessed by man to his own use.

The examination of Strahlenberg's map from the archaeological-geographical point of view and with consideration of his sources has helped towards a new evaluation of its merits, as well as its real and alleged errors. Thus, for instance, the inclusion into his map of a nameless right-hand channel of the Amu-Darya connected with the Syr-Darya is usually regarded as one of Strahlenberg's mistakes. And yet analysis has led us to the conclusion that Strahlenberg has not, in this case, erred against the truth: he has drawn in his map a system of channels that actually existed within the ancient delta of the Amu-Darya — Akcha-Darya.

А. А. Аншба, С. Л. Зухба

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АБХАЗИИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Исследователь этнографии абхазов располагает значительным количеством источников¹. Ценные материалы по этнографии абхазов дают средневековые грузинские хроники («Картлис Цховреба», «История и восхваление венценосцев»). Отдельные данные имеются в трудах различных иностранных путешественников XV—XVII вв. — турка Эвлиа Челеби, итальянца Арканджело Ламберти, француза Шардена и др. Большой интерес для этнографии представляют труды царевича Вахушти Багратиони (XVIII в.), сочинения Н. Дадiani «Жизнь картвелов» (XIX в.).

Со времени присоединения Абхазии к России (начало XIX в.) этнография абхазов находит свое отражение и в русской литературе. Наиболее полное и достоверное описание абхазского дореволюционного быта содержится в труде Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера» (ч. I и II, М., 1864). Вопросы этнографии Абхазии затрагивались в работах многих других русских авторов — А. А. Бестужева-Марлинского, С. М. Броневского, А. Н. Введенского, П. Д. Краевича, П. К. Услара, И. М. Альбова, А. Н. Дьячкова-Тарасова и др., а также в сочинениях иностранных ученых, путешественников, купцов — М. Пейсонеля, Я. Рейнегса, Г. Гамба, Ф. Дюбуа де Монперэ и др.².

Прекрасными источниками для изучения обычаев и быта абхазского народа до сих пор являются работы первого этнографа-абхаза С. Т. Званбы, которые М. О. Косвен назвал «первыми... серьезными этнографическими сведениями об абхазах»³. Ценные материалы по различным вопросам этнографии Абхазии имеются также в дореволюционной периодической печати: «Акты кавказской археографической Комиссии», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе» (ССК), «Кавказский календарь», газеты «Кавказ», «Иверия» («Грузия»), «Апсны» («Абхазия») и др.

В дореволюционный период плодотворную этнографическую и фольклорную работу вел Н. С. Джанашиа, этнографические труды которого печатались в основном в грузинских журналах «Моамбе» (Вестник), «Акакис кребули» (сборник Акакия Церетели) и в переводе на русский язык — в журнале «Христианский Восток». Работы Н. С. Джа-

¹ См. В. В. Латышев, Известия древних о Скифии и Кавказе, «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1947, № 1—4; 1948, № 1—4; 1949, № 1—4.

² Подробнее об этом см. Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, Сухуми, 1965, Введение, стр. 7—30.

³ М. О. Косвен, Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке, «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955, стр. 356.

наши насыщены богатым фактическим материалом, собранным самим автором в стационарных условиях⁴.

После установления Советской власти в Абхазии 4 марта 1921 г. началась систематическая этнографическая работа. В августе 1922 г. учреждается самостоятельное Абхазское научное общество (АБНО), просуществовавшее до 1931 г., основной целью которого было этнографическое и историческое изучение края; в 1924 г. создается Абхазский государственный музей с историко-археологическим отделом; в 1925 г. — Академия абхазского языка и литературы. В 1931 г. было организовано постоянно действующее научное учреждение — Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (ныне Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР). Эти учреждения сотрудничали в изучении этнографии Абхазии с центральными научными организациями: Комиссией АН СССР по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран (КИПС), Комитетом по изучению языков и этнических культур восточных народностей СССР Главнауки Наркомпроса РСФСР («Восточный комитет»), Московским музеем народоведения, Научной ассоциацией востоковедения ЦИК СССР, Закавказской научной ассоциацией востоковедов. Ряд этнографических работ об Абхазии был написан по поручению этих организаций⁵. В результате двух поездок по Абхазии в 1925 г. известный этнограф-кавказовед Г. Ф. Чурсин собрал обширный материал, который, к сожалению, был издан лишь в 1957 г.⁶ Работа Г. Ф. Чурсина отличается обилием собранных самим автором сведений, на основании которых он, путем историко-сравнительного анализа, пытался объяснить происхождение тех или иных обычаев и верований абхазского народа (тотемизм, магию, фетишизм и т. д.).

Этнографический материал широко использован в ряде работ Д. И. Гулиа и С. П. Басария⁷. Д. И. Гулиа исследовал сложные проблемы происхождения абхазского народа, а также особенности его хозяйственной и культурной жизни, связанные с охотой и скотоводством. В работах С. П. Басария рассматриваются вопросы численности и национального состава населения, миграции, народного образования, языка, религии, обычаев, этногенеза и т. д.

В 1938 г. при отделе истории Абхазского научно-исследовательского института краеведения была организована этнографическая группа, которая в 40-х годах вела серьезную исследовательскую работу.

В эти годы увидел свет только один ее труд⁸. Особо нужно отметить большое научное наследие И. А. Аджинджала, почти полностью собранное в книге, изданной после его смерти⁹. В эту книгу вошли работы, написанные в 40-х годах: «Кузнечное ремесло и культ кузни и железа у абхазов», «Вооружение абхазов», «Кустарные и ремесленные промыслы в дореволюционной Абхазии», «Абхазская народная игра «аимцак»

⁴ Почти все работы Н. С. Джанашиа уже в советское время изданы отдельной книгой, см. Н. С. Джанашиа, Статьи по этнографии Абхазии (Составление и предисловие Х. С. Бражба), Сухуми, 1960.

⁵ Н. Я. Марр, Кавказские племенные названия и местные параллели, Пг., 1922; Е. М. Шиллинг, В Гудаутской Абхазии, «Этнография», 1926, № 1; его же, Абхазы, «Религиозные верования народов СССР», т. II, 1931; В. А. Гурко-Кряжин, Абхазия, М., 1926.

⁶ Г. Ф. Чурсин, Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957.

⁷ Д. И. Гулиа, История Абхазии, т. I, Тифлис, 1925; его же, Божество охоты и охотничий язык у абхазов, Сухуми, 1926; его же, Культ козла у абхазов Сухуми, 1928; С. П. Басария, Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях, Сухум-Кале, 1923; его же, Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе, Сухум, 1929, его же, Редкие случаи долголетия в Абхазии, «Труды Абхазского научно-исследовательского ин-та краеведения», вып. II, 1934.

⁸ И. Е. Адзинба, И. А. Аджинджал, Материалы по одежде абхазов, «Труды Абхазского государственного музея», вып. I, Сухуми, 1947.

⁹ И. А. Аджинджал, Из этнографии Абхазии, Сухуми, 1969.

ачара» и др., а также основное исследование этого ученого («Жилища абхазов»), изданное отдельной книгой еще в 1957 г. Все работы И. А. Аджинджала, человека редкого трудолюбия, отличаются богатством фактического материала, собиравшегося на протяжении всей его научной деятельности. В них имеется немало таких этнографических материалов, которые прежде не были известны.

Новый подъем в развитии абхазской этнографии намечается с середины 50-х годов, когда в науку пришли молодые, хорошо подготовленные кадры (Ш. Д. Инал-Ипа, Л. Х. Акаба, Ц. Н. Бжания). Особенно следует отметить работы Ш. Д. Инал-Ипа, первые исследования которого были посвящены семейно-брачным и родовым отношениям у абхазов¹⁰. Самой крупной работой ученого является монография «Абхазы»¹¹, обобщившая всю предшествующую исследовательскую работу в области абхазской этнографии (данные археологии, языка и фольклора). Ш. Д. Инал-Ипа изучает этнографию не изолированно, а в историко-сравнительном плане, стремясь проследить исконные связи и взаимоотношения абхазов с ближайшими соседями и особенно с генетически родственными им адыгами и грузинами.

Монография «Абхазы» охватывает все основные области абхазской этнографии: хозяйство и материальную культуру, общественные формы и отношения, проблемы духовной культуры абхазов с древнейших времен до нашего времени. Не остались вне поля зрения ученого и те колоссальные изменения в культуре и быту народа, которые произошли в советскую эпоху.

Одна из книг Ш. Д. Инал-Ипы посвящена проблемам этнокультурного развития абхазского народа¹². В ней автор поставил перед собой цель «сочетания этнографического материала с археологическим» (стр. 3). Сопоставляя данные археологии с новым этнографическим и фольклорным материалом, собранным самим автором в результате неоднократных поездок по селам и горам Абхазии, он пытается выяснить этническую принадлежность древних погребальных (дольмены), хозяйственных (ацангуара) и культовых (кудепстинский культовый камень) сооружений. В книгу включены также новые материалы по истории мореходства у абхазов, и по этнокультурным связям абхазов с убыхами. Многие научные наблюдения и выводы ученого представляются интересными. Вместе с тем некоторые его положения спорны. Так, например, нам кажется, что автор слишком арханизирует абхазский миф об ацанах (карликах), типологически восходящий к международным утопическим легендам о «золотом веке».

Плодотворную научно-исследовательскую работу ведет Л. Х. Акаба. Из опубликованных наиболее значительной является ее монография «Абхазы Очамчирского района»¹³, анализирующая хозяйство и материальную культуру, семейный и общественный быт абхазов данного района. На большом этнографическом материале автор приходит к заключению, что коренные перемены в материальной и духовной жизни, осуществленные после установления Советской власти, «повлекли за собой изменения не только в области общественной, но и в семейной жизни... Навсегда исчезли обычаи, служившие средством насилия или угнетения

¹⁰ Ш. Д. Инал-Ипа, Очерки по истории брака и семьи у абхазов, Сухуми, 1954; его же, К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии, «Труды Абхазского ин-та языка, литературы, истории» (далее ТАИЯЛИ), вып. XXV, 1954; его же, Воспитание ребенка по обычаю аталычества у абхазов, «ТАИЯЛИ», вып. XXVI, 1955; его же, Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX в., «ТАИЯЛИ», вып. XXVII, 1956.

¹¹ Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, Сухуми, 1960 (второе издание — 1965).

¹² Ш. Д. Инал-Ипа, Страницы исторической этнографии абхазов, Сухуми, 1971; см. также: его же, Традиции и современность, Сухуми, 1973.

¹³ Л. Х. Акаба, Абхазы Очамчирского района, «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955.

одного человека другим (кровная месть, абречество, аталычество и др.). Наоборот, сохраняются и получают дальнейшее развитие те традиции, которые соответствуют новым отношениям людей: гостеприимство, уважение к старшим, заботливое отношение к детям и т. д.»¹⁴.

Изучением скотоводческого хозяйства Абхазии долгое время занимался Ц. Н. Бжания. Он опубликовал интересное исследование¹⁵, которое, будучи построено в основном на личных наблюдениях автора, представляет ценный вклад в абхазскую этнографию. Внезапная смерть ученого помешала ему увидеть в печати свои последние работы, посвященные монографическому изучению абхазского села, изображению хозяйства и быта в нартском эпосе абхазов и другие.

Изменениям, произошедшим в советскую эпоху в семейно-брачных обрядах и обычаях абхазов, смешанным бракам между представителями различных национальностей, переменам в формах проведения свадеб посвящен краткий очерк Л. Е. Кучуберия¹⁶.

В 1967 г. вышла монография молодого исследователя абхазской национальной музыкальной культуры И. М. Хашба¹⁷. Автор устанавливает, что некогда в Абхазии бытовали различные виды музыкальных инструментов: ударные, духовые и струнные — часть из них в настоящее время вышла из употребления. Проводя сравнение с музыкальными инструментами других народов Кавказа, И. М. Хашба доказала, что некоторые абхазские музыкальные инструменты являются весьма древними (ахымаа — род цитры; аюмаа — род арфы). Их изучение дает много нового для исследования истории развития ранних истоков музыкальной культуры вообще.

Особое место в материальной и духовной культуре абхазов занимают произведения народного художественно-прикладного искусства, сохранившиеся в быту абхазской деревни вплоть до наших дней. Им посвящена специальная работа Е. М. Малиа¹⁸, выясняющая происхождение орнаментальных мотивов. На основании различных исторических сведений и личных наблюдений автор приходит к выводу, что искусство вышивки у абхазов имеет древнюю основу и носит самобытный характер. Декоративно-прикладное искусство Абхазии Е. М. Малиа считает ценнейшим этнографическим источником.

Абхазскими этнографами издаются и коллективные труды. В частности, в 1967 г. вышел сборник этнографических очерков¹⁹, в который вошли работы, посвященные изучению семьи и семейного быта в абхазской колхозной деревне (Ц. Н. Бжания), некоторым религиозным пережиткам у абхазов (Л. Х. Акаба), народному узору у абхазов (Е. М. Малиа), музыкальной культуре у абхазов (И. М. Хашба), развитию брачных обычаев и свадебной обрядности абхазов (Л. Е. Кучуберия) и др.

* * *

Абхазский фольклор богат и разнообразен. До наших дней сохранились в памяти народа древние героические сказания о нартах, легенды и предания об ацанах (карликах) и богоборце типа Прометея — Абрскиле, богатый сказочный эпос, трудовые песни, образцы обрядовой поэзии, героические и лирические песни, загадки, пословицы и поговорки.

Однако начало собирания отдельных образцов абхазского фольклора приходится лишь на вторую половину XIX в. Впервые тексты некоторых обрядовых песен абхазов были опубликованы в статье С. Т. Зван-

¹⁴ Л. Х. Акаба, Указ. раб., стр. 111.

¹⁵ Ц. Н. Бжания, Из истории хозяйства абхазов, Сухуми, 1962.

¹⁶ Л. Е. Кучуберия, Абхазская семья, Сухуми, 1969 (на абх. яз.).

¹⁷ И. М. Хашба, Абхазские народные музыкальные инструменты, Сухуми, 1967.

¹⁸ Е. М. Малиа, Народное изобразительное искусство абхазов (ткани и вышивки), Тбилиси, 1970.

¹⁹ «Современное абхазское село. Этнографические очерки», Тбилиси, 1967.

ба²⁰. Незначительные по объему абхазские фольклорные тексты встречаются также в работе П. К. Услара²¹.

В 1865 г. в Тифлисе вышел первый абхазский букварь, в котором были помещены 14 коротких сказок и 90 пословиц на языке оригинала, а также в переводе на русский и грузинский языки²².

На абхазском языке (с параллельным переводом на русский и грузинский языки) фольклорные тексты даны в публикациях Н. Джанашиа²³, П. Гиоргидзе (П. Чарая)²⁴, К. Мачавариани²⁵. Наряду с некоторыми другими фольклорными текстами первые сведения о древнейших памятниках абхазского фольклора — сказаниях о нартах и легендах о богороце Абрскиле — сообщаются в публикациях А. Иоакимова²⁶ и В. Гарцкия²⁷.

Фольклорные материалы часто публиковались также в исторических, этнографических, языковедческих статьях и очерках об Абхазии, появившихся в периодической печати: «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборнике сведений о Кавказе», «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Акакис кребули» («Сборник Акакия»), в журналах: «Моамбэ» («Вестник»), «Мцкемси» («Пастух»); в газетах «Кавказ», «Иверия» («Грузия»).

Большую роль в собирании и изучении абхазского фольклора играла деятельность Н. Я. Марра. Очень важны его методические указания по записи фольклорных материалов²⁸. По инициативе Н. Я. Марра еще в 1913 г. в Гудаутах был организован «Бзыбский комитет» по сбору абхазского фольклора, членами которого было собрано около 150 текстов. Фактически это была самая богатая коллекция, собранная в дореволюционный период²⁹. Долгое время записи хранились в Ленинградском отделении Архива АН СССР (фонд Н. Я. Марра) и лишь недавно изданы отдельной книгой³⁰.

С 27 февраля 1919 г. начала выходить первая абхазская национальная газета «Апсны» («Абхазия»), редактором которой был основоположник абхазской национальной художественной литературы Д. И. Гулиа. В этой газете часто публиковались народные песни, сказания, сказки, притчи.

С установлением Советской власти в Абхазии началась планомерная, систематическая работа по сбору и изучению абхазского фольклора. С. Н. Джанашиа, будучи еще студентом Тбилисского государственного университета, летом 1921 г. в селе Адзюжба Очамчирского района собрал довольно много произведений различных жанров абхазского фольклора (сказки, героические сказания о нартах, пословицы, поговорки, загадки, заговоры). Изданы они были значительно позже³¹.

²⁰ С. Т. З в а н б а, Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии, газ. «Кавказ», 1855, № 81—82.

²¹ П. К. У с л а р, Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык, Тифлис, 1862.

²² «Абхазский букварь», Тифлис, 1865 (на абх. яз.).

²³ Н. С. Д ж а н а ш и а, Два вора, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. VI, 1888.

²⁴ П. Г и о р г и д з е (П. Чарая), Абхазы и абхазцы. Этнографические описания, Газ. «Иверия» («Грузия»), 1888, № 165, 167, 169, 173, 175—176, 179—180, 183—186 (на груз. яз.).

²⁵ К. М а ч а в а р и а н и, Сказка о четырех братьях, СМОМПК, вып. XIV, 1892.

²⁶ А. И о а к и м о в, Предрассудки моих учеников (из жизни пансионеров Сухумской горской школы), газ. «Кавказ», 1873, № 57.

²⁷ «Из абхазских народных преданий и поверий (записанных учителем Очамчирского училища В. Гарцкия)», СМОМПК, вып. XIII, 1892, отд. II, стр. 32—43.

²⁸ Н. Я. М а р р, О языке и истории абхазов, М.—Л., 1938.

²⁹ См. С. Л. З у х б а, Дореволюционные записи абхазских народных сказок в Ленинградском архиве, «Сов. этнография», 1965, № 1, стр. 104—106.

³⁰ «Материалы абхазского фольклора» (из архива академика Н. Я. Марра), Подготовка текста, вступительная статья и примечания С. Зухба, Сухуми, 1967. (на абх. яз.).

³¹ С. Н. Д ж а н а ш и а, «Труды», т. IV, Тбилиси, 1968 (на груз. яз.; абхазские тексты напечатаны на языке оригинала).

Композитор-этнограф К. В. Ковач записал на фонографе и издал два сборника народных песен³².

Активную помощь в собирании и изучении абхазского фольклора в этот период оказывали крупные советские писатели и ученые, в частности А. М. Горький, Ю. М. Соколов, Н. П. Андреев и др.³³

Наиболее значительными публикациями абхазского фольклора в 30-е годы являются два сборника сказок³⁴ и сборник пословиц и поговорок³⁵.

Перед войной были подготовлены два тома абхазских сказок³⁶. Первый был издан в 1940 г., второй вышел лишь через 28 лет. Предисловия к обоим томам написаны русским советским ученым Н. П. Андреевым. В 1941 г. вышел сборник абхазских песен³⁷. Это было фактически первое издание образцов абхазской народной поэзии, так как сборники песен К. В. Ковача представляли собой нотную запись абхазских песен, не всегда сопровождающуюся полными текстами.

Таким образом, в предвоенные годы основное внимание уделялось публикации абхазского фольклора, анализу же его были посвящены лишь небольшие предисловия к сборникам, отдельные статьи и заметки.

В годы войны и в послевоенное время проводилась значительная собирательская работа, но не было новых публикаций фольклорных материалов. Исключение составляет статья Ш. Д. Инал-Ипа, где впервые выявляются национальные особенности абхазской версии нартского эпоса народов Кавказа³⁸.

Новый подъем в собирании, изучении и издании абхазского фольклора начинается с середины 50-х годов. Один за другим выходит ряд сборников сказок, песен, сказаний³⁹. Параллельно ведется и серьезное исследование фольклора. Первый опыт анализа абхазского народного стихосложения принадлежит народному поэту Абхазии Б. В. Шинкуба⁴⁰. Народный поэт Абхазии Д. И. Гулиа, будучи сотрудником Абхазского института языка, литературы и истории, в 1954 г. опубликовал интересную работу, посвященную абхазскому народно-поэтическому

---

³² К. В. Ковач, 101 абхазская песня (этнографическая запись с историческими справками), Сухум, 1929; его же, Песни кодорских абхазцев (сборник этнографических материалов с нотными записями), Сухуми, 1930.

³³ См. об этом подробнее: Ш. Х. Салака, Абхазский народный героический эпос, Тбилиси, 1966, стр. 21.

³⁴ «Абхазские сказки». Под редакцией А. К. Хашба, В. И. Кукба, Сухуми, 1935; тот же сборник на абхазском языке: («Апсуа лакукуа»), Сухуми, 1936, «Абхазские народные сказки». Перевод и обработка Н. Сапежко, Сухуми, 1939.

³⁵ Д. И. Гулиа, Сборник абхазских пословиц, поговорок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, наговоров, Сухуми, 1939.

³⁶ «Абхазские сказки», т. I (составители К. С. Шакрыл и Х. С. Бгажба), Сухуми, 1940; т. II (составитель К. С. Шакрыл), 1968 (на абх. яз.).

³⁷ «Абхазская народная поэзия», составили Д. И. Гулиа, Х. С. Бгажба, Сухуми, 1941 (на абх. яз.) (второе издание — 1972 г., на абх. яз.).

³⁸ Ш. Д. Инал-Ипа, Об абхазских нартских сказаниях, «Труды АБНИИ», вып. 23, Сухуми, 1949, стр. 81—120.

³⁹ «Абхазские сказки». Составил и обработал Х. С. Бгажба, Тбилиси, 1956 (на груз. яз.); «Сын оленя. Абхазские народные сказки и предания» (составил, обработал и перевел Х. С. Бгажба) М., 1957; «Абхазские сказки» (составил, обработал и перевел Х. С. Бгажба), Сухуми, 1959. (второе дополненное издание, Сухуми, 1965); «Абхазские народные песни и сказы» (составил И. Е. Кортуа), Сухуми, 1956 (на абх. яз.); «Абхазские песни» (составители В. Ахобадзе, И. Кортуа), М., 1957; «Антология абхазской поэзии», Тбилиси, 1957 (на груз. яз.), М., 1958 (на русск. яз.); «Абрскл. Сводный текст по народным вариантам» (составил Б. В. Шинкуба), Журнал «Алашара» («Свет»), 1957, № 2 (на абх. яз.); Абхазская народная поэзия (составил Б. В. Шинкуба), Сухуми, 1959 (на абх. яз.); «Абхазские сказания» (составил Б. В. Шинкуба), Сухуми, 1961.

⁴⁰ Б. В. Шинкуба, О принципах абхазского стихосложения, «Альманах», 1952, № 3 (на абх. яз.).

творчеству советской эпохи⁴¹. Делается попытка обобщить исследования всех жанров абхазского фольклора⁴².

Большим событием в культурной жизни абхазов был выход в свет сводного текста нартских героических сказаний на языке оригинала и в переводе на русский язык одновременно в Сухуми и Москве⁴³. Выход этой книги послужил поводом для проведения Всесоюзной конференции, посвященной проблемам изучения эпоса народов Кавказа «Нарты», которая была созвана по инициативе Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР и Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. На конференции было заслушано более 30 докладов о времени и месте возникновения первоначального ядра нартского эпоса, о национальной специфике отдельных его версий, об основных сюжетах и образах, о поэтике и т. д.⁴⁴. Активное участие в конференции приняли абхазские ученые Х. С. Бгажба, Ш. Д. Инал-Ипа, К. С. Шакрыл, Ш. Х. Салакая, А. Н. Гогоуа, С. Л. Зухба и др.

До 60-х годов не было специальных работ, посвященных отдельным жанрам абхазского фольклора. Первой удачной попыткой такого рода явилась монография Ш. Х. Салакая⁴⁵, в которой исследуются основные жанры героического и историко-героического эпоса абхазов. На основании анализа фольклорного, этнографического, исторического, археологического, языкового материала автор приходит к выводу, что первоначальное (древнейшее) ядро нартского эпоса зародилось на Кавказе среди аборигенного населения еще задолго до появления ираноязычных скифо-сармато-аланских племен. В то же время автор не умаляет вклада в формирование эпоса ираноязычных племен. Исходя из конкретного анализа основных сюжетов и образов героического эпоса о нартах, он приходит к заключению, что эпос складывался в период первобытнообщинного строя на различных стадиях его развития. Специальный параграф в работе посвящен сказанию об Абрскиле, в первоначальной основе которого автор усматривает отражение перехода от матриархата к патриархату, утверждение мужского приоритета в общественной жизни и быту. Окончательное же художественное оформление эпоса произошло в эпоху классового общества. Большое внимание уделено автором сказаниям об Апсха (царе или владетеле Абхазии), а также историко-героическим песням и рассказам эпохи позднего феодализма⁴⁶.

До последнего времени в нартведческих работах преобладали исследования историко-археолого-этнографического характера. Оставалась как-то в стороне художественная специфика эпоса. Этот существенный пробел в известной степени восполняет работа А. А. Аншбы⁴⁷. Автор

⁴¹ Д. И. Гулиа, О советской абхазской народной поэзии, «Труды АБНИИ», 1954, вып. 25, стр. 271—276.

⁴² Ш. Д. Инал-Ипа, Некоторые вопросы абхазского фольклора и литературы, Сухуми, 1956 (второе издание, Сухуми, 1961) (на абх. яз.); его же, Абхазы, Сухуми, 1960 (второе издание, Сухуми, 1965); его же, Заметки о развитии абхазской литературы, Сухуми, 1967.

⁴³ «Нарт Сасрыкыа и его девяносто девять братьев» (составили Ш. Д. Инал-Ипа, К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба. Предисловие Ш. Д. Инал-Ипа), Сухуми, 1962 (на абх. яз.); Приключения нарта Сасрыкыа и его девяносто девять братьев, М., 1962. Перевод Г. Гулиа (проза) и С. Липкина (поэзия).

⁴⁴ А. Алиева, Всесоюзная конференция, посвященная проблемам изучения нартского эпоса народов Кавказа, «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. 23, вып. 2, М., 1964, стр. 174—178.

⁴⁵ Ш. Х. Салакая, Абхазский народный героический эпос, Тбилиси, 1966.
⁴⁶ А. А. Аншба, Исследование абхазского фольклора, «Вопросы литературы», 1966, № 10; опубликованы рецензии на кн. Ш. Х. Салакая — С. Л. Зухбы («Сов. этнография», 1966, № 5) и М. Ишвановича «Acta ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 16, Budapest, 1967).

⁴⁷ А. А. Аншба, Некоторые художественные особенности абхазских нартских сказаний, Сухуми, 1968 (на абх. яз.); его же, Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса, Тбилиси, 1970 (рец. А. Алиевой на эту кн. см. «Вопросы литературы», 1972, № 3).

пытается исторически рассмотреть истоки образного мышления народа, создавшего нартский эпос. Подробному анализу подвергаются такие основные художественные особенности нартских сказаний, как характер сюжетов и их циклизация, поэтический язык, соотношение стиха и прозы, традиция бытования. Анализируемый материал позволил автору сделать вывод о том, что вся художественная структура эпоса носит архаический характер.

Ценным вкладом в изучение нартского эпоса народов Кавказа, в том числе абхазского, является коллективный сборник «Сказания о нартах...»⁴⁸, частично основанный на материалах Второй Всесоюзной научной конференции по нартоведению, проведенной в 1963 г. в Сухуми. В ряде статей сборника исследуются проблемы сравнительного изучения национальных версий нартского эпоса (Ш. Д. Инал-Ипа), современного его бытования у абхазов (К. С. Шакрыл), эволюции эпического образа в нем (Ш. Х. Салакая), соотношения стиха и прозы в эпосе (А. А. Аншба), эпической традиции в абхазской литературе (А. Н. Гогуа).

Хотя сказка как раньше, так и теперь является наиболее активно бытующим в народе фольклорным жанром и сказочный эпос собран и издан в большом количестве, до выхода в свет монографии С. Л. Зухбы не было работы, обобщающей этот материал⁴⁹. Основное внимание в монографии уделяется таким вопросам абхазского сказковедения, как классификация сказочного эпоса, исследование его основных образов, сюжетов, мотивов, взаимоотношения сказки с другими жанрами абхазского фольклора, установление художественных и стилистических особенностей абхазской сказки и изучение ее бытования.

Известно, как велика роль фольклора в зарождении и становлении художественной литературы, особенно у народов младописьменных. Проблеме фольклоризма абхазской поэзии посвящена работа В. Б. Агрба⁵⁰. Автор анализирует взаимоотношение и взаимовлияние фольклора и художественной литературы с момента зарождения последней до 30-х годов XX в.

Наряду с исследованиями продолжают выходить сборники материалов по абхазскому фольклору. В 1967 г. вышел сборник пословиц⁵¹. В 1970 г. впервые вышла небольшая антология, включающая образцы всех жанров абхазского фольклора⁵².

В прежних работах абхазских фольклористов имелись различные сведения о сказителях и их репертуаре, о форме бытования фольклорных жанров, но не было публикации полного репертуара отдельных сказителей. Поэтому особый интерес представляет вышедшая в 1970 г. в Сухуми книга, рассматривающая почти весь репертуар М. Б. Саканна — одного из наиболее популярных абхазских певцов и сказителей⁵³. В сборнике представлены основные жанры абхазского фольклора — нартские сказания, историко-героические песни и сказания, сказки бытовые и о животных, старинные и современные песни, анекдоты о Ходже Насреддине, воспоминания сказителя об охоте и охотничьих обычаях абхазов.

⁴⁸ «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа», М., 1969.

⁴⁹ С. Л. Зухба, «Абхазская народная сказка», Тбилиси, 1970.

⁵⁰ В. Б. Агрба, «Абхазская поэзия и устное народное творчество», Тбилиси, 1970 (рец. Л. Арутюнова на эту книгу см.: «Вопросы литературы», 1971, № 7).

⁵¹ «Абхазские пословицы» (составили: Ш. Инал-Ипа, С. Адлейба), Сухуми, 1967 (на абх. яз.).

⁵² Абхазские народные сказания и песни (составили А. А. Аншба, С. Л. Зухба, Ш. Х. Салакая), Сухуми, 1970 (на абх. яз.).

⁵³ Сказы Маадана Саканна (составил и снабдил предисловием и комментариями К. С. Шакрыл), Сухуми, 1970 (на абх. яз.).

В качестве сравнительного материала абхазский фольклор используют в своих научных разысканиях известные советские ученые Е. Б. Вирсаладзе, М. Я. Чиковани, К. А. Сихарулидзе, Е. М. Мелетинский, В. И. Абаев, Е. И. Крупнов, И. В. Тресков, А. М. Гадагатель, А. Т. Шортанов и др.

До последнего времени почти ничего не было известно о фольклоре абхазов, живущих в Турции и других странах Ближнего Востока. Правда, попытки изучения их этнографий и фольклора делались еще в 20-е годы. Но добиться серьезных успехов никому не удалось. Если учитывать это обстоятельство, то становятся очевидными новизна и ценность сказочных и других материалов, записанных французским ученым Жоржем Дюмезилем у абхазов, живущих в Турции. Пятый том его известного труда «Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа» вышел в Париже в 1967 г. и целиком посвящен абхазским фольклорным материалам, записанным автором. В томе всего 11 текстов, каждый из которых документирован и подвергнут исследователем широкому языковедческому (грамматическому) анализу. Тексты даны на языке оригинала, а также в переводе на французский и убыхский языки с кабардинскими вариантами. Среди записанных и изданных Ж. Дюмезилем абхазских текстов — историческое предание, волшебные и бытовые сказки, кумулятивная сказка.

В настоящее время коллектив фольклористов Абхазского института продолжает собирательскую работу, ведутся исследования отдельных жанров абхазского фольклора. Значительную работу в области собирания и издания абхазского фольклора, в частности музыкального, проводит Дом народного творчества Абхазии⁵⁴.

---

⁵⁴ «Абхазские народные песни и рассказы» (составил И. Е. Кортуга), Сухуми, 1956; И. Е. Кортуга, Абхазские народные песни и музыкальные инструменты, Сухуми, 1959.

А. А. Лебедева, А. В. Сафьянова

**РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ
И ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

(МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ
АТЛАСУ)

Курганский отряд этнографов Института этнографии АН СССР впервые в 1972 году проводил изучение материальной культуры в русских селениях современной Курганской области — южной части бывшей Тобольской губернии. Основное население этой территории — русские; в юго-восточной ее части живут украинцы; в ряде мест — татары, казахи и другие народности.

В данной статье на основе полевых материалов, а также публикаций и архивных данных, проследим основные этапы освоения русскими изучаемых территорий Западной Сибири и особенности их хозяйственного быта.

Русские с XV в. проникали в Западную Сибирь отдельными группами и оседали здесь, а с XVI в. началось их активное переселение в эти места и образование малодворных поселений. С начала XVII в. на сибирские тракты были переселены также тысячи ямщиков и плотников для постройки острогов. Кроме того, сюда переселялось много «пахотных людей», которых вербовали через бирючей на базарах и ярмарках городов и селений Европейского Севера¹.

Селения сосредоточивались около естественных источников водоснабжения: рек и озер, поэтому, как правило, самые старые улицы носят названия — Береговая или Заречная.

По названиям населенных пунктов — Каргополье, Белозерское, Печеркино и по фамилиям старожилов — Устюговы, Пинегины, Мезенины, Белозеровы, Костромины и др. можно судить, из каких мест Европейской России переселялись предки русского населения Западной Сибири.

По публикациям и полевым материалам удалось выяснить время возникновения ряда русских поселений на территории современной Курганской области². В середине XVII в. на месте некоторых удобно расположенных малодворных поселений или на свободных местах стали строить форпосты, остроги, слободы. Ранее всего были освоены западные и северо-западные районы. Так, в 1644 г. на берегу Исети, в урочище «Белое Городище», где жили переселенцы Королевы и Шипицыны «с товарищи», был основан Далматовский монастырь, в 1646 г. — поселения Духовно и Мостовское; в 1651 г. построен Китайский и Мехонский остроги, в 1658 г. заложено Кондинское поселение,

¹ «Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов», СПб., 1871, стр. ХСVI.

² Н. В. Горбань, Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири (Ново-Ишимская линия крепостей), «Вопросы географии», сб. 31, М., 1953. «Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов», СПб., 1871;

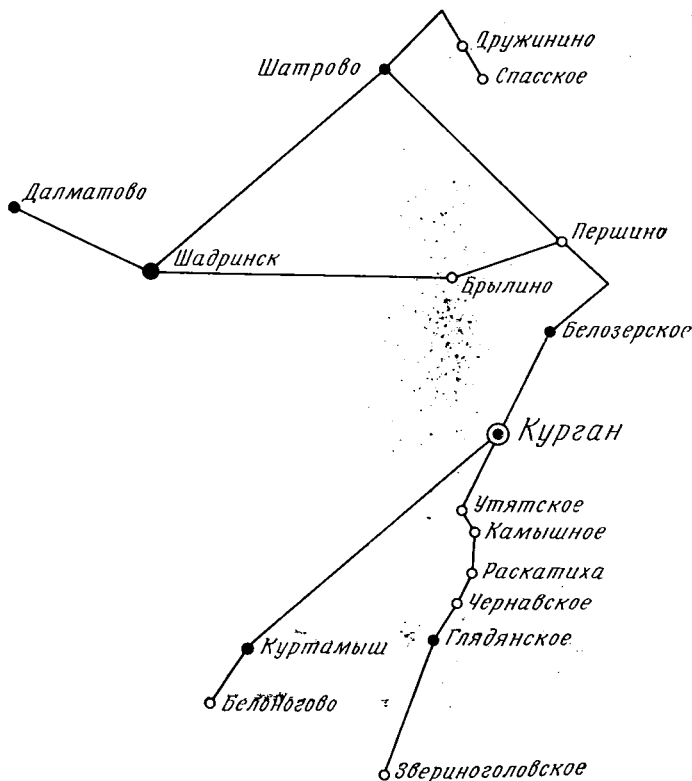

Рис. 1. Схема маршрута Курганского отряда в 1972 г.

а в 1660 г. — Шатрово. В 1662 г. ниже по Исети слободчик Юрий Соловей, с разрешения тобольского воеводства, основал Шадринскую слободу, а на левом берегу Тобола крестьянин Тимофей Невежин в том же году построил рубленый острог Царево Городище (Курган). Имя его основателя упоминается в грамотах тобольских дьяков. Вскоре, как говорят источники, площадь внутри острога была застроена избами, амбарами, овинами, а поселенцы стали заниматься земледелием.

Во второй половине XVII в. вокруг Далматова монастыря возникли деревни: Нижний Яр, Верхний Яр, Притыка (теперь Красно-Исетск), Широково, Ключи. По данным 1711 г., это были небольшие поселения от 8 до 14 хозяйств³.

В 1665 г. на берегу Тобола появилась Белоозерская слобода. По данным Ялуторовского дистрикта 1749 г., эта слобода, удобно расположенная на судоходной реке и почтовом тракте Курган — Ялуторовск — Тюмень, стала центром 17 окрестных деревень⁴. Известно также, что крестьяне этих селений обеспечивали хлебом Ишимскую линию пограничных крепостей и северные районы Западной Сибири, где хлебопашество было менее развито. Хлеб сплавляли на дощаниках по Тоболу, а в зимнее время перевозили на санях по тракту. Обслуживание тракта было одной из статей дополнительного заработка. Крестьяне «подряжались» возить «верстно» или «из прогону».

«Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении», Курган, 1925; В. М. Мокеев, Шадринску 300 лет. Шадринск, 1962; З. И. Матвеев, Далматовский комплекс монастыря, Шадринск, 1972; «Летопись города Далматова», Архив Народного музея при Доме пионеров г. Далматова.

³ «Пермская летопись», Пермь, 1885, стр. 736.

⁴ «Краткий обзор Курганского округа...», стр. 29.

Во второй половине XVII в. были основаны Терсюкское поселение на Исети, входившее в Шадринский уезд (теперь селение Юргус), и Верхняя Теча (1669), принадлежавшее Далматовскому монастырю и называвшееся Монастырским посельем на Течь (здесь была монастырская мельница и скотный двор)⁵. В 1680 г. была основана Утаяцкая слобода на Тоболе, являвшаяся на протяжении XVII—XIX вв. одним из центров раскола, куда стекались старообрядцы (поповцы и беспоповцы) из разных мест России. В 1669 г. переселенцы из Устюга Великого основали слободу Усть-Суерскую. По данным 1749 г. слобода имела 38 дворов и была центром 19-ти деревень⁶.

В первой половине XVIII в. укрепленная линия была перенесена к югу и началось усиленное заселение южных земель Курганского уезда. В этот период были основаны деревни Нагорская, Чернавская, Раскати-ха, Глядянская, Куртамыш, Таловка и казачьи поселения Прорыв и Звериноголовское⁷.

Значительную роль в заселении Курганского уезда и в это время играли принудительные переселения и правительственная ссылка. В Белозерской волости деревня Боровлянка образована каторжными, работавшими на казенном стекольном заводе. На земли, подаренные правительством помещикам из Европейской России, принудительно переселяли крепостных крестьян. Так, в Юргамышской волости русскими крепостными крестьянами были основаны селения Петровское, Васильевка, Долгое, в Чаусовской волости — сс. Лукино, Вилино, Сотниково. В середине XIX в. переселенные с Урала крепостные Демидова основали поселение Кузьминовка в Куртамышской волости.

К началу XIX в. Курганский уезд был густо заселен русскими. Новые переселенцы чаще селились в старожильческих русских деревнях. Несколько новых селений (в том числе с. Камышное, где работал наш отряд) основали в первой половине XIX в. лишь переселенцы из Псковской губернии. В начале XX в. усилился поток переселенцев с Украины, расселившихся в юго-восточной части уезда.

Курганский уезд, состоявший в середине XIX в. из 40 волостей, был одним из важных земледельческих районов Западной Сибири, производителем хлеба, мяса и масла⁸. Документы свидетельствуют, что основными поставщиками хлеба на тобольский рынок с первой половины XVII в. были крестьяне, жившие в селах по Исети и Тоболу, и продававшие «хлеб своей пахоты»⁹. В начале XVIII в. здесь имелись крупные хозяйства товарного типа. Курганский уезд по уровню развития сельского хозяйства считался районом высокой товарности. Материалы подворного обследования конца XIX в. свидетельствуют о сильной экономической дифференциации крестьянских хозяйств в Курганском уезде¹⁰. В разных волостях и селениях в зависимости от плотности населения норма земельного надела была разной: от 3 до 5,5 десятины пахотной земли на мужскую душу. Состоятельные крестьяне, арендуя у крестьян своего села пахотные земли и покосы, имели земли значительно больше. Так, например, в дер. Коробейниково Смолинской волости из 160 хозяйств 63 сдавали полученную в надел землю в аренду за

⁵ «Пермская летопись», стр. 869.

⁶ «Краткий обзор Курганского округа...», стр. 28; «Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов», стр. СХХХV.

⁷ Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 333 (далее — ЦГИА СССР).

⁸ «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии», «Журнал Министерства внутр. дел», 1843, ч. II, СПб., стр. 207.

⁹ О. Н. Вилков, Состав ввозителей слободского хлеба в Тобольск в 30—90 годы XVII в., сб. «Вопросы истории Сибири досоветского периода», Новосибирск, 1973, стр. 80.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 328—334.

сплату податей, а 87 хозяйств деревни арендовали землю. В этой деревне при норме надела 5,5 десятины 10 хозяйств имели от 30 до 1000 десятины земли¹¹.

Материалы подворного обследования позволяют нам определить профили хозяйственного развития отдельных волостей. В большинстве волостей наряду с земледелием были развиты промыслы и ремесла, дававшие средства к жизни крестьянам. Например, в Смоленской волости, расположенной вблизи Кургана, было много шерстобитов, пимокатов, гончаров, овчинников, однако некоторые крестьяне занимались только перепродажей изделий. Так, в дер. Челноковой из 92 хозяйств 40 занималось гончарством, а 10 — торговлей гончарными изделиями.

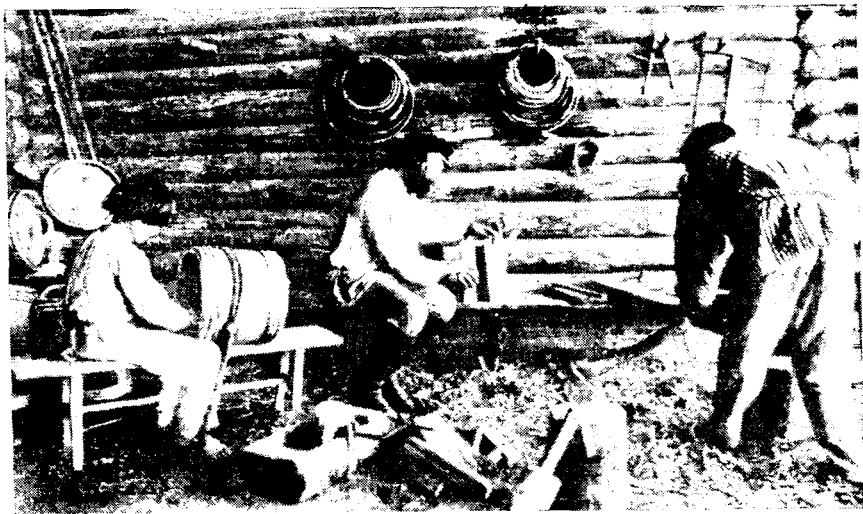

Рис. 2. Бондари за работой. Конец XIX в. (Фото. Курганский областной краеведческий музей)

Несколько иную картину дают материалы обследования крестьянских хозяйств Падеринской волости, расположенной в северо-западной лесистой части уезда на землях, малоудобных для земледелия¹². Во всех селениях этой волости были развиты различные виды промыслов. В дер. Передергиной в 64 хозяйствах из 85 занимались бондарной работой; развиты здесь были также углежжение и «сидка» (выгонка) дегтя. В волостном с. Падеринском шерстобиты, пимокаты, овчинники, кожевники работали дома и в отходе; имелись здесь, кроме того, колесники, плотники, «черепаны» и «печеклады». В этой волости «питались ремеслом»¹³.

В Курганском уезде, удаленном от крупных промышленных центров, мелкая крестьянская промышленность была довольно развита и весьма разнообразна по характеру. Многие вещи для хозяйства и домашнего обихода крестьянин мог сделать сам: телегу, дровни, дугу, соху, веревки, чтобы, как говорили старики, за каждой мелочью «не бежать в люди». Кроме того, в каждой деревне всегда были старики, которые за туесок молока и коврижку хлеба плели короб, вязали невод, изготавливали деревянную посуду и др.

Крестьянские промыслы Курганского уезда не только обеспечивали спрос местного населения, но и производили продукцию для вывоза за пределы уезда.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 332, л. 9—22, 27—47.

¹² Там же, д. 331, л. 1—151.

¹³ Там же, л. 124—134, 90—111.

Наибольшего развития достигли крестьянские промыслы во второй половине XIX в., что было обусловлено социальными причинами. На первом месте по товарообороту стояли кожевенные промыслы, благодаря обилию сырья и возможности сбыта на многочисленных ярмарках, куда приезжали оптовые скупщики. Овчинно-шубные промыслы были особенно развиты в Шатровской волости, где обрабатывали овчины и шили шубы. Овчинники из Шатровской волости снабжали шубами крестьян не только Тобольской губернии, но и Восточной Сибири.

В с. Шатрово были крупные и мелкие овчинно-шубные кустарные предприятия. Три крупных хозяина (Шатров, Утюпин, Шкуленко) имели 400 наемных (сезонных) рабочих, перерабатывавших в сезон до 150 тыс. шкур. Шкуры закупали на ярмарках и в деревнях осенью, когда был массовый забой скота.

Помещение, где обрабатывали овчины, называлось «овчинница» или «овчинная». Овчинницы обычно ставили подальше от жилья, поскольку от них шел очень неприятный запах, пропитывавший одежду, волосы, кожу. Дышать было так трудно, что с непривычки в «овчиннице» нельзя было пробыть больше десяти минут, приходилось выскакивать во двор, чтобы подышать свежим воздухом. Этот запах кислятины долго не выветривался. «Овчинника» можно было безошибочно «унюхать» издалека — вспоминают старожилы. В овчинницах стояли большие чаны, одни для «квашения», другие для дубления. Через положенное время шкуры вынимали и «мездрили» тупой косой (литовкой): соскабливали мездру и овчину сушили, периодические разминала специальным крюком. Перед окончательной отделкой литовкой мездру овчины «белили» мелом с глиной, чтобы не мохнатились.

Шубы шили в специальных помещениях, «шубницах» или «швальнях». Работали здесь мужчины и женщины из окрестных деревень с осени до весны. Закройщиками были обычно мужчины, шили шубы женщины, называвшиеся «подшивалки».

В уже упомянутой Смолинской волости были развиты и другие промыслы. Так, в дер. Малочаусово многие семьи занимались выделкой кож, а некоторые жители брали у местных кожевников отходы шерсти, остающейся при обработке шкур, промывали и выделявали из них войлоки для хомутов и седелок¹⁴. В дер. Большое Чаусово 34 хозяйства из 75 катали пимы. Этот промысел был развит также в дер. Ольховка Шатровской волости.

Почти в каждой волости были свои «черепаны» (гончары), изготавливавшие различную бытовую посуду и трубы на дома. В некоторых волостях были целые деревни гончаров, как например, Увальная, близ Кургана, где в 41 из 56 хозяйств занимались гончарством. В с. Спаском Шатровской волости «черепанили» и женщины на ручном кругу. Свои изделия гончары продавали по окрестным деревням, а на ярмарках имели постоянные места — «ряды черепанов». Спрос населения на изделия гончаров и пимокатов в основном удовлетворялся местными промыслами. В Курганском уезде были также развиты промыслы: сундучный, ящичный, плетение корзин и коробов, колесный, плотнично-столярный, кузнечный, дегтярный, смолокурный, производство деревянной посуды, бондарный, сапожный, шорный, шерстобитный и др.

В начале XX в. в Курганском уезде насчитывалось 2900 кустарей, из них: кожевников — 677, плотников — 636, пимокатов — 379, овчинников — 130, кузнецов — 525, колесников — 123, мастеров по кладке печей — 101, смолокуров и дегтярников — 67, гончаров — 56, занимавшихся плетением корзин и коробов — 29, сундучников — 70¹⁵.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, л. 332, л. 180.

¹⁵ Там же; И. Князев, Краткий обзор Курганского округа Уральской области, Курган, 1925, стр. 297.

Рис. 3. «Ивановская» ярмарка в с. Иковском. Масляный ряд. Конец XIX в. (Курганский областной краеведческий музей).

Многие изделия местных промыслов продавались на традиционных ярмарках и торжках, которые регулярно организовывались в Курганском уезде. Базарные торжки, продолжавшиеся один день, в разных селениях устраивались в разные дни недели. Например, торжки в селах Шатрово и Нижняя Алабуга работали каждую субботу, в с. Утятском — в среду, в с. Чернавском — в четверг, в с. Глядянском — в понедельник. На торжках бывали жители окрестных селений со своим товаром и местные купцы, производившие оптовую закупку сезонных крестьянских товаров.

Ярмарки, продолжавшиеся от 7 до 15 дней, устраивались в течение всего года в разных селениях уезда и в самом Кургане. Например, в Кургане ярмарки проводились в марте, июне, октябре, декабре. В станции Звериноголовской было три годовых ярмарки по девять дней — в июле (Прокопьевская), в сентябре (Вознесенская) и в декабре (Никольская). Пользовались известностью летняя ярмарка в деревне Раскатиha с 14 по 21 июля (Прокопьевская); две годовых ярмарки в волостном селе Чернавском — с 17 по 24 января (Афанасьевская) и с 7 по 14 июля (Прокопьевская). Зимняя ярмарка совпадала здесь с престольным праздником и до начала XX в. известна была «смотринami». К этому дню в с. Чернавское съезжались из многих селений женихи и невесты на взаимные смотрины. В волостном селе Шатрово особенно славилась зимняя (Никольская) ярмарка, которая совпадала с престольным праздником и сопровождалась катаниями в санках, запряженных парой или тройкой лошадей. Большой съезд людей способствовал широкой торговле. Крестьяне окрестных селений привозили сюда различные поделки, начиная с корыта и кадки и кончая ложками. На ярмарке были ряды: хлебный, масляный, мясной, гончарный и др. На эту ярмарку из соседнего селения Широково привозили целые «короба» традиционных пряников и различных изделий из теста с изюмом, раскрашенных розовой краской.

Широко за пределами Западной Сибири была известна в XIX в. Крестовская ярмарка. До сих пор можно видеть на месте некогда шум-

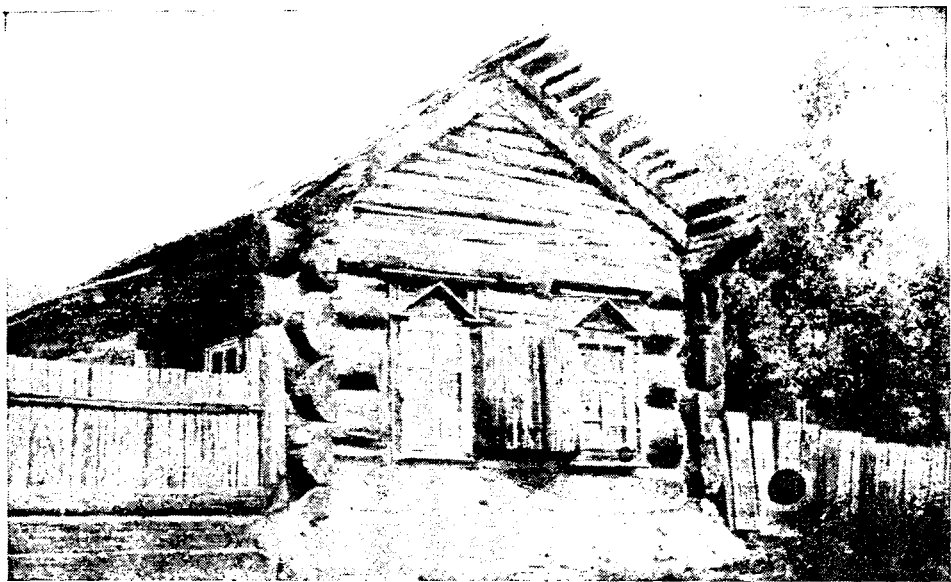

Рис. 4. Изба А. И. Панковой. Конец XVIII в. Курганская обл., г. Далматово

ного торгового села Кресты (в 27 км. от города Шадринска на левом берегу Исети) несколько каменных лавок и большую каменную церковь, построенную в XIX в. на средства купцов, активно торговавших на этой ярмарке. Крестовская ярмарка работала один месяц в году (в августе), но с большим размахом. Здесь имели свои магазины московские, уральские, бухарские и сибирские купцы; в дни ярмарки работали банк, типография, почта, театр, цирк. На ярмарке проводилась оптовая закупка крестьянских товаров — зерна, муки, скота, кож, овчин, масла и др. Купцы привозили ткани, пряности, ювелирные изделия, уральское чугунное литье и многое другое. На этой ярмарке бывал известный писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк и его рассказ — «Крупчатая» написан им под впечатлением Крестовской ярмарки¹⁶. Красочную картину ярмарки в с. Юровском дал бытописатель Н. И. Наумов¹⁷.

Активная деятельность ярмарок способствовала еще большему развитию в Курганском уезде животноводства и крестьянских промыслов. Широкие торговые связи, несомненно, оказывали влияние и на планировку торговых селений. Во всех крупных селениях в центре располагались дома купцов и их лавки. Имелось здесь и общественное зернохранилище «мангазея», общественная или купеческая маслобойня и церковь. Ярмарки и торжки обычно устраивались на площади около церкви.

Многие селения были разделены на «концы», «края». Они назывались либо по ориентиру, возле которого находились, либо по составу населения. Ориентиром могла служить мельница, маслобойня и др. В дер. Бунтина есть конец «Поповский», где преобладают семьи с фамилией Поповских; в с. Чернявском — «Сидоровка», где много Сидоровых, в дер. Белоногово есть «Булатовский край», где живут потомки Булатовых. Иногда название края отражало неоднородность состава его населения по вероисповеданию. Так, в с. Косулино выделялись два

¹⁶ Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собр. соч., т. 6, М., 1958, стр. 32—43.

¹⁷ Н. И. Наумов, Избранное, Новосибирск, 1951, стр. 79; ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, д. 76.

конца, в одном жили «мирские» (православные), а в другом «часовенные» (старообрядцы).

Планировка большинства селений Курганского уезда конца XIX—начала XX в. так называемая «линейная» или «уличная» с расположением домов вдоль дороги. Такая планировка сохраняется и сейчас в большинстве населенных пунктов. Вместе с тем, преимущественно на окраинах селений можно встретить и более раннюю форму застройки — рядовую, при которой дома расположены фасадом к реке, озеру, дороге.

Как правило, селение было окружено поскотиной — огороженным пастбищем для скота. Исключение составляли только казачьи станицы, где скот пасли в «загородях» (загороженных местах) или на отгонных пастбищах с пастухом. Поскотина огораживалась горизонтальной «изгородью» из жердей и имела ворота. Иногда у ворот (где больше проезжали) сидел нанятый сельским обществом житель этого же села — «воротник», в обязанности которого входило открывать и закрывать ворота за проезжающими. Если у ворот никого не было, каждый проезжающий через них обязан был сам закрыть ворота. В некоторых селениях поскотины сохранились до 1930-х годов. На окраине села, у поскотины, стояли гумна и овины. За поскотиной начинались пашни.

Наши полевые исследования подтверждают известное положение, что традиционная материальная культура дольше сохраняется в селениях с более постоянным составом населения. В первую очередь сюда относятся компактные поселения русских крестьян-старообрядцев, живших замкнутыми общинами в Шатровской волости (с. Шатрово, дер. Дружинино и Саломатово), в Чернавском волостном селении, в Тебеняжской волости (дер. Бунтина), в Косулинской волости (дер. Белоногово) и др. До сих пор прослеживаются особенности культуры этих групп русских в Курганской области.

На формирование жилищного комплекса (жилой части и хозяйственных построек) сильнее всего оказывают влияние общие экономические и природные условия, а также особенности семейного быта. В Курганской области в старообрядческих селениях до начала XX в. сохранялась большая семья, состоявшая из родительской пары, нескольких женатых сыновей и внуков. Этим в первую очередь можно объяснить наличие в дер. Дружинино и с. Чернавском больших домов типа «связь», которые в первой половине XIX в. были наиболее распространенными по всему Курганскому уезду. Известная консервативность старообрядческого быта сказывалась и в конструктивных особенностях жилища. В дер. Дружинино и с. Чернавское еще в начале XX в. часто встречались дома с самцовыми крышами, крепившимися «на курицах». В старообрядческом селении Белоногово, расположенном в безлесном районе, зажиточные семьи строили кирпичные дома под железными крышами, но планировка жилища тяготела к традиционной. Очень сложно провести точную хронологическую границу между отдельными этапами развития жилища в Курганском уезде, тем более, что здесь, как и повсюду, размеры и качество построек традиционного жилого комплекса определялись и экономическими возможностями семьи.

Развитие сельского жилища в Курганском уезде прошло те же этапы, что и в русских селениях Европейской России. Самый старый дом (второй половины XVIII в.) наша экспедиция зафиксировала в г. Далматове. Он представляет собой четырехстенную избу с сенями (по местному «стопа» или «хоромина»). Остались следы от волоковых окон, которые затягивались пузырями. В XIX в. строений такого типа было еще много в русских селениях Курганского уезда.

С 70-х годов XIX в., как показывают экспедиционные материалы, начинают распространяться пятистенки, а в начале XX в. этот тип жи-

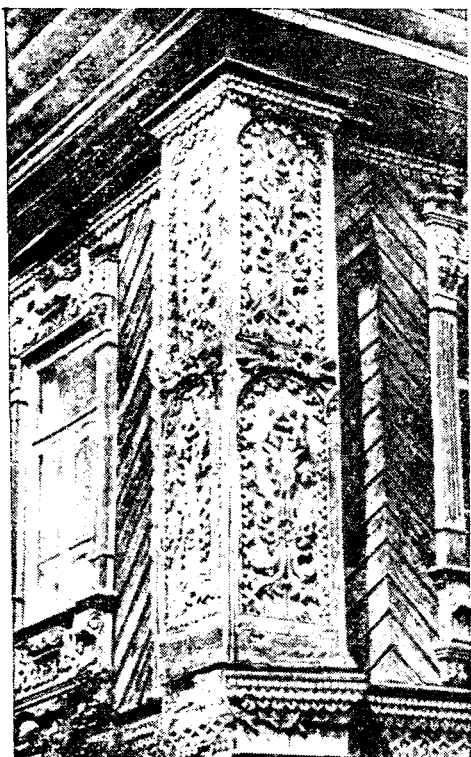

Рис. 5. Деталь резьбы угла дома. Курганская обл., Шатровский р-н, с. Шатрово

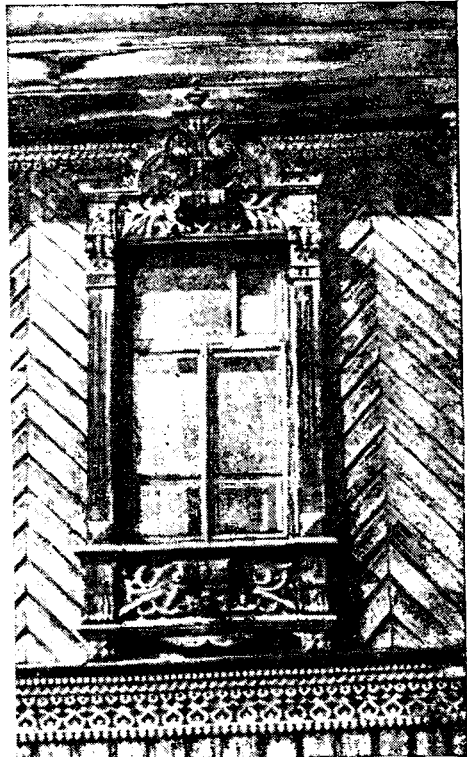

Рис. 6. Наличник. Курганская обл., Шатровский р-н, с. Шатрово

лища становится преобладающей формой крестьянских построек. В конце XIX и особенно в начале XX в. зажиточные крестьяне строят дома-крестовики одноэтажные и двухэтажные. Встречались также двухэтажные срубные жилища связью, кирпичные дома. Крестьяне, занимавшиеся торговлей, строили кирпичные кладовые и лавки.

Наличие в одном селении одновременно разных типов жилища — четырехстенных, связевых, крестовых и кирпичных домов городской планировки под тесовыми или железными крышами; пятистенков разных размеров, изб, нередко с соломенными или дерновыми кровлями — свидетельство процесса классового расслоения курганской деревни конца XIX — начала XX в.

В южных, безлесных районах, встречались саманные постройки, появившиеся здесь под влиянием украинских переселенцев и по рекомендации административных органов, стремившихся внедрить саман в жилое строительство края. Но широкого распространения в жилых постройках этот строительный материал не получил из-за климатических условий, из него в южных селениях возводили лишь хозяйственные постройки.

По планировке дома крестьян Курганского уезда относятся к северо-среднерусскому типу жилищ.

Около входа располагалась русская печь, обращенная устьем к фасадной стене. По диагонали от печи, в переднем углу, висели иконы и стоял обеденный стол. Вдоль стен избы шли плотно прикрепленные к ним лавки, над ними, под потолком, полки для посуды и разной утвари. Над входной дверью, от печи до стены, делали деревянный настил —

полати, служившие местом для сна. Вдоль боковой стены печи был вход в подполье. Здесь встречаются два его варианта: в виде шкафа с дверцей (севернорусский голбец) и в виде ларя с задвижной или подъемной крышкой (среднерусская каржина). Оба типа входа в подполье курганские крестьяне называли «голубцем».

Детали интерьера крестьянского дома в XIX в. украшались росписью. Обычно потолок, опечек (деревянное основание печи), двери, реже стены расписывали масляными красками так называемые красильщики, ходившие по деревням и выполнявшие заказы крестьян. Рисовали чаще цветы, птиц, реже — жанровые сцены, животных. Потолок и двери всегда обрамляли темной каймой.

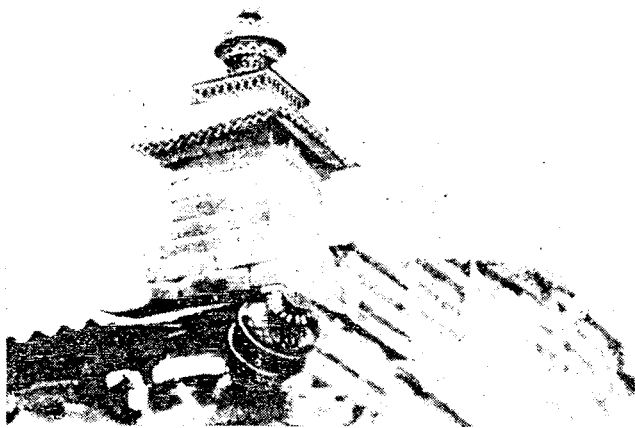

Рис. 7. Украшения из просечного железа. Курганская обл., Притсбольный р-н, с. Глядянское

В казачьих домах, как правило, росписи не делали. Казаки старались быть не похожими на крестьян, которых они презрительно называли «мужиками». В казачьих селениях быстрее перенимали городские моды и городской интерьер. С конца XIX в. здесь распространяется штукатурка и побелка стен и потолков: в богатых домах стены оклеивали «шпалерами» (обоями), а потолок оформляли лепными украшениями.

Срубные крестьянские дома в Курганском уезде снаружи украшались резьбой. Наша экспедиция зафиксировала долотную резьбу в виде кругов, розеток, солнечных лучей на наличниках и угловых досках. В начале XX в. здесь, как и на других территориях у русских, распространяется пропильная и накладная резьба на наличниках и карнизах. Объем и сложность украшений зависели от достатка хозяина. На домах зажиточных крестьян делались сложные резные карнизы, резные угловые доски и резные наличники. Такой дом сохранился в с. Шатрово, резьба была выполнена в конце XIX в. известным в округе мастером С. Д. Шишкиным из с. Спасское.

С конца XIX в. здесь входит в моду украшение домов просечным и литым каслинским железом, что могли себе позволить, конечно, только состоятельные крестьяне. Просечным железом украшали наверху водосточных труб, дымоходы, крыши крылец, а иногда гребни и края крыш.

Тип двора, встречавшийся нам в Курганском уезде, типичен для Сибири. Усадьба представляла собой замкнутый четырехугольник, по периметру которого стоял дом и располагались хозяйственные постройки. Она разделялась на две части: «ограду» — передний, или чистый, двор и «пригон» — задний, или скотный, двор, помещавшийся позади чистого. Такая планировка была широко распространена в Сибири. Значительно реже здесь встречались усадьбы, где пригон примыкал к чистому двору сбоку и выходил на улицу. Такую планировку могли себе позволить владельцы больших усадеб. Неразделенные усадьбы встречались лишь у псковских переселенцев, появившихся в с. Камышное сравнительно поздно. На севере области чистую часть двора обносили «заплотом» — плотным забором из бревен или досок, задний двор — «пряслом». На юге заплоты ставили лишь зажиточные хозяева. Большинство крестьян усадьбу обносили плетнем, тыном или частоколом. Часто на одной усадьбе присутствовали все виды изгороди.

Размеры усадеб, число хозяйственных построек и строительный материал их были различны и зависели от экономического достатка семьи. Состоятельные хозяева имели по два амбара и несколько характерных для Сибири, двухэтажных конюшен с поветями¹⁸ и стоек¹⁹. Если в хозяйстве было много скота, устраивали не один, а два пригона, располагавшихся один за другим позади чистого двора.

В зажиточных казачьих хозяйствах делали еще «загон» для скота в степи, огороженный плетнем; такие степные скотные дворы у казаков назывались «карды» (термин этот встречается и на Урале). Хозяйственные постройки на кардах были разные, в зависимости от достатка крестьянина: зажиточные имели срубные стойки с поветями, а бедные — примитивную соломенную крышу на столбах. У зажиточных крестьян все хозяйственные постройки были под двухскатными тесовыми крышами. В менее состоятельных хозяйствах тесом покрывали только постройки чистого двора. Помещения для скота делали с плоскими крышами (поветями) и крыли их соломой или дерном. В южных районах срубные хозяйственные постройки обычно ставили лишь в чистом дворе, а стойки делали из двух рядов плетней или из жердей, с земляной или «наземной» (сухой навоз) засыпкой между ними; с дерновыми или соломенными крышами, залитыми глиной и засыпанными землей. Срубные стойки и конюшни имели очень богатые крестьяне.

С начала XX в. в южных районах получили широкое распространение хозяйственные постройки из саманного кирпича, главным образом амбары — «саманницы» и стойки — «саманухи». В состоятельных семьях строили каменные кладовые. Бани обычно ставили вне усадеб, у реки.

В Курганском уезде в результате длительного и сложного процесса развития сложилось несколько типов жилищ, которые бытовали и в начале XX в. Тип жилища определялся экономическим состоянием и социальной принадлежностью владельцев.

Полевые исследования позволили выявить некоторые особенности хозяйства и быта русских селений Курганского уезда второй половины XIX — начала XX вв. Особый отпечаток на крестьянское хозяйство наложило развитие товарного производства, появление большого числа ярмарок и торжков, как необходимой формы товарообмена.

¹⁸ Верхняя часть хозяйственного двора, служившая хранилищем корма для скота.

¹⁹ Помещение для скота.

Г. С. Островский

**О ПРИРОДЕ РУССКОГО ГОРОДСКОГО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА**

Всестороннее изучение бытового уклада народа, одного класса или социальной прослойки предполагает широкий и комплексный охват самого разнообразного материала, и в частности той эстетической среды, которая окружает людей, так или иначе воздействует на их образ жизни и социальную психологию и в свою очередь выражает их взгляды, вкусы, устремления, наконец, творческий потенциал. Одним из таких компонентов исторической и современной этнографии является фольклор как поэтический, так и изобразительный.

Изучение крестьянского искусства, под которым понимали собственное народное, имеет многолетнюю традицию и уже давно выделилось в самостоятельную область искусствознания, данные которой очень широко используются этнографической наукой. Сложнее обстоит дело с городским изобразительным фольклором, научное изучение которого еще только начинается. Между тем этот богатейший, по существу еще не тронутый материал представляет большой интерес и для этнографов, и для искусствоведов, и для художников.

Речь идет о специфической области художественной культуры русского города XVIII — начала XX в. — так называемом «примитиве» — одном из проявлений изобразительного фольклора. Для уяснения характера и природы этого культурного слоя стоит, возможно, начать с того, что это не профессиональное и не народное в его традиционном понимании искусство.

«Ученое», профессиональное искусство создается художниками-профессионалами, имеющими в большинстве своем специальное образование. Творчество их всегда индивидуально, лично и в то же время обусловлено эволюцией и закономерностями профессионального искусства, его идеологической, стилевой, методологической направленностью.

Под народным искусством в его классической, традиционной форме мы понимаем прежде всего крестьянское, «деревенское», массовое декоративно-прикладное искусство, являющееся результатом и отражением коллективного художественного опыта народа. Это искусство не профессиональное, поскольку его создавали земледельцы, скотоводы или деревенские кустари, обслуживавшие потребности крестьянства, но и не любительское, поскольку оно являлось компонентом трудового и бытового уклада народа и осуществляло утилитарную (в широком смысле слова) функцию. Прочно устоявшиеся, очень медленно эволюционирующие традиции жанров, техники, образных, композиционных, цветовых, пластических и иных решений здесь доминируют над индивидуальным, личностным началом.

Вне этих пластов художественной культуры остается еще искусство города, творчество так называемого мещанского сословия: разночинцев, ремесленников, мелких торговцев и купцов, чиновников невысоких рангов, мастеровых, служащих и т. д. Эти довольно пестрые по

своему составу и разветвленные демократические слои городского населения выдвинули из своей среды художников определенного типа. В их числе было немало любителей и самоучек; были и профессионалы: вывесочники, маляры-альфрейщики, выученики провинциальных художественных школ. Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. к этой группе примыкали крепостные, дворовые живописцы, независимо от того, жили ли они в городе или в усадьбах. По своему положению и характеру творчества они были, безусловно, ближе к городскому, чем к крестьянскому искусству.

Городской изобразительный фольклор не скован каноническими традициями крестьянского искусства; в нем значительно свободнее и непосредственнее выражена личность художника, его индивидуальное восприятие окружающего мира. Кроме того, следует учитывать, что если в деревне, в той или иной мере сохранявшей черты и уклад натурального хозяйства, преобладали «утилитарные» виды и жанры прикладного искусства, то в городском изобразительном фольклоре интенсивно развиваются портрет, пейзаж, натюрморт, тематическая картина, декоративное панно. От профессионального искусства он отличается относительной свободой от канонов и условностей, вытекающих из характера и функций этого искусства как формы общественного самосознания. Отсюда та демократичность и независимость от официальной идеологии, которые отличают городское народное искусство, «стихийный реализм» творческого метода, непосредственность и наивность изобразительного языка, ставшие определенными эстетическими категориями.

И еще одно важное обстоятельство. Искусство русского города — это искусство светское. Начиная с XVIII в. иконопись как официальная, церковно-монастырская, так и «примитивная», преимущественно деревенских «богомазов», и светская живопись начинают существовать самостоятельно; их развитие идет в параллельных, иногда перекрещивающихся, но все же в разных руслах.

В западноевропейской литературе искусство такого рода нередко обозначается терминами «наивное искусство», «инситное искусство», «инстинктивное (или интуитивное) творчество», «искусство святого сердца», «художники воскресного дня» и т. п.¹ Поскольку в нашей литературе и обиходе эти термины не прижились, то предпочтительнее пользоваться определением «примитивное искусство», «примитив», хотя и оно уязвимо, ибо допускает толкование его как искусства, основанного на неразвитых, примитивных формах образного мышления. А это не так. Примитив, возникновение и развитие которого было обусловлено ростом городов и городской культуры, в новое время сформировался в интересное и эстетически значимое явление.

Что мы знаем о нем? Очень мало. Русский городской примитив никогда не был предметом серьезного исследования, систематизации, типологического анализа; его не собирали ни музеи, ни коллекционеры. Трактирные вывески и безымянные мещанские портреты не считались «документами» длительного, а тем более вечного хранения². Основными источниками сведений остаются отрывочные упоминания в художественной и специальной литературе по «смежным» вопросам, мемуары

¹ См. «Insita. Bulletin insitného umenia», № 6, Bratislava, 1972.

² Правда, в 20-х годах XX в. в Ленинграде существовал так называемый Дом Ковригина — историко-художественный музей купеческого быта. Тогда же состоялась выставка «Купеческий бытовой портрет XVIII—XX вв.». Несколько лет назад в Государственном Русском музее была организована выставка самоваров, превосходно и изобретательно «проиллюстрированная» коллекцией старинных вывесок. Некоторые памятники искусства примитива можно увидеть в собраниях Музея истории в Ленинграде, Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея, Архангельского, Калининского и других периферийных художественных и историко-краеведческих музеев.

старых художников. Наконец, о примитиве в какой-то мере можно судить не только в его чистом виде, но и по его «выходам» в сферу профессионального или крестьянского, искусства.

Вспомним «Портрет» Н. В. Гоголя:

«Нигде не останавливалось столько народу, как перед картинною лавочкой на Шукином дворе. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собрание дикувинок: картины большей частью были написаны масляными красками, покрыты темно-зеленым лаком, в темно-желтых мишурных рамах. Зима с белыми деревьями, совершенно красный вечер, похожий на зарево пожара, фламандский мужик с трубкой и выломанной рукой, похожий более на индийского петуха в манжетах, нежели на человека,— вот их обыкновенные сюжеты. К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах, с кривыми носами. Сверх того, двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками произведений, отпечатанных лубками на больших листах, которые свидетельствуют самородное дарование русского человека. На одном была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другом город Иерусалим, по домам и церквам которого без церемонии прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двух молящихся русских мужиков в рукавицах. Покупателей этих произведений обыкновенно немного, но зато зрителей — куча»³.

Описание, надо признать, не только красочное, но и почти документальное, точно, хотя и не исчерпывающее, характеризующее городской изобразительный фольклор 30-х годов XIX в.

Жанровый диапазон искусства примитива, как было сказано выше, весьма широк. Особенно распространен был портрет купеческий, мещанский, «разночинный». Как и профессиональное искусство придворного и дворянского портрета XVIII в., он в известной мере восходит к традициям парсунного письма предшествующего столетия. На первоначальных этапах эти две линии нередко переплетаются, и какие-то черты примитива проступают в творчестве И. Никитина, И. Вишнякова, И. Аргунова, А. Антропова. Впоследствии, по мере становления и расцвета в новой русской живописи портретного жанра, эти линии расходятся довольно далеко.

XIX век, и особенно его первые две трети, стал временем широкого распространения купеческо-мещанского портрета⁴. В немалой степени этому способствовал и рост городов и торговли, а следовательно, и мещанского и купеческого сословий, городских низов, развитие ремесла и кустарных промыслов. К прослойке «дворовых» живописцев, выдвинувших, кстати, из своей среды таких мастеров, как В. Тропинин, Т. Шевченко, Г. Сорока и др., и доморожденных художников-самоучек, присоединяются воспитанники многих провинциальных художественных школ и студий Тамбова, Козлова, Астрахани, Воронежа, Арзамаса и других городов. Возникавшие прямо или косвенно под эгидой Академии художеств, эти школы тем не менее становились проводниками искусства демократического и реалистического, сплошь и рядом смыкавшегося с примитивом как по своей общественно-социальной функции, так и по стилистическим признакам.

Позднее, в конце XIX — начале XX в., фотография заметно теснит мещанско-купеческий портрет (будем придерживаться этого термина, хотя он и не совсем точен), но полностью заменить его не может. Появляется и специфическая разновидность — портрет с фотографии. Наряду с бездарными поделками среди этих портретов встречаются порой любопытные образцы, расцвеченные неожиданной фантазией безымянных мастеров.

³ Н. Гоголь, Собр. соч., т. 2, М., 1952, стр. 54.

⁴ См. В. Турчин, Забытые лица, «Творчество», 1969, № 12.

Примитивный портрет, бытовавший на протяжении почти двух столетий в среде купцов, небогатых чиновников, ремесленников, кустарей и других слоев городского населения,— явление по-своему цельное и завершенное. Изобразительные приемы стремятся утвердить достоинство и значительность модели, следование немногим, но устоявшимся композиционным схемам (поясной или погрудный, в фас или три четверти). Контурно очерченная форма трактуется плоско — далекий отголосок парсунного письма, сочетания локальных, но не очень ярких тонов грубоваты и резки, однако часто весьма выразительны и декоративны, манера письма тщательная, предполагающая пристальное внимание к деталям при сохранении целостности всей работы. А самое главное — индивидуальная определенность характеристики, последовательная, чуть ли не фанатичная приверженность натуре, стремление передать ее возможно точнее и правдивее, вплоть до заостренности, стоящей порой на грани гротеска, та стихийная реалистичность и непредвзятость, которые столь разительно отличаются от потока салонно-академических комплиментарных портретов.

Портрет не единственный жанр городского изобразительного искусства. Во все времена были широко распространены живописные лубочные картины, близкие по сюжетам, стилю и манере исполнения к гравированным и литографированным листам⁵. Здесь и всевозможные баталии от «времен Очакова и покоренья Крыма» до пресловутого Кузьмы Крючкова, и «росточная» экзотика, столь модная в эпоху К. Брюллова, А. Марлинского и Кавказских войн, и средневековые замки, и запорожские казаки, и трогательные сельские идиллии, и русалки, боярышни, купальщицы...

Нередко такие картины трансформировались в своеобразные декоративные панно, отдаленными преемниками которых являются почти исчезнувшие ныне клеенчатые коврики. Другим ответвлением, порой курьезным, а иногда и интересным, стали панно-ширмы для фотографий. Еще и сегодня кое-где на них можно увидеть роскошные гирлянды, балюстрады, колоннады, романтические горы с лихими джигитами.

Наименее оригинальным в искусстве примитива был, пожалуй, жанр пейзажа, в котором количественно преобладали копии иливольные вариации на мотивы картин И. Айвазовского, И. Шишкина, Ю. Клевера и др.

Дореволюционный городской примитив как специфическая область русского быта и русского искусства обладает определенными общественными функциями, стилистическими признаками и известными эстетическими качествами.

В этом убеждает нас одно из самых характерных и интересных проявлений городского изобразительного фольклора — вывески.

Вот что, к примеру, говорится о вывесках в автобиографической книге К. Петрова-Водкина «Пространство Эвклида». В свое время вывески Хвалынска и Самары послужили художнику «школой первой степени».

---

⁵ Кстати сказать, нам представляется неправомерным относить русский графический лубок к народному искусству в его традиционном понимании, т. е. к крестьянскому. В силу своей многотиражности и дешевизны этот лубок действительно распространялся преимущественно в крестьянской среде, но создателями его были главным образом городские художники, тесно связанные не только с фольклорной традицией, но и с художественными вкусами и сюжетами, бытовавшими в искусстве городского примитива. Это качество русского лубка в посвященных ему исследованиях признается в основном лишь применительно ко второй половине XIX — началу XX в. и отмечается как признак его несомненного упадка. Между тем лубок и этого времени может дать немало интересного материала для историков быта и художественной жизни широких кругов русского общества.

Рис. 1. Вывеска. Конец XIX в. Музей истории Ленинграда

Рис. 2. Вывеска. Конец XIX — начало XX в. Музей истории Ленинграда

«Вывесочное дело в таком виде, в каком оно создалось у нас,— явление чисто русское. Обилие разноязычных народностей и подавляющая неграмотность требовали предметной рекламы, разъясняющей направление для спроса. До перехода вывески на живописное изображение вывешивались на воротах домов и торговых помещений самые предметы сбыта или ремесленного производства: пук соломы обозначал постоянный двор, колеса — щепника, обруч — бондаря, кожа — сыромятника. Такого сорта реклама давным-давно имела место и в Западной Европе, но от нее там перешли прямо к рекламе словесной, у нас же и до последнего времени вывески несли задачу изобразительную. Удобство и броскость живописной вывески вытеснили предметную, и за девятнадцатый век цех вывесочников разросся по всей стране.

...Вывесничество — это следующая за красильщицком крыш, труб, окон и дверей стадия. Обычно мальчик в ученичестве у маляра проходил составление колера, шпаклевку, раскраску под дуб и орех. Книжки знакомили его с картинами, и подталкивали к занятию рисованием: такой мальчик переходил к вывесочнику. Работал у него сначала по шрифту, а потом и в качестве изобразителя „чая, сахара, свечей и мыла“».

Другой выход вел юношу из малярной мастерской в орнаментную роспись — в «уборщики». Работая под руководством мастеров, он получал впоследствии и ответственную работу по второстепенному фигурному письму. Такой вывесочник-декоратор забирался в глухой городок, открывал в нем мастерскую и при отсутствии конкуренции начинал применять свои силы и в местных росписях, и на портретах мещан и купцов, живых и покойников, не оставляя, конечно, основной своей вывесочной базы»⁶.

Говорят, что русский человек учился читать по вывескам; они служили ему также начальным курсом эстетического воспитания.

Этот вид искусства вобрал в себя (в разных сочетаниях и вариантах) черты и элементы шрифтовых композиций, монументально-декоративных панно, натюрморта, портрета, пейзажа, аллегии, нередко бытовых сцен. В лучших своих образцах русская вывеска поражает наблюдательностью авторов, чистотой и непосредственностью манеры исполнения, своеобразием композиционных и цветовых решений, един-

⁶ К. Петров-Водкин, Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия, Л., 1970, стр. 272.

Рис. 3. Рекламное панно. Начало XX в. Музей истории Ленинграда

Рис. 4. Вывеска. Начало XX в. Музей истории Ленинграда

ством предметности и декоративности, идущим от рекламной функции, выразительностью парадоксальных сопоставлений, наивной радостью мирозидания.

В той же книге К. Петрова-Водкина есть интересное указание: «Вывеска в параллель с картинным искусством пережила все его переходные этапы: примитив, реализм, академизм и упадничество»⁷. Быть может, эта схема и не совсем точна, но в основе ее лежит верная

⁷ Там же, стр. 272.

мысль о зависимости и сложных взаимосвязях городского изобразительного фольклора и профессионального искусства.

В силу своей природы городской примитив лишен той консервативности, которая присуща народному, крестьянскому искусству. Более динамичная по сравнению с патриархальным населением старой деревни городская среда, более широкие и многогранные связи даже провинциальных городков с «внешним миром», торгово-денежные отношения, определявшие законы художественного рынка, не всегда прямое, но постоянное соприкосновение с профессиональным искусством (и в частности, через «средства массовой информации»: иллюстрированные журналы и т. п.) — все это обусловило восприимчивость примитива к изменениям вкусов и направлений. Академический классицизм, романтизм, реализм передвижнического толка, сецессия в той или иной степени наложили отпечаток на творчество вывесочников, самоучек, любителей, провинциальных и столичных примитивистов, старавшихся походить на «настоящих» художников.

Эти неизбежные влияния не приводили, однако, к нивелировке и пассивному подражательству. Характер примитива, социально-культурная область его самореализации и бытования предопределили весьма активную переработку сюжетов и стилистических приемов, выработанных в профессиональном искусстве. В том-то и дело, что городской изобразительный фольклор, будучи определенным образом связан с канонами и традициями художественной школы и «больших» направлений в искусстве, стал способом самовыражения широких слоев русского дореволюционного общества.

Нельзя забывать при этом и «промежуточность» этого культурного слоя, его прочных и разветвленных генетических связей с крестьянским творчеством, всей эстетической и социально-бытовой системой народного изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Городские и крепостные художники, кустари, ремесленники были в своей массе выходцами из деревни и в своем творчестве сохранили и трансформировали многие черты и качества крестьянского искусства: свежесть и непредвзятость мироощущения, жизнерадостность, любовь к ярким и нарядным краскам, подсознательное неприятие натуралистического бытописательства.

Городской изобразительный фольклор не только «брал» у русской художественной культуры, но и «давал» ей. Изучение народного искусства, особенно конца XIX — начала XX в., когда капиталистические отношения разрушили вековую обособленность деревни и патриархальную окостенелость ее бытового уклада, невозможно без учета художественного опыта города, различными путями проникавшего в деревню. Это относится и к вятской игрушке, и к богородской резьбе, и к лубкам, и к изразцам, и к расписным и инкрустированным прялкам, и ко многим другим разновидностям народного творчества. В литературе бытует мнение, что влияние города на крестьянское искусство было сплошь негативно: нарушилась его чистота, в него проникли низкопробные мещанские вкусы и т. д. Такое решение вопроса, не лишнее, конечно, оснований, представляется, однако, несколько упрощенным и прямолинейным. Взаимоотношения городской и деревенской культур были более сложными и не столь однозначными; надо полагать, что более внимательный анализ городского изобразительного фольклора внесет некоторые коррективы в это традиционное суждение.

Еще более значительны «выходы» примитива в профессиональное искусство. Выше уже упоминалось о сближении их путей в русском искусстве XVIII в.; немало аналогичных явлений и в искусстве XIX в. Достаточно вспомнить сатирические и патриотические лубки А. Венецианова и И. Теребенева эпохи войны 1812 г. Меньше внимания уделялось этому аспекту при рассмотрении работ школы А. Венецианова.

Рис. 5. Фрагмент плафона над лестницей в купеческом доме. Город Мышкин Ярославской губернии. Середина XIX в. Музей истории Ленинграда

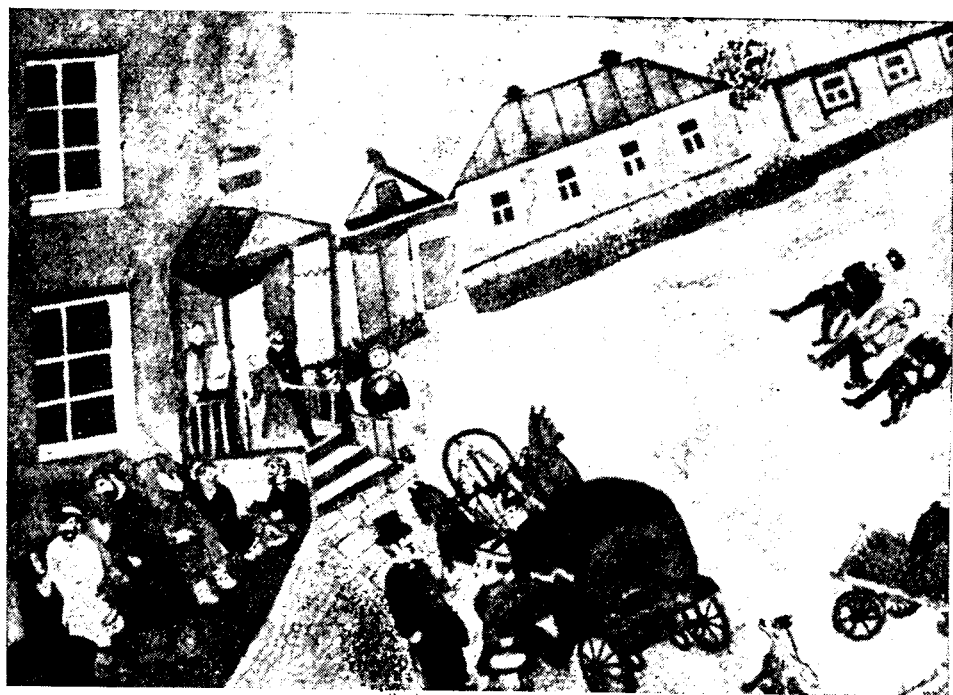

Рис. 6. И. Никифоров. У городского суда. Подмосковье. XIX в.

и близких к ней художников. Между тем произведения художников Н. Крылова, Ф. Славянского, Л. Плахова, Г. Сороки, Е. Крендовского, И. Щедровского, И. Хруцкого, Ф. Шмелькова, Н. Степанова, Л. Соломаткина и других дают много материала для сопоставлений и выводов. Выходцы из крепостных или городских низов, эти художники, приобщившись к профессиональному искусству, внесли в него не только ярко выраженные демократические тенденции, но и многие стилистические признаки художественного примитива: свободу от академических условностей, любовь к деталям и подробностям, наивную и простодушную тщательность изобразительного письма.

Вторая половина XIX в., ознаменовавшаяся победой критического реализма в русской живописи, дает в этом отношении значительно меньше материала. Зато в первые два — три десятилетия нашего столетия интерес к городскому изобразительному фольклору и его творческое освоение становятся осознанным и активно действующим фактором художественного процесса. Взаимоотношения примитива и профессионального искусства кардинально меняются. Настойчивый, одержимый, хотя и не всегда верно ориентированный поиск начал народной жизни, осознание безысходного кризиса буржуазно-дворянской культуры и ее решительное неприятие приводят многих молодых художников не только к крестьянскому, но и к городскому фольклору. Причину этого явления следует искать в программной антибуржуазности русского «авангарда» начала века, стремлении молодых художников к созданию «искусства улицы». Растеряв связи с деревней, питавшие русский реализм предшествовавших эпох, не найдя контактов с пролетарским движением, они тянулись к широким слоям ремесленников, кустарей, городской бедноты и даже деклассированных элементов.

Необыкновенно яркий взрыв художественного примитива наблюдается в первые годы после революции, когда перед народным творчеством открылись новые возможности. Художников из народа поощряют, для них организуют выставки и самостоятельные студии; их привлекают к важной общественной и гражданской функции — оформлению городов и сел, революционных празднеств, рабочих и сельских клубов, агитпоездов и т. п. К сожалению, этот интереснейший материал почти не сохранился и о нем можно судить главным образом по единичным фотографиям да воспоминаниям современников.

Влияние русского примитива (в разной мере и в различных своих качествах) проявлялось и в творчестве многих советских художников, плодотворно работавших в 20—30-е годы.

Городской изобразительный фольклор, его развитие и место в бытовом укладе народа и художественном процессе XVIII — начала XX в., его этнографический, социологический и эстетический аспекты — сложная и практически еще не изученная проблема, стоящая на стыке нескольких научных дисциплин. Предстоит большая работа, и прежде всего по собиранию, систематизации и изучению фактического материала (а его с каждым днем становится все меньше!), выявлению наиболее ценных и ведущих тенденций, обобщению его в историческом и теоретическом плане. Но и сейчас уже вряд ли можно отрицать ценность городского изобразительного фольклора, его эстетическое и этнографическое значение.

Л. П. Кузьмина

**ПЕСНИ ГОРНОЗАВОДСКИХ И ПРИИСКОВЫХ РАБОЧИХ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ СИБИРСКОГО
ПРОЛЕТАРИАТА (XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Фольклор как источник изучения положения рабочих дореволюционной России специально не рассматривался; лишь некоторыми историками, этнографами, писателями он использовался в качестве иллюстративного материала для показа положения пролетариата. Отдельные произведения рабочего фольклора, отражающие положение и условия труда сибирских рабочих, попадают в печать еще в XVIII в. В середине XIX в. П. М. Ядринцев, В. И. Семевский, С. В. Максимов и другие прогрессивно настроенные исследователи использовали в своих трудах песни рабочих как своего рода документы, обличающие крепостное право и эксплуатацию трудящихся в условиях капитализма. Благодаря им для науки сохранились лучшие образцы песенного творчества рабочих, которые по праву названы поэтическими памятниками пролетариата дооктябрьского периода¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции устно-поэтическому творчеству рабочих стало уделяться особое внимание. При этом в основном исследовались идейное содержание рабочего фольклора, отражение в нем классового самосознания рабочих и их борьбы за свои права. Условия труда и быта пролетариата России по фольклорным источникам не изучались. Между тем именно в фольклоре — в песнях, преданиях, устных рассказах можно найти достоверные факты, раскрывающие особенности положения различных групп рабочих в дореволюционное время. Это подтверждается первыми записями песен рабочих Сибири, сделанными в 20—30-е годы².

В данном сообщении основное внимание уделяется малоизвестным и неизвестным песенным текстам. Самые ранние из дошедших до нас поэтических произведений сибирских рабочих относятся к периоду становления заводов, рудников, шахт и началу развития золотого промысла в Сибири. В Нерчинском и Алтайском горных округах первые заводы и рудники появляются в XVIII в. Однако добыча металлов была затруднена недостатком рабочих рук. Потребность в рабочей силе удовлетворялась за счет мастеровых, знавших рудное и плавильное дело. Их присылали вместе с семьями из разных мест, нередко с Урала и даже из

¹ См.: Н. М. Ядринцев, «Русская община в тюрьме и ссылке», СПб., 1872; Л. П. Блюммер, На Алтае, СПб., 1883; В. И. Семевский, Из истории обязательного горнозаводского труда в Сибири, «Сибирский сборник», вып. 4, Иркутск, 1897; его же, Рабочие на сибирских золотых промыслах, СПб., 1898; С. В. Максимов, Сибирь и каторга, ч. 1, 2, 3, СПб., 1871—1900; П. В. Богашев, Письма из Приаргунья, «Сборник газеты „Сибирь“», т. 1, СПб., 1876.

² «Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири» (составитель А. Гуревич), Иркутск, 1940; А. А. Мисюрев, Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири, Новосибирск, 1940; Л. Е. Элиасов, Песни горнозаводских рабочих Забайкалья XVIII в., «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского ин-та», Сибирское отделение АН СССР, вып. 6, сер. историко-филол., Улан-Удэ, 1961.

центральных областей России. Как бы ни был далек путь, мастеровые проделывали его пешком. Гибель рабочих во время мучительных переходов в Нерчинский горный округ и от каторжной работы на сибирских рудниках и заводах — одна из ведущих тем поэтического творчества первых поколений сибирского пролетариата.

Одна из наиболее ранних песен этой тематики обнаружена нами в деле «Нерчинской горной экспедиции 1795—1799 гг.»³. Она повествует о переселении семей мастеровых нерчинских рудников в Петровский железодельный завод, основанный в 1790 г. в болотистой местности. О положении рабочих на Петровском железодельном заводе красноречиво говорят первые строки песни:

Кто не был во Петровском, тот горя не знает,
Мы были во Петровском, все горе знаем...⁴

В песнях содержится также жалоба на правителя, который не платит за труд и заставляет работать день и ночь:

Мы просили сильно, братцы, в еликом уплаты,
Выдавал он нам уплаты — кирки да лопаты.
У злодея, у его, злые ево очи,
Не дает он, вор, собака, ни дня нам, ни ночи...⁵

Практика постоянного насильственного переселения людей для обеспечения сибирских заводов рабочей силой отразилась и в других произведениях устного народного творчества. Так, в песне «Вспомним, братцы!» рассказывается о принудительном переселении алтайских рабочих в Нерчинский горный округ:

Вспомним, братцы, как гоняли
Нас с Алтая в дальний край.
.....
Строем пешим кругло лето
Офицер нанялся гнать,
Ни в жару, ни в дождь проливный
Не давал нам отдыхать.
Как к Иркутску подходили —
Поубавились ряды:
Кто дорогой обезножил,
А кто помер от жары.
По дороге много пало;
Их мы клали на траву...⁶

Автор называет конкретных лиц, причастных к гибели невинных людей: «Нам царица приказала: серебра ей больше дать». Песня содержит и другие социально заостренные замечания по поводу жесточайшей эксплуатации на нерчинских сереброплавильных заводах и рудниках.

Другой темой, раскрывающей положение сибирских горнорабочих, является показ процесса работы и условий труда. Круг таких произведений, относящихся к раннему этапу развития рабочей поэзии, весьма ограничен. В связи с этим представляется очень интересной обнаруженная нами в Государственном архиве Алтайского края песня, созданная и исполнявшаяся в XVIII в. горнорабочими.

³ «Дело об оштрафовании шихтмейстера Киргизова, май, 3 дня, 1795», Гос. архив Читинской области, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 249, л. 454.

⁴ Там же, л. 454.

⁵ Там же.

⁶ Л. Е. Элиасов, Указ. раб., стр. 145

Лучшая работа у подъема руды,
Только берегись, как бы не упасть туды,
Того уж не поднимешь, кто в яму упал.
Загребли его — в земле с мертвыми попал⁷.

Поэтическое творчество рабочих, обличая условия подневольного труда, отражает их классовую ненависть к непосредственным угнетателям, к тем, кто был причастен к созданию каторжных условий труда и нечеловеческих условий быта. Отсталые, забитые рабочие наивно считали, что источник зла кроется в безраздельной и неограниченной власти управляющих заводами, смотрителей, подрядчиков и т. п. Показательны в этом отношении песни об управляющих Нерчинским горным округом. Очень часто в них упоминается Нарышкин, возглавлявший горное производство до 1778 г. Его правление отличалось особой жестокостью. «Административная сила в руках сумасбродного и почти помещанного В. В. Нарышкина превратилась в оружие безотказного и безобразного произвола»⁸, — писал о нем С. В. Максимов. Подчеркивая свою ненависть к этому человеку, создатели песен называют его «Злой хозяин, ты — гадюга» или «Злой хозяин, ненасытный» и т. п.

Интересны описанием условий труда и быта и оценкой положения рабочих нерчинских заводов и рудников варианты песни о Барботе де Марни, записанные в Читинской области. Барбот де Марни, один из начальников Нерчинских заводов, проявил себя как ярый ненавистник всякой «крамолы» со стороны рабочих. По его распоряжению были жестоко наказаны исполнители упоминавшейся выше песни «Кто в Петровском не бывал»⁹.

Описание жизни рабочих при Барботе де Марни дано в песне «Как Барбот пришел на Нерчу»¹⁰. С самого начала песни повествует о наказании рабочих как о повседневном явлении:

Барбот на Нерчу к нам пришел,
Свои порядки тут завел:
Кого березой по спине,
Кого бичом по голове...¹¹

Рабочих за малейшую провинность бросали в рудники, где они трудились без воздуха и света:

Не моргнешь, бывало, оком,
Как под землю угодишь,
А там, известно, гладь да тишь,
Сверху капает вода,
Под ногами та ж беда.
Спина согнута дугой,
Пред тобой сырой забой,
Темнота, хоть глаз коли,
Знай руду долби, долби...¹²

Идейный стержень песен горнорудных рабочих Сибири — мечта о свободе. В песнях отражены те наивные формы и методы, к которым прибегали рабочие в борьбе с угнетателями. В отдельных случаях это

⁷ «Дело об указах и донесениях Колывано-Воскресенскому горному начальству. 1754—1756», Рапорт июня, 25 дня, 1754 г., Гос. архив Алтайского края (далее — ГААК), ф. 1, 1 доп. оп., п. 9, ед. хр. 4, стр. 530—539.

⁸ С. В. М а к с и м о в, Сибирь и каторга, ч. 3, 1900, стр. 461.

⁹ Гос. архив Читинской обл., ф. 31, оп. 1, ед. хр. 249, л. 454.

¹⁰ Рукописный отдел Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР (далее — РО БФСО АН СССР), инв. № 3178, л. 57—59.

¹¹ РО БФСО АН СССР, инв. № 3178, л. 57.

¹² Там же, л. 58.

открытые конфликты между хозяевами и рабочими, чаще же одиночные или коллективные побеги. Однако побеги в тайгу, горы, на острова озер редко удавались. Большую часть беглых в конце концов ловили и жестоко наказывали, но многие из тех, кому удалось выжить, еще не успев оправиться от телесных наказаний, вновь пытались бежать. Эта жажда хотя бы временной свободы ярко выражена в песне «Отошла зима с морозом», рассказывающей о том, что даже после жестокого избития «виновные» вновь готовятся к побегу: «Нам нечего хворать, давайте поскорее, братцы, лыжи направлять...»¹³.

Цикл приисковых песен начал складываться в первой половине XIX в. По идейному содержанию эти песни близки к творчеству горнорабочих XVIII в. В Восточной Сибири записан ряд песен, рассказывающих о системе найма на работу. В отличие от горной промышленности — на приисках применялся в основном труд вольнонаемных, что отразилось в песнях «На прииска мы нанимались, долго там в тайге шатались» или «Как в тайгу мы нанимались, там задатки нам давались»¹⁴. Некоторые песни подтверждают тот факт, что золотопромышленники проводили набор рабочих организованно. Для этого они рассылали по волостям своих людей. За определенное вознаграждение — задаток — нанималось нужное число рабочих. При этом нередко прибегали к спаиванию рабочих¹⁵. Задаток, получаемый рабочими во время найма, сразу же ставил их в зависимое положение. Помимо задатка, рабочие получали от хозяина инструменты: «...по лопате, по кайле, по чугунной по балде, по широким по бродням...»¹⁶. По окончании работ хозяин высчитывал с рабочих половину стоимости этих инструментов, а на следующий год передавал их другой группе рабочих и так до тех пор, пока они не приходили в полную негодность. После всех вычетов рабочий часто оставался без гроша, и в песенном творчестве приисковых рабочих появился мотив: «Много денег нам сулили, только мало получили, вычет одолел».

Опубликованные тексты, архивные материалы и записи последних лет свидетельствуют, что наибольшей популярностью среди приисковых рабочих пользовались те песни, в которых наряду с показом положения рабочих содержались мотивы обличения и социального протеста. Это можно проследить на неоднократно записанной в разное время и разными собирателями песне «Приисковая-разрезная»¹⁷. Песня интересна достоверностью описания добычи золота, в ней верно отражена характерная для первой половины XIX в. разработка россыпей открытым способом. Со всей золотоносной площадки кайлами и лопатами снимали слой пустой породы и затем вручную добывали обнажившиеся золотосодержащие пески: «Молодецкою ухваткой, кто кайлой, а кто лопаткой». Лошади, запряженные в таратайки, отвозили пустую породу в отвал, а пски на промывку: «Таратайки накладали, на машину отправляли». Песня «Приисковая-разрезная», по замечанию А. А. Александрова, записавшего ее в начале 90-х годов, исполнялась при отвале пустой породы и по ритму была близка к рабочей «дубинушке»¹⁸.

Рабочие на сибирских золотых промыслах получали от хозяев пищевое довольствие. Н. Томилин записал в 1946 г. в Минусинском крае на Енисее в с. Таштып песню, в которой с глубоким сарказмом сообщалось

¹³ С. М. Пономарев, Что поет про себя Приуралье, «Северный вестник», 1887, № 11, стр. 65.

¹⁴ Рукописный отдел Ин-та русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. колл. 78 (материалы М. В. Красноженовой), № 325.

¹⁵ В. И. Семевский, Рабочие на Сибирских золотых приисках, т. I, СПб., 1898, стр. XXXIV.

¹⁶ «Фольклор Восточной Сибири», Иркутск, 1938, стр. 124, № 429.

¹⁷ Архив Русского географического общества (далее — Архив РГО), разр. 57, оп. 1, ед. хр. 29, № 3, л. 1—2.

¹⁸ Там же, л. 2.

о повседневной пище приисковых рабочих:

Варят кости, одни жилы,
Оттого едва мы живы.
А кормят, точно на убой:
Чаем голову хоть мой ¹⁹.

В некоторых песнях встречается описание одной из распространенных на приисках форм косвенной эксплуатации рабочих, выражавшейся в том, что рабочие вынуждены были брать продукты и различные товары в приисковых амбарах-лавках в кредит по завышенным ценам. Товары эти, как правило, были плохого качества, к тому же зачастую совсем не те, в которых рабочие действительно нуждались:

Положение наше рай,
Знай по лавке забирай!
Набирай себе обнов,
Хоть бросай потом все в ров.
Бери чаю, бери мыло,
Хоть не это нужно было...²⁰

Положение рабочих Сибири в канун буржуазных реформ достаточно полно освещено в поэтическом народном сказании о Разгильдееве и разгильдеевщине ²¹. Оно ценно прежде всего своей достоверностью и объективным отражением всех сторон жестокой эксплуатации и невыносимых условий труда и быта приисковых рабочих.

В пореформенный период в поэтическом творчестве рабочих золотых приисков преобладают мотивы, отражающие классовые противоречия, возросшие под влиянием усиления эксплуатации и бесправия рабочих.

Навербованные в разных губерниях Европейской и Азиатской России и завезенные в «нежилые места», рабочие попадали в полную зависимость от владельцев приисков, так как с прекращением навигации на реке Лене выбраться из этих «гнилых» мест было невозможно. Прекращалось даже почтовое сообщение. К тому же рабочий конца XIX — начала XX в., попавший в Витимо-Олекминский округ, не всегда мог найти работу. В одной из песен по этому поводу говорится:

Спустились на лодке по Лене-реке,
У ленцев очутились в гнетущей руке.
Нигде нет наемок. Других нет станов,
И нет нам возврата под собственный кров ²².

В результате, чтобы не умереть с голоду, рабочий принимал любые условия хозяина:

Кой-как наймешься, без всяких правов,
Не быть чтоб голодным, на все ты готов ²³.

В этой же песне сообщается и об основной пище занятых на промысле рабочих: «Нам рыбы давали огромный лагун, гнилая лишь нельма да тухлый муксун».

¹⁹ РО БФСО АН СССР, инв. № 3235, папка 4.

²⁰ Архив РГО, раз. 57, оп. 1, ед. хр. 29, № 2, л. 1.

²¹ См.: П. В. Богашев, Указ. раб., стр. 247; Н. М. Ядринцев, Указ. раб., стр. 126—128; Мишла (М. Орфанов), В дали. Рассказы из вольной и невольной т. 1, стр. 298—328; «Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири», стр. 39—41; жизни, СПб., 1883; В. И. Семевский, Рабочие на сибирских золотых промыслах, Л. Е. Элиасов, Реалистические черты народной песни о Разгильдеевщине, в кн.: «Краеведческий сборник», вып. VI, Улан-Удэ, 1961, стр. 111—112; Могуц, Песни и сказки сибирских крестьян, «Забайкальские областные ведомости», 29 августа 1902.

²² С. Байкалов, Ленская поэзия, «Сибирские вести», 2 октября 1912 г.

²³ Там же.

Особенно много песен, отражающих бедственное положение рабочих этого района, появилось в канун и во время ленских событий 1912 г. Красной нитью через всю поэзию этого периода проходит мысль о том, что ленский рабочий — каторжник, подневольный и бесправный.

Основная тематика песен этих лет связана с описанием условий труда рабочих: «Как кроты в подземных норах, мы, рабочие шахтеры, добывали барыши...»²⁴, «А в передних-то забоях — там вода течет по пояс»²⁵, «Раз пятьсот балдой отвесишь да огнивец лишь подвесишь, мерзлота кругом»²⁶. В своих песнях приискатели пели о работе в шахтах, где с вечной мерзлотой боролись, отогревая землю пожогами и взрывами динамита, где приходилось работать в просачивающейся отовсюду ледяной воде, при свете стеариновых свечей. С глубоким драматизмом рисуются несчастные случаи в шахтах:

Вспомни, товарищ,
Прошедшее лето.
Бедный, он в шахту упал,
Подняли тело,
Все кровью облитое,
Бедный лежал и стонал...²⁷

Наивысшего гражданского звучания достигли произведения, в основу которых легли эпизоды Ленского расстрела. В песне «О Ленском расстреле» говорится, что ближайшим поводом к стачке послужил отпущенный недоброкачественных продуктов: «Мясом конским нас кормили, погнилее всякой гнили»²⁸. В этой и других песнях сообщается о тех экономических требованиях, которые были выставлены рабочими в начале трагических событий, дается картина жесточайшей расправы с бастующими:

Вдруг сигнал раздался «Пли!»,
Следом — залп, кто как легли,
Кто бежал, что есть сил,
Кровопийцы стреляли в тыл.
Кто был ранен, кто убит,
Снег весь кровью был залит...²⁹

Приведенные здесь отрывки из песенного творчества горнорудных и приисковых рабочих XVIII — XX вв. рисуют яркую, эмоциональную картину их жизни и быта. Правдивый показ действительности, достоверное изложение фактов и событий делают эти произведения ценным материалом для изучения положения сибирского пролетариата.

---

²⁴ «Песни ленских рабочих», «Ленский шахтер», 6 мая 1937 г.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Б. Г. Ахметшин

**ОТРАЖЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА И БЫТА
ГОРНОРАБОЧИХ БАШКИРИИ В ПРЕДАНИЯХ
И ДРУГИХ УСТНЫХ РАССКАЗАХ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ
БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА)

Истоки фольклора рабочих Урала — колыбели промышленного пролетариата России — восходят к середине XVIII века, когда уральские рабочие люди «в домне и в кузнях работали, и в курене дрова рубили» и хлеб сами сеяли, а весной барки с чугуном сплавляли¹. В прозаических его жанрах — предании, легенде и устном современном рассказе — правдиво отражены жизнь и труд рабочих в прошлом. Между тем прозаический фольклор рабочих горнозаводских районов России, особенно Юго-Восточной Башкирии, в отличие от их песенного творчества, почти не изучен.

Условия труда на крепостных горных заводах и рудниках были губительными для здоровья: в цехах не было вентиляции, люди страдали от жары и недостатка воздуха; в шахтах работали, стоя по пояс в воде. Частыми были случаи массовой гибели рабочих. Особенно изнурительным был труд углежогов и сплавщиков. О тяжелой «огненной работе» на старом уральском заводе говорится в русской сказке «Кузнец и черт», которую сложили местные рабочие. Даже черт, попав в кузнечный цех, не выдерживает сверхадских мучений, которым подвергаются рабочие, и убегает оттуда².

Рассказы о подневольном труде закованного в цепи крепостного рабочего были использованы П. П. Бажовым в сказе «Две ящерицы»³. Известно предание о том, что на Невьянском заводе людей «заковывали в железо и, как невольников, заставляли работать по 24 часа и более, без малейшего отдохновения и все стоящими на ногах в грязи и воде»⁴.

Заводской труд нашел яркое отражение в башкирском предании о первом башкирском рабочем-металлурге: «В Тамьяно-Катайском кантоне лет сто тридцать назад жил башкир Ибрагим. Занимался он бортничеством. Жалили его пчелы, но терпеливо переносил боль Ибрагим, хотя весь в укусах ходил. Сам мед ел и в обмен на железо на Белорецкий завод носил. Управитель Яков все уговаривал Ибрагима пойти на завод: „Будешь хорошим железодельцем“. Согласился Ибрагим и стал работать в кричном цехе. В цехе стояла страшная жара. Летали огненные пчелы и больно жалили тело Ибрагима. Долго терпел он эту огненную боль. Но когда Яков дал ему заработок — горсть медных денег, — бросил

¹ И. Зайцев, Народное творчество Южного Урала, Челябинск, 1948, стр. 121.

² В. П. Бирюков, Дореволюционный фольклор на Урале, Свердловск, 1936, стр. 206—208.

³ П. Бажов, Избранные произведения в 2 томах, т. I, М., 1964, стр. 97—110.

⁴ В. Я. Кривоногов, Антикрепостническая борьба на Невьянском заводе в 20-х годах XIX века, «Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та», вып. II, Свердловск, 1955, стр. 133.

Ибрагим деньги под ноги управителю и пошел из цеха. Яков спрашивает: «Чего же ты, Ибрагим, уходишь?» Ибрагим ему отвечает: «У вас пчел много, а меду нет»⁵.

Народные уральские предания эпохи крепостничества ярко повествуют о случаях, когда по приказанию заводского начальника «ослушников» живыми бросали в доменные печи, сажали на раскаленные крицы, закапывали под плотину заводского пруда, засыпали в шахтах или затопляли в подземных казематах и мастерских. Старожилы поселка Миндяк и окрестных деревень в Учалинском районе рассказывают о том, как несколько сот шахтеров по воле хозяина оказались заживо погребенными в забое. Там, где разыгралась эта трагедия, каждой весной раздаются голоса и стоны из-под земли⁶. Несмотря на элемент фантастики, рассказ в основе своей реалистичен.

Не менее тяжелым было положение рабочих лесорубов и кабанщиков-углежогов. Последним приходилось жить в сырых и холодных балаганах и землянках, работая без отдыха день и ночь. От сухого дыма, копоти и смрада у углежогов болели глаза, дыхание становилось тяжелым, резко ухудшалось здоровье. Жителям старого Урала были хорошо знакомы эти «черномазы», постоянно попадающиеся на лесных дорогах. Вот как живо и подробно рассказывает со слов своего деда о работе на углесидных печах один из лапыштинских старожилов: «Лапыштинского завода и в помине не было, когда дед с семьей приехал из деревни уголь выжигать для Авзянского завода. Поставил он на Тихом ключе кучной балаган, обсыпал его землей и стал жить. А поблизости, в двух-трех километрах, селились другие кабанщики. Валили сосны, распиливали и складывали кучей «лиханы» (бревна 3,5 аршина), засыпали «кабан» землей и жгли две-три недели, а то и больше. С одного «кабана» выходило 200 коробов, или 400 кубометров угля, который дед возил на своих двух лошадях на завод. Кабанщик весь в копоти, запыленный сидел у огня день и ночь. Бывало, что «кабан» взрывался: землю раскинет взрывной волной и пылом горит. Если вокруг много людей, можно засыпать землей, а если мало, сгорала половина «кабана». Сгорал иногда и уголь, уже вынутый. Дед как-то ночью задремал и не заметил, как вспыхнул уголь. Растерялся, схватил ведро, стал тушить водой, а пыл усилился. Побежал в балаган за помощью. Вдвоем с бабушкой еле-еле засыпали уголь, но все же много сгорело.

Когда дед и другие кабанщики рубили лес, выдавали в конторе аванс. Как сложат «кабан» и засыпят землей, еще давали «скупую копейку». Когда выжигали уголь, опять малость платили, чтобы не умер с голоду. За каждый доставленный на завод кубометр угля кабанщик получал расчет»⁷.

Работа сплавщика, постоянно связанная с риском для жизни, выколачивала человека особого склада, внешне сурового и замкнутого, но душевно богатого, хранившего в своей памяти множество поэтических преданий и легенд о жизни и труде, об окружающей природе. Исключительно большую популярность и поныне имеет предание о Митрохином, или Митрошкином камне. Историей гибели в конце XVIII — начале XIX в. лоцмана Митрохи (Митрофана) открывается ряд преданий о бельских сплавщиках. Тогда, во времена Владимира Демидова, фарватер р. Белой не был изучен, и барка могла неожиданно налететь на подводные камни. Житель пос. Бельск Белорецкого района рассказывает: «Там, где Белая, перерезав горы, выходит к степям, возле хутора Кузнецовского в воде образуется большой пережат. Вел однажды барку с чугуном из

⁵ Записано в г. Белорецке от рабочего-металлурга К. Тафтахетдинова Р. Алфеевым.

⁶ Записано в дер. Кильмяково от Х. Габитовой, 1875 г. рожд. (здесь и далее, где это не оговаривается, запись произведена нами. — Б. А.).

⁷ Записано от жителя с. Лапыштина Г. И. Бардина, 1886 г. рожд.

Каги лоцман Митрофан. Вот он провел барку через перекал и от радости, что уже все позади, выпил шкалик водки. Вдруг барка ударилась о скалу, и весь чугуи пошел ко дну. Времена тогда были страшные, и бедный лоцман поплатился жизнью: хозяин насмерть засек его плетью. Теперь это место называется Митрохин, или Митрошкин камень»⁸. Та же участь постигла лоцманов Ромашку и Еремку, не сумевших провести барки с чугуном до Табынского: «Только осталась после них память о Ромашкином острове да Ереминым камне, где они посадили свой груз и где их запороли розгами»⁹.

Рассказ о драматической судьбе крепостного Митрохи в устах современного рассказчика звучит как суровое осуждение крепостничества. Он использован Р. Алферовым в очерке «Прочнее стали». «Дед мой знал Митрошку,— говорит один из персонажей очерка,— сам видел, как поймали его, раздели догола, веревками за руки и ноги к камню привязали. Пять человек по очереди кнутом били. Когда пятый от усталости бросил кнут, Митрошка лежал пластом, со спины кровь стекала струйками на камень...»¹⁰.

В таких русских и башкирских (они неотделимы друг от друга) преданиях, как о Ромашкином острове, Митрохином и Ереминым камнях, записанных в пос. Вельском, эпоха крепостнического гнета отразилась еще явственней, чем в «Преданиях реки Чусовой», опубликованных В. П. Кругляшовой¹¹.

Понине бытуют рассказы, преимущественно русские, о крепостнических порядках и их отмене на горных заводах Башкирии. Причем в памяти народной образ первого заводовладельца и связанные с ним события XVIII в. нередко сливаются с воспоминаниями о его преемниках и событиях заводской дореформенной жизни XIX в. Так, например, в некоторых преданиях Кугарчинского и Зилаирского районов повествуется о заводчике Мосолове, в образе которого неотделимы друг от друга черты нескольких поколений заводчиков Мосоловых. Наиболее распространенными в с. Кананикольском сюжетами об отмене крепостного права являются: «Как Мосолов плакал, лишившись власти» и «Как в 1861 г. барин Мосолов был выпровожден из Кананикольского завода». В преданиях о последнем заводчике Мосолове вырисовывается живой и вместе с тем обобщенный образ властного самодура, растерявшегося и злобствующего от того, что лишился, «крещеной собственности» и рабочие, вчерашние крепостные, не хотят больше оказывать почестей ему — своему врагу и мучителю.

«Прадед мой работал у барина Мосолова в Кананикольском. Когда отменили крепостное право, Мосолов вызвал его и говорит:

— Теперь проси жалование. Теперь так работать не будешь.

И сам заплакал:

— Вот сукин сын, мальчишка, отобрал мою собственность»¹².

«Когда в 1861 г. вышла воля, завод у нас закрылся. Барин Мосолов просил стариков: „Проводите меня с почестью, я вам дам земли вокруг села на 10 верст“. А старики отказались и говорят: „Уезжай — последнюю с потолка землю отдадим, только уезжай“»¹³.

В исторически достоверных устных народных рассказах о пореформенной жизни характеризуется грабительская сущность реформы 1861 г.

⁸ Записано в пос. Бельск Белорецкого р-на от плотогона Г. Б. Нургалина.

⁹ Записано там же от паромщика К. О. Павлова, 1900 г. рожд.

¹⁰ Р. Алферов, Прочнее стали, Уфа, 1954, стр. 88—89.

¹¹ «Предания реки Чусовой», Свердловск, 1961.

¹² Записано в с. Кананикольском Зилаирского р-на Л. Барагом и студентами Башкирского госуниверситета А. Гришиной, А. Швецовым в июне 1961 г. от рабочего-пенсионера П. Е. Чупина, 1892 г. рожд.

¹³ Записано в с. Кананикольском Зилаирского р-на от К. Л. Осипова, 1876 г. рожд. Л. Баргом и студентами Башкирского госуниверситета А. Гориним, В. Кудашкиной, Г. Яковлевой в июле 1961 г.

Так, например, рабочий-пенсционер Баскаков Федор Николаевич, рассказывает: «Между Бердяшским помещиком Чистозвоновым, Охотниковым, владельцем Преображенского завода в Зилаире, и Кананикольским лесопромышленником Пименовым все время шла конкуренция. Рабочие переходили от одного к другому владельцу в поисках лучшего заработка. Вроде как бы и освобожденные, а куда не денешься. Леса много, а прута не шевели. Жили по три-четыре семьи вместе, в маленькой хатенке ютилось по 25 душ. А кругом леса и леса — и не тронь»¹⁴.

Отмена крепостного права мало что изменила и в положении приисковых рабочих-золотоискателей. Их жизнь и труд реалистически показаны в рассказах о «фарте» — неожиданной счастливой находке золота. «Фарт» редко и ненадолго улыбался артелям, даже если это были выдавшие виды, промывшие горы песка старатели. Но на случайную удачу возлагалось много надежд. Поэтому рассказы о том, как «пофартило», пользовались в среде приисковых рабочих особой популярностью. Счастливая развязка таких рассказов не исключала изображения в них суровых будней золотоискательского быта, только оттеняла его и придавала рассказам социальную остроту. Во многих записанных нами устных рассказах работа золотоискателя сравнивается с карточной игрой. «Не повезет, не идет в руки золотишко, — говорит старый горняк, реально оценивший улыбку золотой фортуны, — значит, будешь ни с чем»¹⁵.

На приисках и рудниках несчастные случаи и массовые катастрофы были обычным явлением, и это подчеркивают в своих рассказах-воспоминаниях старые горняки: «На Султанском прииске, говорят, много было золота. Но и людей похоронено там порядочно. Однажды случился обвал, и сорок человек засыпало под ним. Все были казанские зимогоры. А хозяин прииска Рамеев подкупил местных мулл и получил свидетельство, что шахтеры умерли от болезней. Потом заново начал разрабатывать. Но не закончил. Вскоре шахту опять затопило. Еще 8 горняков остались под водой»¹⁶. На Султанский прииск стекались бессемейные, бездомные зимогоры и «контрашны» — башкирские, татарские, русские сезонники, с которыми администрация прииска заключала контракт. «Контрашны» жили в казармах по 40—50 человек вместе с детьми. Это была самая бесправная, приниженная и отсталая в культурном отношении часть уральского пролетариата. Однако и зимогорам не были чужды чувство собственного достоинства, остроумие, удасть. Невзгоды скитальческой жизни закалили их, сделали выносливыми, многоопытными. Духовный облик зимогоров — «контрашных» отразился в импровизированных зимогорских башкирских и татарских песенках, однако собственного прозаического фольклора зимогоры не создали.

Старые горняки рассказывают, как приисковое начальство использовало зимогоров-бродяг на самых опасных участках шахты, как унылой толпой возвращались они вечером в свой грязный барак и как у каждого из них осматривали волосы, рот, уши, чтобы не утаили золото.

Военной силой и полицейской властью удерживали свое господство над народом золотопромышленники, окружившие себя крутыми на расправу приказчиками и управляющими, жандармами и будочниками. Об одном таком «охранителе покоя» рамеевского управляющего на Балканском прииске рассказал бывший рабочий этого прииска: «Зверствовал на Балканском прииске стражник Рыков. Бывало, идут парни вечером с гармошкой и песни поют. Еще далеко до рыковского дома,

¹⁴ Записано в с. Русский Бердяш Зилаирского р-на студентами Башкирского государственного университета В. Грызуновой, З. Горяиновой, П. Лысенко в июле 1963 г.

¹⁵ Записано в дер. Басаево Баймакского р-на от бывшей артельщицы Х. Т. Амангуловой, 1903 г. рожд., в июле 1966 г.

¹⁶ Записано в дер. Туктагулово Баймакского р-на от М. Ю. Исянбаева, 1905 г. рожд., в июле 1966 г.

а песня уже обрывается, гармонь смолкает. Пройдут ребята мимо дома Рыкова, и снова песня слышна, снова гармонь заиграет»¹⁷.

В большинстве бытующих поныне устных рассказов о судьбах рабочих семей и отдельных рабочих до Октября с гордостью подчеркивается мысль, что основа горного промысла — рабочий человек. Освоение сурового края, разведка и открытие рудных месторождений, развитие горнодобывающей промышленности — дело рук рабочего человека. Но оно было связано с неисчислимыми жертвами. Чувством скорби и гнева проникнут рассказ-воспоминание о первых поселенцах Инзерского чугуноплавильного завода, об их повседневном быте и труде: «Тогда мы еще жили в Авзяне. Помню, как народ уходил сюда на стройку. Все говорили, пойдем на новый завод зарабатывать на жизнь. Ну и заработали себе здесь могилу. Ни один не вернулся. В 1910 году и мы переехали в Инзер. С тех пор и живем. Тогда всюду были построены казармы. Народу в них — как сельдей в бочке. Лошадей своих не было. Все на конторских. Гроши зарабатывали».

В заводских поселках, ставших в дореволюционные годы пристанищем для переселенцев, оставшихся без работы, царила нищета. Заводчики широко использовали труд женщин и детей. Воспоминания об этом сохранились и поныне: «Восьмилетним мальчишкой стал я работать на добыче руды, — рассказывает житель деревни Таштимерово. Однажды в ночную смену я уснул прямо в забое. А был у нас десятник. Молодой еще, но дотошный. Всем от него доставалось. Заметил меня и сонного схватил за уши и поставил на землю. От страха я грохнулся оземь и заплакал. А десятник назначил штраф: в течение недели удерживать с меня ежедневно по 5 копеек»¹⁸.

Нужда, гнет и обман, царившие в горнозаводских поселках, нередко вызывали возмущение. Первые волнения и бунты рабочих-углежогов в 1824 и 1841 гг. на территории нынешнего Белорецкого района были жестоко подавлены. Стихийные выступления постепенно перерастали в организованную борьбу. В 1864 г. башкиры оставили работу на золотых приисках барона Каца¹⁹. В конце 70-х годов на Уртазинском прииске произошла массовая забастовка шахтеров, которые предъявили экономические требования. Не поддержанная рабочими других приисков, она была быстро подавлена, а над ее участниками состоялся суд²⁰.

Заводская администрация стремилась использовать слабые стороны рабочего движения, чтобы разобщить его участников, ограничить выдвинутые ими требования. В период первой русской революции 1905—1907 гг., когда напуганный бурными событиями царь поспешил объявить манифест, обещающий некоторые буржуазно-демократические свободы, заводская администрация оказалась вынужденной заигрывать с рабочими. Лаконично и выразительно рассказывает об этом бывший рабочий Лапыштинского металлургического завода Бардин Григорий Иванович: «Когда в Петербурге в 1905 г. царя тряхнули, наше заводское начальство не на шутку испугалось. Помню, приехал на Лапыштинский завод главный управляющий из Инзера и вместе с нашим управляющим Родионовым пирушку для рабочих устроил. На полянке возле дома Родионова наварили мяса на кострах, водки привезли. Тут собрался народ. Главный управляющий говорит:

— Вместе, ребята, будем гулять. Свобода слова теперь, свобода печати!

¹⁷ Записано в г. Сибее Л. Барагом в июле 1966 г.

¹⁸ Записано в дер. Таштимерово Абзелиловского р-на от В. А. Кожевникова, 1904 г. рожд.

¹⁹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. II, Уфа, 1959, стр. 234.

²⁰ Рассказы об этом записаны в г. Сибее от жителя дер. Мрясово Баймакского р-на Х. Х. Хамитова, 1916 г. рожд.

Так напоили тогда людей, что началась драка. А господа на террасе стоят да посмеиваются:

— Вот дикари, сами себя бьют!

Я тогда молодым был, но стал догадываться, что не зря все это начальством затеяно».

В рассказах рабочих отражается постепенный рост революционной организованности и сознательности лапыштинских рабочих. Так, например, о более высокой сознательности рабочих свидетельствуют устные рассказы о лапыштинской забастовке 1916 г., вынудившей заводчика согласиться с требованиями рабочих повысить заработную плату и сократить продолжительность рабочего дня, и о том, как незадолго до революции лапыштинские рабочие изгнали из заводского поселка «бешеного» лесничего Сигизмунда.

Устные рассказы и предания о строительстве заводов и рудников на «выжженной и опустошенной» окраине, о невыносимых условиях на «огненной работе», зверствах и расправах заводчиков над крепостными разоблачали хищнические черты и античеловечность крепостнических и капиталистических порядков. Реальные единичные факты из жизни горнорабочих, приобретая в живом изложении некоторые выразительные подробности, как бы переплавлялись в типические события и образы.

Предания и другие устные рассказы о дореволюционной горнозаводской жизни, имеющие глубокую устную традицию и довольно широко бытующие и поныне в Башкирии на русском и башкирском языках,— это ценный в познавательном отношении материал об условиях труда и быта рабочих.

В. Н. Мартынов

МАТЕРИАЛЫ ПО РЕЗНОМУ ОРНАМЕНТУ МОРДВЫ

Мордовская резьба по дереву — слабо изученная область декоративно-прикладного искусства. Цель настоящей работы — ввести в научный оборот неизвестный ранее материал, представляющий интерес с исторической, этнографической и художественной точек зрения¹.

Наиболее интересна резьба на парях — долбленных кадушках из липы (рис. 1), высота которых достигает 90 см, диаметр — 70 см. Они предназначались для хранения холста, женской одежды и украшений. Разнообразная по технике и орнаментальным мотивам резьба на парях свидетельствует о высоком мастерстве и таланте мордовских резчиков. Орнамент, состоящий из нескольких полос бордюра, почти всегда располагался в верхней части паря. Наиболее характерными его мотивами были зигзаг, елочка, квадраты с диагональю. В основе всех этих узоров лежат простейшие элементы: линия и треугольник. Однако, несмотря на столь небогатые изобразительные средства, народные резчики сумели создать уникальные произведения декоративного искусства.

Изучение орнаментальных мотивов на парях может пролить свет на некоторые моменты истории мордвы. Ряд мотивов восходит к старинным мордовским украшениям, встречающимся как в археологических памятниках мордвы I—XVII вв., так и в более близких к нам по времени этнографических материалах.

При сборе данных мы столкнулись с любопытным явлением: мерник (кадушка для хранения продуктов), имеющий такую же конструкцию, как и парь, никогда не украшался орнаментом. В дальнейшем стало ясно, что орнамент на парях был своеобразным показателем его принадлежности женщине. Он как ритуальный предмет, имеющий к тому же большую бытовую ценность, передавался по наследству и сохранил в своем декоре отзвуки далекого прошлого.

Черты исторической преемственности узоров паря мы пытались показать на рис. 2, где в левой части даны наиболее интересные узоры на парях, а справа — аналоги в украшениях, найденных в мордовских мо-

Рис. 1. Парь из с. Великий Враг Шатковского района

¹ В статье использованы материалы, собранные автором статьи во время экспедиций 1966—1969 гг. в южные (Лукояновский, Шатковский, Гагинский) районы Горьковской области, где мордва проживает в 27 селах.

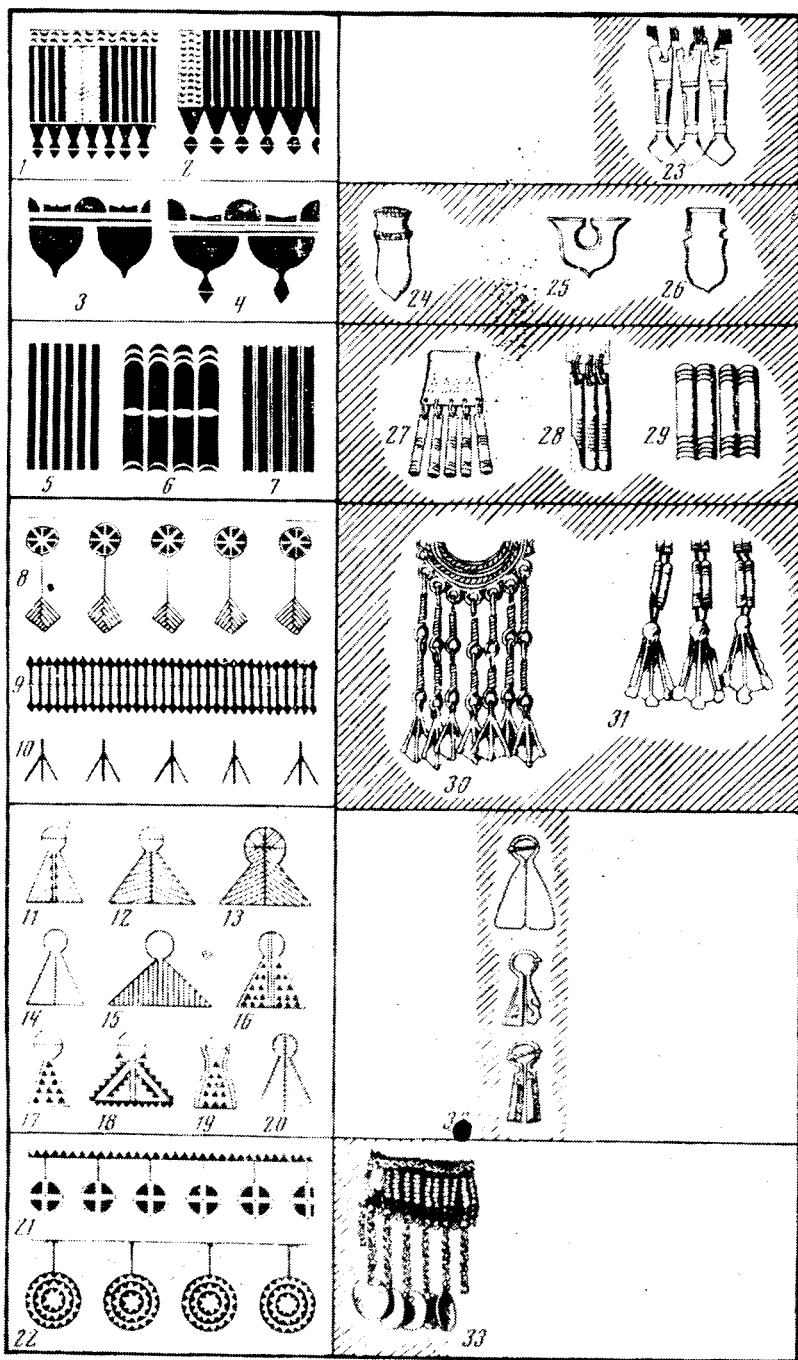

Рис. 2. Некоторые мотивы орнамента парей и их археологические параллели :

гильниках. По нашему мнению, на орнаментацию парей оказала влияние характерная для мордовского национального костюма система подвесок.

Рассмотрим сначала орнаментальный мотив вертикальных параллельных полос на парях (рис. 2, 5, 7), представляющих собой по технике исполнения желобчатые выемки типа каннелюр шириной от 3 до 12 мм и высотой до 60 мм. Как правило, эти узоры расположены ниже других орнаментальных полос (только в 5 из 23 известных нам случаев — в середине или верхней части узора), что напоминает положение подвески, которая, завершая композицию, всегда находится внизу. Основой этого мотива могли стать древнемордовские украшения в виде тонких цилиндрических (или слегка конусовидных) трубочек из листовой меди или бронзы². Распространенные главным образом в VI—IX вв., они встречались как в мокшанских (Армиевский, Лядинский и др.), так и в эрзянских (Борковский, Кузьминский, Серповский, Старший Кужендеевский и др.) могильниках. Среди вещей из могильников типа Кошибеево попадаются парные полуцилиндрические пронизки, орнаментированные по парям поперечными нарезками³, очень напоминающие узоры на парях (рис. 2, 6).

Трубочатые подвески в виде бахромы нашивались на одежду, прикреплялись к шейным гривнам, использовались в сложных ожерельях вместе с бусами. Так, например, одежда из погребения № 26 Борковского могильника была украшена «выше колен и у подола» бахромой из трубочатых подвесок⁴. Близкие параллели трубочатым подвескам можно найти в поздних этнографических материалах: шейных и нагрудных украшениях из бисера с подвесками, поясных украшениях, бахроме на головных уборах⁵.

Часто встречаемые в мордовских могильниках I—XI вв. подвески в виде гусиных лапок мы видим изображенными на паре из с. Атингеево (рис. 2, 8, 3, 1). «Гусиные лапки» встречаются также на парях из сел Аламаево, Крапивка, Старое Иванцево.

Орнаментальный мотив на паре из с. Аламаево (рис. 1, 9) напоминает бахрому из лапчатых подвесок из Борковского, Кузьминского, Максимовского, Лядинского и других могильников⁶. Резко прочерченные осевые и боковые линии узора (с. Атингеево, рис. 2, 10) позволяют видеть здесь подражание лапчатым подвескам, контур которых образуется теми же тремя линиями, что хорошо заметно на подвесках из могильников, особенно ранних (рис. 2, 30, 31)⁷. Сходство орнамента «гусиные лапки» с подвесками подчеркивается еще и его расположением: он всегда размещается в нижней части узора.

Таким образом, в орнаментальных мотивах паря оставили след «лапчатые» подвески, встречающиеся в мордовских могильниках до XI в.

Интересен еще один элемент декора, встреченный нами пока на четырех парях (рис. 2, 1, 2). Он напоминает изображение подвесок из Борковского могильника⁸. Правда, на территории Горьковской области такие подвески археологами пока не найдены, но несомненно, что перед нами мотив именно подвесок. Это подтверждается и расположением его в нижней части узора, и необычайной формой фигур, не характерной для резьбы по дереву.

² П. Д. Степанов, Ош Пандо, Саранск, 1967, стр. 108, рис. 53.

³ «Древности мордовского народа», Саранск, 1941, стр. 26, рис. 25, 26; стр. 30, рис. 29, 31.

⁴ Там же, стр. 130.

⁵ Т. А. Крюкова, Мордовское народное изобразительное искусство, Саранск, 1968, рис. 34, 45, 47, табл. XXIV.

⁶ «Древности мордовского народа», стр. 2, 5, 15 (рис. 7), 50.

⁷ Там же, стр. 30, рис. 29, 31; стр. 39, рис. 7.

⁸ Там же, стр. 46, рис. 15.

Отражены в орнаментике парей (рис. 2, 3, 4) и распространенные у мордвы поясные бляшки, встречающиеся во многих могильниках. На рис. 2, 24, 25, 26 изображены поясные бляшки из Борковского и Кузьминского могильников.

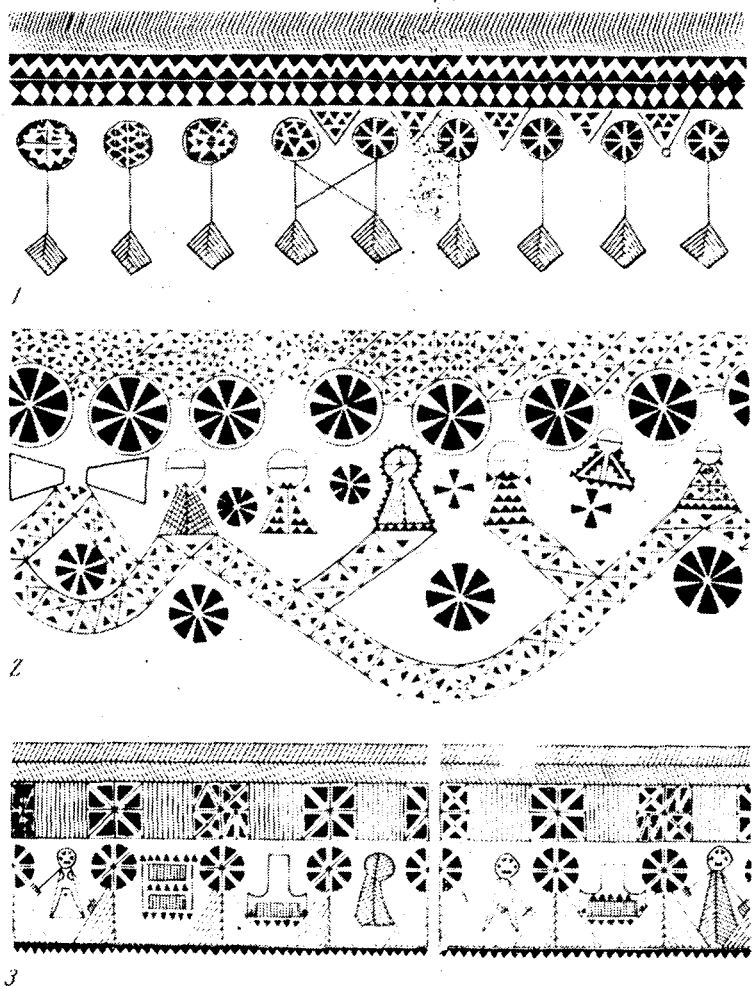

Рис. 3. Фрагменты узоров резьбы на парях: 1, 3 — из с. Атингеево Лукояновского района; 2 — из с. Крапивка Лукояновского района

Параллели орнаментальным мотивам резьбы на парях мы находим и в археологических памятниках XVII—XVIII вв., и в этнографических материалах XVIII—XX вв. Так на рис. 2, 21, 22 изображены узоры с парей из сел Какино (Гагинский р-н), Алемаево (Шатковский р-н), Атингеево (Лукояновский р-н), аналогичные многим шейным, нагрудным и поясным украшениям, а также декору на лопастях головных уборов⁹.

Можно предположить, что мотив круга, часто встречающийся на мордовских парях, также представляет собой изображение подвесок. Стоит только убрать черточку (рис. 2, 21), на которой висят круги, и мы получим орнаментальный ряд из многочисленных кругов, располагающийся

⁹ Т. А. Крюкова, Указ. раб., стр. 10, 11, 13, 15, 49, 53, 67, 68.

в нижней части всего узора. Ни на одном паре мы не обнаружили пока кругов по верхнему краю, укажем лишь на мелкие углубления, сделанные коловоротом. На 80 парях круги расположены внизу и на 40 — не выше середины всего узора.

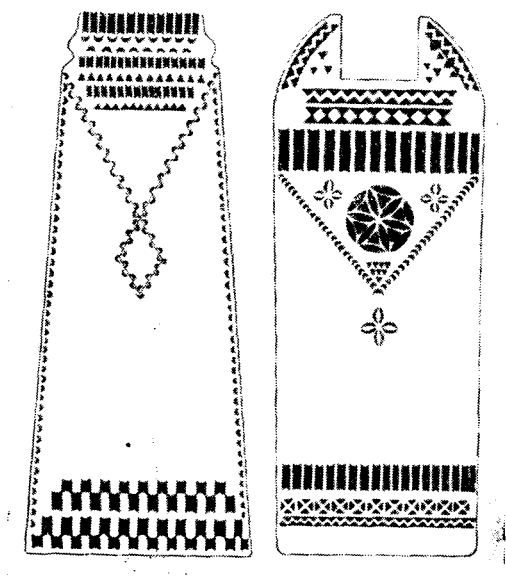

Рис. 4. Резьба на донцах прялок, с. Крапивка
Лукояновского района

Интересны орнаментальные мотивы, состоящие из антропоморфных (назовем их так условно) фигур (рис. 2, 20) и расположенных над ними кругов. Выше их, как правило, — бордюр из елочек или зигзагов. Пары с такими узорами встретились во всех обследованных нами селах. В основе этого мотива, видимо, лежит фигура человека или лопастная сюлгама — женское нагрудное украшение. Но так как для мордвы-эрзи Горьковской области лопастная сюлгама не характерна, есть основания считать, что на рис. 2, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19 изображено не это украшение, а антропоморфные фигуры. Подтверждением антропоморфности мотивов, о которых идет речь, могут служить мужские и женские фигуры на двух парях из сел Атингеево и Шандрово (рис. 3, 3). Смысл изображений будет ясен, если принять во внимание, что парь — это свадебный подарок невесте. Две другие фигуры (с руками и без рук) являются как бы переходной формой от сюжетного изображения человека к орнаментальному мотиву. На паре из с. Крапивка (рис. 3, 2) разные фигуры сюлгам, не объединенные единым ритмом, являются, скорее всего, композиционным элементом украшения с бусами (бусы — диагонально пересеченные квадраты).

В с. Корино найден парь, у которого сюлгама расположена только над запором. Это позволяет высказать предположение, что она символизирует своеобразный оберег (*сюлмо* — узел, *сюлмамс* — завязывать). Наличие в орнаменте антропоморфных мотивов, возможно, обусловлено ритуальным значением паря.

Изображения в виде сюлгам, у которых лопасти заполнены мелкими треугольными выемками (рис. 2, 16, 17, 19), можно толковать как человеческие фигуры, у которых на одежду нашиты трапециевидные и треугольные подвески.

Таким образом, мы приходим к заключению, что в орнаменте паря получил отражение набор украшений мордовского женского костюма, прослеживаемый по материалам могильников I—XVII вв. и по этнографическим памятникам XVIII—XX вв.

Этот вывод подтверждается и анализом резьбы на донцах мордовских прялок, наиболее интересные образцы которой найдены пока только в селах Крапивка, Атингеево, Иванцево, Печи. В верхней части каждого донца изображены нагрудные украшения, а на крапивском (рис. 4) — весь костюм с вышивками по плечам и подолу, с нагрудными украшениями. Схемы последних довольно точно воспроизводят украшения, бытовавшие в названных селах в XIX в.

Донце, гребень, парь, ткацкий стан — предметы, с которыми постоянно имела дело мордовская женщина. Поэтому вполне возможна связь резных изображений с орнаментом на некоторых обрядовых костюмах.

В результате просмотра коллекций Государственного музея этнографии народов СССР по народам Поволжья (Чувашская АССР) и прилегающих областей с русским населением мы пришли к выводу, что изображение украшений, костюмов, вышивок на предметах обихода было распространено, в основном, у мордвы и окружающих ее народов.

О. И. Смирнова

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КУЛЬТАХ

(О КУЛЬТАХ АРТАВАХИШТЫ И МИТРЫ
ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ)¹

Не приходится сомневаться в том, что топонимика — один из важнейших источников изучения формирования этнического состава страны, материальной и духовной культуры ее населения. Топонимика Средней Азии в этом отношении не исключение.

Нам уже приходилось отмечать значение среднеазиатской топонимики как источника для суждения о местных культах. Этому вопросу была посвящена статья, в которой рассматривались топонимы, восходящие к названиям храмов (согд. βуп) и к именам божеств (согд. βу-) типа Вагкат (согд. *βукт) — «Кат (дом) Бога» и Хўрбагн (согд. *ωогβуп) — «Храм Солнца» или Хўрбагна (согд. *ωогβуп') — «Принадлежащее Храму Солнца» (о селений, принадлежащем храму)².

Здесь в том же плане рассматриваются два других топонима: название средневекового хорезмийского с. Арсахушмйсан и современного верхнезеравшанского с. Урмитан, этимологии которых мы уже касались³. Эти два названия содержат один и тот же общий им компонент мйсан/митан и оба они принадлежат, очевидно, к более глубокому топонимическому слою, чем рассмотренные ранее.

Компонент мйсан/митан, образовавший интересующие нас топонимы, как известно, восходит к древнеиранскому таёфана — «обитель, жилище» (равно богов и людей)⁴, поздними отражениями которого являются парфянское теһеап, согдийское -тудп и сохранившее свое самостоятельное значение новоперсидское теһап («родина»). Судя по данным письменных источников закрепление этого компонента в качестве топоформанта в среднеазиатской топонимике относится не позднее, чем к парфянскому времени. Названия, образованные им, были особенно широко распространены в районах по Зеравшану и в Хорасане.

1. Арсахушмйсан — это название засвидетельствовано в мусульманских источниках в разных вариантах (графически закономерных), а именно: Ардахушмйсан, Артахушмйтан, Арсахушмйсан, Рахушмйсан и Хушмйсан. Два последних варианта (Рахушмйсан и Хушмйсан) представляют позднейшие сокращения первых, третий (Арсахушмйсан) за-

¹ Доложено 12 июня 1970 г. в отделе Средней Азии ЛО ИЭ АН СССР.

² О. И. Смирнова, Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики). Согдийские βуп «храм» и βу «бог» в среднеазиатской топонимике, в кн. «Страны и народы Востока. География, этнография и история», вып. 10, 1971, стр. 90—107. В настоящей статье сведения из мусульманских источников даются в принятой для арабской графики русской транслитерации, согдийских — в принятой международной.

³ О. И. Смирнова, К вопросу о среднеазиатских культах (из среднеазиатской топонимики), «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, посвященная столетию со дня рождения В. И. Ленина. Апрель, 1970 г.», Л., 1970, стр. 92—93; ее же, Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зеравшана, МИА, № 15, 1950, стр. 60—61.

⁴ Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, Kol. 140.

Таким образом, мы приходим к заключению, что в орнаменте паря получил отражение набор украшений мордовского женского костюма, прослеживаемый по материалам могильников I—XVII вв. и по этнографическим памятникам XVIII—XX вв.

Этот вывод подтверждается и анализом резьбы на донцах мордовских прялок, наиболее интересные образцы которой найдены пока только в селах Крапивка, Атингеево, Иванцево, Печи. В верхней части каждого донца изображены нагрудные украшения, а на крапивском (рис. 4) — весь костюм с вышивками по плечам и подолу, с нагрудными украшениями. Схемы последних довольно точно воспроизводят украшения, бытовавшие в названных селах в XIX в.

Донце, гребень, парь, ткацкий стан — предметы, с которыми постоянно имела дело мордовская женщина. Поэтому вполне возможна связь резных изображений с орнаментом на некоторых обрядовых костюмах.

В результате просмотра коллекций Государственного музея этнографии народов СССР по народам Поволжья (Чувашская АССР) и прилегающих областей с русским населением мы пришли к выводу, что изображение украшений, костюмов, вышивок на предметах обихода было распространено, в основном, у мордвы и окружающих ее народов.

О. И. Смирнова

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КУЛЬТАХ

(О КУЛЬТАХ АРТАВАХИШТЫ И МИТРЫ
ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ)¹

Не приходится сомневаться в том, что топонимика — один из важнейших источников изучения формирования этнического состава страны, материальной и духовной культуры ее населения. Топонимика Средней Азии в этом отношении не исключение.

Нам уже приходилось отмечать значение среднеазиатской топонимики как источника для суждения о местных культах. Этому вопросу была посвящена статья, в которой рассматривались топонимы, восходящие к названиям храмов (согд. βуп) и к именам божеств (согд. βу-) типа Вагкат (согд. *βukt) — «Кат (дом) Бога» и Хўрбагн (согд. *γωгβуп) — «Храм Солнца» или Хўрбагна (согд. *γωгβуп') — «Принадлежащее Храму Солнца» (о селений, принадлежащем храму)².

Здесь в том же плане рассматриваются два других топонима: название средневекового хорезмийского с. Арсахушмйсан и современного верхнезеравшанского с. Урмитан, этимологии которых мы уже касались³. Эти два названия содержат один и тот же общий им компонент мйсан/мйтан и оба они принадлежат, очевидно, к более глубокому топонимическому слою, чем рассмотренные ранее.

Компонент мйсан/мйтан, образовавший интересные нас топонимы, как известно, восходит к древнеиранскому таёфана — «обитель, жилище» (равно богов и людей)⁴, поздними отражениями которого являются парфянское теһеап, согдийское-тудп и сохранившее свое самостоятельное значение новоперсидское теһап («родина»). Судя по данным письменных источников закрепление этого компонента в качестве топоформанта в среднеазиатской топонимике относится не позднее, чем к парфянскому времени. Названия, образованные им, были особенно широко распространены в районах по Зеравшану и в Хорасане.

1. Арсахушмйсан — это название засвидетельствовано в мусульманских источниках в разных вариантах (графически закономерных), а именно: Ардахушмйсан, Артахушмйтан, Арсахушмйсан, Рахушмйсан и Хушмйсан. Два последних варианта (Рахушмйсан и Хушмйсан) представляют позднейшие сокращения первых, третий (Арсахушмйсан) за-

¹ Доложено 12 июня 1970 г. в отделе Средней Азии ЛО ИЭ АН СССР.

² О. И. Смирнова, Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики). Согдийские βуп «храм» и βу «бог» в среднеазиатской топонимике, в кн. «Страны и народы Востока. География, этнография и история», вып. 10, 1971, стр. 90—107. В настоящей статье сведения из мусульманских источников даются в принятой для арабской графики русской транслитерации, согдийских — в принятой международной.

³ О. И. Смирнова, К вопросу о среднеазиатских культах (из среднеазиатской топонимики), «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, посвященная столетию со дня рождения В. И. Ленина. Апрель, 1970 г.», Л., 1970, стр. 92—93; ее же, Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зеравшана, МИА, № 15, 1950, стр. 60—61.

⁴ Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, Kol. 140.

свидетельствован в географическом словаре Иакута и в записке Ибн Фадлана⁵. И только у Истахри в перечне правобережных селений Хорезма Ардахушмйтан и Хушмйсан упомянуты рядом⁶. Однако в дорожнике, приведенном тем же Истахри, название «Хушмйсан» отсутствует.

Впервые этимологией названия «Арсухушмйсан» заинтересовался в конце прошлого века Т. Нёльдеке, высказавший предположение, что первая его часть, Арсахуш, вероятно, является сочетанием авестийского arta («чистый») и персидского хуш («хороший») с кратким гласным вместо долгого⁷. Составитель словаря иранских имен собственных Ф. Юсти в этой первой части названия видит хорезмийское имя собственное и соответственно этимологизирует его в целом как «место жительства (хорезмийца) Арсахуша»⁸. Позже к этимологии топонима Арсахушмйсан никто, насколько мне известно, не возвращался. Если исходить из предложенной Ф. Юсти этимологии, с Арсахушмйсан должно было в свое время принадлежать хорезмийцу Арсахушу, по имени которого оно стало называться. Вывод вполне допустимый: название аналогичного происхождения засвидетельствованы для разного времени. Напомним о засвидетельствованных парфянских документах из Нисы.

И все же содержание названия «Арсахушмйсан», надо думать, иное. В его первой части, Арсахуш, следует видеть не имя человека, владевшего Арсахушмйсаном, а имя божества авестийского Арта Вахишта (Arta Vahišta)⁹, к нему же восходит имя зороастрийского жреца (мобеда), зафиксированное в том же словаре Ф. Юсти¹⁰.

Авестийское «Арта Вахишта» дословно значит «Лучшая праведность». В Авесте оно выступает в двух значениях: как понятие религиозное и как персонифицирующее это понятие божество, его божественная ипостась. Авестийскому Арта Вахиште, как известно, был посвящен второй месяц и третий день зороастрийского календаря. В Согде, как и в Иране, соответственно этому календарю, Арта Вахиште тоже был посвящен третий день второго месяца согдийского календаря, а в Хорезме — не только третий день, но и второй месяц хорезмийского календарного года, который считался месяцем расцвета растительного мира, олицетворяемого этим божеством¹¹. Следовательно, оно почиталось не только персами в Иране, но и их северо-восточными соседями: хорезмийцами и согдийцами. О том, что божество «Лучшей праведности» почиталось не только в Иране, но и в Средней Азии, мы можем судить и по кушанским монетам. Надписи на них содержат имена божеств кушанского пантеона, в том числе божества Ардахшо, имя которого, без сомнения, отражает в условной графике монетных надписей авестийское Арта Вахишта. Почитали его и парфиане. Сохранился отрывок парфяно-согдийского словарика, в котором парфянское 'rduwhušt поясняется согдийским 'rtxwšt βϣϣ, т. е. «Артахушт-бог»¹². Согласно жреческой традиции, это

⁵ В. В. Бартольд, «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», Соч., т. 1, М., 1963, стр. 203, 204, 211; А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 122.

⁶ «Bibliotheca geographorum arabicorum», I. Leiden, 1929, p. 299.

⁷ Th. Nöldeke, Über iranische Ortsnamen auf kert und andere Endungen, «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», 33, Leipzig, 1879, S. 154.

⁸ F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, S. 39.

⁹ Bartholomae, Указ. раб., стл. 229 и сл.

¹⁰ Justi, Указ. раб., стр. 38. С тем же божеством, видимо, связано имя хорезмийского царя первой четверти VIII в. Арсамұх («Праведный наставник»), состоящее из двух частей: арса- (из авест. arta — «чистый») и -мух (-mōu) — «жрец», «наставник».

¹¹ Известная нам номенклатура дней месяца согдийского и хорезмийского календаря соответствует персидской зороастрийской (так называемого солнечного) календаря, тогда как месяцы согдийского календаря отражают другую, пока не известную нам календарную систему.

¹² См. W. B. Henning, Sogdica, London, 1940, p. 27. (фрагмент d, стрк. 19).

божество было хранителем законов Ормузда (Ахура Мазды) в его небесной обители, а на земле — хранителем его священного огня. Бируни именует Артахушта «Ангелом огня и божественного света» (малик ан-нār ва-н-нūr)¹³.

Все изложенное, равно как и распространенность в местной топонимике названий, восходящих к названиям местных храмов типа упомянутого выше Хурбагн, дает основание предположить, что хорезмийское Арсахушмйсан содержит отнюдь не имя хорезмийца, владельца поселения, а имя авестийского (зороастрийского) божества Арта Вахишты «Лучшей праведности», — Ардахшо на монетах, называемого согдийцами Артахушт багй (ʾrtɰwšt/ʾrtɰwšt βγυ), а хорезмийцами — Арсахуш. А если это так, то, как и в ряде аналогичных случаев, хорезмийское Арсахушмйсан «Обитель Арсахуша» было первоначально названием храма, посвященного этому божеству — Арта Вахиште «Лучшей праведности». С течением времени название храма перешло на постепенно разраставшееся поселение при храме, превратившееся к XIII в. в городок (мадйна); когда прекратилась его жизнь, мы не знаем. Для сравнения можно привести ряд аналогичных названий храмов, засвидетельствованных в армянских текстах, такие, как, например, «Обитель Анахиты» (mehean anahtakan) и «Обитель Митры» (Mrhakan mehean). Два других храма, посвященные тому же божеству (Арта Вахиште), вероятно, находились один в районе Самарканда, другой — в районе Бухары, так как в этих районах известны два поселения, носившие созвучные названия — Хушмйтан¹⁴. В свою очередь предложенная этимология названия хорезмийского с. Арсахушмйсан «Обитель (божества) Лучшей праведности» позволяет выдвинуть гипотезу (вполне, на наш взгляд, обоснованную), что в Хорезме на месте средневекового Арсахушмйсана стоял некогда храм, посвященный авестийскому божеству Арта Вахиште, хорезмийскому Арсахуш. Согласно зороастрийской традиции, храмовым праздничным днем считался день, название которого совпадало с названием месяца, и, следовательно, в Хорезме храмовый праздник Арта Вахишты должен был проводиться в третий день второго месяца хорезмийского календарного года, т. е. в весеннее время. В Согде дело обстояло иначе. Хорезмийскому месяцу арсахуш зороастрийского календаря соответствовал месяц, носивший у согдийцев название «хуризнич» (ɣwɣuznušh) — («месяц») поклонения Солнцу». И следовательно, в этом месяце у согдийцев должно было отмечаться празднество, посвященное не Арта Вахиште, а богу Солнца, храмы которому стояли один в районе Насафа (совр. Карши), другой под Бухарой. Праздник бога Солнца, судя по аналогии с праздником Арта Вахишты, должен был приходиться на день, носивший одно название с месяцем. Этим днем был день Солнца (ɣwtɣwš) — 11-й день месяца хуризнич.

Как представляли себе божество Арта Вахишту в Средней Азии?

Об этом мы можем судить по кушанским монетам. На кушанских монетах Арта Вахишта изображается в виде женщины в такой же одежде, что и жрицы и богини в кушанском искусстве¹⁵ (платье с широкими рукавами, доходящими до локтей, обрисовывает пышную грудь богини; длинная юбка лежит складками вокруг ног). На одних монетах она си-

¹³ Деххуда, Персидский этимологический словарь (на персидском яз.), Тегеран, 1950, стр. 1084.

¹⁴ Идентификация названий «Артахушмйсан» и «Хушмйтан», учитывая особенности арабской графики и варианты первого из них, вполне допустима. Однако приходится считать с возможностью объяснения второго из них из тадж. *хуш* «хороший, приятный».

¹⁵ R. Göbl, Documente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Wiesbaden, 1967, Bd III, Taf. 1, № 14; Taf. 92, № 5, 6, 8.

дит, спустив ноги, на престоле с точеными в виде балясин опорами. Ее волосы причесаны на прямой пробор и собраны в узел на темени. Вокруг головы нимб. В правой, поднятой на уровень лица руке богиня держит плод граната или в согнутой в локте — инвестирунный знак — веночек с лентой. На других монетах женская фигура изображена стоя в трехчетвертном классическом повороте влево, голова в профиль. Опорная нога — левая, правая несколько отставлена. В правой руке, согнутой в локте, богиня держит рог изобилия с ветками какого-то растения или с гранатами — символом плодородия. Прическа и платье такие же, как у сидящей богини. Надпись «Ардахшо», рядом с изображением богини, не оставляет сомнения в том, кому он принадлежит. По мнению К. В. Тревер, богиню Ардахшо изображает известная статуэтка (подвеска) из Хаита. Она же изображена на рельефе из Афрасиаба (городище древнего Самарканда) и на серебряном среднеазиатском блюде, хранящемся в Эрмитаже. Но вряд ли права К. В. Тревер, возводя имя Ардахшо к имени божества вод Вахшу (Охшо на кушанских монетах) и утверждая в связи с этим, что культ богини был распространен в Тохаристане¹⁶. Для таких выводов у нас пока оснований нет. Действительно, ее почитали кушаны, о чем свидетельствуют их монеты. Ее храм стоял в Хорезме. Еще один находился близ Бухары, другой — в районе Самарканда. Эти храмы, носившие имя богини, само ее имя в календарных категориях Хорезма и Согда, ее изображения на кушанских монетах — все это свидетельствует, что культ богини был широко распространен в Средней Азии и за ее пределами. Какими были храмовые монументальные изображения богини Арта Вахишты, кушанской Ардахшо, сказать трудно. Можно предполагать, что изображения на монетах воспроизводят храмовые. Возможно, статуэтки богини удастся выделить среди женских терракотовых фигурок из Хорезма, богатая коллекция которых собрана Хорезмской экспедицией.

Точное местонахождение хорезмийского Арсахушмисана неизвестно. Арабские географы помещают его между тогдашней столицей Хорезма Касом и Джурджанией (Гурганжем), считавшейся вторым по величине после Каса городом Хорезма. Согласно Истахри, от Каса до Джурджании было три почтовые станции: от Каса до Арсахушмисана, от Арсахушмисана до Навзара, от последнего до Джурджании. По данным позднейших авторов — Хамдаллаха Казвини и Хаджи Хальфа, между Арсахушмисаном и Джурджанией считалось 14 фарсахов (6 до Андарастана, 2 до Навзара и 6 до Гурганджа) по тракту из Джурджании в Мерв, т. е. по одному из важных торговых путей раннего средневековья (фарсах — мера длины, равная 7—8 км, в зависимости от местности)¹⁷.

Согласно одному из дошедших до нас списков записки Ибн-Фадлана, Арсахушмисан стоял на берегу реки (Сырдарья), так как к нему можно было проехать водным путем, причем расстояние до него по реке было более 15 фарсахов, а «обычный путь по суше» меньше. Эти сведения соответствуют маршрутным данным географов, приведенным выше. В. В. Бартольд отождествлял Арсахушмисан с современным Ходжейли. Против такого отождествления возражал А. П. Ковалевский. По его мнению в начале X в. Арсахушмисан был небольшим селением. Однако Истахри называет его городом (мадина), т. е. относит его к числу таких населенных пунктов, как главный город Хорезма Кас и Джурджания. По словам Ибн-Фадлана, совершившего свое путешествие на Волгу в 921—922 гг., Арсахушмисан был поместьем аббасидского визира

¹⁶ К. В. Тревер, Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). К вопросу о кушанском пантеоне, «Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. II (1), М.—Л., 1958, стр. 120—146.

¹⁷ В. В. Бартольд, Указ. раб., стр. 211.

Ибн ал-Фурата (855—924 гг.). После же разжалования последнего оно было конфисковано в казну¹⁸. Иакут, побывавший в Арсахушмйсане в 1219—1220 гг., пишет, что это крупный город с оживленными рынками, большим количеством местных товаров и состоятельным населением. Он сравнивает его по величине с Нисибином, но считает, что Арсахушмйсан был более населен и благоустроен. Расстояние между ним и главным городом Хорезма Қасом Иакут определяет в три дня пути¹⁹.

Вот все, что мы знаем об Арсахушмйсане. Где именно находился город и где стоял в нем храм богине — покровительнице города, имя которой последний носил, предстоит установить археологам. Судя по атрибутам богини, с которыми она изображалась на кушанских монетах, это было божество плодородия, несомненно игравшее важную роль в повседневной жизни земледельца, божество, связанное с почитанием вод, как и другое — авестийская богиня Арда Висура Анахита (Незапятнанная), согдийская Нахид (п'ууд), отождествляемая исследователями с богиней Нано (Nāno) в надписях на кушанских монетах, Нана (пп-) — на согдийских. Храмы Анахиты, судя по их описанию в Авесте, должны были стоять у водных истоков²⁰. Таково же было, надо думать, местоположение храма Арта Вахишты в Хорезме²¹, и остатки храма покровительницы хорезмийского города, как и самого города, следует искать на левом берегу р. Сырдарьи у начала одного из ее рукавов или каналов.

2. Урмитан — так сейчас называется одно из селений северного Таджикистана в верховьях р. Зеравшан в Фальгаре, древнем согдийском «Нагорье» (pγγh). В источниках, насколько мне известно, название «Урмитана» не встречается раньше XVI в., хотя, судя по археологическим данным, селение принадлежит к числу древнейших поселений края.

Название верхнезеравшанского с. Урмитан, как и хорезмийского Арсахушмйсан, принадлежит к топонимам, образованным иранским компонентом мйсан/мйтан («обитель, жилье»). Первая его часть несомненно восходит к древнеиранскому прилагательному воуги («просторный, широкий»), а все название в целом — к не засвидетельствованному в текстах древнеиранскому *воуги. таёфана (дословно «просторная обитель, жилище»), сохранившемуся в современном верхнезеравшанском топониме Урмитан.

Нам уже приходилось отмечать тождество компонентов (первых) названий селения Урмитан и полулегендарной страны (каршвара) Voūgu.jagašti в Авесте²². В связи с этим наблюдением известный интерес представит и следующее. У местного населения по сей день зеравшанские горы между верховьями Кашкадарьи и рекой Могиён (собственно «Лунная») носят название «Кухи Сиём», т. е. «Горы (или гора) Сиём»²³. Кешские (кашкадарьинские) горы Сиам (Сиём) упоминаются у арабских географов, в сочинениях которых их название, как правило, искажено переписчиками в Санам и в этом варианте зафиксировано в изданных текстах²⁴. Упоминает в своих стихах горы Сиам (тадж. Кухи Сиём) и известный таджикский поэт Рудаки. Их название до сих пор не привлекало к себе внимание исследователей, а между тем оно, как мы постарались показать в свое время, восходит, вероятнее всего, к древне-

¹⁸ А. П. Ковалевский, Указ. раб., стр. 163 (комментарий 26).

¹⁹ Jā qūt ibn 'Abdallāh, Kitāb mu'jam al-buldān, Bd. I, Leipzig, 1866, S. 191.

²⁰ К. В. Тревер, К вопросу о храмах богини Анахиты в сасанидском Иране, «Тр. Гос. Эрмитажа», т. X (7), стр. 49.

²¹ На кушанских монетах богини Архадахшо и Нано изображены с разными атрибутами.

²² О. И. Смирнова, Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зеравшана, стр. 60 (об этимологии названия см. там же).

²³ Записано автором летом 1948 г. со слов жителей с. Могиён.

²⁴ См. В. В. Бартольд, Указ. раб., стр. 188.

иранскому *Syama'ka*- «Черные (горы)» — названию горной гряды в Авесте²⁵. Тождество названий кешских и авестийских гор, так же как и древнеиранское происхождение названия зеравшанского с. Урмитан, вряд ли можно считать случайным. Вероятнее всего, оно связано с определенным кругом древних религиозных представлений, отражающих мифы Авесты и ее географию.

Авестийское прилагательное *vougu-* кроме вышеприведенного названия каршвара *Vougu.jarəšti* встречается в Авесте в следующих лексических сочетаниях: *Vouru. barašti* — название еще одного каршвара²⁶, *Vougu.kaša* «С просторными бухтами» — название моря (*zgrayah*)²⁷ и *vougu.gaouaotay* — «просторное место, цветущая резиденция»²⁸. Третье из них, *vougu.gaouaotay* «просторное место», относится в Авесте только к месту пребывания Митры, одного из главных божеств древнеиранского пантеона. Но тогда, возможно, и верхнезеравшанское Урмитан «Просторная обитель» было в свое время названием храма, посвященного Митре? Быть может, здесь, в Зеравшанских горах, где-то вблизи современного Урмитана или на его месте, стоял некогда храм, посвященный Митре или находилось его святилище, его изображение. Допустимость такого предположения подтверждается былым значением Урмитана.

Современное с. Урмитан, бывшая резиденция правителя Фальгара, раскинулось на крутом правом берегу Зеравшана, над обширной его поймой. В давнем прошлом, в первые века нашей эры, здесь, как и позже, проходил один из путей из стран Запада в Китай, по которому шли караваны из Самарканда, направляясь по Зеравшану в Алайскую долину и далее на Кашгар и Турфан. О былом значении Урмитана свидетельствуют разновременные памятники, сохранившиеся в селении и в его ближайших окрестностях. Но где именно находилось святилище, мы не знаем. Можно предположить, что оно высилось над рекой. На высоком, обрывистом берегу реки проступает стена мощного сооружения, некогда господствовавшего над окрестностями. Его остатки перекрыты старым кладбищем, не менее трех слоев захоронений которого хорошо прослеживаются вдоль пролегающей здесь сельской дороги. Ниже, на береговой круче, стоит мазар X в., свидетельствующий о преемственной святости этих мест. Если древнее святилище находилось здесь, если здесь стоял храм или высилось изображение божества, они должны были быть всем видны издалека, как то требовалось древним культом богов. В истории Самарканда, известной в научном обиходе под названием Канди, рассказывается, что в доисламском Самарканде стоял идол (бут), высившийся над городом, и все подходившие к городу могли видеть его издалека; уходившие шли пятясь, пока не теряли его из виду.

Древнеиранского бога Митру согдийцы почитали как бога творений (*δ'm'yūtyh 'mufgu* в согдийском). Его имя вместе с именем верховного зороастрийского божества Ормузда-Творца вошло у согдийцев в формулу клятвы как имя божества — блюстителя договора и верности²⁹. Вошло оно равно и в согдийскую ономастику³⁰, и в согдийские кален-

²⁵ Bartholomae, Указ. раб., стл. 1631. Соображения автора статьи относительно возможного происхождения зеравшанского горонима Кухи Сиём были доложены на заседании Иранского кабинета ЛО ИВ АН СССР, посвященном памяти Е. А. Бертельса 19 октября 1968 г.

²⁶ Bartholomae, Указ. раб., стл. 1430.

²⁷ Там же, стл. 1429.

²⁸ Там же, стл. 1430; «*Vouru. gaouaotay*», Adj. 'der weite Weidtländer', 'Fluren besitzt (und verschafft)' nur von Miθra».

²⁹ I. Gershevitch, The Sogdian word for «advice» and some Mur documents, «Central Asiatic Journal», vol. VII, № 2, 1962, p. 83—95; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица, М., 1963, стр. 42; W. B. Henning, A Sogdian God, «Bulletin of the School of Oriental studies», vol. XXVIII, part 2, London, 1965, p. 249—250.

³⁰ W. B. Henning, Sogdica. p. 6 (фрагмент V, стрк. I).

дарные категории. В соответствии с зороастрийским календарем имя Митры носил, как известно, 16-й день месяца согдийского календарного года. Однако в названиях месяцев того же календаря имя Митры не нашло отражения, так же как и имя богини Арта Вахишты. Месяц зороастрийского календаря, посвященный Митре, сохранял у согдийцев свое дозороастрийское название, известное нам по списку согдийских месяцев, приведенном у Бируни (фг̃ār, вар, фг̃ān — возможно, искаженная арабской графикой согдийская форма названия древнеперсидского месяца θīgavāhaga — «могущественно весенний»). Можно ли из этого последнего обстоятельства заключить, что в пантеоне согдийцев Митра появился только с проникновением в согдийскую среду персидского зороастризма, — вопрос другой³¹. Одно несомненно: Митра, согд. 'mudr' (заимствованное из парфянского), принадлежал к числу главных божеств, почитаемых согдийцами, и его святилища должны были находиться в Согде. А. М. Беленицкий высказал предположение, что храм Митре стоял в Бухаре у ворот Мухра, получивших свое название от этого храма³². Если подтвердится наше предположение, храм этому божеству имелся в древности в верховьях Зеравшана в районе Урмитана на издавна проходившем здесь торговом пути.

Предложенная этимология двух рассмотренных нами топонимов, хорезмийского Арсахушмисана и верхнезеравшанского Урмитана подтверждается третьим — названием бухарского селения Фагмисан (согд. *βγmudn), дословное значение которого — «Обитель Бога». Такое название могло принадлежать только храму.

Мусульманские авторы передают согдийское βγ- «бог» арабским *sa-nām* («идол») или персидским *бут*, имеющим в их устах то же значение³³.

Мусульманские источники не раз упоминают храмы идолов или богов и храмы огней. Так, Белазури говорит о домах идолов и огней (буйūt ал-аснām ва-л-найрān)³⁴, Табари — о «домах огней и украшениях идолов» (буйūt ан-найрān ва хилат ал-аснām)³⁵. Храмы огня стояли один в Бухаре, другой в одном из древнейших селений Бухарского оазиса — Рāмуше, в котором, согласно преданию, его построил сын Сиявуша Кай-Хосров, Хорошо известны слова того же Табари о том, что в бухарском с. Аргуд (Арфуд у Сам'ани), названном арабами Манзил ат-Тавāвис («Пристанище павлинов»), был дом огня (байт ан-нār) и «дом Бога» (байт илахат). Очевидно, ставить знак равенства, как это иногда делается, между теми и другими храмами не приходится. Первые — это зороастрийские храмы огней, вторые, вероятнее всего, храмы маздеистские. О том, какие именно храмы называются в «Истории» Табари «Домами огня» ясно из сказанного в ней о храме Анахиты в городе Истахре (букв. «Крепком»): «Дом огня в Истахре, а его называют домом огня Анахиты»³⁶. Предстоит установить, к каким из них принадлежали свя-

³¹ Ряд соображений о культе Митры в Средней Азии принадлежит А. М. Беленицкому. См. его статьи: Вопросы идеологии и культов Согда. По материалам пенджикентских храмов, в кн. «Живопись древнего Пенджикента», М. — Л., 1950, стр. 63—76; Новые памятники искусства и живописи древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования, в кн. «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», М., 1959, стр. 13—86.

³² А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда, стр. 61.

³³ В смысле «изваяния». Ср. этимологию Багдада у Сам'ани в кн. Al-Ansāb. By Al-Imām Abi S'ad 'Abdul Kāreem b. Muhammad b. Mansur at-Tamīmī as-Sama'ānī, Ed. by Ash-Shaikh 'Abdur-Rahmān b. Yaḥya al-Mu'allimī al-Yamānī, «India», 1963, vol. II, p. 260.

³⁴ Белазури, стр. 421.

³⁵ Табари, II, 1246.

³⁶ Табари, I, 814.

тилища в верховьях Зеравшана и на Сырдарье, о существовании которых мы можем говорить с достаточной долей уверенности: к храмам богов со стоящими в них изображениями божеств или к храмам огней с их криптами. Напомним, что в китайских источниках к среднеазиатским храмам прилагается неизменно формула, употребляемая по отношению к маздеистским. Обращает на себя внимание также отсутствие криптов в пенджикентских храмах.

Дальнейшее исследование среднеазиатской топонимики, без сомнения, позволит расширить наше представление о среднеазиатских доисламских культах и местных пантеонах и даст необходимую канву для составления карты расположения среднеазиатских доисламских святилищ. Составление такой карты является одной из немаловажных задач, стоящих перед исследователями Средней Азии, в первую очередь перед этнографами.

Л. А. Покровская

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ГАГАУЗОВ

По имеющимся историческим данным, начиная с середины XIX в., гагаузы известны как тюркоязычная народность, исповедующая православное христианство.

В Россию (Бессарабию) гагаузы переселились из северо-восточной Болгарии во времена русско-турецких войн второй половины XVIII — начала XIX в. Основной причиной массового переселения гагаузов и болгар в Южную Бессарабию было их стремление избавиться от турецкого феодального угнетения во времена Османской империи¹.

Ввиду того, что гагаузы не имеют своих письменных памятников, а в письменных источниках других народов пока не найдено исторических сведений об этом народе, вопрос об этническом происхождении гагаузов до настоящего времени не разрешен. Согласно большинству научных гипотез, гагаузы считаются потомками средневековых тюркских племен — печенегов, куман, узов (или огузов)².

М. Н. Губогло в своей работе о происхождении гагаузов подчеркивает, что «В складывании этнической общности гагаузского народа на ранних этапах его истории значительную роль сыграло принятие ими христианства. Позднее христианство стало одним из главных отличительных этнических признаков гагаузов, выделяющих их из остальной массы тюркоязычных народов Балканского полуострова, исповедующих ислам»³. По мнению этого же автора, кочевые турки Балкан, предки гагаузов, приняли христианство только после перехода на оседлость, т. е. в XIII—XIV вв. Следовательно, для выяснения исторического прошлого гагаузов очень важное значение имеет изучение истории их религиозных верований, и в частности истории принятия ими христианства. При этом основными источниками служат данные материальной и духовной культуры гагаузов и их языка, особенно лексики. В составе лексики гагаузского языка, по нашим наблюдениям, явственно отражаются исторические взаимоотношения гагаузов с окружавшими их народами Балканского полуострова — турками, болгарами, греками и некоторыми другими.

В связи с исследованием истории религиозных верований гагаузов наибольший интерес представляет в составе их лексики, естественно, религиозная терминология. Эта терминология представлена в обширных этнографических и фольклорных материалах, собранных В. А. Мошковым⁴ у гагаузов Бессарабии в конце XIX в., в христианской церковной

¹ И. И. Мещеряков, Переселение болгар в Южную Бессарабию в 1828—1834 гг., Кишинев, 1965, стр. 7.

² Обзор библиографии по гагаузам см.: М. Н. Губогло, Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы), «Сов. этнография», 1967, № 3, стр. 159—167.

³ М. Н. Губогло, Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (к вопросу о происхождении гагаузов), Автореферат канд. дисс., М., 1967, стр. 8.

⁴ В. А. Мошков, Гагаузы Бендерского уезда, «Этнографическое обозрение», кн. XLIV, № 1, 1900; кн. XLVIII, № 1, кн. XLIX, № 2, кн. LI, № 4, 1901; кн. LIV, № 3, кн. LV, № 4, 1902 (далее — В. А. Мошков, ЭО, кн., №); его же, Наречия бессарабских гагаузов, «Образцы народной литературы тюркских племен» (изд. акад. В. В. Радловым), т. X, СПб., 1904.

литературе, переведенной на гагаузский язык протоиереем М. Чакиром и изданной Кишиневской епархией в 10—30-х годах XX в., в его же кратком гагаузско-румынском словаре⁵, в гагаузско-французском глоссарии В. Зайончковского⁶, а также в произведениях гагаузского фольклора, собранных (в том числе и автором данной статьи) и частично изданных за последние десятилетия⁷.

В современном письменном и разговорном языке гагаузов Советской Молдавии и Украины религиозная терминология относится к пережиточным слоям лексики. Специальное изучение гагаузской религиозной терминологии проводится впервые.

В системе религиозной терминологии гагаузов основными компонентами являются термины греческого происхождения, арабские и персидские термины, а также славянские (болгарские и русские) и романские (румынские и молдавские). Если наличие у гагаузов-христиан греческих, славянских и романских религиозных терминов можно считать вполне закономерным, то существование наряду с ними арабских и персидских терминов мусульманского происхождения, составляющих одну треть всей гагаузской религиозной терминологии, является необычным фактом, так как не имеется никаких данных, свидетельствующих о том, что гагаузы когда-либо были мусульманами.

Результаты анализа состава мусульманских по происхождению терминов в системе христианской терминологии гагаузов свидетельствуют о том, что эти термины отражают в основном абстрактные религиозные понятия, не связанные с вещественными реалиями христианской религии и потому допускающие переосмысление. И действительно, все эти мусульманские термины переосмыслены в гагаузском языке в соответствии с понятиями христианской религии. Начнем с основного понятия «бог», выражаемого в гагаузском языке единственным термином *аллах*. Однако этим термином обозначается не мусульманский, а христианский бог. Насколько органически вошел термин *аллах* в систему христианской религиозной терминологии гагаузов можно видеть, например, из названий «святой троицы»: *кожа аллах* 'бог-отец' (досл. 'старший бог'), *аллахын оолу Иисус Ристос* 'бог-сын' (досл. 'сын бога Иисус Христос'), *аллахын солуу* 'святой дух' (досл. 'дыхание бога').

В гагаузском языке употребляются также некоторые мусульманские формулы и устойчивые выражения, связанные с термином *аллах*, например, *валлаа!* 'ей-богу!' (ср. тур. *vallah, vallahi*, 'ей-богу', 'клянусь богом'); *машалла!* 'браво!' (ср. тур. *maşallah* 'не сглазить бы! 'браво!' 'молодец!' и т. п.); *алла-роз-олсун!* 'благодарю!', 'спасибо!' < *аллаа разы олсун* 'да будет доволен аллах!' — употребляется как ответ на приветствие *колай гелä!* досл. 'пусть легко идет (работа)!'; *аллах беланы версин!* 'дай бог тебе беду!' (проклятие); *аллах екмеми алсын!* 'чтоб бог у меня хлеб отнял!' (клятва); *аллах раамет еелесин!* 'да помилует его бог!' (о покойном). Интересным примером сочетания христианской (болгарской) и мусульманской по происхождению формул являются обрядовые выражения при прощании с покойным. В. А. Мошков в свое время отметил, что «все пришедшие в дом навестить покойника вместо обычного приветствия говорят хозяевам: «Бо да прости», а при прощании: «Простет, аллахым, гүнахларна»¹⁰ (досл. 'прости, боже, его грехи').

⁵ M. Ciachir, Dicționar gagauzo-(tiurco)român, Chișinău, 1938.

⁶ W. Zajączkowski, Vocabulaire gagauze-français, «Folia Orientalia», 1965—1966, VII.

⁷ «Буджактан сеслär», Кишинев, 1959; «Гагауз фольклору», Кишинев, 1969.

⁸ В. А. Мошков, ЭО, кн. LI, № 4, 1901, стр. 2.

⁹ Турецкие примеры см.: Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь, М., 1945.

¹⁰ В. А. Мошков, ЭО, кн. LIV, № 3, 1902, стр. 5.

В традиционных народных песнях гагаузов также встречается термин *аллах*, например:

Аман, аллахым, аллахым!

Иапсана бени бир куш!

'О, боже мой, боже!

Преврати меня в птицу' (начало распространенной сиротской песни — *йўйўс тўркўсў*).

Мусульманскими терминами передаются такие отвлеченные религиозные понятия, как «рай» — *женнет* (ср. тур. *cennet* < араб.), «ад» — *жендем* (ср. тур. *cehennem* < араб.), употребительно и бранное выражение *жендемә!* 'к черту!' (досл. 'в ад'); «дьявол», «черт» — *шейтан* (ср. тур. *şeytan* < араб.); «ангел» — *мелек* (ср. тур. *melek* < араб.), «душа» — *жан* (ср. тур. *can* < перс.), «грех» — *гүнах*, «грешник» — *гүнахкер* (ср. тур. *günah, günahkar* < перс.), «религия», «вера» — *дин*, *иман* (ср. тур. *din, iman* < араб.) и производные от них *динсиз*-имансыз 'неверный', 'безбожник', перен. 'без роду, без племени'; «молитва», «моление» — *дуа/дува*; *дуа етмәй* 'молиться' (ср. тур. *dua* < араб.), «пост» — *оруч/хоруч* (ср. тур. *oruç* < перс.), «страшный суд» — *сон шараат* (досл. 'последний суд'), (ср. тур. *şeriat* 'религиозное право мусульман' < араб.) и др.

Отдельные мусульманские термины с течением времени утратили связь с прежним религиозным их значением, например, *харам* 'нечестный', 'во вред'; *харам олсун!* 'да будет (тебе) во вред!', *харам пара* 'деньги, полученные нечестным путем' (досл. 'нечестные деньги'), (ср. тур. *haram* < араб) 'запрещенный', 'запретный' 'недозволенный' (религиозным законом); *хелал* 'польза', 'полезный': *хелал олсун!* 'да будет на пользу, на здоровье!', *хелал етмәй* 'делать что-либо полезное' (ср. тур. *helâl* < араб. 'дозволенное, разрешенное религиозным законом'); *кыйамет* 'пурга', 'выюга' (ср. тур. *kıyamet* < араб. 'воскресенье мертвых', 'светопреставление', 'день страшного суда').

Некоторые термины мусульманского происхождения имеют у гагаузов значения, противоположные их значениям у мусульман, например, *гәур* 'неверный', 'иноверец' (о мусульманах). По свидетельству В. А. Мошкова, «слово *гяур*, которым турки-османы называют христиан, гагаузы употребляют как ругательство для самих осман»¹¹ (ср. тур. *gavur* < араб. 'неверующий', 'неверный', 'немусульманин'); *хаж* — титул паломника-христианина, побывавшего в Иерусалиме, *хажийка* 'паломница' *хажилык* 'священное место паломничества' (Иерусалим). Ср. болг. *хаджи* 'паломник', *хаджийка* 1. 'паломница' 2. 'жена паломника'; *хаджилък* устар. 'паломничество'¹². У мусульман же термин *хаж* обозначает титул паломника в Мекку (тур. *hac*, мус. 'паломник' в Мекку), *хас* 'паломничество' (в Мекку). Термин *хедерлез* обозначает у гагаузов 'день святого Георгия' (начало лета по народному календарю), этимологически же этот мусульманский термин имеет значение 'день пророка Ильи', ср: тур. *hidirellez* или *hidrellez* < ар. 1 мус. 'день Хызыр-Ильяса' (соответствующий в Стамбуле Егорьеву дню); 2. 'первый день лета'.

Что касается гагаузских религиозных терминов немусульманского происхождения, то они связаны в основном с православными церковными обрядами. Так, терминами греческого происхождения передаются понятия «церковь» — *клицә*, «священник» — *попаз*, «дьячек» — *дәскал* (греч. 'учитель'), «монах» — *калүгер*, «алтарь» — *айдиму*, «святая вода» — *айәзма*, «икона» — *йукона*, «изображение святого» — *айоз*, «кре-

¹¹ В. А. Мошков, ЭО, кн. XLIX, № 2, 1901, стр. 41.

¹² С. Чукалов, Български-руски речник, София, 1957, стр. 944.

щение» (обряд) — *ваатиз*, «венчание» — *стеоноз*, *стевоноз*, «исповедь» — *спийада*, «Евангелие» — *вангеллия*, «богородица» — *Панайя* и др.

В меньшем числе используются славянские термины, например, *благословит етмай* 'благословить', *колада* 'рождество', *молебен* 'молебен' *проорок* 'пророк', *раса* 'ряса' и др.

Отдельные религиозные понятия передаются синонимичными терминами различного происхождения. Так, понятие «святой» обозначается греческим термином *ай* и славянским *свѣти*. По данным В. А. Мошкова¹³, термином *свѣти* обозначались «более высокие по своему положению святые: свети Петри, свети Гѣрги, свети Юван, а термином *ай* — менее высокие святые: ай Илия, ай Мина, ай Тодур и т. д.» Для передачи понятия «крест» также употреблялись три различных термина, разграниченных семантически: *ставроз* (греч.) 'крестное знамение' *ставроз йапмаа* 'креститься', *крѹча* (молд.) 'крест — памятник на могиле', *хач* «крест, который делает священник лопатой по четырем сторонам могилы при погребении»¹⁴. (ср. тур. *hac* < арм. 'крест'). Понятие «ангел» передавалось, кроме араб. *мелек*, также греч. *ангелос* и молд. *ынжер*. Понятие «рай» выражалось, помимо араб. *женнет*, славянским термином *рай* (например, в сочетании *рай капулары* 'райские врата'). Однако случаев такой синонимии немного, и можно утверждать, что в системе христианской религиозной терминологии гагаузов ее основные компоненты — греческие, славянские и арабо-персидские термины — занимают свои определенные места и имеют свои сферы употребления.

При выяснении причин усвоения гагаузами определенной группы арабо-персидских религиозных терминов мусульманского происхождения (насчитывается примерно 25 таких терминов) прежде всего возникает вопрос о путях их проникновения в гагаузский язык.

Несмотря на территориальную и лингвистическую близость гагаузских и турецких говоров в северо-восточной Болгарии, трудно предположить, что гагаузы-христиане могли заимствовать арабские и персидские религиозные термины устным путем от турок-мусульман в процессе непосредственных контактов. Как известно, христианское население Балкан, и в том числе гагаузы, подвергалось жестокому религиозным гонениям в Османской империи, что и послужило одной из основных причин массового переселения гагаузов и болгар в Бессарабию¹⁵. Однако представляется более вероятным другой путь проникновения мусульманских терминов в гагаузскую систему христианской религиозной терминологии. Благодаря трудам В. А. Мошкова известно, что в конце XIX в. у гагаузов Бессарабии были распространены караманлийские религиозные книги, напечатанные греческими буквами на турецком языке. Эти книги приносили на продажу гагаузам бродячие ремесленники — караманлийцы¹⁶. В числе караманлийских книг, просмотренных В. А. Мошковым, были извлечения из Библии, Евангелие, псалтырь, молитвенники и т. п. Полусветский характер носили только сборники духовных стихов, бытовавших в народе, например, стих о Богатом и Лазаре, об Алексее — божьем человеке, о принесении Авраамом в жертву Исаака и пр. Ввиду того, что богослужение в гагаузских селах совершалось на совершенно непонятных гагаузам церковно-славянском и молдавском языках, бессарабские священники, чтобы привлечь внимание прихожан к церковной службе, практиковали чтение в церкви отрывков из караманлийских книг. В. А. Мошков отмечает, что гагаузы, слушая чтение молитв на наречии караманлы, улавливали из него только общий смысл, так как многие слова были для них незнакомы и непонятны. Но все же чтение на родственном наречии, по свидетельству В. А. Мошкова, вызывало

¹³ В. А. Мошков, ЭО, LI, № 4, 1901, стр. 3.

¹⁴ В. А. Мошков, Наречия бессарабских гагаузов. Словарь, стр. 105.

¹⁵ В. А. Мошков, ЭО, кн. XLV, № 1, 1900, стр. 2—4.

¹⁶ В. А. Мошков, ЭО, кн. XLIX, № 2, 1901, стр. 42.

среди гагаузов оживление, и караманлийские книги пользовались популярностью в гагаузских селах. В качестве образцов караманлийского текста Мошков привел в своей работе молитвы «Отче наш» и «Символ веры»¹⁷, а также духовный стих об Аврааме в гагаузском «переложении»¹⁸. Ознакомление с этими текстами не вызывает сомнения в том, что религиозная терминология у караманлийцев и гагаузов почти полностью совпадает. Об этом можно судить по терминам *аллах* 'бог', *аллах-боба* 'бог-отец' *аллахын оолу Иисус Ристос* 'сын божий Иисус Христос', *гүнахклерляр* 'грешники' *ставроз* 'крест', *проороклар* 'пророки' *апостолослар* 'апостолы', *клицеляр* 'церкви', *ангелос* 'ангел', *курбан* 'жертва', *Хаджилык* 'Иерусалим', *жан* 'душа', *дува* 'молитва' и другим, идентичным с гагаузскими терминами.

Таким образом, гагаузы, пользовавшиеся караманлийскими христианско-религиозными книгами, естественно, использовали и караманлийскую религиозную терминологию. Во всяком случае, если даже гагаузская христианская терминология (с арабо-персидскими элементами) сложилась и независимо от караманлийской, о чем судить очень трудно, то влияние караманлийской религиозной литературы на бытование гагаузских религиозных терминов является бесспорным. В связи с этим необходимо обратиться к истории создания караманлийской религиозной литературы и к истории самих караманлийцев. Караманлийцы — это выходцы из Малой Азии, потомки населения княжества Караман, существовавшего в XIV—XV вв.¹⁹ Название «караманлы» использовали только соседние с ними народы (турки, болгары, греки, армяне и др.), а сами караманлийцы себя так никогда не называли. Большую часть караманлийцев составляли тюркоязычные христиане, делившиеся по вероисповеданию на четыре группы: православные (их самоназвание *рум миллети*), григорианцы (*ермени миллети*), католики (*католик миллети*) и протестанты (*христиан миллети*)²⁰. Как мы видим, слово *миллет* 'нация', 'народ', отождествляется в этих самоназваниях с религией, т. е., согласно вероисповеданию, православные караманлы считали себя греками (*урум*), а григорианцы — армянами. Этому способствовало то обстоятельство, что православные караманлы пользовались религиозной литературой на турецком языке, напечатанной греческими буквами, а григорианцы соответственно использовали армянское письмо. Религиозные книги православных караманлийцев стали издаваться с начала XIX в., а в 1840 г. в Стамбуле была основана караманлийская газета «Анадоли»²¹. Советский тюрколог проф. Н. К. Дмитриев посвятил «карамалицкому» языку специальную работу, основанную на анализе языка трехязычного солунского памятника 1841 г., и пришел к выводу, что «карамалицкий» (в болгарском произношении) язык представляет собой турецкий говор эклектического типа, в котором причудливо переплетаются отдельные черты анатолийских и балканских диалектов²².

Хотя караманлийская литература начала издаваться в XIX в., религиозная терминология караманлийцев сложилась, несомненно, значительно раньше, в эпоху завоевания Малой Азии и Балканского полуострова османскими турками. Известно, что уже первый в Османской импе-

¹⁷ В. А. Мошков, ЭО, кн. LI, № 4, 1901, стр. 29—30.

¹⁸ В. А. Мошков, ЭО, кн. XLIX, № 2, 1901, стр. 44—48.

¹⁹ См. В. А. Гордлевский, Государство сельджукидов Малой Азии, Избр. соч., т. I, М., 1960, стр. 65.

²⁰ Черновежд, Няколко думи за караманците. Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец, кн. XXXIX, 1892, стр. 439—440.

²¹ В. А. Мошков, Турецкие племена на Балканском полуострове (Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г.), «Изв. Русск. Геогр. об-ва», т. X, СПб., 1904, стр. 424.

²² Н. К. Дмитриев, Материалы по османской диалектологии. Фонетика «карамалицкого» языка, «Записки коллегии востоковедов», 1928, т. III, стр. 417—458; 1930, т. IV, стр. 107—159.

рии греческий патриарх Геннадий Схолярый по приказу турецкого султана Мехмеда II в 1454 г. написал богословский трактат о сущности христианской веры и представил его султану в переводе на «турецко-арабский» язык²³. Имеются также исторические свидетельства, относящиеся к XIX в., о том, что во многих греческих церквях в Малой Азии вся служба совершалась на турецком языке²⁴. Таким образом, использование греко-православной церковью турецкого языка в эпоху господства Османской империи было вызвано историческими условиями ее существования в тот период²⁵. Естественным будет предположить, что при переводе греческой церковной литературы на турецкий язык была по возможности переведена и христианская религиозная терминология. А так как в староосманском языке религиозная терминология состояла исключительно из мусульманских терминов арабского и иранского происхождения, то часть из них, допускающая переосмысление, стала использоваться греко-православной церковью. Поскольку караманлийцы относились в Османской Турции к подданным греко-православной церкви, то, естественно, религиозная терминология в их письменной литературе была окрашена внешним налетом ислама (о чем свидетельствуют материалы В. А. Мошкова).

Что касается гагаузов, то известно, что в северо-восточной Болгарии они делились главным образом по культурному влиянию на две группы: «болгарских» и «греческих» (или «приморских», «настоящих») гагаузов²⁶. Болгары и греки во времена Османской империи вели между собой упорную борьбу за ассимиляцию гагаузов, в процессе которой восточная половина гагаузов попала под влияние болгар, а западная, приморская, — под влияние греков, особенно греческого духовенства²⁷. Предполагается, что в результате этой борьбы за ассимиляцию гагаузов возникли и известные гипотезы о болгарском и греческом происхождении гагаузов, основанные лишь на том, что часть гагаузов в Болгарии выдавала себя за болгар, а часть — за греков. Что же касается историко-культурного влияния болгар и греков на гагаузов, то оно, действительно, очень велико. В области языка это влияние отразилось прежде всего в болгарских и греческих лексических заимствованиях. В частности, в сфере христианской религиозной терминологии ведущее положение занимают, как мы видим, греческие термины, в то время как во многих других группах лексики (хозяйственной, бытовой и др.) используется большое число болгарских заимствований. Мусульманские же религиозные термины арабского и персидского происхождения в системе христианской религиозной терминологии гагаузов, очевидно, являются данью историческим условиям существования малых тюркоязычных народов христианского вероисповедания (к которым относятся и караманлы) в эпоху владычества османских турок-мусульман на Балканах. Окончательное выяснение истоков создания гагаузской религиозной терминологии возможно лишь при углубленном исследовании истории принятия гагаузами христианской религии и в связи с историей взаимоотношений ислама и христианства в эпоху турецких завоеваний Малой Азии и Балканского полуострова.

²³ А. П. Лебедев, История греко-восточной церкви под властью турок, т. I, Сергиев Посад, 1896, стр. 209, И. Березин, Православная и другие христианские церкви в Турции, СПб., 1855, стр. 40.

²⁴ А. П. Лебедев, Указ. раб., стр. 180—181.

²⁵ В. А. Гордлевский, Греки в Османской империи, Избр. соч., т. III, М., 1962, стр. 137.

²⁶ K. Jireček, Das Fürstenthum Bulgarien, Wien, 1891, стр. 143; Л. Милетич, Старото българско население в северо-източна България, София, 1902, стр. 15—20.

²⁷ В. А. Мошков, Турецкие племена на Балканском полуострове, стр. 426—431.

Р. В. Николаев

ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КЕТСКИХ И ХАКАССКИХ ЭПИЧЕСКИХ СКА- ЗАНИЯХ

Вопросы происхождения кетов уже не одно столетие привлекают внимание исследователей. В их материальной культуре отчетливо прослеживается сходство с культурой степных скотоводов (коневодов) юга Сибири. У кетов высоко развито искусство обработки металлов. Среди кетов бытуют легенды о приходе с далекого юга. Кетский язык не имеет прочных связей ни с одной из языковых групп Сибири, в то же время прослеживаются его связи с языками народов Центральной и Юго-Восточной Азии. Все эти факторы вызвали появление множества теорий о происхождении кетов.

Выдающийся лингвист прошлого столетия А. М. Кастрен впервые на основании языковых и фольклорных данных, предположил, что кеты продвинулись в Туруханский край с территории Саяно-Алтая¹. Н. А. Аристов в своей работе о происхождении тюркских племен на основании большого археологического, этнографического и фольклорного материала выдвинул обоснованную гипотезу, что среди хакасов и древних тюрков имеется определенный кетский этнический субстрат². Г. Рамстед и К. Доннер говорили о связи кетского языка с языками сино-тибетской группы в Центральной и Юго-Восточной Азии³. В. Г. Богораз утверждал, что в языках южносибирских тюрков: шорцев, карагасов (тофаларов), сойотов (тувинцев) «под турецким (т. е. тюркским.— Р. Н.) слоем» сохраняются реликты каких-то более древних, предположительно, палеоазиатских наречий. Носителями их он считал кетоязычные племена⁴. С. И. Вайнштейн выдвинул гипотезу о происхождении кетов из двух компонентов — местного палеоазиатского и пришлого кетоязычного. Он считает, что наличие одного общего этнического элемента в составе кетов и хакасов более чем вероятно⁵. А. П. Дульзон в результате многолетних исследований пришел к выво-

¹ А. М. Кастрен, Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. «Магазин земледелия и путешествий», т. VI, М., 1860, стр. 362.

² Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, СПб., 1897, стр. 46—55, 69—73.

³ G. Ramstedt. Über den Ursprung der sogenannten Jenissei-Ostjaken, «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsingfors, t. XXIV, 1907; K. Donner, Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken, «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki, t. XXXVII, 1916—1920; егo же, Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprache, «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki, t. XLIV, 1930.

⁴ В. Г. Богораз, Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке, «Сборник музея антропологии и этнографии» (далее — СМАЭ) т. VI, 1927, стр. 41—51.

⁵ С. И. Вайнштейн. К вопросу об этногенезе кетов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XIII, 1951.

ду о связях кетского языка с рядом языков Кавказа. Он установил также, что кетская топонимика широко распространена в бассейне Томи, на территории Хакасии, Северной Тувы и в бассейне Кана⁶.

Однако до настоящего времени фольклор недостаточно использовался для выявления дотюркского субстрата в составе народностей Южной Сибири.

В частности, с этих позиций не подвергалось анализу замечательное произведение устного народного творчества — хакасский эпос «Албынжи», позволяющий, на наш взгляд, исследовать древние этнические связи кетоязычных и тюркоязычных племен Минусинской котловины.

В эпосе и сказках современных кетов содержатся почти все основные элементы эпоса хакасов. При этом совпадает не только общая сюжетная канва, но в ряде случаев и детали, которые не встречаются в фольклоре других народностей Сибири; в том числе и у соседей кетов и хакасов. На наш взгляд, такое совпадение не может быть случайным и свидетельствует о тесных связях в прошлом этих двух этнических групп.

В настоящей статье использован текст «Албынжи» в изложении известного хакасского сказителя С. П. Кадышева, переведенный Кычаковым⁷.

Аналогичный текст на хакасском языке, подготовленный к изданию В. И. Доможаковым и Д. И. Ченковым в 1961 г., опубликован в сборнике Хакасского НИИЯЛИ «Героические сказания» («Алыптыг нымахтар»).

Других публикаций эпоса нет.

Основой сюжета «Албынжи» является борьба богатырей Албыгана, его сына Хулатая и внука Албынжи с враждебными народу темными силами, персонифицированными в лице чудовища женского рода — Ызүт-арыг, ее отца и дочерей. Албыган гибнет в борьбе с врагами. Его сын Хулатай могуч телом, но слаб духом. Он вспыльчив, себялюбив. Погоня за славой для него важнее судьбы народа. Начав бороться с Ызүт-арыг, он попадает под власть ее колдовских чар и даже вступает с ней в брак. Сын Хулатая Албынжи предан народу, готов отдать за него жизнь. Он борется с Ызүт-арыг и подвластными ей темными силами, то побеждая, то терпя поражение. В борьбе он гибнет, но затем чудесным образом воскресает и уничтожает Ызүт-арыг, потопив ее в морских волнах («Албынжи», стр. 99).

Нескончаемая борьба Албынжи и Ызүт-арыг напоминает борьбу богатыря Альбы и его двойника шамана Доһ'а со злой богиней Хосядам в кетском эпосе. Хосядам владеет загробным миром, живет она у моря в каменном доме и пожирает души людей⁸. Как и в «Албынжи» борьба в эпосе кетов идет с переменным успехом. В конце концов Хосядам, как и Ызүт-арыг, исчезает в волнах Северного моря и след ее теряется⁹. По сюжету Хосядам тесно связана с водной стихией. Порой она выступает в виде червя или рыбы, проложившей русло Енисею¹⁰.

В Албынжи само имя Ызүт-арыг указывает на ее хтоническую сущность. Ызүт по-хакасски значит душа покойника. В некоторых случаях это слово может обозначать черта. Ызүт-арыг живет также у моря.

Стоит там юрта из черных камней.

У входа — груды белых костей.

(«Албынжи», стр. 99)

⁶ А. П. Дульзон, Былое расселение кетов по данным топонимии «Вопросы географии», № 58, 1962; его же, Кетский язык, Томск, 1968, стр. 607.

⁷ «Албынжи. Сказитель С. П. Кадышев. Перевод И. Кычакова», Абакан, 1951. Далее сноски на «Албынжи» даются в тексте.

⁸ В. И. Анучин, Очерк шаманства у енисейских остяков, СМАЭ, т. II, вып. 2, Л., 1914, стр. 11.

⁹ Там же, стр. 4; Полевые записи автора, 1959 г.

¹⁰ Полевые записи автора, 1959 г.

Узът-арыҕ, как и Хосядам, связана с водной стихией. Только один раз в «Албынжи» говорится о том, что Узът-арыҕ приходит со стороны пустыни («Албынжи», стр. 36). Эти «сведения» явно противоречат тому, что говорит о себе она сама: «Вышла из болотной тины я» («Албынжи», стр. 34). Противоречат они и тому образу жизни, который она рисует своим женихам Хан-Мергену, а затем Хулатаю:

Теперь ты навеки уйдешь со мной,
У моря спокойного будем жить,
Тебя я лягушками буду кормить...
Болотной водой щедро поить.

(«Албынжи», стр. 46, 47)

Ни в кетском, ни в хакасском эпосах нет описания внешности отрицательных персонажей. По данным В. И. Анучина, кеты говорят только, что Хосядам отвратительна, а след ее похож на след дикого зверя, каждый раз другого. Только хороший шаман может его определить¹¹.

В «Албынжи» внешность Узът-арыҕ характеризуется следующими словами:

Что там такое — не разобрать,
Человеком нельзя назвать,
Черным зверем нельзя назвать.

(«Албынжи», стр. 34, 46)

В кетском эпосе Альба неоднократно освобождал проглоченные Хосядам¹² души людей. Утроба Хосядам в данном случае олицетворяет загробный мир.

Албынжи, победив Узът-арыҕ, выдергивает из земли скалу, закрывавшую вход под землю и освобождает томящихся там людей («Албынжи», стр. 100). Подземный мир у кетов и у хакасов ассоциируется с загробным миром.

Некоторые детали эпоса «Албынжи» не имеют прямых параллелей в сказаниях об Альбе (Дон'е), однако яркие аналогии им встречаются в сказках кетов.

Например, в «Албынжи» имеется такой эпизод: после гибели деда Албынжи — богатыря Албыгана, его младшая дочь Чарых-кеек живет в лесу в шалаше на берегу р. Хан-Харасуг и питается рыбой, которую ловит вершей («Албынжи», стр. 21).

Характерно, что такой образ жизни Чарых-кеек ни в коей мере не похож на быт степняков-скотоводов, а типичен для рыбаков тайги.

Чарых-кеек ничего не знает о своем происхождении. Но однажды кукушка сообщает ей, что она дочь Албыгана, а ее брат Хулатай окаменел вместе с конем. Чарых-кеек может его оживить с помощью целебной травы «трехветвистого саргая» («Албынжи», стр. 23, 24). Чарых-кеек отправляется в путь и оживляет брата.

Героиня популярного у кетов цикла сказаний о Кайгусь живет в одиночестве, не ведая, что у нее есть брат. Птицы сообщают красавице Кайгусь о смерти брата и спрашивают, почему она его не оживит. Кайгусь находит брата и оживляет¹³.

С образом Узът-арыҕ неразрывно связана трехногая кобыла. Об Узът-арыҕ говорится:

Сидит внушающая дикий страх
На черной кобыле о трех ногах.

(«Албынжи», стр. 36, 46, 90)

¹¹ В. И. Анучин, Указ. раб., стр. 5.

¹² Там же, стр. 11.

¹³ А. П. Дульзон. Очерки по грамматике кетского языка, Томск, 1964, стр. 157.

В кетском фольклоре также упоминается трехногая лошадь, связанная с потусторонними силами. В одной из сказок популярный герой Каскет гонится за лисичкой. Лисичка превращается в трехногого коня и герой едет на нем к шаманскому дереву¹⁴.

В сказке о дочери солнца Хосядам отрезает ногу коню, на котором дочь солнца отпустила юношу с неба на землю навестить сестру. Юноша наскоро приделывает ногу коню и убегает от Хосядам, однако она догоняет его, потому что конь скачет на трех здоровых и одной больной ноге¹⁵. В другом варианте этой же сказки за всадником гонится черт, который догоняет коня и отрывает у него одну ногу¹⁶.

Возмужав, юный Албынжи опускается на дно моря и побеждает повелительницу водной стихии — чудовищную рыбу Кир-Палых. По совету Кир-Палых он добывает в подводной скале богатырские доспехи, волшебные шарик и посох, коня для своего друга и белого волка Ах-пуура для себя («Албынжи», стр. 63, 65).

Албынжи вместо коня ездит на чудесном белом волке — Ах-пууре. Кир-Палых говорит Албынжи:

Встанет Ах-пуур — белый волк перед тобой,
Волк-богатырь с гривой густой.
Он вместо коня будет тебе,
Он верным помощником будет тебе.

(«Албынжи», стр. 65)

Образ волка (или волчицы), помогающего герою, широко распространен в фольклоре народов средней полосы Азии и Европы.

У древних тюрков волчица выкармливает младенца — основателя династии каганов — Ашина¹⁷, подобно капитолийской волчице, выкормившей Ромула и Рема. В русских сказках Иван-царевич ездит на сером волке, а у древних хунну бытовало предание о происхождении их беспокойных северных соседей — уйгуров от связи дочери хуннского шаньюя с волком¹⁸.

В фольклоре же населения из таежных районов северной Сибири (у кетов и их соседей эвенков) волк упоминается сравнительно редко. Тем более интересны немногие произведения кетского фольклора, где волк выступает почти в той же роли, что и в «Албынжи».

В одном из вариантов сказки о Кайгусь оживленный ею брат едет искать себе жену сначала на лодке, а затем верхом на волке¹⁹. П. И. Третьякову удалось зафиксировать у кетов следы каких-то древних верований, помещавших волка даже в верхнем мире²⁰. По данным Третьякова, кеты называют бога «Уп» (кетск. «Оп» — отец. — Р. Н.). Он живет в облаках и походит на волка. Гром — это его рычание.

Большую роль в эпосе «Албынжи» играют птицы, особенно кукушка. В кетском шаманстве птицы имеют особое значение: их считают небесными существами²¹. Многие духи у кетов выступают в образе птиц²².

Старшую дочь богатыря Албыгана зовут Алтын-кеек (золотая кукушка). Когда Албыган гибнет в борьбе с врагами, Алтын-кеек пре-

¹⁴ А. П. Дульзон. Кетские сказки и другие тексты, «Кетский сборник», 1969, стр. 184.

¹⁵ «Сказки народов Севера», М.—Л., 1959, стр. 175.

¹⁶ Полевые записи автора, 1958.

¹⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 220, 221.

¹⁸ Там же, стр. 215.

¹⁹ А. П. Дульзон, Кетские сказки, Томск, 1966, стр. 31.

²⁰ П. И. Третьяков, Туруханский край, его природа и жители, СПб., 1871, стр. 200.

²¹ Устное сообщение Г. Х. Бальдиной (кетка, 1940 г. рожд., пос. Келлог Туруханского района Красноярского края), запись 1966 г.

²² В. И. Анучин, Указ. раб., стр. 28, 54—56.

вращается в кукушку и улетает («Албынжи», стр. 107). Имя младшей дочери Албыгана — Чарых-кеек (чистая кукушка). Известие о том, чья она дочь и наказ оживить Хулатая приносит ей кукушка («Албынжи», стр. 23, 24). Выполнив наказ, Чарых-кеек улетает, обернувшись кукушкой («Албынжи», стр. 28). После бегства младенца Албынжи Ызүт-арыг преследует своего сына. Ей сопутствует околдованный ею Хулатай, ставший ее мужем. Враги достигают Албынжи. Начинается борьба, в которой Хулатай на стороне Ызүт-арыг. Внезапно раздается песнь кукушки и злые чары оставляют Хулатая. Он переходит на сторону сына, и Ызүт-арыг исчезает («Албынжи», стр. 50). Позже, когда Албынжи и его друзья-богатыри гибнут в бою с Ызүт-арыг и ее воинством, прилетает Чарых-кеек в образе кукушки и оживляет их волшебными травами («Албынжи», стр. 93, 94).

В кетском шаманстве кукушка также занимает значительное место. В районе оз. Модуйки в недавнем прошлом весьма почитался идол (холуй) в виде кукушки²³. Кеты верили также, что съев кукушку, изжаренную на семи рожнах²⁴, можно стать колдуном (баннос, банокет)²⁵.

Важно, что и в эпосе кетов, и в «Албынжи» грозные потусторонние силы — женского пола (Хосядам и ее эквивалент — Доотам, Ызүт-арыг и ее дочери). Борющиеся с ними отважные богатыри — мужчины (Альба, Албынжи и его друзья).

Подобные сюжеты, характерные для глубокой древности, отразили борьбу патриархальных начал с уходящим матриархатом²⁶.

Поразительно сходство не только основной сюжетной и идейной линии, объяснимое сходными условиями возникновения эпосов, но и множества деталей. Это позволяет предположить, что оба эпоса появились в одно и то же время, на одной и той же территории, и возможно, в одной и той же этнической среде.

В связи с этим представляется неслучайным и тот факт, что основа имени богатыря Албынжи начинается с элемента «Алб», т. е. с имени Альбы — героя эпоса кетов. Думается, что вначале это был один эпос и лишь потом, когда народ разделился на две части, у каждой из них эпос стал развиваться самостоятельно.

В «Албынжи», как кажется, можно найти указания на то, когда произошло это разделение. Мы уже говорили, что в кетском эпосе отсутствует описание Хосядам. Сказано только, что вид ее ужасен. Это совпадает и с первыми строками описания Ызүт-арыг. Но затем следует уточнение, которое представляется нам вторичным:

Лицом страшилище земли черней,
Сажени не хватит между ушей,
Пестро змеинные косы у ней,
Глаза лягушачьи раскосы у ней.

(«Албынжи», стр. 36, 46 и сл.)

При всей фантастичности описания проступает важная деталь: чудище имеет монголоидные черты — у него широкие скулы («сажени не хватит между ушей») и эпикантус («глаза... раскосы»). Такой портрет врага мог нарисовать народ, который сам не был монголоидным. Образ Ызүт-арыг в эпосе отождествлен с реальным врагом — монголоидами, идущими с юга из пустынь. Неслучайно в «Албынжи» говорится, что Ызүт-арыг приходит со стороны пустынных белых степей («Албынжи», стр. 36, 46).

²³ Устное сообщение В. М. Серковой (кетка, уроженка пос. Серково Туруханского района Красноярского края).

²⁴ Т. е. деревянных вертедах.

²⁵ Е. А. Алексеевко, Кеты, Л., 1967, стр. 193.

²⁶ См. например, А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 43, стр. 330—333.

Это могло произойти, когда население Минусинской котловины имело еще европеоидный облик, а с юга из Монголии надвигались грозные и могучие враги, имевшие облик монголоидный, т. е. в III—I вв. до н. э. — в первые века новой эры, когда в Минусинскую котловину с ее европеоидным населением хлынули завоеватели — хунну, тюрки, кыргызы²⁷.

На наш взгляд, неслучайно предания о богатыре и его коне, сходные с сюжетом «Албынжи», зафиксированы у двух древних этнических групп Саяно-Алтая.

Первый вариант рассказан А. Н. Липскому сагайцем В. Сунчугашевым²⁸. Енисейский богатырь, подобно Хулатаю, отправляется на юг и там в степях встречает девушку, с которой вступает в борьбу (сюжет аналогичен поединку Хулатая с Узүт-арыг). Девушка обращается за помощью к своей сестре и вдвоем они одолевают богатыря, покинувшего родину. Потом они пытаются победить его народ, но это им не удается до тех пор, пока жив богатырский конь. Когда коня, наконец, убивают, остается все же дух «рыжего изыха»²⁹, который продолжает вредить родам хыргыс и туран. Эти два последних имени указывают на то, что противники богатыря были связаны по происхождению с древними киргизами и вообще с тюрками. Напротив, упоминание именно рыжего изыха связывает богатыря с кетским этносом, так как обычай посвящать в изыхи рыжих коней был характерен для хакасского рода ара, происходящего от кетоязычных аринцев³⁰. Сходный вариант предания имеется и у камасинцев³¹. Воспоминания о былом могуществе аринцев долго жили среди населения Минусинской котловины³²; с другой стороны, кетский эпос упоминает о сильных и страшных врагах, от преследования которых кетам пришлось бежать вниз по Енисею³³.

Это подтверждает предположение, что и «Албынжи», и кетский эпос об Альбе имеют один источник, на основе которого оба они развивались. По всей вероятности, эпос «Албынжи» в основе своей — дотюркский. Его творцом могло быть дотюркское население Минусинской котловины, ближайшие сородичи которого современные кеты; их отдаленные предки переселились из Южной Сибири на Север под напором тюрков. Другая часть этого населения, видимо, осталась на месте, приняла участие в формировании хакасской народности и передала ей свой эпос; на его основе и возникло сказание «Албынжи». Есть и другие связи фольклора кетов и ныне тюркоязычных народностей Саян, но это тема особого исследования.

Дальнейший сравнительный анализ фольклора кетов и народностей Саяно-Алтая представляется перспективным в целях выяснения вопросов этногенеза и этнической истории обеих групп.

---

²⁷ В. П. Алексеев, Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии. «Материалы по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963, стр. 160, 161.

²⁸ Устное сообщение А. Н. Липского, 1955.

²⁹ В верованиях хакасов в прошлом изых — конь, посвященный «покровителю скота» Изых-хану.

³⁰ Р. В. Николаев, У последних камасинцев, «Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ», вып. XIII, серия № 1, 1969, стр. 62.

³¹ Там же, стр. 59.

³² А. Кастрен, Указ. раб., стр. 375.

³³ В. И. Анучин. Указ. раб., стр. 4; его же, В стране черных дней и белых ночей, «Знание для всех», 1916, стр. 5—6.

М. Н. Серебрякова

ФОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АНАТОЛИИ

Советскими этнографами, изучавшими семейные отношения, были зафиксированы две основные формы семьи, сменявшие в процессе развития одна другую: большая патриархальная семья и малая¹. Кроме того, этнографы выделяют и особый тип семьи, обозначаемый ими как «неразделенная семья»², а также пережиточную форму большой патриархальной семьи — семейно-родственные группы³.

Развитие семьи у турецких крестьян исследовали многие турецкие и западные ученые⁴. Так, турецкий ученый Н. Беркес, проводивший полевую работу в 13 деревнях Анкарского вилайета, наиболее тщательно изучил деревню, которую он в своем исследовании назвал «деревня М.», и в результате анкетного обследования 117 домохозяйств этой деревни установил, что 78% семей включали одну брачную пару с детьми или без детей, иногда с единичными родственниками. По данным английского социолога П. Стирлинга, в деревнях Сакалтутан и Эльбаши (вилайет

¹ Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. XLIV, М.—Л., 1959; его же, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969; С. М. Абрамзон, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), вып. 28, М.—Л., 1957; его же, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, ТИЭ, т. XIV, М.—Л., 1951; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, ТИЭ, т. IX, М.—Л., 1960; ее же, «Работы каракалпакского этнографического отряда в 1956 г.», «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959; М. В. Сазонова, К этнографии узбеков Южного Хорезма, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (далее ТХАЭЭ), т. I, М., 1952; Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, ТИЭ, т. XXI, М.—Л., 1954.

² Среди советских исследователей нет единства в определении характера данного типа семьи. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, впервые применившие термин «неразделенная семья» при описании узбеков Ферганы, понимали под «неразделенной» новую форму семьи, «переходную» между большой патриархальной и малой. Однако Н. А. Кисляков полагает, что тезис о числе женатых поколений как существенном признаке подобной семьи нельзя считать бесспорным (Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 23). Л. Ф. Моногарова понимает под «неразделенной» не новую форму семьи, а последнюю стадию развития большой патриархальной семьи (Л. Ф. Моногарова, Преобразование в быту и культуре припамирских народностей, М., 1972). В данной статье термином «неразделенная семья» обозначается реально существующий в турецкой деревне переходный тип семьи.

³ Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 46.

⁴ М. Макал, Наша деревня, М., 1951; его же, Hayâl ve gerçek, Sofya, 1965; P. Stirling, Turkish village, L., 1965; S. Dirks, La famille musulmane turque, Paris, 1969; N. Berkes, Bazı Ankara köylert üzerinde bir araştırma, Ankara, 1942; N. Berkes, Elvan köyünde sosyal bir araştırma, «Ankara üniversitesi Dil ve Tarih — Coğrafya fakültesi dergisi» (далее — AÜDTCFD), 1943, t. II, No. 1; H. Z. Koşay, Ankara budun bilgisi, Ankara, 1935; B. Boran, İş bölümü ve kadının sosyal mevkii, AÜDTCFD, 1945, t. III, No. 3; M. Alpay, Köy davamız ve köyün içyüzü, Ankara, 1952; N. Erdentug, Hal köyünün etnolojik tetkiki, Ankara, 1956.

Кайсери) подавляющее большинство семей (свыше 70%) также состояли из одной брачной пары⁵. Следовательно, господствующей формой семьи в обследованных деревнях была малая семья.

Что же представляют собой остальные семьи в этих деревнях? Сравнительно незначительная часть их — это вдовы с детьми и одинокие вдовы. Например в дер. М. таких семей было 8%, в дер. Эльбаши — около 7%, а в дер. Сакалтутан — около 6%. Несколько большую долю составляют группа семей, включающих более чем одну брачную пару. В дер. Сакалтутан их насчитывалось 24%, в дер. Эльбаш — 23%, в дер. М. — 14%.

Подобные сложные семьи можно подразделить на три основных типа: 1) семьи из родителей с несовершеннолетними детьми, которые проживают совместно с женатыми сыновьями; 2) семьи из совместно проживающих женатых братьев; 3) семьи, включающие помимо родителей замужнюю дочь с ее мужем (ввиду того что таких семей мало, в дальнейшем мы на них останавливаться не будем).

Среди семей первого и второго типа большинство состоит из родителей, живущих вместе с одним женатым сыном или, гораздо реже, с двумя женатыми сыновьями. Относительно невелико число семей из проживающих совместно братьев. В дер. М. они составляли 35% от общего числа, сложных семей, в дер. Сакалтутан — 12%, а в дер. Эльбаши — всего 4%. Таким образом, чаще всего во главе сложной семьи стоит отец. Какую характеристику сложной семье дают исследователи турецкой деревни? Крестьянское домохозяйство состоит обычно из группы родственников, которые проживают в одном доме и ведут общее хозяйство (по выражению крестьян, «варят пищу в одном котле»). Продукция, производимая членами семьи, потребляется совместно, ибо такое «составное домохозяйство», по терминологии П. Стирлинга, имеет общую экономическую базу. Счет родства патрилинейный; сыновья, как правило, остаются с отцами до их смерти. Идеальная схема подобной группы — муж, его жена (или жены), их женатые сыновья со своими семьями, а также неженатые сыновья и незамужние дочери⁶.

Если глава домохозяйства, отец семьи, не очень стар, он продолжает распоряжаться землей и имуществом, распределять доходы и расходы. Его слово имеет решающую силу. Среди членов домохозяйства существует разделение труда по полу и возрасту⁷.

Обобщая данные, собранные турецкими и западными исследователями, можно выделить следующие характерные особенности подобной семьи: 1) патрилинейность, 2) патрилокальность, 3) проживание на общей территории или по соседству, 4) наличие единой экономической базы при совместном добывании средств существования и их потреблении, 5) более сложная, чем в малой семье, структура, включающая несколько брачных пар, связанных агнатным родством.

Судя по перечисленным признакам, зафиксированные в турецкой деревне типы сложной семьи являются, очевидно, позднейшей, остаточной формой большой патриархальной семьи.

В отличие от большой патриархальной семьи в неразделенной семье, зафиксированной в турецкой деревне, упрощается структура и сокращается число брачных пар; численность ее падает до 10—20 человек. Так, в дер. М. самая большая по числу членов неразделенная семья включала 20 человек, а в деревнях Сакалтутан и Эльбаши в подобных семьях было не более 17 человек.

Этот тип неразделенной семьи в турецкой деревне может быть отнесен к самому позднему этапу в историческом существовании большой

⁵ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma; P. Stirling, Указ. паб.

⁶ P. Stirling, Указ. паб., стр. 35.

⁷ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, p. 118, 119.

патриархальной семьи. М. О. Косвен на обширном материале, собранном у различных народов, проследил сокращение состава семейной общины в процессе ее развития от 300 до 15 человек. Как последнюю по численности фазу он называет большую патриархальную семью, насчитывающую в среднем 25—30 человек в отличие от предыдущей, состоящей в среднем из 50—60 человек⁸. К этой же последней стадии большой патриархальной семьи можно отнести, по-видимому, и большие семьи у юрюков, турецких кочевников и полукочевников, насчитывающие от 25 до 50 человек⁹. Сокращение численности большой патриархальной семьи обусловлено тенденциями общеэкономического развития и связано с процессом распада семейной общины и становлением малой семьи.

Неразделенная семья отличается от большой патриархальной семьи не только меньшей численностью, но и некоторыми другими чертами, например изменением характера власти главы семьи. Глава большой патриархальной семьи управлял более обширным земельным фондом и большим по числу членов родственным коллективом, чем глава неразделенной семьи, однако его власть была ограничена коллективом агнатных родственников, а собственность сохраняла семейно-общинный характер.

В неразделенной же семье, при сужении круга агнатов, власть главы семьи становилась все более неограниченной и деспотической. В сравнительно немногочисленных по составу неразделенных семьях, которые уже близки к форме малой семьи, глава семьи становится почти единоличным владельцем земли и семейного имущества. Особенно это характерно для отцовской неразделенной семьи. Сыновья беспрекословно подчиняются отцу, так как боятся потерять право на наследование земли, рассматриваемое в деревне как основное средство устойчивого существования. Жениться, например, сын может только при согласии отца и его экономической поддержке. Основные конфликты между отцами и сыновьями в крестьянских семьях происходят из-за свадебных расходов, а также из-за стремления женатого сына выделиться при жизни отца из домохозяйства.

Все исследователи крестьянской семьи говорят о продолжающемся интенсивном распаде неразделенных семей. Если прежде, по устным свидетельствам крестьян-старожилов, женатые братья жили обычно вместе со своими родителями, то теперь таких семей остается все меньше. Учащаются случаи раздела земли еще при жизни отца, что прежде считалось невозможным.

Господствующей же формой семьи во взятых нами для примера деревнях была малая семья. Какова средняя численность сельской семьи по данным анкетного обследования? В дер. М. средний состав семьи — 5,6 человек, в дер. Сакалтутан — 6,2 человек, в дер. Эльбаши — 5,6 человек. В дер. Сакалтутан, по данным П. Стирлинга, 19% составляют семьи из 6 человек, 17% — из 5 человек. В дер. Эльбаши 17% семей состоят из 4 человек, 17% — из 6 человек и 16% — из 5 человек. Следовательно, средняя численность сельской семьи — 5—6 человек¹⁰.

Малая семья продолжает стойко сохранять патриархальные устои, характерные для большой патриархальной семьи. В первую очередь это относится к тем отношениям в семье, которые не только поддерживаются обычным правом — адатом, регламентирующим многие стороны жизни турецкого крестьянина, но также освящаются и закрепляются догмами и установлениями ислама. Основными в семье считаются родственные связи по отцовской линии. Авторитет главы семьи признается абсолют-

⁸ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 71.

⁹ Д. Е. Еремеев, Юрюки, М., 1969, стр. 88.

¹⁰ P. Stirling, Указ. раб., стр. 37. Можно сопоставить среднюю численность сельской и городской семьи. Средний состав городской семьи в Анкаре (по данным 1960 г.) — 4—5 человек (S. Dirks, Указ. раб., стр. 90).

ным. Взрослый сын не должен возражать отцу и говорить с кем-либо в его присутствии без особого на то разрешения отца. Сын не может проявлять вольность в манерах и поведении: курить в присутствии отца, снимать головной убор, обнимать своих детей и т. п.¹¹

Глава семьи является полновластным господином и по отношению к жене, которая должна выполнять все его желания и приказания. Если жена и захочет настоять на своем, возникающая ссора нередко заканчивается тем, что муж прибегает к помощи кулаков: в турецкой деревне нанесение побоев жене воспринимается как естественное явление¹².

Привилегированное положение мужчины в крестьянской семье основано на том, что родственники по отцовской линии являются владельцами большей части или всей земли, тяглового скота и другого имущества, т. е. основной семейной собственности.

Глава семьи, как и остальные мужчины домохозяйства, имел право полигамии, освященное нормами шариата, но пользовался им чаще, чем они, ввиду преимуществ своего господствующего положения.

По свидетельству многих исследователей, случаи многоженства в турецкой деревне еще в недавнем прошлом были довольно часты, особенно среди зажиточного населения. Н. Беркес отмечает, что из 13 анкарских деревень больше всего случаев многоженства наблюдалось в дер. Х., где лишь в 7 домохозяйствах было по одной жене. Однако полигамные браки характерны для людей старшего поколения¹³. Старые люди в дер. Хал помнят время, когда треть жителей этой деревни имела более одной жены¹⁴.

Нередко в качестве второй или третьей жены в полигамном браке выступала вдова умершего брата (левират). Крестьяне считают такого отца самым пригодным для детей брата. Кроме того, земля умершего брата, принадлежащая агнатной группе, попала бы в чужие руки, если бы вдова вышла замуж за другого. Чужак мог не только забрать землю, но и лишить своего пасынка наследства¹⁵.

При полигамном браке в качестве второй или третьей жены вообще часто брали вдов, ибо калым за вдову меньший, чем за девушку. В дер. Х. у одного крестьянина было шесть жен, и все они, кроме первой, в прошлом были вдовами. Глава семьи мог использовать своих жен для работы в поле как батрачек¹⁶.

М. Макал свидетельствовал, что в анкарских деревнях еще встречаются случаи многоженства, однако официально оформляется брак только с одной из жен, обычно с первой. Дети, родившиеся от других жен, регистрируются на имя законной супруги¹⁷.

Многие зарубежные исследователи считают полигамию у турок следствием влияния ислама. С. Диркс пишет по этому поводу: «Полигамия у турок начинается, по-видимому, только с исламизацией. Все ориенталисты согласны говорить о том, что полигамия — не коренной турецкий обычай и что турки там, где они не поддавались прямому влиянию оттоманских городов, остались приверженными моногамией»¹⁸.

Известный турецкий социолог-пантюркист Зия Гёкалп, идеализируя доисламскую турецкую семью, считал, что исконные обычаи турок бы-

¹¹ P. Stirling Указ. паб., стр. 101; N. Erdentug, Указ. паб., стр. 76; M. N. Alpaу, Указ. паб., стр. 47.

¹² N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, s. 128; N. Erdentug, Указ. паб., стр. 69.

¹³ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, s. 161.

¹⁴ N. Erdentug, Family structure and types of marriages of a Turkish village, «1er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes», Sofia, 1966, p. 2.

¹⁵ P. Stirling, Указ. паб., стр. 198.

¹⁶ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, s. 163.

¹⁷ M. Makal, Hayâl ve gerçek, s. 7.

¹⁸ S. Dirks, Указ. паб., стр. 15.

ли оттеснены исламом, вследствие чего женщина потеряла свою свободу и стала пленницей гарема¹⁹.

Утверждение, что полигамия привнесена исламом, противоречит реальным фактам, хотя и можно, разумеется, говорить об укреплении института полигамии догмами шариа.

У предшественников тюрков, древних хунну, среди правителей практиковалось многоженство, о чем сообщают китайские династийные хроники. Например, хуннуский шаньюй Хуханье был женат на двух сестрах, дочерях князя, кроме которых он имел еще несколько жен²⁰. Согласно китайским источникам, у другого шаньюя хунну (в VIII в. до н. э.) было пять жен²¹ и т. д.

На многоженство у древних тюрков указывают как сведения легендарного характера, так и отдельные исторические данные. Упомянутый в генеалогической легенде тюрков тугю — старший внук волчицы Надулу-шад — имел 10 жен²². У легендарного предка тюрков Огуз-кагана было несколько жен²³. О многоженстве древнетюркского правителя Бильге-хана, отца Кюль-Тегина, свидетельствует надгробная надпись в честь Кюль-Тегина (умер в 732 г.): «Моя мать-катун и вы, идущие за нею (по знатности.— М. С.), мои сводные матери (другие жены отца Бильге-Хана.— М. С.), мои тетки (или вообще старшие родственницы?— М. С.), мои невестки (или вообще младшие родственницы? — М. С.), мои княжны, сколько бы (вас) ни было...»²⁴.

Следовательно, среди правителей у древних тюрков многоженство существовало и до распространения мусульманства.

У якутов, восточного тюркоязычного народа, который никогда не знал ислама, еще в начале XIX в. было многоженство²⁵. В этот период в якутской семье имелись явные черты патриархальности.

По-видимому, институт полигамии у тюрков, как и у других народов, восходя к групповому браку первобытного общества, получает дальнейшее развитие в условиях классового общества, превращаясь в преимущественное право господствующей прослойки. Хотя в мусульманском мире ислам юридически закрепил право полигамии за каждым из мужчин, по существу им пользовались лишь представители состоятельной части патриархального общества, в том числе и главы большесемейной патриархальной общины.

Н. А. Кисляков отмечает, что у народов Средней Азии и Казахстана многоженство было характерно для большой патриархальной семьи²⁶. Полигамия сохраняется пережиточно и в неразделенной семье, а также в малой.

Большая патриархальная семья у тюрков в ее классической форме исчезла не только в Центральной Анатолии, но, вероятно, по всей стране, хотя не исключена вероятность ее существования и в настоящее время в малоизученных отдаленных районах.

Как утверждает Н. Эрдутуг, в Восточной Анатолии в дер. Хал прежде в состав одного домохозяйства могла входить семья, состоящая не только из родителей и детей, но и других родственников. Это были в большинстве своем родственники со стороны отца, например его сыновья с женами и детьми, братья отца со своими семьями, дети братьев отца с

¹⁹ S. Dirks, Указ. раб., стр. 16.

²⁰ Н. Н. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1, М.— Л., 1950, стр. 96.

²¹ Там же, стр. 98.

²² Там же, стр. 221, 222.

²³ Там же, стр. 47.

²⁴ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.— Л., 1951, стр. 39.

²⁵ В. Л. Серошевский, Якуты, т. 1, СПб., 1896, стр. 571.

²⁶ Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи..., стр. 42.

семьями и т. д. Однако теперь увидеть подобные семьи почти невозможно²⁷.

О более многочисленных по составу крестьянских семьях, существовавших прежде в деревнях Анкарского вилайета, упоминает и Н. Беркес.

Свидетельством существования большой патриархальной семьи в недавнем прошлом может служить наличие в турецких деревнях особых родственных патрилинейных групп. Как уже отмечалось, многие исследователи народов Средней Азии и Казахстана полагают, что подобные семейно-родственные группы являются пережиточной формой большой патриархальной семьи и образовались в результате распада больших семей и выделения малых семей, между которыми еще сохраняются родственные и хозяйственные связи.

Американский ученый Е. Пайерс отмечал, что родственные патрилинейные группы в дер. Демирдж (Анкарский вилайет) иногда насчитывали до 50 домохозяйств²⁸. Подобная группа включала родственников с отцовской стороны, пять-шесть поколений которых происходили от одного мужского предка. Замужние дочери со своим потомством не были постоянными членами родственной группы отца. Невестки, пришедшие со стороны, входили в родственную группу мужа, утрачивая свое членство в группе отца. В дер. М. были три большие патрилинейные группы (всего 46 домохозяйств), предки которых, по преданию, основали это селение. Остальные (71 домохозяйство) составляли 25 родственных групп²⁹.

О подобных семейно-родственных патриархальных группах пишет и П. Стирлинг. Он приводит план дер. Сакалтутан с территориальным распределением этих групп³⁰. Чаще всего родственные семьи живут по соседству — в примыкающих друг к другу или близко расположенных домах. Н. Беркес рассказывает о подобной родственной группе в дер. Х (нахийе Этимесут Анкарского вилайета). Братья со своими семьями, сыновья и племянники самого зажиточного крестьянина деревни Сатылмыш Ага, жили в домах, соседствующих с его домом³¹. Часто такие родственные группы образуют родственные кварталы (махалле), и эти кварталы могут называться по имени мужского предка.

Прочность родственных связей поддерживается соседством. Если члены какого-либо домохозяйства переселяются в отдаленный квартал, родственные отношения, естественно, ослабевают.

Какого рода связи сохраняются между членами семейно-родственных групп? Определить характер этих связей очень сложно, ибо подчас затруднительно четко проследить границы даже самих родственных групп. Не каждый деревенский житель в настоящее время знает, к какой группе он относится. Родственные группы теряют свое прежнее значение, точный счет родства не ведется. Их состав иногда удается восстановить лишь по свидетельствам стариков.

Касаясь вопроса о характере связей, сохраняющихся между членами группы, можно сказать, что в первую очередь члены родственной группы, осознающие в определенной мере свою принадлежность к единому коллективу, несут некоторые взаимные обязательства, которые, например, достаточно ясно прослеживаются в семейной обрядности. Обязательно дарить подарки родственникам по случаю семейных торжеств — праздника рожденья, праздника колыбели, обряда наречения имени, свадьбы и т. д. Размеры и ценность подношений зависят от степени родственной близости и от имущественного положения. Показателен пример родственной помощи во время празднования обрезания сына. По обы-

²⁷ N. Erdentug, Указ. раб., стр. 31, 32, 61.

²⁸ J. E. Pierce, Life in a Turkish village, N. Y., 1965, p. 77.

²⁹ N. Berkes, Bazı Ankara köylert, üzerinde bir araştırma, s. 135.

³⁰ P. Stirling, Указ. раб., стр. 19.

³¹ N. Berkes, Bazı Ankara köylert, üzerinde bir araştırma, s. 18.

ному праву, адату, распорядителем на праздновании должен быть отец или дед (со стороны отца) мальчика; он и несет основные материальные расходы. Важным лицом на празднике считается кювре — восприемник, который избирается из числа самых близких родственников отца; чаще всего это брат или племянник отца. Прежде, да и сейчас в некоторых местах, кювре помимо обязанности обеспечить своего подопечного новой одеждой мог подарить ему золотые монеты, часы, ружье или лошадь. Это один из редких случаев, когда существовала возможность получить в дар лошадь³².

Экономические обязанности в обрядовом ритуале кювре, назначаемого из круга ближайших агнатов, дают возможность предположить, что эти родственники могли принадлежать в недавнем прошлом к одному производственному коллективу, связанному общей экономической основой. О том же может свидетельствовать ряд экономических обязательств агнатов при проведении свадебных торжеств (родственная помощь при выплате калыма и т. д.).

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство: в традиционной турецкой свадьбе принимают участие не две заинтересованные в этом отдельные семьи, а два больших родственных коллектива, со стороны жениха и невесты. Проследить по литературе, каков состав и каковы границы круга родственников, не представляется возможным, ибо обычно авторы не уделяют внимания специально этому вопросу. Можно, однако, предположить, что в первую очередь это члены патрилинейных семейно-родственных групп со стороны жениха и невесты.

В застенчивом ритуале турецкой свадьбы закреплён целый ряд мелких взаимных денежных и вещевых вознаграждений (бахшиш), которые выплачивают родственники со стороны жениха и невесты, как бы разыгрывающих сцену своеобразного акта купли-продажи девушки-невесты³³.

Родственные обязательства проявляются также и в осознании определенной общности, например в конфликтных ситуациях, нередко возникающих в деревнях. Так, П. Стирлинг упоминает, что в деревенских ссорах из-за земли и воды, часто носящих весьма острый характер совместно выступают представители каждой из родственных групп³⁴.

П. Стирлинг описывает особые комнаты для гостей, считая их своеобразными центрами сбора агнатов для решения их общих дел³⁵. Однако это положение английского исследователя вызывает возражение, ибо, судя по анализу круга лиц, посещающих комнаты для гостей, проведенному самим П. Стирлингом, в этих комнатах собираются помимо агнатов ближайшие соседи или случайные гости.

Таким образом, в некоторых земледельческих районах Центральной Анатолии в деревне бытуют различные формы семьи, причем примерно две трети — это семьи малые, а среди остальных большинство составляют семьи, которые можно охарактеризовать как «неразделенные».

³² N. Erdentug, Указ. раб., стр. 94, 95.

³³ В. Гордлевский, Османская свадьба, М., 1915, стр. 34.

³⁴ P. Stirling, Указ. раб., стр. 155.

³⁵ Там же, стр. 240, 241

Нгуэн Куок Лок

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЛАТО ТЭЙНГУЕН

Тэйнгуен расположен в юго-западной части Центрального Вьетнама, между 16-й и 11-й параллелями, и занимает около одной шестой территории всего Вьетнама. Плато охватывает красноземельную зону плоскогорий Контум (600—800 м над уровнем моря), Дарлак (400—600 м), Ламвиен (1500 м) и Зилинь (1000 м). В административном отношении Тэйнгуен делится в настоящее время на семь провинций: Контум, Плейку, Фубон, Дарлак, Туендык, Куангдык и Ламдонг¹.

Численность населения Тэйнгуена, по данным на 1971 г., составляет около 800 тыс. чел. Из них вьетов (собственно кинь) 57%².

Основное население Тэйнгуена — горцы, предки которых жили здесь уже со времени существования Тямского государства (II—XV в.). В тямских надписях есть их санскритские названия «mlecha» (дикари) и «kirata» (горцы).

В литературе до недавнего времени эти народы обозначались собирательным словом *moi* (на вьет. яз.), что значит «варвары». Была также попытка назвать их искусственным термином PMSI от сокращения французских слов «peuplades montagnards du Sud Indochinois», т. е. «горные народы Южного Индокитая»³. После Августовской революции во Вьетнаме для обозначения этих народов стал употребляться термин «тхыонг» (*thu'o'ng*) — «люди, живущие наверху». Все эти наименования не передают этнической и лингвистической принадлежности народов, говорящих на языках двух больших языковых семей — мон-кхмерской и малайско-полинезийской.

Малайско-полинезийские народы

1. Джарай (*ja'ai*) — наиболее многочисленный из народов Тэйнгуена, насчитывающий около 160 тыс. чел.⁴

Джарай расселены на территории примерно 15 тыс. км², которая охватывает провинции Плейку, Фубон, юг Контума и север Дарлака. Кроме Тэйнгуена, джарай еще живут в западной части вьетнамской провинции Фуьена. По оценке С. И. Брука, в Камбодже имеется около 10 тыс. джарай⁵.

Этноним *джарай* происходит от местного слова *drai* или *grai* (водопад): в 30 км от Контума, где джарай живут компактно, находится большой водопад *Drai ea Li* высотой 42 м.

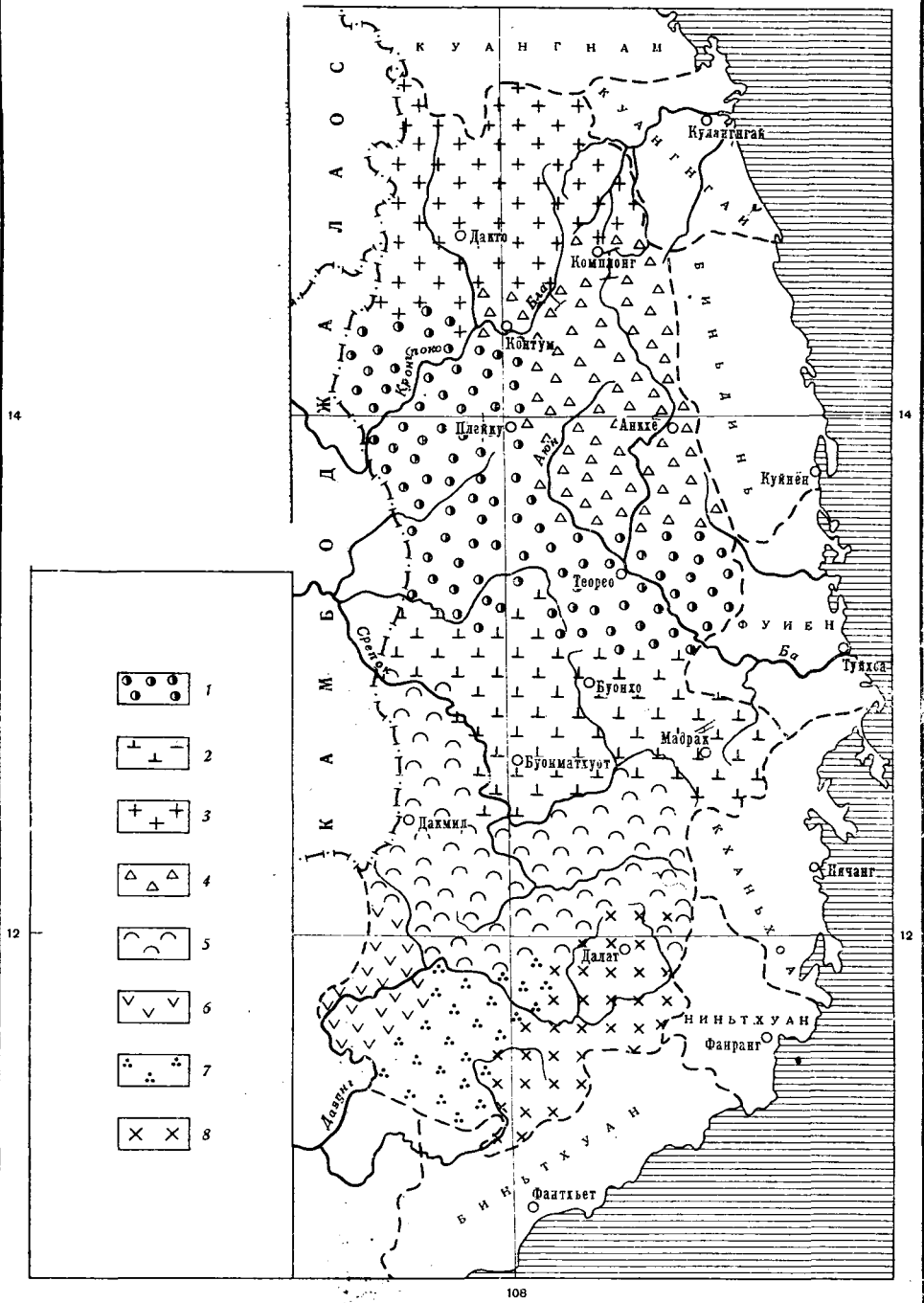
¹ До Августовской революции во Вьетнаме Тэйнгуен делился на пять провинций, которые состояли из 20 уездов (3000 деревень).

² *Đoàn Sinh, Tập san Phong thu'o'ng mai và công kỹ nghệ Sài gòn, Số 709, 10—9, 1971.*

³ *D a m B o, Les peuplades montagnards du Sud Indochinois, Lyon, 1950.*

⁴ «*Lịch s'u' Việt nam*», Tập I, Hanoi, 1971, tr. 25.

⁵ С. И. Брук, Народы зарубежной Азии, в кн.: «Численность и расселение народов мира» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 185.

Расселение народов на плато Тэйнуэн; I — малайско-полинезийские народы: 1 — джарай, 2 — эде; II — мон-кхмерские народы: 3 — седанг, 4 — банар, 5 — мннг, 6 — стиенг, 7 — ма, 8 — срэ

В научной литературе встречаются различные написания названия джарай: от французского — «жарай» (jaṛai), от вьетнамского — «зарай» (gĩa ṛai), от китайского — «чалай». Сам народ называет себя джарай. Этимология слова связана с древними самоназваниями — anak drai (сын водопада) или oṅang drai (люди водопада).

Среди джарай Вьетнама выделяются группы, микроэтнонимы которых — арап, хбау, хдрунг, сесан, тьыти, плейку и теорео.

Арап (arap), живущие в уезде Плейтин провинции Плейку, представляют собой северную группу джарай. А. Мэтр переводит слово «арап» как «пограничные»⁶.

Другой французский исследователь, Ж. Дурнэ, обращается к древней легенде, герой которой, Рок, во время охоты убил мастодонта, называемого местным населением «агар». С тех пор якобы это имя дается группе, которая обитает на юго-западе от г. Контум, где происходило действие этой легенды⁷.

Хбау (hbau) расселяются южнее арапов, вокруг озера Тэнуэнг (Tonueng).

Микроэтноним *хдрунг (hdrung)* происходит от названия горы Хдрунг, которая находится в 12 км к юго-востоку от г. Плейку.

Микроэтноним *тьыти (chu'ty)*, *сесан (xê han)*, *плейку (plây cu)*, *теорео (cheo geo)* соответствуют названиям мест, где живут эти группы.

2. Эде (êdê, gadê) — ближайшие соседи джарай на юге и родственный им народ. Первое письменное упоминание о названии эде встречается в тямском эпиграфическом памятнике на каменной стеле, который датируется XII в.⁸ Народ называет себя «анак эде» (anak êdê) — «сын эде».

Существуют еще наименования «раде» или «рде» (radê, rdê), которыми эде называют соседи — это название, возможно, происходит от слова «оранг эде» (люди эде), что наблюдается и у других малайско-полинезийских народов Вьетнама, например раглай — от слова «оранг глай» (лесные люди).

Во Вьетнаме эде насчитывается 148 тыс. чел. Они компактно населяют провинцию Дарлак, главным образом уезды Банметхуот и Буонхо. В провинции Куангдык эде живут на севере уезда Лак и в уезде Мадрак.

В состав эде входит около 15 групп. Наиболее многочисленными группами являются *кпа (kra)*, *адхам* или *тхам (adham, tham)*, *крунг (krung)*, *ктул (ktul)*, живущие в уездах Банметхуот, Буонхо и Лак.

В Банметхуот также живут *длиэшуэ (dliêsuê)*, в Лак — *кдунги (kdung)*. В уезде Мадрак расселены малочисленные группы *эпан (êpan)*, *бло* или *блао (blô, blao)*, *кдрао (kdrao)*, *хгуинь (hwing)*, *кзах (koah)*, *арул (arul)* и *енинг (ening)*. В состав эде входят еще *бих (bih)*, *мдур* или *мтхур (mdhur, mthur)*, которых некоторые исследователи считают отдельными народами⁹.

Западные районы провинций Фуйен и Кханьхоа населяют родственные эде народы *хрой (hroi)* и *раглай (raglai)*. Они близки по культуре и по языку.

⁶ H. Maitre, Les jungles Moi, Paris, 1912, p. 398.

⁷ J. Dournes, Coordonnées structures Jorai familiales et sociales, Paris, 1972, p. 17.

⁸ Nguyễn hữu Thâu, Dân tộc Êdê, «Dân tộc», Số 43, Hà nội, 1964, tr. 40.

⁹ H. Maitre, Les jungles Moi; «Các dân tộc thiểu số ở Việt nam», Hà nội, 1959; F. M. Le Bar, G. C. Hickey and J. K. Musgrave, Ethnic groups of mainland South-east Asia, New Haven, 1964; R. L. Mole, The montagnards of South Vietnam. A study of nine tribes, Tokyo, 1970.

На большей части плато Тэйnguена обитают народы, говорящие на мон-кхмерских языках. Они делятся на две группы: северную (банар, седанг) и южную (мнонг, ма, срэ и стиенг). Их разделяет территория, заселенная малайско-полинезийскими народами.

1. Банар (banar) — самый многочисленный народ (около 100 тыс. чел.)¹⁰ среди горных мон-кхмеров Вьетнама. Они живут в провинции Контум и части Плейку, главным образом в уездах Дакпот (35 тыс. чел.), Контум (25 тыс. чел.), Конплонг (15 тыс. чел.) и Анкхе (10 тыс. чел.).

Банар делятся на две ветви: банар копангконг (западные банары) и банар алаконг (восточные банары).

Банар копангконг (co-râng-công) образует четыре группы: *ронгао* (rongao) — на западе, в районах, близких к Лаосу; *контум* (công tum) — в бассейне р. Ба, недалеко от г. Контум; *голлар* (golar) — в местности Кдор, у верховьев р. Аюн, и *золанг* (Do lâng) — северо-восточнее банар-контум.

Банар алаконг (a-la-công) представлена тремя группами *алаконг* на склонах г. Мангйанг, *боном* (bonom) — у верховьев р. Ба и *тэло* (tolo) юго-восточнее г. Анкхе. Кроме Тэйnguена, банар обитают в уездах Виньтань и Ванкань провинции Биньдинь, Донгсуан и Шонхоа провинции Фуйен.

2. Седанг (sê dang) расселены западнее и севернее банар. Они насчитывают 80 тыс. чел.¹¹ Местами седанг населяют обширные горные районы провинции Контум, они располагаются также в высоких горных районах провинций Куангнам и Куангнгай.

В состав седанг Тэйnguена входят следующие группы: тэдрах, кмранг, казонг, халанг, дуон и зе.

Тэдрах (todrah) обозначает «негустой лес», а *кмранг* (kmrang) — «девственный лес». Они населяют уезды Даклай и Дакто. *Халанг* (halang) живут севернее джаран. Дуон (diôn) представляют собой западную группу седанг. Они расселены по обе стороны границы Вьетнама и Лаоса. *Казонг* (sa dong) живут маленькими группами на высоких горах от вьетнамско-лаосской границы на западе до западной части провинции Куангнгай на востоке. В северной части уезда Даклай живут *зе* (de), которых некоторые исследователи считают отдельным народом. Однако лингвистический и этнографический материал, собранный автором настоящего сообщения во Вьетнаме, позволяет считать их частью седанг. Зе, живущие в уездах Фюокшон и Чами провинции Куангнам, известны в современной литературе как народ *занграй* (Giang rây). Это те же седанг. Наименование занграй происходит от имен двух народных героев — Занг и Рай — периода борьбы против французских колонизаторов¹².

3. Мнонг (mnông) населяют большую часть южных плато (юго-западная часть провинции Дарлак, провинции Куангдык и часть Туендык). Они насчитывают около 40 тыс. чел.

Мнонг — общее название народа. Он включает группы *гар* (gar), *глам* (glam) и *прех* (preh), расселенные на болотистой равнине вблизи оз. Лак (плато Дарлак); *дип* (dip), *кил* (kil), *бунор* (bunor), *нонг* (nông), *лать* (lach) и *дипри* (dipri), живущие в уезде Дакмил провинции Куангдык. Западнее Банметхуот, на правом берегу р. Еа Кронг, живут *буданг* (bu dang), которые издавна известны в литературе как охотники на слонов.

¹⁰ «Lịch s'ư' Việt nam», tr. 25.

¹¹ «Lịch s'ư' Việt nam», tr. 25.

¹² Nguyễn Quốc Lộc, Những trang s'ư' về vang của các dân tộc Tây nguyên chống Pháp, «Thông báo khoa học», Sử học, Tập 3, Hà nội, 1969.

4. Ма (ma) (30 тыс. чел.) занимают большую часть бассейна р. Зазунг на плато Ламвиен. Среди ма выделяется несколько территориальных групп: *ма зазунг* (ma da dung) в среднем течении р. Зазунг; *ма блао* (ma blao) — к востоку от ма зазунг; *шон* (sor) и *крунг* (krung) — к югу от ма зазунг. *Ма загуай* (ma da guay) живут на р. Загуай. Общее самоназвание всех ма — *тьо ма*, (*тьо* — человек).

5. Срэ (srê) или кохо (koho) расселены восточнее ма в провинциях Туендык и Ламдонг (срэ означает «поливное поле»). Срэ насчитывают около 30 тыс. чел. В их состав входят небольшие группы *кодугу* (kodug), *тэла* (tola), *казон* (kadon). Переходной группой между ма и срэ являются *тьо то* (cho to — «человек то»). Близкими к ма и срэ группами являются *толон* (tolon, por) и *лат* (lat). Первые живут юго-восточнее срэ, вдоль дороги Зилинь — Фантхиет, вторые — севернее г. Далат, у истоков р. Донгнай.

6. Стиенг (stieng) — ближайшие соседи мнонг на западе. Они населяют плоскогорье Зилинь. Кроме плато, стиенг также живут на юге Вьетнама в провинциях Бьенхоа, Бариа и Тхузаумот.

Во Вьетнаме стиенг насчитывают около 25 тыс. чел. По оценке С. И. Брука, в Камбодже имеется 15 тыс. стиенг¹³.

Характеризуя в целом этнический состав современного населения плато Тэйнгун, мы должны отметить, что за последние десятилетия в процессе национально-освободительного движения и войны против агрессоров во Вьетнаме произошли известные перемещения населения, микромиграции, которые необходимо учитывать.

Особого внимания заслуживают изменения в этническом составе населения плато Тэйнгун. В дореволюционный период численность вьетов на плато была совсем незначительна. Это объяснялось политикой французских колонизаторов, которые для укрепления своего господства действовали по принципу «разделяй и властвуй». Они запретили вьетам переселение на плато и тем самым прервали историческую связь между вьетами и другими народами. После Августовской революции и особенно во время войны Сопротивления 1946—1954 гг. доля жителей вьетского происхождения на плато постоянно увеличивалась. Это наблюдается и в настоящее время. По данным на 1971 г., в провинции Дарлак вьеты составляют 67%, в Ламдонг — 64, в Туендык — 63, в Куангдык — 53, в Контун — 49, в Плейку — 38 и в Фубон 20% населения¹⁴.

В настоящее время на плато Тэйнгун проживают тай, мыонги, нунг, яо и мяо, которые в 1954 г. были насильственно переселены из горных районов Севера Вьетнама на юг колонизаторами и их ставленниками. Сейчас они занимают так называемые зоны переселения, находящихся недалеко от городов Далат, Банметхуот и Контум¹⁵.

Как известно, народы Вьетнама около 100 лет не прекращали борьбу с агрессорами, сначала с французскими, а затем с американскими. Эта борьба, ее ход и результаты оказали непосредственное влияние на этническое развитие народов Тэйнгун; эта борьба стала важным этапом их этнической истории. В настоящее время все народы Тэйнгун плечом к плечу с другими братскими народами Южного Вьетнама под руководством Народного фронта и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам успешно борются за независимость и свободу.

¹³ «Народы Юго-Восточной Азии» (серия «Народы мира». Этнографические очерки), М., 1966, стр. 18.

¹⁴ Đoàn Sinh, Tập san Phòng thu'ng mai và công kỹ nghệ Sài gòn, S'ò 709, 10—9, 1971.

¹⁵ По данным Моля (R. L. Mole, Указ. раб.), их численность следующая: тай — 15 тыс. чел., нунг — 10 тыс., мыонг — 5 тыс., яо — 5 тыс., мяо — 100 чел.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Б а с и л о в

ЛЕГЕНДА: ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ!

Собирая в 1965 г. в Серахском районе Туркменской ССР данные о пережитках культа предков, я расспрашивал стариков и о легендарном родоначальнике «племени» салыров, Салыр-Газане (так произносят это имя туркмены). Мне хотелось тогда узнать, сохранились ли следы почитания Салыр-Газана, и если да, то в каких формах. Вот почему приходилось от разных людей записывать легенды об этом прямодушном и могучем богатыре. Салыр-Газан, или Салор-Казан,— предок многих туркменских «племен» — хорошо известен средневековым источникам, основанным на народных преданиях и эпическим сказаниям огузов¹. Однако то, что слышал я, заметно отличалось от уже опубликованных легенд, и мне захотелось подробнее изучить эту туркменскую версию.

Многие старики утверждали, что в Тахта-Базарском районе имеется рукописная книга о похождениях и подвигах Салыр-Газана. Называли имя и адрес владельца книги. Достав билет на крохотный почтовый самолет, я вылетел в Тахта-Базар, размышляя дорогой о том, как провести начинающийся день: было воскресенье, все учреждения закрыты.

Я вылез из самолета и прошелся по ровному глинистому полю аэродрома. Жаркое солнце, совсем не похоже на декабрь. Что же предпринять? Терять целый день для того, чтобы организовать работу официальным путем? Обидно, командировка подходила к концу. Я озирался по сторонам. Вдали, у самой гряды крутых холмов, вздымавшихся за Мургабом, нарядно белели домики поселка. «Это участок колхоза имени Ленина», — пояснил кто-то, и я зашагал туда через поле, сражаясь с пыльной сухой травой, цеплявшейся за брюки.

Часа через полтора я уже отдыхал в просторном зале сельской школы. На полу, на кошах и коврах, в живописных позах возлежали учителя, агрономы, колхозники — все те, кто не спешил домой после пиршества, устроенного ради удачного завершения сельскохозяйственного года. Многие еще пили чай. Меня выслушали, накормили и затем усадили против немолодого мужчины в высокой шапке-кубанке, с усмешкой наблюдавшего за мной. Он назвал себя: «Аманмухаммед Бердыев, простой колхозник». По его взгляду было понятно, что он прекрасно знал, на кого укажут односельчане как на лучшего знатока обычаев и преданий. Он наполнил зеленым чаем две пиалы — мне и себе — и начал говорить.

Вот записанная от него легенда, вернее, ее пересказ.

¹ Сводку сведений о Салор-Казане см.: В. М. Жирмунский, Огузский героический эпос и «Книга Коркута», в кн.: «Книга моего деда Коркута», М.—Л., 1962, стр. 174—190.

Салыр-Газан — наш предок. Много веков назад он жил среди узбеков и в жены взял узбечку. Она родила ему трех сыновей: старшего звали Утамыш, среднего — Тохтамыш, младшего — Ялкамыш. Падишах узбеков боялся Салыр-Газана, думая, что богатырь зарится на его престол. Решив погубить Салыр-Газана, он однажды призвал его к себе и сказал: «У падишаха Ирана дочка — богатырь. Иди, возьми ее в жены. Твой сын от нее станет знаменитым богатырем».

Салыр-Газан отправился в путь. Долго ли, мало ли он шел, наконец, достиг Ирана. Одна одинокая бедная старуха приняла его гостем, и он ей дал поручение: «Извести падишаха, что я собираюсь жениться на его дочери». Старуха пыталась отговорить его: «Не ходи к дочке падишаха, она сильнее тебя, голову тебе отрубят. Уже несколько человек из-за нее лишились головы»².

Салыр-Газан, однако, был тверд в своем решении: «Или я голову сложу, или женюсь на ней!». Он вновь настойчиво потребовал от старухи: «Иди завтра с утра и подметаю у двери падишаха». Утром следующего дня повелитель Ирана увидел старуху, подметающую у двери его двора. «Почему ты подметаешь? — спросил он. — Ведь у тебя нет сына». — «Я сегодня приобрела сына — ответила старуха. — Он влюблен в твою дочь»³. Падишах напомнил условия, которые дочь ставит всем женихам: мужем станет тот, кто победит ее в борьбе. Старуха передала это Салыр-Газану. В назначенный день Салыр-Газан встретил иранскую принцессу и победил ее. Вскоре после свадьбы, длившейся во дворце три дня, Салыр-Газан поехал обратно в Узбекистан, оставив молодую жену одну.

Как только богатырь вернулся домой, падишах узбеков коварно убил его. Он пригласил Салыр-Газана в гости, точно назначив срок. В это время стояла зима, и он поручил войску стоять на берегу замерзшей реки с тем, чтобы бросить по льду на встречу идущему в замок богатырю сабли и таким образом отрубить ему ноги. У рухнувшего на лед в лужу крови Салыр-Газана воины отрубили голову и принесли ее злодею-царю.

Тем временем дочь падишаха Ирана родила сына, которого называли Салыр. Мальчик рос силачом и был первым среди своих сверстников. Однажды ребята, которых он победил в борьбе, стали дразнить его: «У тебя нет отца!». Салыр задумался, пошел домой и попросил мать приготовить ему жареную пшеницу. Мать, приготовив кушанье, протянула ему ложку. «Нет, ты подай в ладони», — сказал Салыр. Мать подала ему горсть горячей пшеницы, и мальчик с силой сжал ее пальцы в кулак: «Кто мой отец?» — спросил он. Мать не смогла терпеть боль и призналась: «Твой отец — богатырь Салыр-Газан. Его предательски убил падишах узбеков». — «Тогда я пойду отомстить за кровь отца», — решил Салыр.

Мальчик отправился в Узбекистан и нашел там трех своих братьев, детей узбечки. Они также сочли своим долгом убить узбекского падишаха и пошли вместе с Салыром к царскому дворцу. В дороге братья встретили путника, который предложил им померяться с ним силами. Братья по очереди боролись с ним, но победителем не стал никто: силы были равными. Когда все утомились от борьбы, братья спросили незнакомца: «Как тебя зовут?» — «Сары» (т. е. желтый). — «Нет, ты не Сары, ты Эрсары» (эр — муж, богатырь). Затем они расспросили друг друга о роде-племени. Оказалось, что у них один и тот же дед. «Куда вы идете?» — осведомился Эрсары. «Падишах узбеков убил нашего отца. Хотим отомстить ему», — был ответ. Эрсары пожелал пойти с братьями, и они продолжали путь уже впятером.

² Нередко это место порождает в воображении рассказчиков устрашающие подробности. Например, подходя к городской стене, Салыр-Газан видит, как мрачный воин сбрасывает вниз отрубленную человеческую голову. Люди объясняют прищельцу: дочь иранского царя расправилась с очередным просителем ее руки... Но Аманмухаммед Бердыев почему-то избежал этой популярной детали.

³ Обычай, согласно которому сваты подметали у двери родителей девушки, известен в Средней Азии у узбеков и таджиков. См., например, «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969, стр. 227. Среди туркмен такой обычай отмечен пока только у одной группы: «...При рождении в семье дочери сосед, имеющий сына, в день рождения приходит во двор новорожденной и своей папашой „подметает“ двор, что обозначает желание взять новорожденную своему сыну». Из текста неясно, относится ли описание к подразделению олам, входящему в состав салыров (Серахский район), или к самостоятельной группе улам (Ходжамбасский район). См. А. Бахтияров, Осколки «исчезнувших» аланов, «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 39.

Пришли к замку узбекского падишаха. Крепость была окружена рвом, заполненным водой из реки; повсюду стояла вооруженная стража. Разгуливая по городу, братья старались узнать, как можно проникнуть в покои падишаха. Наконец, одна старуха подсказала: «Раз в год войско сменяется. В этот день можно войти в замок». Братья дождались этого дня, смешались с толпой воинов, проникли во дворец и убили узбекского падишаха, известного под прозвищем Ит-эмджек-узбек («Узбек — Собачья грудь», ибо грудь его была похожа на собачью) ⁴.

После этого Салыр вернулся в Иран, Эрсары обосновался на берегу Амударьи, а три брата поехали на Мангышлак. Их ожидала дурная весть: пока они странствовали, их сестру украл татарский падишах. Братья сообщили своему деду, отцу Салыр-Газана, что хотят сразиться с обидчиком, убить его и взять сестру обратно. «Не делайте этого, — сказал дед. — Татарский падишах могуч, а вас только трое. Лучше пригласите его с сестрой в гости, одарите подарками да не забудьте привести его коню трех племенных кобыл, чтобы они родили для вас сильных коней». Братья так и поступили. Вскоре кобылы ожеребились, и дед вырастил трех прекрасных коней. Однажды сестра приехала домой погостить. Братья решили не отпускать ее обратно, но сестра сказала: «Не надо задерживать меня. Лучше украдите дочь татарского падишаха от другой жены».

Через некоторое время после ее отъезда братья сели на коней. Долог был путь через холмы и степи, но вот уже виден дом татарского падишаха. Дочь его стирала одежду, а сестра туркменских юношей тоже была занята какой-то работой. Всадники поздоровались с сестрой, но называли ее тетей, как если бы видели ее впервые. Та ответила им традиционным приветствием. «Дайте водицы испить, тетя», — попросили братья. «Дай напиться джигитам, — сказала девушке их сестра. Девушка протянула пиалу с водой Утамышу, он выпил и возвратил ей чашу. Тохтамыш также, напившись, вернул чашу. А Ялкамыш не стал пить, ударил по чаше, схватил девушку за руку, втащил на седло и как вихрь помчался прочь. Вскоре его стала настигать погоня во главе с самим татарским падишахом. «В отца твоего выстрелить или в его коня?» — спросил Ялкамыш у девушки. «Ни в отца, ни в коня не стреляй», — ответила она. «Тогда я разобью стрелой седло», — решил Ялкамыш. Натянув свой желтый лук, он прицелился в седло; от удара меткой стрелы седло разлетелось на кусочки. «Остановись! — закричал татарский падишах. — Теперь я тебя не трону. Даю тебе совет: никогда не подпускай своего коня к чужим кобылицам!». С этими словами он повернул коня и поскакал обратно.

Когда Ялкамыш догнали его братья, они остановились передохнуть. Тохтамыш сказал девушке: «Я сяду на одной кошке с Ялкамышем, а ты садись вместе с Утамышем — ведь он старший брат». Но девушка отказалась: «Я не желаю переходить из рук в руки. Меня украл Ялкамыш, и я до конца своих дней буду с ним». Братья стали спорить, но Ялкамыш сказал: «Пусть наш дед решит, как быть». Вернулись домой, обо всем рассказали деду. «Кому станешь женой, дитя мое?» — спросил девушку старик. «Кроме Ялкамыша ни за кого не пойду», — решительно отвечала девушка. Тогда дед послал сватов в семейства, где имелись девицы на выданье, и в одну ночь была пышно отпразднована свадьба всех трех братьев. Потомки Утамыша и Тохтамыша — текинцы («племня» теке делится на две крупные ветви — отамыш и тохтамыш), потомки Ялкамыша — мы, сарыки, а так как жена Ялкамыша татарка, мы можем, обращаясь к татарину, говорить ему: дядя («дайы») ⁵.

⁴ В одном из вариантов легенды самаркандского правителя зовут Ит-Эмен («вскормленный собакой»), ибо мать его, будучи замужем, вступила в незаконную связь (записано мною в Серахском районе ТуркмССР).

⁵ Туркмены-атинцы называют дядьями казахов, ибо по легенде жена их родоначальника казашка. Дядьями называют турмен-гарадашлы туркмены-шихи, так как их предок Пакры-ших будто бы женился на дочери гарадашлинского Языр-хана (К. Атаев, Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», т. VII, Ашхабад, 1963, стр. 76). Обычно же термином «дайы» туркмен называл всех представителей «рода» (тире, тайпа) матери, независимо от их возраста. Такое употребление термина, видимо, надо рассматривать как отголосок исчезнувшей экзогамии.

Повторяю еще раз, что здесь приведено лишь сжатое изложение легенды. Я не мог поспеть за рассказчиком, хотя Аманмухаммед-ага, видя, как я лихорадочно пишу, говорил неторопливо, делал паузы, отхлебывал чай из пиалы и перекидывался короткими шутливыми репликами с собравшимися. Судя по тому вниманию, с которым человек тридцать слушали (и наверное, не в первый раз) Аманмухаммед-ага, он был известным рассказчиком. Но все же мне не удалось записать легенду дословно по-туркменски, и моя запись, конечно, не передает всех стилистических особенностей жанра.

Однако содержание легенды не искажено (я прочел свою запись рассказчику, и он одобрил ее); следовательно, пользоваться приведенным пересказом как источником можно, тем более что книгу мне так и не удалось разыскать: владелец ее умер, а сама рукопись, по словам его сыновей, еще лет сорок назад пропала.

Чем же интересна легенда о богатырях-родоначальниках?

Прежде всего ее трудно воспринять как рассказ о реальных событиях. С первых же слов нас окружает атмосфера сказки. Героя хотят извести, для чего посылают на верную смерть. Это устойчивый элемент сказочного повествования. Девица-богатырь, убивающая побежденных женихов, известна сказкам многих народов, как и старуха, помогающая герою. Хорошо известен мировому фольклору и сын, родившийся в отсутствие отца. Любопытно, что Салыр, сын Салыр-Газана, выпытывающий, кто его отец, ведет себя так же, как сказочный герой. Сравним этот эпизод с отрывком из алтайской сказки. Некий Еки-Моос убил богатыря Арслана. В это время жена Арслана была беременна; вскоре родился сын. Мальчик подрос и как-то спросил мать, где его отец. Мать промолчала. Но однажды мальчик играл с другими ребятами, они сначала боролись, а затем подрались. Сын Арслана одолел всех своих товарищей и снял с них шубы. Тогда сверстники упрекнули его: «Шубы ты снимать ловок, но если ты такой богатырь, что же не идешь искать своего отца?» — «Я отдам ваши шубы, только скажите, где мой отец?» И мальчик слышит ответ: «Твоего отца убил Еки-Моос». Он решает отомстить за смерть отца. Мать отговаривает его, но он идет к врагу, вступает с ним в единоборство и побеждает его⁶.

В варианте Аманмухаммеда Бердыева узбекского падишаха зовут Собачья грудь. Это имя отражает былое значение собаки в мифах тюркоязычных народов. Собака (как и волк) некогда была почитаемым животным у тюркоязычных племен. У киргизов сохранялось предание о том, что они произошли от большой красной собаки и сорока девушек. Переселением тюрков в Среднюю Азию также будто бы руководил «зверь наподобие собаки». «Когда наступало время идти, он звал их на (их) языке, говоря: „Вставайте“... Когда он останавливался, то и они останавливались, пока не достигли областей, в которых воцарились»⁷. Некоторые предания связывают с собакой происхождение туркменского «племени» ёмуд. По одному из вариантов, бездетная жена Салыр-Газана из зависти отнесла новорожденного сына другой жены к оценившей суке, а кутенка положила в колыбель. За мальчиком закрепилось прозвище «ёмм ит» (вскормленный собакой), превратившееся потом в «ёмут»⁸. В легендах туркмен о переселении с Сырдарьи, также участ-

⁶ В. И. Вербицкий, Алтайские инородцы, М., 1893, стр. 149—150.

⁷ А. Джикиев, Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», т. VII, Ашхабад, 1963, стр. 200.

⁸ Эта легенда также записана мною в колхозе имени Ленина Тахтабазарского района. Подобные рассказы о родоначальнике «племени» ёмудов, вскормленном собакой, слышались в разных районах Туркмении Г. П. Васильева и А. Джикиев; эти версии не связаны с легендой о Салыр-Газане. См.: Г. П. Васильева, О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом, «Археология и этнография Башкирии», т. IV, Уфа. 1971, стр. 202—203; А. Джикиев, Этнографический

вуют собаки⁹. Со временем мифическая собака в туркменских сказаниях подверглась тем же превращениям, что и многие чудесные животные-покровители в преданиях других народов: осталось воспоминание об участии собаки в давних событиях, но смысл этого участия забылся, так как культ собаки угас. С утратой прежних воззрений роль собаки в легендах о передвижении народа стала пониматься иначе, собака выступает уже как враг туркмен.

Таким образом, легенда о Салыр-Газане, по существу являющаяся эпическим сказанием, а не рассказом о реальных исторических событиях, подтверждает мнение, что легенды тюркоязычных народов об основателях племен находятся в тесном родстве с эпическими произведениями, что некогда генеалогические легенды и эпос представляли собой единое целое, что в основе преданий о происхождении народа лежали мифы, возникшие на почве древних религиозных концепций¹⁰.

Если так, то как же обстоит дело с реальными сведениями о седой старине? Можно ли соглашаться с авторами, которые ищут и как будто находят в исторических легендах указания на действительно происходившие войны и переселения и пр.? Поставив этот вопрос, мы уходим далеко за рамки туркменской этнографии. Исторические предания существуют у каждого народа, а отношение науки к возможностям народной памяти пока еще окончательно не определено. Одни исследователи склонны доверять преданиям, другие настроены скептически. Наивно думать, что анализ одной туркменской легенды может разрешить спор, однако рассмотреть ее стоит — это даст новый аргумент в пользу одной из точек зрения.

Итак, отражены ли в легенде о Салыр-Газане исторически достоверные факты? Пожалуй, да. В варианте А. Бердыева узбекского падишаха зовут Ит-Эмджек, но у многих других рассказчиков имя звучит несколько иначе: Ит-Беджен (Собака-Беджен). Слово «беджен» уже говорит о многом. Это название тюркоязычного народа (бечене, биджине — печенеги русских летописей), который в конце IX в. был разгромлен огузами; после долгих и кровопролитных войн остатки его вошли в состав огузского союза племен. Не исключено, что смерть Салыр-Газана от руки Собаки-Беджена в легенде связана с какой-то крупной военной неудачей салыров, принимавших деятельное участие в борьбе с печенегами. Далее, враг Салыр-Газана — Узбек; в некоторых вариантах говорится, что его замок был в Самарканде. Эти детали, видимо, являются воспоминанием о более поздних событиях — о движении туркмен в X—XII вв. с берегов Сырдарьи в окрестные районы Самарканда и Бухары.

Но ведь основная идея рассматриваемой легенды — утверждение генеалогической схемы, обосновывающей родственную близость между племенами салыр, теке, сарык и эрсари; трое из них потомки Салыр-Газана, а эрсари — потомки его племянника. Чтобы определить ценность легенды как исторического источника в этом аспекте, надо выяснить, было ли неизменным представление о родстве этих групп в течение веков.

До нас дошли подробные записи исторических (а значит, и родословных) преданий туркмен в трудах средневековых историков, из которых наиболее известны Рашид-ад-дин (XIV в.) и хивинский хан Абулгази (XVII в.). Предками туркмен в этих сочинениях называются

очерк населения Юго-Восточного Туркменистана, Ашхабад, 1972, стр. 17, 21. Отголоски легенды, вызывающей в памяти римское предание о Ромуле и Реме, отмечены у башкир и киргизов. См.: Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова, Зауральские башкиры, «Археология и этнография Башкирии», т. 1, Уфа, 1962, стр. 197; С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, М., 1971, стр. 287.

⁹ См. С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX—XIII вв., Ашхабад, 1969, стр. 227—229. Там же даны ссылки на другие работы.

¹⁰ Подробнее см. В. Н. Басилов, Культ святых в исламе, М., 1970, стр. 43—45.

огузы. Родоначальником огузов выступает мифический Огуз-хан, потомок Адама («да будет доволен им Аллах!»). От двадцати четырех внуков Огуз-хана произошли двадцать четыре огузских племени, причем некоторые племена возводятся к потомкам внуков Огуз-хана не от законных жен, а от наложниц.

Хотя к XIII в. название «туркмен» уже вытеснило название «огуз» и исторические сочинения больше не упоминают о народе огузов, имя Огуз-хана, видимо, было хорошо известно туркменским преданиям еще во времена Абулгази. Это видно, в частности, из одной версии родословных легенд, которую хан-историк считал неправильной; в этой рукописи первопредком туркмен также назван Огуз.

Однако традиционная генеалогическая схема оказывается весьма восприимчивой к нововведениям. Многие варианты исторических преданий, записанных в XIX в., уже возводят туркмен не к Огузу, а к двум родоначальникам: часть племен считается потомками Саин-хана, часть — потомками Эсен-хана. Что за личность Эсен-хан, не выяснено. А Саин-хан (или Союн-хан) — прозвище Батыя; из этого видно, какой переворот в родословных легендах произвело нашествие монголов. Следует отметить, что не было четкого представления, какие из туркменских племен относились к каждой из двух групп. Так, в одном историческом сочинении в составе группы «саинхани» (саинхановские) перечисляются живущие по берегам рек Атрек и Гюрген «племена и роды» охлу, гёклены, эймуры, салыры¹¹. Но в других источниках в группу «саинхани» включались теке и ёмуды. По моим записям, сделанным у гёкленов, у Союн-хана было шесть сыновей: Гёклен, Ёмуд, Теке, Эрсары, Салыр и Сарык, а у Эсен-хана — три: Гарадашлы, Ем-рели и Човдур. Впрочем, Н. Н. Иомудский знал предания, по которым гёклены считались «детьми Эсен-хана»¹². Часть туркменских племен вообще не попала ни в ту, ни в другую группу. В настоящее время в народе сохранилось очень смутное представление об этих двух группах¹³.

Лишь очень немногие предания, записанные у стариков-туркмен в прошлом веке, упоминают об Огуз-хане. Нет Огуза и в нашей легенде, где история четырех туркменских племен начинается с Салыр-Газана. Отец Салыр-Газана, появляющийся в середине повествования, не играет сколько-нибудь видной роли и даже не назван по имени. Но интереснее всего то, какие туркменские племена считаются древними. Этих племен четыре: салыры, теке, сарыки (потомки Салыр-Газана) и эрсари (потомки его племянника); в некоторых версиях добавляются также ёмуды. Из них лишь салыры известны как одно из огузских племен. Четыре другие группы выступили на историческую арену позднее, видимо, сложившись из осколков различных племен. Даже если они и существовали в огузскую эпоху в виде мелких родов какого-то крупного племени, самостоятельными и многочисленными объединениями они стали позднее, после нашествия монголов. Следовательно, в нашей легенде о Салыр-Газане уже не сохранились генеалогические традиции домонгольской эпохи.

Более того, она расходится и с позднесредневековыми записями туркменских родословных преданий. В труде Абулгази, например, признается связь салыров с теке, сарыками, ёмудами и эрсари, но все четыре племени происходят от людей из «салырского иля», т. е. считаются более молодыми, чем салыры. Такая схема родственной связи, несомненно, является воспоминанием о племенном объединении «внешних»

¹¹ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, 1938, стр. 94.

¹² Н. Н. Иомудский, Караш-хан оглы. Из народного предания туркмен. О родословной туркмен-иомудов, сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 318.

¹³ См., например, К. Атаев, Хозяйство и материальная культура туркменского населения Атека в конце XIX — начале XX в., Канд. дис., М., 1966, стр. 41.

салыров (XIV—XVI вв.), в которое входили пять перечисленных племен. В этом союзе племен, видимо, главенствующее место занимали салыры, давшие свое название всей группировке¹⁴. Вот почему версия предания, воспроизведенная в сочинении Абулгази, признает за салырами старшинство. Однако в приведенной нами легенде и такое соотношение нарушено. Родоначальники племен послемонгольской эпохи выступают на равных правах с Салыром.

Но любая легенда должна рассматриваться во всей совокупности вариантов. Дают ли другие версии, записанные мной или А. Джикиевым, иную картину? Нет. Более того, сопоставляя варианты различных рассказчиков, мы убеждаемся в том, что легенды не отражают единого представления о взаимосвязи между пятью племенами. Далеко не всегда Салыру принадлежит заметная роль. Во многих вариантах старшим сыном Салыр-Газана назван легендарный основатель текинцев Теке-Мухаммед, которому приписывается и главная роль в убийстве узбекского падишаха. Есть варианты, в которых нож мстителя оказывается в руках богатыря Эрсары¹⁵.

В народе распространены и такие легенды, в которых упоминаются не все родоначальники пяти перечисленных племен. Есть также варианты, в которых появляются родоначальники других племен. Так, в одной из записей А. Джикиева шестым братом назван Емрели¹⁶. Наконец, далеко не во всех легендах родоначальники племен — братья. Например, в одном предании Эрсары назван младшим братом Салыр-Газана¹⁷. Согласно другой версии, Емуд был усыновлен легендарным родоначальником «племени» эрсари Эрсары-баба и женат на его дочери¹⁸. В разных генеалогических преданиях среди братьев-родоначальников упоминаются разные персонажи. Так, А. Борнс в первой половине прошлого века со слов туркмен-гёкленов записал: «Три великие племени: ямуд, гоклан и така (теке. — В. Б.), как уверяют, происходят от трех братьев; но последнее уступает в благородстве двум первым, ибо происходит от персидской невольницы»¹⁹. Подобные примеры, число которых можно легко умножить, убеждают в том, что генеалогические сведения легенд нельзя признать достаточно достоверными свидетельствами близости разных туркменских групп в прошлом.

Как это ни странно, сказочно-мифологические элементы удерживаются в родословных сказаниях прочнее, чем исторические сведения о взаимоотношениях различных племен несколько столетий назад. Политические перемены (если так можно называть возвышение одних и ослабление других племен) преобразуют и представления народа о своей истории. Имена древних, но исчезнувших племен и народов уходят из преданий, и их место занимают новые крупные и сильные племена. И так как текинцы становятся одним из ведущих туркменских племен, то родоначальник текинцев во многих вариантах уже изображается главным героем, а Салыр безлик, отнесен на задний план. В некоторых версиях предания, записанных мной среди самих туркмен-салыров, их предок Салыр — даже младший сын Салыр-Газана.

Подобная «модернизация» свойственна не только легендам о Салыр-Газане. Вот другой пример: устное предание, записанное К. Ниязклычевым у туркмен-човдуров. Некий богатырь в окрестностях Ташкента вступил в борьбу с другим удалцом и вышел победителем. По обычаям тех времен, побежденного в борьбе убивали. Но богатырь побра-

¹⁴ Подробнее см. А. Джикиев, Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана, стр. 8—14, 33.

¹⁵ Там же, стр. 15, 28, 31.

¹⁶ Там же, стр. 14—15.

¹⁷ А. Джикиев, Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964, стр. 3.

¹⁸ Н. Н. Иомудский, Указ. раб., стр. 322.

¹⁹ А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 350.

тался со своим соперником и, возвращаясь на родину, взял его с собой. В пути им встретилась казашка, девица-богатырь, которая уже одолела в борьбе многих молодцов; однако богатырь вышел победителем и женился на ней. К тому времени, когда она забеременела, он вновь отправился странствовать и пропал без вести. Его названный брат после долгих поисков узнал, что богатыря уже нет в живых. И так как дошедший почти до наших дней обычай предписывал младшему брату жениться на вдове старшего брата, то побратим погибшего героя стал мужем казашки.

Эта легенда отдаленно напоминает сказание о Салыр-Газане и его сыновьях: здесь есть состязание с девушкой-богатырем, а окрестности Ташкента можно истолковать как память о пребывании туркменских племен в пределах современного Узбекистана. Но самое интересное в этом предании — перечисление потомства казашки. Сын погибшего богатыря получил имя Теке, сыновей от второго мужа называли Емуд, Гёклен, Сарык и Човдур. Итак, Теке здесь — старший сын, а Човдур (родоначальник човдуrow, одного из древнейших огузских племен) — младший, хотя предание и приписывает ему особую находчивость и сообразительность (он якобы догадался, как выручить из плена отца)²⁰.

Разбор подобных легенд приводит к выводу: родословные предания отражают прежде всего представления народа о своем происхождении. А эти представления легко менялись под впечатлением самых недавних событий. Прошлое рассматривалось в свете позднейшей расстановки сил, воспоминания о старине приспособлялись к интересам сегодняшнего дня. Известны даже случаи сознательного искажения генеалогической традиции. Так, еще в огузское время Сельджуки, став государями, объявили себя потомками мифического героя Афросиаба (об этом с осуждением сообщает Абулгази)²¹. И хотя генеалогические легенды, распространенные в народе, получили новую редакцию скорее всего стихийно, непреднамеренно, это не меняет существа дела: пользоваться их данными следует с крайней осторожностью.

В защиту легенд можно сказать, что они правдиво отражают участие разных народов в формировании туркмен и этим выгодно отличаются от версий, записанных и подправленных средневековыми историками. Радиш-ад-дин и Абулгази, например, изображали огузов чуть ли не единственными предками туркмен и по сути дела ставили знак равенства между огузами и туркменами. Даже смена монголоидного облика туркмен европеоидным произошла, по мнению Абулгази, «под влиянием климата»²². Между тем огузские племена влились в состав разных народов; туркмены же сложились на основе не только огузских племен, и народные предания отчетливо говорят об этом.

В нашей легенде о Салыр-Газане одна из жен героя — узбечка, а сарыки состоят в родстве с татарами. Да и в других легендах неоднократно встречаются указания на связи с другими народами. В преданиях туркмен-ата женой основателя племени была казашка. Казашка же считается супругой предка туркмен и в легендах туркмен-човдуrow²³. Генеалогические легенды признают и участие персов в образовании туркменского народа: чаще всего девица-богатырь, которую Салыр-Газан побеждает в борьбе, является дочерью падишаха Ирана.

Однако, основываясь на преданиях, нельзя утверждать, что, допустим, текинцы и сарыки ближе к узбекам, чем другие группы туркмен.

²⁰ К. Ниязклычев, Туркмены-човдуры, канд. дис., М., 1968, стр. 36—38.

²¹ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абулгази, хана Хивинского, М.—Л., 1958, стр. 70.

²² Там же, стр. 57.

²³ К. Ниязклычев, Указ. раб., стр. 49. Подобные легенды о родстве с туркменами известны и соседним народам, в частности каракалпакам (см. Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М., 1952, стр. 484—485).

В разных вариантах приведенной здесь легенды о Салыр-Газане генеалогическая схема воспроизводится неоднаково. Есть версии, в которых сыном Салыр-Газана и его жены-узбечки назван только один Эрсары (видимо, это связано с поселением туркмен-эрсари в XVII в. на берегах Амударьи, по соседству с узбеками). А в других вариантах родоначальник текинцев выступает сыном не узбечки, а дочери иранского падишаха; човдурская же легенда производит текинцев от сына казашки-богатырши. А. Джикиевым записана легенда о женитьбе Салыр-Газана на каракалпачке²⁴. Следовательно, к концу прошлого века легенды сохраняли лишь самые общие представления о родственных связях туркмен с другими народами, и вряд ли можно согласиться с мнением, что упоминание в легендах о других народах «является немаловажным фактом для изучения этногенетических связей (туркмен) с народами Средней Азии»²⁵.

Может быть несколько столетий назад воспоминания о давних временах сохранялись в памяти народа более точно и полно? Более полно — да, но достоверность их остается под вопросом. Уже в XVII в. исторические предания, даже зафиксированные в записях, расходились друг с другом: Абулгази прямо говорит о вопиющих противоречиях между списками родословных легенд, какими он располагал.

Итак, исторические предания туркмен о седой старине содержат крупитцы истины, отражают отдельные реальные события. Но факты, запечатленные в легендах, приобрели весьма своеобразный облик, их надо еще суметь расшифровать. В этом главная трудность исследования. Надо признать, что до сих пор нет критерия, который помог бы безошибочно отделить исторические данные преданий от фольклорных образов и сюжетов. По сути дела мы можем считать какую-то деталь легенды указанием на реальный факт лишь в том случае, если имеются подтверждающие легенду письменные свидетельства современников или археологические находки. Так, в нашей легенде о Салыр-Газане уже известные исторические сведения о печенегах позволили увидеть их название в имени злодея-царя Ит-Беджен. Но если бы мы ничего не знали о печенегах, правильнее всего было бы думать, что Ит-Беджен является искаженной формой понятного для нас по смыслу имени Ит-Эмджек. Упоминание о Самарканде мы рассматриваем как память о пребывании туркменских племен в долине Зеравшана, потому что знаем об этом факте из исторических сочинений. Следуя тому же принципу, и путешествие Салыр-Газана в столицу иранского падишаха надо было бы считать воспоминанием о перекочевке части племен в самое сердце Ирана, но от такого истолкования разумнее воздержаться. Иран и Золотая Орда, в разное время распространявшие свою власть на многие туркменские племена, естественно, воспринимались как вражеские страны, и с ними был соединен древний мифологический сюжет богатырской женитьбы, для которой герой должен был отправиться в отдаленное чужое государство навстречу опасностям и испытаниям. К тому же в других вариантах те же герои отправляются в иные земли. Так, в целом ряде версий сестру туркменских богатырей крадет не татарский падишах, а узбекский хан или казах²⁶.

Казалось бы, критическое рассмотрение легенды уместнее всего заключить допущением, что легендарные сведения окажутся полезными при щедром дополнении их другими этнографическими данными. Но я, пожалуй, не решусь и на такое утверждение. Ведь порой легенда просто противоречит более объективным свидетельствам. Пример этого — пре-

²⁴ А. Джикиев, *Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров*, стр. 2.

²⁵ А. Джикиев, *Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана*, стр. 16.

²⁶ Там же, стр. 21—22, 26—27, 29—31. Казахом назван враг Салыр-Газана и в одной из записей Г. П. Васильевой.

для Салыр-Газане и его сыновьях. Опираясь на этнографические особенности и различия в диалектах, А. Джикиев справедливо считает, что среди племени салырского союза текинцы ближе всего к ёмудам, а салыры, сарыки и эрсари составляют другую группу²⁷. Но легенды дают иную картину. Чаще всего рассказчики забывают упомянуть среди братьев Ёмуда или же отрицают за ним кровное родство. Эрсары также оказывается двоюродным братом главных действующих лиц. А сарыкам, как и в варианте А. Бердыева, приписывается особая близость к текинцам. Вот и верь легенде. . .

* * *

Аманмухаммед-ага закончил свою повесть о Салыр-Газане и его сыновьях. В заполненном людьми школьном зале стояла тишина, взоры обращены на рассказчика; казалось, слушатели еще жили бурными событиями легендарных времен. Казалось. . . А не лучше ли проверить впечатление? Я спросил Аманмухаммед-ага; считает ли он, что легенда описывает похождения Салыр-Газана именно так, как и было на самом деле.

Аманмухаммед-ага немного подумал, в который раз наполнил свою пиалу чаем, помял в руке бороду и произнес: «Может быть, в каких-то подробностях и есть ошибка, но в основном все правильно. Я — верю». И добавил, найдя довод: «Ведь книга была».

Такой ответ не был для меня неожиданностью. Я уже неоднократно убеждался в том, что многие старики туркмены полностью принимают на веру исторические предания. Один старик в Серахсе твердил мне: «Вы, русские, тоже произошли от Салыр-Газана, причем вы салырам ближе, чем текинцы. Мы текинцам говорим: „Гарындаш“ (родственник), а русским должны говорить: „Гардаш“ (брат)». Легенды, видимо, потому и сохранились в народной памяти, что воспринимались всерьез. (Вот почему я не берусь точно определить жанровую принадлежность приведенного здесь рассказа о Салыр-Газане. Для меня это легенда с явными элементами сказочного повествования. Но рассказчик и часть слушателей рассматривали его как историческое предание).

Два учителя приняли спорить с Аманмухаммед-ага. Они называли предание сказкой, обращали его внимание на несуразности и противоречия в легенде. Часть аудитории поддерживала их одобрительными замечаниями, кое-кто помогал точнее высказать мысль. Аманмухаммед-ага пристально смотрел на молодых людей, но ничего не говорил. Затем кивком головы указал на мой раскрытый дневник и спросил:

— А что скажешь ты, гость? Если все это выдумки, зачем пришел и записывал?

Я, помню, осторожно ответил, что в преданиях есть крупницы истины. И хотя в ряде случаев подобрать ключ к иносказательному языку легенд нелегко, хотя действительная последовательность событий в них иногда чудовищным образом нарушена, историку приходится обращаться к легендам, когда он лишен других, более достоверных и понятных документов.

Аманмухаммед-ага как будто был удовлетворен.

Но сейчас я все больше утверждаюсь во мнении, что ценность рассказанной мной легенды не в скудных намеках на реальные исторические события, выраженных зачастую иносказательно и допускающих произвольное, следовательно, сомнительное истолкование. Значение этой легенды как исторического источника я вижу и не в том, что сходные сюжеты, отмеченные у других народов, могут служить указанием на их дальнейшее родство или бывшее общение с туркменами. Нет, легенда о Салыр-Газане важна для историка прежде всего тем, что в ней отражены традиционные представления народа о своем собственном прошлом, его мировоззрение, а также следы верований и мифов глубокой древности.

²⁷ А. Джикиев, Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана, стр. 34—35.

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ И. И. ПОТЕХИНА

2 октября 1973 г. состоялось совместное заседание Ученых советов Институтов этнографии и всеобщей истории АН СССР, посвященное 70-летию со дня рождения доктора исторических наук профессора Ивана Изосимовича Потехина — видного советского этнографа и историка, одного из создателей советской африканистики, первого директора Института Африки АН СССР, а до того — многолетнего заместителя директора Института этнографии АН СССР.

В кратком вступительном слове заместитель директора Института этнографии АН СССР Л. Н. Терентьева охарактеризовала И. И. Потехина как образец ученого-коммуниста, как человека необычайно живо и серьезно воспринимавшего тезис о необходимости тесной связи науки и практики. Для И. И. Потехина не существовало маловажных дел в работе или общественной деятельности — ко всему он подходил с равным вниманием и равной ответственностью. Он мог быть очень суров и требователен к своим сотрудникам, потому что с еще большей требовательностью и суровостью подходил он к себе самому. И это всегда притягивало к Ивану Изосимовичу молодежь, делая его душой множества коллективных работ и замыслов — люди высоко ценили то, что, даже не соглашаясь с собеседником, даже опровергая его доводы и требуя исправления ошибок, он всегда оставался объективным и справедливым. При всем том И. И. Потехин был очень живым человеком, любившим жизнь во всех ее проявлениях, умевшим оценить хороший юмор и острое слово. Он заражал людей своим оптимизмом и твердо верил в доброе начало, заложенное в каждом человеке. Единственное, чего он никогда и никому не прощал — это равнодушие.

Заведующий Сектором Африки Института всеобщей истории АН СССР А. Б. Давидсон посвятил свой доклад становлению и росту И. И. Потехина как исследователя и организатора науки. И. И. Потехин начинал свои занятия Африкой, и в первую очередь — Южной Африкой, в таких учреждениях, как Коммунистический университет трудящихся Востока и Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. Для них была характерна тесная связь между научным исследованием и практической политической и педагогической работой — именно здесь состоялись первые контакты И. И. Потехина с прогрессивными общественными деятелями Африки. Неудивительно, что Иван Изосимович, прошедший большую жизненную школу комсомольского активиста, учителя, армейского политработника, легко и органично вошел в среду сотрудников этих организаций, восприняв такое сочетание науки и практики как совершенно естественное и единственно правильное.

Тогда же началось и сотрудничество И. И. Потехина с африканскими исследователями — сотрудничество, которое он на протяжении всей своей научной жизни рассматривал в качестве обязательного условия успешной работы советского африканиста. Уже в 1933 г. вышла в свет книга «Принудительный труд и профдвижение в негритянской Африке», авторами которой были И. И. Потехин, А. З. Зусманович и один из руководителей Южноафриканской Коммунистической партии Альберт Наула. Иван Изосимович всегда внимательно следил за развитием политических событий в Африке и был в курсе всех событий. Именно это в сочетании с прекрасным чутьем историка позволило ему в работах первой половины 30-х годов безошибочно определить некоторые важнейшие направления последующих научных разработок. Он, в частности, был пионером изучения в советской африканистике проблем этнической истории и национального развития народов Африки, и итогом его деятельности в этой области стала монография «Формирование национальной общности южноафриканских банту», выпущенная в свет в 1955 г. И. И. Потехин начал разработку и другой важнейшей проблемы, занявшей впоследствии одно из центральных мест в советской африканистике — истории рабочего класса и рабочего движения в странах Африканского континента. Не меньшую роль сыграла в истории нашей науки и организаторская деятельность Ивана Изосимовича, направленная на создание в СССР крупных центров африканских исследований, на концентрацию усилий специалистов — не только советских, но и прогрессивных ученых всех стран мира, — вокруг важнейших вопросов изучения Африки.

В 1959 г. эта деятельность привела к созданию Института Африки АН СССР, а годом позже Иван Изосимович стал инициатором создания новой международной научной организации — Международного конгресса африканистов.

Понятно, что время и реальный ход истории внесли свои поправки в оценки и концепции, выработанные ученым. Но основные его идеи подтвердили свою жизненность, а самая личность И. И. Потехина и его деятельность сегодня служат и всегда будут служить прекрасным примером ученого нового типа.

М. В. Райт (Ин-т Африки АН СССР) поделилась своими воспоминаниями о совместной работе с И. И. Потехиным. Она рассказала о том, как он работал с начинающими исследователями. Эту сторону деятельности Ивана Изосимовича отличали два основных качества — заботливость и исключительная душевная щедрость. Он мог, не считаясь со временем — а времени у него, постоянно занятого огромной исследовательской, организационной и общественной работой, никогда не бывало достаточно, — возиться с аспирантом или молодым сотрудником, если видел у того хоть малейшую самостоятельность мысли, интерес к делу, желание работать. Его требовательность никогда не переходила в мелочную придирчивость, и за младшим коллегой Иван Изосимович неизменно признавал право на собственную точку зрения, пусть даже и не совпадающую с мнением самого Потехина.

Об этой же стороне деятельности И. И. Потехина говорил Л. А. Фадеев (Ин-т этнографии АН СССР). Он особо подчеркнул то уважение к сотрудникам, какое всегда проявлял Иван Изосимович: как ни бывал он занят, но, назначив сотруднику прием в определенное время, оставлял к этому времени все дела и занимался только этим сотрудником. Его отличала и полнейшая беспристрастность в оценках: И. И. Потехин судил о людях только по их делам, невзирая на лица.

Л. Е. Куббель (Ин-т этнографии АН СССР) свое выступление посвятил той роли, которую И. И. Потехин сыграл в создании Международного конгресса африканистов. Документы личного архива Ивана Изосимовича — его переписка с африканскими учеными, политическими и общественными деятелями, с видным американским этнологом М. Херсковицем, дневники пребывания на I сессии Конгресса (Аккра, декабрь 1962), — свидетельствуют о том, сколько внимания уделял Иван Изосимович тому, чтобы наука могла действительно служить интересам африканских народов. Он заботился о максимально широком представительстве ученых из стран Африканского континента, о том, чтобы Конгресс был не только местом обмена мнениями, но и организующим и сплачивающим центром для африканских исследователей. Он искренне радовался любому проявлению у них желания выйти из-под опеки западных научных авторитетов, любой попытке придать академическому исследованию практический характер, поставить его на службу новой, независимой Африке.

Л. Ф. Моногарова (Ин-т этнографии АН СССР) обратила внимание на еще одну сторону деятельности И. И. Потехина — его работу в качестве ответственного редактора крупных коллективных трудов, включая такие, как «Народы Африки» (1954 г.) и Энциклопедический справочник «Африка» (1963 г.). Долгое время Иван Изосимович был заместителем главного редактора журнала «Советская этнография». Немалую роль сыграл он в выпуске второго издания Большой советской энциклопедии. Во всех этих работах И. И. Потехин неизменно был образцом организованности и ответственного отношения к делу.

Закрывая заседание, Заместитель директора Института этнографии АН СССР С. И. Брук поблагодарил выступавших и выразил уверенность в том, что как те, кто лично знал И. И. Потехина и работал вместе с ним, так и научная молодежь, и впредь будут достойно продолжать дело, начатое Иваном Изосимовичем Потехиным — большим ученым, горячим патриотом и ярким самобытным человеком.

Л. Е. Куббель.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭПИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СИБИРИ»

17—20 июля 1973 г. в Улан-Удэ состоялась научная конференция «Эпическое творчество народов Сибири», организованная Научным советом по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР, Институтом мировой литературы им. М. Горького АН СССР, Институтом общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР.

Улан-Удэ был избран местом конференции, конечно, неслучайно. Здесь, в Институте общественных наук, плодотворно работает большой коллектив русских и бурятских фольклористов; в секторах бурятского эпоса и русского фольклора проводится большая собирательская и исследовательская работа. Только за последние годы в Улан-Удэ изданы памятники сибирского эпоса, монографии и научные сборники, несколько раз происходили всесибирские конференции фольклористов.

Конференция собрала многочисленных специалистов из городов Сибири и Дальнего Востока и привлекла внимание ученых Москвы и Ленинграда.

Повышенный интерес к эпосу сибирских народов, проявляемый сейчас в мировом эпосоведении, объясняется по крайней мере двумя обстоятельствами. Живых очагов эпического творчества становится на земле все меньше, необратимый процесс угасания эпического творчества захватил и Сибирь. Поэтому на ученых-сибироведах лежит ныне особая ответственность: им необходимо приложить максимум усилий, чтобы как можно полнее записать еще сохраняющиеся в памяти сказителей произведения эпоса и, что не менее важно, осуществить серию хорошо продуманных, глубоких полевых исследований. Другое обстоятельство заключается в многообразии жанровых форм сибирского эпоса, в наличии памятников, отражающих разные, в том числе весьма архаические стадии развития эпоса. Для понимания исторической типологии эпического творчества, для уяснения последовательности этапов его развития, для изучения эпической эстетики и поэтики в их историко-типологической динамике, наконец, для исторического объяснения многих особенностей так называемых классических эпосов сибирский материал имеет первостепенное значение.

Оградно отметить, что в центре внимания прошедшей конференции оказались актуальные, узловые проблемы. В докладах, вынесенных на пленарные и секционные заседания, общие и конкретные вопросы эпического творчества народов Сибири рассматривались, как правило, не изолированно, а в связи с основными проблемами изучения эпоса и в свете современных задач и методологических принципов науки.

В докладе «Проблемы изучения эпического творчества народов Сибири» В. М. Гацак (Москва) справедливо назвал сибирские очаги творчества «уникальной лабораторией» и говорил о необходимости и важности применения здесь самых современных технических средств и новейших методических принципов собирания, издания и изучения памятников. В качестве первостепенной он отметил проблему поэтики эпоса — отношения эпоса к действительности.

Л. Е. Элиасов (Улан-Удэ) в докладе «Проблемы изучения русского эпоса Сибири» подвел итоги собиранию и изучению основных жанров русского фольклора и говорил о необходимости широкого, взаимосвязанного исследования героического эпоса, сказок, преданий, песенных жанров. Он поставил вопрос о специфике русского фольклора в Сибири и рассказал о планах подготовки многотомного сводного издания различных жанров русского фольклора Сибири.

Б. Н. Путилов (Ленинград) в докладе «Проблема эпического певца и изучение эпоса народов Сибири» подчеркнул исключительную важность сибирских исследований для раскрытия многих закономерностей эпического творчества, для понимания специфических особенностей и исторической типологии искусства эпических певцов разных народов и эпох. В связи с этим докладчик обратил внимание на необходимость проведения специальных полевых исследований, посвященных изучению в историко-типологическом плане творчества современных сибирских сказителей.

А. И. Уланов (Улан-Удэ) в докладе «Бурятский героический эпос» поставил широкий круг проблем, связанных с возникновением и историей развития древнейших фольклорных жанров у монголоязычных народов, в том числе проблему эпической общности и исторических корней эпического творчества.

Вопросам жанровой специфики, эстетической сущности, происхождения и характера эпических памятников Сибири были посвящены доклады С. С. Суразакова (Горно-Алтайск) «Алтайский эпос и этапы его развития», В. М. Сидельникова (Москва) «Поэтическое своеобразие русских былин Сибири», А. И. Чудоякова (Новокузнецк) «Жанровые особенности шорских эпических поэм», С. С. Каташа (Горно-Алтайск) «О тематической группировке и идейно-художественных особенностях алтайского эпоса», В. М. Санги (Южно-Сахалинск) «Алхтунд как жанр нивхского фольклора», Н. О. Шаракшиной (Иркутск) «Жанровый синкретизм героического эпоса бурят», Р. А. Шерхунаева (Иркутск) «Эпические песнопения бурят и их эстетические основы», Н. В. Кидайш-Покровской (Москва) «О специфике эпического сюжета», Е. В. Баранниковой (Улан-Удэ) «Бурятские богатырские сказки», Ж. К. Лебедевой (Якутск) «Об эвенком эпосе», Т. М. Михайлова (Улан-Удэ) «Шаманизм и эпос», П. В. Троякова (Абакан) «К вопросу о социально-историческом содержании ранних форм героического эпоса», М. П. Хомонова (Улан-Удэ) «Пережитки древнейших форм семей в „Гэсэре“», С. Ш. Чагдурова (Улан-Удэ) «Структура стиха улигеров», С. М. Каташева (Горно-Алтайск) «Стих алтайского эпоса», Ц. Б. Будаева (Улан-Удэ) «Наблюдения над лексикой улигера „Еренсей“», М. Г. Воскобойникова (Ленинград) «Зачины в героическом эпосе у народов тибетско-алтайской группы».

Вопросам исторической типологии и историко-типологическим взаимоотношениям эпических памятников различных народов были посвящены доклады И. В. Пухова (Москва) «Олонхо и „Гэсэр“». К проблеме историко-типологического изучения, А. Ш. Кичикова (Элиста) «Образ одинокого героя в фольклоре народов Сибири и в „Джангаре“», Ф. В. Ахметовой (Казань) «Татарские версии „Алпамыша“ и другие новые записи эпоса у сибирских татар», С. Ю. Неклюдова (Москва) «Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины», Е. Н. Кузьминой (Улан-Удэ) «К характеристике женских образов в улигерах „Айдуурай Мэргэн“ и „Еренсей“», Т. Г. Леоновой (Омск) «Взаимодействие художественных традиций в разных жанрах славянского фольклора (по сибирским записям)». Эти доклады весьма убедительно продемонстрировали плодотворность применения историко-типологической методики для разработки узловых проблем генезиса, поэтического своеобразия и истории эпосов разных народов.

Специальный интерес представляли доклады об искусстве сказителей — В. Ш. Гунгарова (Улан-Удэ) «К вопросу о современном бытовании улигеров», Н. Ц. Биткева (Москва) «Искусство джангарчи», Э. Е. Алексеева (Москва) «Личность народного певца и судьба олонхо в наши дни», А. Н. Мыреевой (Якутск) «Эвенкийский сказитель Н. Г. Трофимов (Бута)». Докладчики стремились соединить анализ индивидуальных особенностей певцов с выявлением общих черт сказительского искусства. Конференция еще раз показала настоятельную необходимость фронтального обследования всех живых очагов эпического творчества и внимательного изучения сказителей, которые продолжают сохранять в памяти произведения эпоса.

На конференции рассматривались также поздние формы эпического творчества, вопросы взаимодействия героического эпоса с другими фольклорными жанрами, отражения эпических мотивов в литературе. Этим темам были посвящены доклады ученых из Улан-Удэ: М. И. Тулоханова «Эпическое в легендах и преданиях», С. С. Бардаханова «Улигерные мотивы в бурятских сказках о животных», Р. П. Матвеевой «Былинные сюжеты в сказках тункинской сказительницы А. А. Шелиховой», Л. П. Кузьминой «Эпические песни сибирских рабочих XVIII века», В. И. Зоркина «Былины в записях народовольцев», Л. М. Свиридовой (Владивосток) «Некоторые особенности бытования песен балладного происхождения на Дальнем Востоке», В. Ф. Середы (Новосибирск) «Художественное своеобразие ямщицких преданий Западной Сибири», Н. А. Бондаревой (Петропавловск-на-Камчатке) «Предания и легенды о названии „Камчатка“», В. Г. Шоминой (Калинин) «Эпические мотивы Сибири в песнях декабристов», П. Н. Дмитриева (Якутск) «П. А. Ойунский и олонхо», А. А. Соболева (Усть-Баргузин) «Сказочники байкальских промысловиков».

Конференция вынесла рекомендации по дальнейшему развертыванию широкого изучения эпоса народов Сибири, высказалась за создание в рамках Сибирского отделения АН СССР научно-координационного центра по сибирской фольклористике.

Участники конференции познакомились с искусством бурятских и русских певцов — исполнителей традиционных произведений бурятского и русского фольклора, а также с интересом осмотрели создающийся близ Улан-Удэ этнографический музей под открытым небом.

Общественность столицы Бурятской АССР проявила большой интерес к работе конференции. Ее участников приветствовал секретарь обкома КПСС А. А. Бадиев, отметивший большое культурное значение эпического наследия и важность его изучения. Заместитель директора Института общественных наук В. Ц. Найдаков в заключение рассказал о перспективах развития фольклористической работы в Бурятии и других областях Сибири.

Конференция была очень хорошо организована. Приятно отметить, что до начала ее работы в Улан-Удэ вышли тезисы докладов «Эпическое творчество народов Сибири».

Б. Н. Путилов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В 1973 г. сотрудники Института этнографии АН СССР более 50 раз выезжали в поле. Они работали в пяти постоянных экспедициях Института, отдельных отрядах и группах, а также в экспедициях, проводимых совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями. Некоторые сотрудники вели полевую работу индивидуально.

Этносоциологи (руководитель проекта — Ю. В. Арутюнян) продолжали работу по теме «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР». В этом году исследования велись в трех больших регионах тремя самостоятельными экспедициями: в Саратовской области (начальник — Ю. В. Арутюнян), Калининской области (начальник — А. И. Гинзбург) и в Краснодарском крае (начальник — Л. М. Дробизева). В Саратовской области исследования проводились впервые, в двух других регионах — повторно, для получения сравнительных данных.

Прибалтийская экспедиция (начальник — Л. Н. Терентьева) работала в составе двух отрядов — Латвийского (руководитель — Л. Н. Терентьева) и Эстонского (руководитель — Н. В. Шлыгина). Исследования велись в Латвийской и Эстонской ССР, а также в Ленинградской области среди латышей, эстонцев и води по темам, связанным с подготовкой историко-этнографического атласа народов Прибалтики. Изучались также хозяйственные занятия и календарные обряды населения.

В Среднеазиатской экспедиции (начальник — Б. Х. Кармышева) работали два отряда (Ташкентский — руководитель А. Н. Жилина и Дунганско-Уйгурский — руководитель А. М. Решетов) и две группы (Туркменская и Киргизская). Кроме того, три сотрудника (Л. Ф. Моногарова, В. П. Курылев и Р. Р. Рахимов) совершили индивидуальные поездки. Основная тематика исследований экспедиции была связана с подготовкой историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана. Дунганско-Уйгурский отряд собирал также материалы по современным этническим процессам у дунган и уйгур. Этнографическая группа под руководством Н. П. Лобачевой, работавшая в составе Садварского отряда Хорезмской экспедиции, занималась исследованием этнической истории, культуры и быта туркменского населения, живущего на территории, подлежащей заповедению Тюямуонским водохранилищем.

Северная экспедиция (начальник — И. С. Гурвич) состояла из четырех отрядов (Ненецкого — руководитель В. И. Васильев, Гыданского — руководитель Ю. Б. Симченко, Северо-Восточного — руководитель М. Я. Жорницкая, Якутского — руководитель Р. В. Каменецкая) и четырех групп (Обской, Приамурско-Тихоокеанской, Тувинской и Ловозерской). Проблематика работ Северной экспедиции — преобразования в хозяйстве, культуре и быте, этногенез и этническая история, народная хореография, пережитки религиозных верований, проблема шаманизма у народов Севера — ненцев, эскимосов, чукчей, коряков, русских старожилов, хантов, нивхов, тувинцев. Индивидуальные поездки совершили В. А. Туголуков (к эвенкам, юкагирам и чуванцам Чукотского национального округа) и А. В. Смоляк (к ульчам и нанайцам Хабаровского края).

Североевропейский отряд (руководитель — Т. В. Лукьянченко), собиравший материалы по теме «Роль аборигенного элемента в формировании современного населения Европейского Севера», обследовал ненцев, хантов и манси.

В составе Объединенной Мордовской этносоциологической экспедиции (совместной с Мордовским научно-исследовательским институтом истории, экономики, языка и литературы и Мордовским государственным университетом) работали В. В. Пименов (начальник экспедиции) и Т. Ф. Федянович. Экспедиция изучала современные этнические процессы в республике. Работа велась среди мордовского и русского населения по специально разработанному вопроснику.

Сотрудники сектора этнографии восточнославянских народов, работавшие в трех отрядах: Приазовском (начальник — О. Р. Будина), по изучению русского народного искусства (начальник — С. Б. Рождественская) и фольклорно-этнографическом (начальник — Г. Г. Шаповалова) вели исследования по темам историко-этнографических атласов «Народы Украины, Белоруссии, Молдавии» и «Русские. — Обряды. Свадьба», а также по русскому народному зодчеству. Приазовский отряд собирал материалы как у русского, так и у албанского и болгарского населения.

Сотрудники сектора этнографии народов Кавказа семь раз выезжали в поле. На Кавказе работали следующие отряды: Грузинский (начальник — Н. Г. Волкова), Дагестанский (начальник — Г. А. Сергеева), Центрально-Кавказский (началь-

ник — В. П. Қобычев, Азербайджанский (начальник — А. Г. Трофимова), Северо-Осетинский (начальник — Я. С. Смирнова), Северо-Кавказский (начальник — Б. А. Калоев). Группа Л. И. Лаврова работала в Дагестане. Участниками экспедиции исследовались проблемы, связанные с подготовкой историко-этнографического атласа «Народы Кавказа», а также этнические процессы у народов Кавказа, традиции и инновации в быту и культуре осетинского народа, этническая, социальная история народов Кавказа.

Сотрудники Института этнографии Э. А. Рикман и М. Я. Салманович приняли участие в работе Молдавской археолого-этнографической экспедиции Института истории АН МССР. Они собирали материалы по темам «Этническая история и история культуры населения юго-восточной Европы» и «Молдавские поселения XIX в.».

Сотрудники отдела антропологии выезжали в поле в составе двух отрядов (Таджикского — руководитель Н. А. Платонова и Камчатского — руководитель В. П. Алексеев) и нескольких групп. Таджикский отряд собирал материалы по темам «Расы человека и их история» и «Распределение полиморфных факторов в зависимости от популяционной структуры населения». Камчатский отряд продолжал антропологическое и популяционно-генетическое обследование населения Северо-Востока страны по теме «Расы человека и их история». И. М. Золотарева и Г. А. Аксянова собирали среди европейских ненцев материал по теме «Соматологическая и одонтологическая характеристика в связи с вопросами этногенеза». Г. Л. Хитъ и В. В. Лебедев вели работу у народов Дальнего Востока (нанайцев, орочей, ульчей, нивхов и др.) и нганасан, долган, эвенков по теме «Дерматоглифика народов СССР». В этом же регионе Н. И. Халдеева собирала материал по теме «Этническая одонтология народов СССР». Изучением палеоантропологических материалов занимались Н. М. Рудь (в составе Поволжской экспедиции Института археологии АН СССР в древнем Булгаре) и М. М. Герасимова (в составе археологической экспедиции Иркутского университета). Группа ленинградских антропологов (руководитель — И. И. Гохман) изучала тувинцев по программе общей антропометрии.

Хорезмская археологическая экспедиция продолжала исследования прошлых лет. Топраккалинский отряд (начальник — Е. Е. Неразик) работал по теме «Памятник хорезмийской античности — городище Топрак-кала», Кюзелигирский отряд (начальник — О. А. Вишневская) — по теме «Городище Кюзели-гыр». Кроме того Хорезмская экспедиция проделала большую работу в зоне затопления Тюямуюнского водохранилища. Здесь работало пять отрядов. Капорасский отряд (начальник — М. Г. Воробьева) продолжал раскопки античной крепости Копорас (IV—III вв. до н. э.). Садварский отряд (начальник —

Н. Н. Вактурская) производил работы в Средневековом городе Садвар (IX—XI вв.). Елхорасский отряд (начальник — Л. М. Левина) раскапывал позднеантичный памятник Елхорас (III в. н. э.). Каракумский отряд (начальник — А. В. Виноградов) провел археологическую разведку в зоне строительства Тюямуюнского гидроузла. Ак-рабатский отряд (начальник — В. А. Лоховиц) вел раскопки средневекового караван-сарая Ак-рабат (XII—XIV вв.). Помимо этого два отряда Хорезмской экспедиции продолжали работы, ведущиеся уже три года совместно с геоморфологами Института географии АН СССР, связанные с проектом по переброске части стока сибирских рек в бассейны Сырдарьи и Амударьи. Сырдарьинский маршрутный отряд (начальник — Б. В. Андрианов) проводил работы в районе Кувандарьи. Сырдарьинский стационарный отряд (начальник — Л. М. Левина) вел раскопки на одном из самых ранних памятников Джетыасорского урочища Томпак-асаре. Археологическая группа (начальник — А. В. Виноградов) продолжала раскопки на впервые найденном на территории Средней Азии неолитическом могильнике Тумек-Кичиджик.

Полевые исследования в зарубежных странах вели Н. Н. Грацианская (в ЧССР), И. М. Золотарева, Н. Н. Мамонова (в МНР), В. П. Алексеев, М. В. Крюков и С. Я. Серов совместно с кубинскими учеными работали на Кубе.

3. П. Соколова

* * *

В августе — октябре 1972 г. сотрудники сектора этнографии Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР вели экспедицию в Кунградском, Муйнакском, Ходжейлинском, Шуманайском и Нукусском районах.

Цель экспедиции — сбор полевых материалов к «Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана».

В составе экспедиции работали 9 человек: 2 научных сотрудника, аспирант, художник, фотограф, 3 лаборанта и шофер.

Участники экспедиции собрали полевые материалы по традиционным ремеслам и промыслам, жилищу, одежде и пище, семейно-бытовой обрядности и верованиям каракалпаков XIX — начала XX в.

Были сфотографированы и зарисованы более 300 предметов. Фото и рисунки хранятся в рукописном фонде сектора. Там же находятся собранные экспедицией образцы традиционной одежды и предметы украшения юрты.

Х. Есбергенов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ю. В. Кнышенко. История первобытного общества. Ростов-на-Дону, 1973, 342 стр.

Рецензируемая книга — курс лекций, читаемых автором в Ростовском государственном университете. Это — второе, переработанное и значительно расширенное издание первой части учебного пособия «История первобытного общества и основы этнографии», вышедшего в 1965 г. Предпринятое переиздание позволило не только полнее рассмотреть проблематику первобытной истории, но и глубже ее исследовать, подняв тем самым учебное пособие до уровня серьезного научного труда.

В 20 лекциях курса Ю. В. Кнышенко освещены почти все основные явления первобытной истории и соответственно разделы изучающей ее науки. В них характеризуются предмет и значение истории первобытного общества, историография и источники, хронология и периодизация, антропо- и расогенез, происхождение языка и мышления. Около половины курса посвящено характеристике основных этапов первобытности и процессов образования классового общества, в последних лекциях рассматриваются происхождение и ранние формы религии, происхождение искусства. Следуя вузовской программе, автор не выделяет особо такие вопросы, как этнические процессы первобытности или развитие положительных значений, но и эти сюжеты не остаются не освещенными, так как о них попутно говорится в тех или иных лекциях.

Существенная черта книги Ю. В. Кнышенко — последовательное применение в ней марксистско-ленинской методологии и чуждое академическому бесстрастию изложение материала. В вводной лекции хорошо показано мировоззренческое значение первобытной истории, в историографической лекции — общая несостоятельность буржуазной теоретической мысли в области этнографии и истории первобытного общества, в лекциях по антропо- и расогенезу — реакционность еще существующих в этой области науки расистских взглядов. В других лекциях также критикуются и разоблачаются различные положения буржуазной науки по конкретным вопросам происхождения семьи, частной собственности, религии, искусства и т. д. Все это, разумеется, заметно поднимает идейно-теоретический уровень книги. Вместе с тем следует отметить, что автор допускает некоторую односторонность, обходя молчанием положительный вклад, который внесли те или иные буржуазные школы в развитие первобытно-исторической науки. Так, едва ли можно отрицать, что диффузионисты сыграли свою роль в формировании наших представлений о конкретно-исторической вариантности единого исторического процесса, а функционалисты оставили след в развитии системных исследований. Признание определенных, в том числе и теоретических достижений буржуазной науки вовсе не умаляет решающего значения марксистской методологии для развития науки первобытной истории.

Важно отметить и то обстоятельство, что курс лекций Ю. В. Кнышенко в целом отвечает требованиям современной советской науки. Хотя при подготовке такого курса всегда имеются значительные трудности, связанные с недостаточностью археологических данных и сложностью использования этнографических материалов, книга построена методически удачно. Характеризуя основные этапы первобытной истории, автор широко привлекает как новейшие данные археологии и антропологии, так и стадийно сопоставимые с ними данные этнографии. Отметим также, что автор, как правило, не избегает наиболее сложных, остающихся предметом споров вопросов первобытной истории и в ряде случаев предлагает собственные решения этих вопросов. Впрочем, некоторые из таких проблем, к сожалению, освещены все же недостаточно. Таковы, например, проблемы исторического соотношения группового и парного брака, рода и общины.

Книга читается с интересом. Она не только написана хорошим языком, но и изобилует свежими, не вошедшими в другие обобщающие работы этнографическими примерами, подчеркнутыми из обширной историко-этнографической и географической литературы. В то же время число таких примеров не избыточно, в их подборе соблюдено столь важное в подобных случаях чувство меры.

Разумеется, в книге есть и недостатки. Одни из них неизбежно обусловлены слабой разработанностью ряда важных вопросов истории первобытного общества, но некоторые можно было избежать. Остановимся на двух из них, представляющихся нам наиболее существенными.

С 1946 г., когда С. П. Толстов предложил существенно уточнить моргановскую периодизацию первобытной истории, и до настоящего времени в советской и зарубежной марксистской науке создано не менее полдюжины вариантов новой периодизации, различающихся между собой критерием членения исторического процесса первобытности, числом выделенных периодов и их наименованием¹. Так как ни один из них пока не получил сколько-нибудь широкого признания, у Ю. В. Кнышенко были все основания предложить еще один вариант. Он предлагает следующую схему: 1 — первобытное стадо, 2 — материнский род и 3 — патриархат с подразделением последнего периода на подпериоды: а — отцовского рода и б — соседской общины. При этом делаются две оговорки: во-первых, термин «патриархат» следует понимать расширительно и, во-вторых, «своеобразие» третьего периода состоит в том, что отцовский род не является универсально-исторической общественной формой. Не все первобытные народы, перешагнувшие порог классового общества, пережили этот этап. В тех случаях, когда соседская община непосредственно вырастает из материнского рода, понятия «матриархат» и «соседская община совпадают» (стр. 56). Хотя ни здесь, ни далее автор не поясняет, в чем именно заключается «расширительное понимание» патриархата, из контекста можно заключить, что имеется в виду не отцовско-родовой строй и не его поздние формы периода распада, а скорее всего любая такая организация, которая характеризуется безраздельной властью отца семейства, патриарха. Однако даже эта форма патриархата не была универсальной: работами А. М. Золотарева и С. П. Толстова показано, что наряду с ней существовал и позднематеринский, матриархальный путь разложения родового строя. А если это так, то и само предложенное Ю. В. Кнышенко наименование заключительного периода первобытной истории приходится признавать неудачным. Заметим, кстати, что схема, в принципе близкая к рассмотренной (эпохи первобытного стада и родового строя с подразделением последней на периоды матриархата и патриархата), была в свое время предложена и вскоре оставлена М. О. Косвен².

Вызывает сожаление и то обстоятельство, что автор в ряде случаев излишне категоричен в своем толковании того или иного явления первобытности или его реликта. Так, левират однозначно рассматривается как пережиток группового брака (стр. 173), хотя уже не раз отмечалось, что этот обычай может быть полностью объяснен порядками, характерными для патриархальной семьи. В том же плане и так же однозначно трактуются обычаи избегания по отношению к определенным категориям свойственников (стр. 174), хотя они могут быть объяснены изменением формы не брака, а локализации брачного поселения, т. е. переходом от матрилокальности к патрилокальности. Трудно согласиться с характеристикой патронимии как «группы близкородственных малых семей» (стр. 246): хорошо известно, что в состав патронимий, как правило, входили не только малые, но и большие семьи.

Очевидно, что отмеченные и им подобные недочеты и промахи не могут существенно повлиять на высокую оценку рецензируемой работы. Ю. В. Кнышенко написал содержательную и ценную книгу, которую с интересом встретят не только студенты исторических факультетов, но и значительно более широкий круг читателей, в том числе специалисты-историки.

А. И. Першиц

¹ Подробнее об этом см.: Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории, Сб. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972, стр. 32 сл.

² М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 152.

А. Т. Базиев, М. И. Исаев. Язык и нация, М., 1973, 248 стр.

Среди пограничных научных проблем, разрабатываемых в последнее время советскими учеными, важное теоретическое и практическое значение, несомненно, имеют проблемы, расположенные на стыке языкознания с этнографией и социологией. Именно к этой области относится книга А. Т. Базиева и М. И. Исаева «Язык и нация».

Рецензируемая работа состоит из шести глав. В первой из них, «Общество и язык», рассматривается вопрос о происхождении языка как общественного явления, о появлении в ходе истории множества языков мира; главное внимание при этом уделяется характеристике языков, на которых говорят народы СССР. Во второй главе, «Национальное развитие народов и язык», характеризуется важная роль языкового признака для научного определения нации и отмечается видное место языка в национальной политике некоторых стран мира; особое внимание при этом опять-таки уделено различным языковым проблемам, возникшим в связи с национально-государ-

ственным строительством в СССР. В третьей главе, «Культурная революция и языковое строительство в СССР», дается описание основных сторон и этапов языковой политики в СССР, в частности истории создания письменности для ранее не имевших ее народов, постепенного перевода арабской и других графических систем письменности, бытовавших у ряда народов СССР, на русскую графическую систему. В главе четвертой, «Сближение социалистических наций и взаимодействие языков народов СССР», рассматриваются две основные тенденции в развитии социалистических наций и народностей: тенденция к относительно самостоятельному национальному развитию и тенденция к межнациональному сближению; при этом подчеркивается все большее развитие при социализме второй тенденции, приводящей к усилению взаимодействия и взаимообогащения национальных языков, к становлению общего интернационального лексического фонда. В главе пятой, «Расцвет социалистических наций и национальных языков», обращено внимание главным образом на значительное расширение сфер функционального использования национальных языков в СССР, многие из которых стали употребляться не только в сфере образования, но и в административной, хозяйственной, научной и других областях жизни. В последней главе, «Многоязычие государственного и проблема второго языка», авторы, кратко рассмотрев проблему второго языка в буржуазном обществе, характеризуют процесс функционального развития русского языка, в ходе которого он стал основным языком общения многоязычного советского народа. В заключительном разделе этой главы затронут вопрос о путях сложения единого языка будущего человеческого общества.

В целом данную книгу можно характеризовать как многоплановую, содержательную работу, которая может быть полезна самым различным специалистам гуманитарного профиля. По существу все рассмотренные в ней вопросы представляют интерес для этнографов, а некоторые из них, связанные, например, с оценкой роли языка в национальном (этническом) развитии, со взаимодействием языков в ходе сближения советских народов и др., непосредственно входят в сферу теории этноса и этнических процессов, разработке которых в последнее время уделяется столь пристальное внимание в этнографии.

К сожалению, рецензируемая книга не вполне свободна и от недостатков. Основным из них является то, что поставленная в заглавии и подчеркнутая в предисловии к книге проблема взаимоотношения языка и нации рассмотрена довольно скупо, да и недостаточно глубоко. В непосредственно относящихся к этой проблеме разделах второй главы авторы правильно критикуют все работы, которые умаляют важность языкового признака в определении нации, однако, возводя его в ранг «основного, решающего признака нации» (стр. 81), сами совершают серьезную ошибку. Слабость их теоретических построений обусловлена тем, что определение нации берется изолированно, между тем как его следует рассматривать в связи с определением других типов этнических общностей; в этом случае язык, естественно, должен выступать не в общей форме, а в виде специфического именно для нации признака. Видимо, чувствуя это, авторы выражают свою солидарность с теми учеными, которые считают наличие литературного языка обязательным признаком нации (стр. 88—89), однако эта солидарность плохо согласуется со сделанными ранее выводами и с неоднократным выражением безоговорочного признания неизбежности известного определения нации (стр. 76, 89 и др.), в котором такого признака нет.

На стр. 73—75 книги помещена таблица «Распределение населения СССР по национальности и родному языку (по итогам переписи 1970 г.)». Эта таблица сама по себе повышает информативность книги, но содержание ее в тексте не раскрыто. Очень важный и непосредственно относящийся к теме работы вопрос о соотношении национальности (точнее — национального самосознания) и родного языка оставлен без внимания; тот общезвестный факт, что около 15 млн жителей СССР в 1970 г. показали своим родным языком язык другой национальности, авторы сочли возможным игнорировать; в книге рассматривается лишь такое взаимодействие национальных языков, которое приводит к их «взаимообогащению». В посвященной этому взаимодействию четвертой главе авторы уделяют внимание этническим процессам, однако классификация их (на стр. 149—150) сделана неточно: в отступление от уже сложившейся в этнографической литературе практики авторы не выделяют ни процессы этнической ассимиляции, ни процессы межнациональной интеграции, зато в качестве особого вида этнических процессов приведено «смешение национальностей» (в частности — «рост числа смешанных браков»), являющееся в действительности лишь фактором развития этих процессов. Относящиеся к этой тематике примеры не всегда подобраны удачно; это касается в частности процесса слияния с таджиками припамирских народностей, которые имеются у народностей, находящимися в процессе консолидации с таджикоязычным населением (стр. 84), то уже полностью таджиками по национальной принадлежности (там же).

В последнем разделе, «О языке будущего», авторы рассматривают возможные варианты языкового развития в мировом масштабе и отдают предпочтение возбуждению какого-нибудь искусственного языка типа эсперанто. Этот тезис следовало бы глубоко аргументировать, проанализировав, в частности, перспективы развития основных современных языков международного общения, например, широко распространенного ныне английского языка.

Ф. П. Филин в предисловии к рецензируемой книге отмечает ее доступную форму изложения. Содержание книги в целом также позволяет отнести ее скорее к научно-популярным, нежели к научным работам. Вероятно, данную книгу было бы целесообразно издать именно под такой рубрикой и с заглавием, более отвечающим ее содержанию. Так как переиздание этой книги весьма желательно, выражаю в заключение надежду на то, что будет учтено и это мое замечание.

В. И. Козлов

НАРОДЫ СССР

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ КОМИ АССР

Л. Н. Жеребцов. Расселение коми в XV—XIX вв. Сыктывкар, 1972, 63 стр.; его же. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII—начале XX в. М., 1972, 126 стр.; его же. Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX в.). Сб. «Этнография и фольклор коми» (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 13). Сыктывкар, 1972, 105—113 стр.; его же. О степени устойчивости элементов народной культуры коми в инонациональной культурной среде. Сб. «Этнография и фольклор коми», 70—76 стр.; его же. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971, 96 стр.

В последние годы в этнографических исследованиях, ведущихся в Коми АССР, прослеживается интерес к изучению этнокультурных процессов. Среди этнографических работ, вышедших из печати в 1972 г., обращают на себя внимание труды Л. Н. Жеребцова — итог многолетнего изучения культуры народа коми.

Научные интересы Л. Н. Жеребцова в изучении этнокультурных процессов довольно широки: вопросы этнической истории коми, процессы сложения и развития их культуры, этнические связи коми с соседними народами, особенности культуры отдельных этнических групп коми на территории Коми АССР и за ее пределами (например, в Сибири); древние этапы сложения и совершенствования народной культуры и ее современное состояние. Исследователем введены в научный оборот новые интересные архивные материалы, данные многолетних полевых наблюдений и т. д.

Работа «Расселение коми в XV—XIX вв.» является первой попыткой достаточно полного и аргументированного изложения вопроса об освоении народом коми современной территории его обитания. Материалы, полученные в различных архивах СССР, существенно дополняют и конкретизируют известные в литературе сведения по этому вопросу.

Читатель узнает, как и когда проходило заселение территории современного обитания коми: бассейнов рек Вычегды и Вымы, Сысолы, Лузы и Летки Удорского и Печорского краев. В работе названы самые ранние (по известным письменным источникам) поселения, фамилии их первых обитателей, показаны изменения в составе населенных пунктов и их жителей в последующие века, основные направления дальнейших миграций. Автор знакомит читателя с существующими в исторической науке мнениями о происхождении и формировании народа коми, в ряде случаев дополняя их. Так, весьма интересным представляется высказанное им суждение о возможных путях появления на р. Лузе предков коми и сложения особой территориальной группы, известной в исторических источниках под названием Лузской Пермцы. Автор пытается объяснить отдельные топонимы, фамилии, а также этноним «зыряне». Несмотря на некоторую перегруженность текста списками фамилий, названиями поселений и т. п., работа в целом представляет несомненный интерес не только для специалистов, исследующих проблемы истории народа коми, но и для массового читателя, к которому она обращена.

Изучению одной из этнографических групп коми — удорцев, проживающих в Удорском районе Коми АССР (бассейн рек Вашки и Мезени), посвящена монография Л. Н. Жеребцова «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII—начале XX в.». Здесь освещаются некоторые вопросы этнической истории удорцев, а также дается этнографическое описание специфики их культуры.

Первая глава книги содержит подробный анализ всей имеющейся по удорским коми дореволюционной и советской литературы.

Вторая глава знакомит читателя с историей заселения Удорского края. Основываясь на данных антропологии, этнографии, археологии и лингвистики, автор стремится выяснить проблему происхождения местного населения.

В I тысячелетии до н. э. в районе современной Удоры обитало древнее население, этническая принадлежность которого еще точно не установлена. В конце того же тысячелетия оно испытало значительное и, видимо, всестороннее воздействие племен западнофинского (возможно венгского) происхождения. Позднее пришедшие

сюда коми ассимилировали этих древних обитателей края. Занимая территорию, пограничную с русскими, коми-удорцы имели с ними многовековые устойчивые контакты. Часть русского населения Удоры слилась с коми. Все это, естественно, оставило следы в культуре удорских коми и в значительной мере объясняет ее отличие от культуры других групп этого народа.

Главы III и IV посвящены этнографическому описанию хозяйства и культуры удорцев, начиная с XVI в. В основу этих глав положены новые документальные материалы. Значительное место отведено характеристике социально-экономического положения удорских крестьян. Читатель найдет в этих главах подробный анализ крестьянского хозяйства в феодальную эпоху, форм и техники земледелия и животноводства, детальную характеристику крестьянских промыслов. Наиболее детально рассматриваются охотничьи и рыболовные промыслы. При описании способов и орудий промыслов, промысловой одежды и жилищ приводятся их местные названия. Эта особенность свойственна и другим разделам глав о хозяйстве и культуре.

Автор подробно анализирует также крестьянское жилище, одежду, пищу. Сравнения с аналогичными явлениями русской материальной культуры убеждают читателя в правильности выводов исследователя о том, что русское влияние — один из основных факторов возникновения и развития этнографических особенностей у удорцев.

Большой заслугой автора является то, что исследуя материальную культуру, он описывает не только региональное, но и социальное своеобразие ее отдельных элементов. Однако надо заметить, что верность этому принципу выдержана не везде; более удачными в этом плане выглядят разделы о жилище.

В конце последней (IV) главы рассматриваются отдельные черты общественного и семейного быта удорцев в XIX — в начале XX в.; в связи с этим сообщаются некоторые сведения о существовавших у них религиозных верованиях и т. п. К сожалению, духовной культуре удорцев автор уделяет недостаточное внимание, ограничиваясь краткой и, пожалуй, слишком общей характеристикой культурной среды.

Во многом соглашаясь с аргументами и выводами автора, считаем необходимым указать на отдельные спорные, а подчас и необоснованные высказывания, приведенные в рецензируемой книге. Не вполне верна точка зрения Л. Н. Жеребцова на дальнейшую судьбу этнокультурной специфики удорцев. Он пишет: «В настоящее время местная специфика все более исчезает, нивелируется в связи с проникновением городской культуры, общей для всех групп коми. Идет процесс создания единой национальной культуры, и в будущем ныне еще существующая в силу старых традиций удорская специфика полностью исчезнет при сохранении, однако, общенациональных особенностей» (стр. 124). Непонятно, во-первых, почему специфика сохраняется только «в силу старых традиций», а во-вторых, в этом высказывании есть оттенок какого-то фатализма: специфика исчезает — и только. Примененный автором термин «нивелировка» несет в себе именно такой смысл. Мы не отрицаем того, что в этническом развитии групп коми (удорских, ижемских, верхнепечорских, вычегодско-сысольских и прилузко-летских) сильны консолидационные тенденции, но думаем, что наряду с исчезновением этнографической специфики у отдельных групп коми идет процесс создания новых (пусть еще не развитых сегодня, но могущих стать распространенными завтра) ее форм.

В целом книга интересна как богатством и разнообразием включенного в нее этнографического и исторического материала, так и его научным анализом и представляет собой серьезный вклад в изучение этнографии коми. Было бы желательно, чтобы подобные монографии были написаны о каждой этнографической группе коми.

Статья «Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX в.)» является как бы продолжением исследования об удорцах. Она вводит в научный оборот новые полевые материалы, собранные автором в 1968 г., детализирующие и подтверждающие ряд положений, высказанных им в вышеприведенной работе. Статья расширяет круг проблем исследования удорской группы коми, вводя в качестве одной из основных изучение этнических процессов.

Эта проблема является важнейшей и в другой статье Л. Н. Жеребцова «О степени устойчивости элементов народной культуры коми в интонациональной культурной среде». В основу работы положены результаты полевых исследований, проводившихся в 1969—1970 гг. в Алтайском крае у небольшой группы сибирских коми, которые уже в течение 100 лет живут в русском окружении в изоляции от других групп коми. Автор приходит к выводу, что наименее устойчивой является материальная культура, наиболее стабильными — язык и фольклор. Вместе с тем делается попытка выяснить роль традиционной народной культуры в процессе изменения национального самосознания. Содержание статьи приводит читателя к выводу, что эта роль довольно значительна. В наши дни, когда утрачены многие черты традиционной народной культуры, последнее поколение коми (правнуки первых поселенцев коми в этом крае) считают себя русскими.

Заслуживает также высокой оценки еще одна новая работа Л. Н. Жеребцова — «Крестьянское жилище в Коми АССР». Она содержит важные материалы о традиционном народном жилище коми и представляет собой первую монографию по данной теме. Начав с истории изучения народного жилища коми, автор далее пока-

зывает эволюцию поселений и жилищ. Подробно описаны типы поселений и традиционных жилищ, а также наиболее характерные постройки, сохранившиеся в наши дни. Приведены подробные сведения о материале и технике строительства, особенностях внутренней планировки, способах украшения жилищ и т. д. Важно, что книга дает представление о жилище различных групп коми. Предложенная классификация основных типов традиционного жилища, распространенного ныне в Коми АССР, представляется нам убедительной.

Большой интерес вызывает у читателя и раздел о религиозных верованиях и обрядах, связанных с жилищем. Работа хорошо иллюстрирована и написана так, что каждому прочитавшему (она обращена прежде всего к массовому читателю) понятна ее главная мысль: многовековым опытом народных умельцев создано народное зодчество коми; его надо беречь, изучать и использовать в современном строительстве.

Можно выразить сожаление лишь по поводу того, что автор книги исследовал только традиционное жилище, а не проанализировав всего многообразия жилых и хозяйственных построек, бытующих в настоящее время в Коми АССР. Это ограничение продиктовано основной поставленной задачей — «на примерах отдельных построек показать богатства народной архитектуры, через описание наиболее типичных памятников раскрыть перед читателем своеобразие местного зодчества...» (стр. 3). Будем надеяться, что за этой безусловно, интересной и нужной книгой последует другая — о современных сельских постройках в Коми АССР.

Г. П. Белорукова, В. В. Пименов

В. Н. Морохин. Хрестоматия по истории русской фольклористики. М., 1973, 316 стр.

Преподаватели высшей школы, читающие курс «Русское народное творчество», по опыту своей работы хорошо знают, с каким трудом усваивают студенты историографию фольклористики. Методологически необходимый как для понимания всей сложности и всего многообразия народного искусства, так и для правильной оценки того нового, что вносит марксистско-ленинский подход к его изучению, этот раздел требует обращения к очень большому количеству первоисточников. Кроме того, историография фольклористики невозможна без анализа общественных и литературных движений XVIII—XIX вв.

Поэтому необходимо создание специальных учебных пособий, облегчающих труд преподавателя и студента по этой части курса.

Как и все пособия для высшей школы, хрестоматия по истории фольклористики должна обновляться за счет новых фактов и новых концепций, но при отборе нового материала и в системе его расположения, конечно, нельзя не учитывать всего того, что уже проверено практикой и временем.

В этом плане нельзя признать удачной попытку составителя нового учебного пособия по истории русской науки о фольклоре В. Н. Морохина решительно пересмотреть обычный для подобных хрестоматий состав и характер источников.

Хотя в предисловии составитель уверяет, что «хрестоматия строится применительно к вузовской программе и содержит материалы, дающие представление об основных периодах развития отечественной фольклористики» (стр. 3), это заявление не подтверждается содержанием самого пособия, в котором отсутствуют работы крупнейших русских ученых дореволюционного времени. Какое же представление об «основных периодах развития отечественной науки» может дать хрестоматия, в которую не вошли основные работы Ф. И. Буслаева, Л. Н. Майкова, В. Ф. Миллера, А. Н. Веселовского, Н. Е. Ончукова?

Правда, в том же предисловии составитель стремится объяснить этот бросающийся в глаза пробел. Небольшие «отрывки из их работ», — пишет В. Н. Морохин об ученых XIX—начала XX в., — не могут дать студентам правильного представления о мировоззрении и довольно сложных фольклористических взглядах таких ученых» (стр. 5). Но разве отрывки из статей В. Г. Белинского о народной поэзии, из «Разрушения личности» А. М. Горького или абзац о домарксовской фольклористике из биографии М. К. Азадовского, помещенные в хрестоматию, менее сложны и могут дать полное представление о мировоззрении их авторов? Разве параллельно с хрестоматией студент не должен пользоваться учебником, где взгляды деятелей русской академической науки анализируются во всей их сложности и вместе с тем объективно показывается историческое значение их наследия?

Еще большее недоумение вызывает ссылка составителя на то, что раскрытие идейных позиций и научных теорий представителей различных «школ» старой науки должно даваться «в специальных разделах учебного пособия по истории русской фольклористики» (стр. 5). Значит ли это, что к предлагаемому пособию должно быть добавлено еще одно? Почему такие разделы нельзя было выделить в данной хрестоматии, как это всегда делалось до сих пор? Следующее затем указание на ограниченность объема — чистая формальность. Объем любого учебника определяется прежде всего его содержанием и соответствием программе. Кроме того, в хрестоматию

В. Н. Морохина вошло довольно много материала, не имеющего прямого отношения к истории русской фольклористики либо дублирующего учебные пособия по другим курсам, где он был бы более уместен.

Так, отрывки из «Описания земли Камчатки» С. Н. Крашенинникова при всей их этнографической ценности посвящены не русскому фольклору, а фольклору аборигенов Камчатки. Примеры из цикла рассказов «Пословицы российские» Н. И. Новикова характеризуют скорее литературное творчество их автора, чем его взгляды на фольклор. В предисловии Н. П. Огарева к сборнику «Русская потаенная литература» речь идет не о самом фольклоре, а об отношении к нему Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, А. В. Кольцова, т. е. о проблеме фольклоризма писателей начала XIX в. Статьи В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова о роли народного стиха в реформе стихосложения обязательно изучаются в курсе «Введение в литературоведение» и позднее к ним снова возвращаются при изучении русской литературы XVIII в.

Наконец, в целом ряде случаев студентов следует ориентировать не на чтение отрывков из наиболее замечательных работ деятелей передовой русской науки, а на собрания сочинений. «Древние российские стихотворения» В. Г. Белинского, рецензию Н. Г. Чернышевского на «Песни разных народов» в переводе Н. Берга, отзыв Н. А. Добролюбова о собрании сказок А. Афанасьева, статью А. М. Горького «О сказках» можно и нужно прочитать полностью, тем более что собрания сочинений этих авторов доступны учащимся в любом городе, в любой библиотеке. Попутно нельзя не заметить, что работы ученых-фольклористов дореволюционной эпохи давно стали библиографической редкостью и познакомить с ними студентов без хрестоматии чрезвычайно трудно.

Таким образом, отсутствие в хрестоматии материалов по целой теме программы не объясняется сколько-нибудь убедительными соображениями и приводит к явно одностороннему освещению процесса развития русской научной мысли в области фольклора в XIX в. Становится непонятным полемический тон выступлений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. М. Горького, потому что они изолированы от научных течений своего времени, не сопоставлены с сильными и не противопоставлены слабым сторонам академической фольклористики.

Этот пробел тем более досаден, что в остальных ее разделах составитель привлек много важных документов, ранее не входивших в учебные пособия. В разделе «Классики марксизма-ленинизма о народе и его творчестве», например, приводится отрывок из сделанного К. Марксом конспекта известной книги Костомарова «Бунт Стеньки Разина». В разделе «Фольклор в оценках деятелей русской науки, литературы и критики XVIII и первой половины XIX века» впервые широко представлены высказывания декабристов.

Хорошо представлена в хрестоматии и советская наука. Составителем правильно отобраны работы лишь наиболее выдающихся ученых, посвятивших всю свою жизнь народному творчеству, создавших целые научные школы в современной фольклористике. Скупые примечания заменены более подробными справками биобиблиографического характера, помогающими оценить их наследие. Однако в этих заметках недостаточно подчеркнута индивидуальность каждого ученого, особенность и неповторимость личного вклада в науку каждого из них.

Ведь М. К. Азадовский не просто изучал русскую сказку и ее исполнителей, а рассмотрел на этом материале вопрос о личности сказителя и проблеме сочетания в фольклоре власти традиции с элементами личного творчества. А. М. Астахова в своих трудах особенно полно и ярко показала бытование русского эпоса на последнем этапе его многовековой истории. Заслуга Н. П. Андреева прежде всего в том, что он выдвинул задачу создания истории русского фольклора.

Недостаточное внимание составителя к этому аспекту деятельности представителей советской науки проявилось и в том, что отбор фрагментов из их трудов далеко не всегда удачен. Так, бессвязными отрывками представлена, например, замечательная книга В. Я. Проппа «Русский героический эпос», к которой опять-таки следует отсылать студентов непосредственно, а если уж включать их в хрестоматию, то надо одновременно дать анализ целостного эпического сюжета.

Одновременно с введением новых и, безусловно, полных источников из хрестоматии (очевидно, не случайно, а по каким-то соображениям составителя) исчезли не только работы русских ученых XIX в., но и некоторые другие материалы. Никак нельзя примириться с тем, что здесь отсутствуют воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича о его беседах с В. И. Лениным по поводу просмотренных Владимиром Ильичом сборников песен, причитаний, сказок. Источник этот, абсолютно достоверный, дает самую развернутую из всех известных нам ленинскую характеристику фольклора, а критика Лениным методологической ограниченности прежних собирателей и исследователей помогла наметить пути развития советской науки вплоть до наших дней.

Нет нужды доказывать, что каждая ленинская оценка фольклора в целом или отдельных его жанров и произведений, пусть даже сделанная в устной форме, если она сохранилась в достоверной передаче, должна найти свое место в курсе. В этот раздел хрестоматии следовало включить отрывки из воспоминаний Н. К. Крупской, С. М. Буденного, Демьяна Бедного.

Принятые составителем критерии отбора источников привели к тому, что в книге широко представлены взгляды и оценка русских писателей, интересовавшихся фольк-

лором и в той или иной мере занимавшихся им. Процесс же обособления и развития науки о фольклоре в собственном смысле слова как самостоятельной отрасли знания отражен односторонне и неполно. При использовании новой хрестоматии в педагогической практике неизбежно возникнут серьезные затруднения. Между хрестоматией и любым принятым в нашей высшей школе учебником получится заметное расхождение: значительная часть историографической главы учебника не найдет для себя опоры в хрестоматии. Следовательно, свою основную задачу — помочь лектору и студенту в работе над одним из сложнейших разделов курса «Русское народное творчество» — хрестоматия В. Н. Морохина разрешить не может.

Э. С. Литвин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Gy. Ortutay. Hungarian folklore. Essays. Budapest, 1972, 430 p.

В 1972 г. на английском языке вышел сборник статей известного венгерского этнографа и фольклориста Дьюла Ортутай. Издание это осуществлено Венгерской Академией наук. Сборник, выход которого приурочен к шестидесятилетию юбилею автора, состоит из трех частей: в первую вошли общетеоретические статьи, во вторую — статьи о венгерских сказках и сказочниках, в третью — очерки, посвященные венгерским этнографам и фольклористам.

Д. Ортутай — принадлежит к числу ученых, которые гармонически сочетают разностороннюю научную и научно-организационную работу с политической деятельностью: профессор университета, академик, руководитель научных коллективов, он вместе с тем видный общественный деятель. Поэтому не случайно его книга открывается статьей «Наука и политика». В ней автор говорит о том, как исследования законов бытования фольклора способствовали пониманию жизни самого народа и пробудили у него интерес к социальным и политическим проблемам, как изучение фольклора еще в годы реакции сблизило его с самыми прогрессивными людьми Венгрии. Синтез научных и политических устремлений получил яркое воплощение в фольклористических трудах Д. Ортутай: все работы ученого, опубликованные в первой части книги, в большей или меньшей степени связаны с проблемами изучения фольклора, как явления, обусловленного социальными и политическими причинами. В статье «Изучение народной жизни в Венгрии» (стр. 15—63), написанной еще в 1937 г., Д. Ортутай подчеркивает важность для этнографов и фольклористов комплексного исследования крестьянства, необходимость отмечать все изменения в социальной жизни венгерской деревни, пристально изучать влияние городской культуры. При изучении структуры крестьянской культуры и ее социальных форм необходимо исследовать общественный строй, мировоззрение крестьян, их отношение к религии — только в таком контексте становятся понятными произведения фольклора и их эволюция. Мысли этой статьи актуальны и в наши дни: они сродни современным исследованиям ученых социалистических стран, посвященным социологическому изучению духовной культуры народа. Этот социологический аспект изучения не ослабевает и в более поздних работах самого Ортутай: здесь мы прежде всего имеем в виду опубликованные в книге статьи «Роль сельских школ в венгерской крестьянской культуре» (стр. 64—75) и «Современная внутренняя миграция в Венгрии и этнографические исследования» (стр. 109—131), теоретические положения которых применимы к изучению процессов, ныне происходящих в фольклоре и быту разных народов.

Весьма актуальным для современной науки о фольклоре является обширное исследование Ортутай «Принципы устной передачи в народной культуре» (стр. 132—173). Это исследование, ранее публиковавшееся на английском языке в журнале «Acta Ethnographica» (1959 г.), получило широкий отклик в современной науке. К нему постоянно обращаются в работах, посвященных законам бытования фольклора. Исследование это оказало заметное влияние на изучение кардинальных проблем фольклористики. В этой работе особенно ярко проявляется свойственная Д. Ортутай широта охвата явлений, разносторонность их изучения и его огромная эрудиция. Рассматривая проблему взаимоотношений литературы и фольклора, устанавливая — что общего между этими двумя областями творчества и чем они отличаются одна от другой, в чем выражается их взаимовлияние, он делает вывод о необходимости развития отрасли филологии, способной изучать специфическое художественное явление — фольклор. Здесь же автор рассматривает самые существенные законы, определяющие специфику фольклора, — диалектические связи между вариативностью и устойчивостью фольклорных произведений. Детально изучает он корреляцию между противоположными тенденциями: стремлением воспроизвести в вариантах уже существующее поэтическое произведение и созданием впечатления полной его новизны. В связи с этим анализируется отношение индивида к воспроизводимым произведениям коллективного творчества. В статье показана взаимосвязь тенденций к улучшению и к разрушению произведений. Автор, глубоко понимающий всю сложность диалектических процессов, происходящих в фольклоре, страстно полемизирует со сторонниками однобокого

взгляда на эволюцию фольклора, как на постоянное разрушение древнего художественного наследия. Д. Ортутан изучает конкретные причины регрессивных процессов в фольклоре, выделяет основные их типы. Вместе с тем он показывает и противоположные тенденции — шлифовку и улучшение произведений, удачные попытки приспособления старых произведений к новым историческим условиям, к отражению новых социальных явлений. В работе большое внимание уделяется инвариантам и их значению для изучения специфики фольклора данного народа.

В первую же часть сборника вошла программа собирания материалов по народному театру (стр. 174—182), практически осуществляющая изложенные выше методологические принципы, а также написанная в 1963 г. статья, посвященная значению Якоба Гримма для развития венгерской фольклористики (стр. 183—251). Пафос последней статьи — стремление показать, вслед за В. Штейнницем, демократические тенденции политической позиции братьев Гримм. Д. Ортутан утверждает, что политические принципы и научные теории Якоба Гримма были правильно оценены в Венгрии, где его имя вспоминают с благодарностью и уважением (стр. 199).

Статьи второй части сборника «Хрестьянские сказки из Хуса и Реткёза» (стр. 205—224), «Михаль Федич рассказывает сказки» (стр. 225—285) и «Венгерские народные сказки» (стр. 286—322) составляют как бы единое целое. Каждая из этих статей первоначально была предисловием к сборникам сказок Д. Ортутан. Сборники эти заслужили широкую известность, неоднократно издавались не только на венгерском, но и на ряде других языков. Популярный вариант сборника «Венгерские сказки» был издан в Японии и Финляндии. Сборник этот был удостоен премии Питрэ.

Написанные очень увлекательно, частично в форме художественного очерка, эти статьи знакомят читателя с содержанием и стилем венгерской народной сказки, с образами рассказчиков — мастеров народного слова, с характером бытования сказки в народной среде и прежде всего с венгерской деревней, с жизнью венгерского народа в прошлом и настоящем.

Все эти статьи глубоко научны и вместе с тем проникнуты подлинным патриотизмом, пониманием народной жизни, страстной любовью к народу, живой заинтересованностью в его судьбе.

Последняя часть рецензируемого сборника включает в себе очень живо написанные, в свойственной Д. Ортутан подкупающей манере доверительной беседы с читателем, тринадцать портретов венгерских исследователей и собирателей фольклора. Имена одних из них, как например, композитора Бели Бартока или фольклориста Яноша Хонти, широко известны, имена других — мало знакомы или совсем неизвестны за пределами Венгрии.

Написанные в разное время (1941—1955 гг.), частично предназначенные для радиопередач, очерки эти знакомят читателей с прогрессивными деятелями венгерской науки, начиная с XVIII в. и кончая современностью. Все они проникнуты глубоким уважением к лучшим деятелям венгерской культуры, беззаветно служившим своему народу. Особенно сильное впечатление по своей эмоциональной насыщенности производит портрет молодого талантливого ученого Яноша Хонти, казненного фашистами в 1944 г. накануне освобождения Венгрии. Очерк этот, написанный в 1955 г., дышит такой силой, говорит о таком понимании таланта Хонти, о таком глубоком проникновении в его трагическую судьбу, что не может оставить равнодушным читателя и сейчас, двадцать лет спустя. Очерк этот раскрывает и лицо его автора, Д. Ортутан, — ученого, художника, гражданина, борца и человека.

Сборник статей Дьюлы Ортутан — целостное исследование, книга крупного современного ученого-марксиста, вместе с тем это как бы глубоко индивидуальная исповедь человека, раскрывающая его самые заветные идеи, его отношение к науке, к жизни, к людям. Книга эта лишний раз доказывает, что не зря академика Ортутан — крупнейшего современного ученого — так хорошо знают и ценят, так глубоко уважают и искренне любят деятели прогрессивной науки не только у него на родине, но и далеко от ее пределов.

Э. В. Померанцева, Б. Кербелите

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

R. C. Nigam. Language handbook of mother tongues in Census. New Delhi, 1972, p. 340+LXI.

Индия — этот этнографический музей с более чем полумиллиардным населением, представляет значительный интерес как уникальная «коллекция языков». Важная информация об этой «коллекции» содержится в переписях, вот уже 100 лет регулярно (каждые 10 лет) проводимых в Индии. Управление переписей (Office of the Registrar General) уделяет большое внимание учету и анализу языкового многообразия населения Индии: кроме томов с разработками самих данных о языках, содержащихся в итогах переписей, оно публикует и отдельные монографии. Рецензируемая книга, принадлежащая перу видного этнолингвиста, сотрудника специального язы-

кового отдела (Language Division) Управления переписей и является одной из таких монографий.

Большая важность этой книги для этнодемографов определяется тем, что в ней, наряду с детальным анализом языкового состава населения по переписи 1961 г., впервые опубликованы и главные лингвистические итоги переписи 1971 г. (правда, в еще не систематизированном виде, в качестве простого перечня языков, на каждом из которых говорит не менее 5 тыс. чел.).

Суждения о числе и численности народов Индии приходится в основном делать на базе устанавливаемых переписями данных о родном языке¹. Множественность самих языков требует большой скрупулезности при выявлении различий между ними (самостоятельные языки или диалекты и т. п.) и при учете даже небольших языковых общностей.

Разработка этнолингвистических данных ценоз имеет в Индии давние научные традиции. Основы этой разработки были заложены еще Дж. А. Грирсоном, основательные труды которого позволили создать при Управлении переписей особую Лингвистическую службу (Linguistic Survey of India). Служба эта составила тщательно классифицированный перечень (572 языка), который и сейчас рассматривается индийскими специалистами как «базовый». Однако при каждой новой переписи перечень этот уточняется и расширяется. Книга Р. Нигама показывает, что при разработке итогов переписи 1961 г. к 572 «грирсоновским» языкам было добавлено дополнительно 400 языков, уложившихся в те или иные группы первоначальной классификационной схемы, и 527 языков еще не классифицированы; кроме того, 50 языков добавилось в результате уточнения классификации. Вместе со 103 иностранными для Индии языками по переписи 1961 г. в этой стране насчитывалось всего 1652 языка (стр. XVI рецензируемой книги).

Перечень этих языков (в алфавитном порядке) с указаниями на вхождение их в ту или иную языковую семью или группу, на степень родства с другими языками и т. п., сжатая лингвистическая характеристика со сведениями о числе говоривших на данном языке в 1961 г. и о территориях распространения языка — вот основное содержание книги (стр. 1—260).

В «Приложении I» (стр. 261—332) даны сжатые историко-лингвистико-литературные очерки о языках: ассамском, бенгальском, гуджаратском, хинди, каннара, кашмирском, малаяли, маратхском, ория, панджабском, санскритском², синдхском, тамильском, телугу и урду. Особенно обстоятелен очерк о хинди; автор касается многих его диалектных различий, указывая на нынешнюю тенденцию усиления кхара-боли — современного литературного хинди.

Поскольку в рецензируемой книге в «Приложении II» (стр. 333—340) впервые приведены данные о том, сколько жителей Индии в 1971 г. признали тот или иной язык своим родным, уместно привести эти материалы хотя бы по наиболее распространенным языкам.

Опубликованный автором перечень (напомним, что в него вошли лишь языки, на каждом из которых говорило не менее 5 тыс. чел.) включает 281 язык. В это число попали и языки некоренных для Индии народов — английский (191,6 тыс. говорящих), арабский (23,3 тыс.), пушту («афгани», 8,7 тыс.), китайский (11,0 тыс.), португальский (6,0 тыс.), мяо (20,0 тыс.) и др.; но таких языков немного.

Ниже приведены данные о числе говорящих на 10 наиболее распространенных языках (с округлением до 1 тысячи):

Языки	По данным переписей (в тыс. чел.)		Рост за 1961— 1971 гг., в %*
	1971 г.	1961 г.	
Хинди	153 729	123 025	+ 24,9
Телугу	44 708	37 642	+ 18,8
Бенгальский	44 522	33 754	+ 32,4
Маратхский	41 724	32 767	+ 27,4
Тамильский	37 593	30 465	+ 23,0
Урду	28 600	23 323	+ 21,7
Гуджаратский	25 656	20 106	+ 25,0
Малаяли	21 917	16 995	+ 24,8
Каннара ³	21 575	17 306	+ 23,4
Ория	19 727	15 611	+ 25,8

* Проценты прироста исчислены рецензентом.

¹ В вводной части книги (стр. XIII—XV) подробно показано, как в переписях разных лет сформулирован вопрос о родном (Mother) языке; этот обзор, завершающийся обширной цитатой из инструкции к переписи 1971 г., сам по себе представляет большой интерес для специалистов по этнолингвистической демографии.

² Ценз 1961 г. зарегистрировал 2542 человека, объявивших санскрит своим родным языком.

³ Здесь используем принятую в советской литературе транскрипцию. У автора, как и всегда в индийской современной научной литературе — Kannada.

Назвем также численность народов, говорящих (1971 г.) на языках, занявших в перечне дальнейшие места (до 1 млн. чел., округляем до 0,01 млн.): бходжпури (диалект яз. бихари, фигурирующий в перечнях Р. Нигама и за 1961 и за 1971 г. как самостоятельный) — 14,34 млн. чел., панджабский — 13,90 млн., ассамский — 8,96 млн., чхаттисгархи (диалект хинди, распространенный главным образом в штате Мадхья-Прадеш и на юге штата Уттар-Прадеш, выделен в перечне в самостоятельный язык) — 6,69 млн., магадхи (язык или диалект центральной части штата Бихар) — 6,64 млн., майтхили (Гирсон рассматривал его как диалект языка бихари, но Нигам указывает на близость его грамматических форм к языкам бенгальскому и ория и выделяет в самостоятельный язык) — 6,12 млн., марвари (диалект западного Раджастана) — 4,71 млн., сантальский — 3,69 млн., кашмирский — 2,42 млн., раджастанский — 2,09 млн., гондский — 1,55 млн., конкани (диалект марагхского языка, распространен в Гоа, Диу, штате Майсур) — 1,52 млн., догри (диалект панджабского языка, распространен главным образом в Кашмире) — 1,30 млн., гуркхско-непальский — 1,29 млн., гархвальский (в советской литературе относится к группе кумаори-пахарских языков, распространен в верховьях реки Чинаб в бассейне Инда) — 1,28 млн., пахари — 1,27 млн., бхили — 1,25 млн., ораонский — 1,24 млн., кумаонский (пахари верховьев Ганга) — 1,23 млн., синдхский — 1,20 млн., ламани (другое название банджари, иногда рассматривается как вариант раджастанского языка, распространен в основном в штате Андхра-Прадеш) — 1,20 млн., тулу (язык дравидской семьи, распространен главным образом в штате Майсур) — 1,16 млн. человек.

Как видим, в число наиболее распространенных 32 языков не вошли многие играющие важную роль в этнолингвистической картине Индии — такие, как манипури, кхаси, мунду и др.

Следует пожалеть, что как в опубликованном перечне наиболее распространенных 281 языков, так и в развернутой характеристике всех 1652 языков (по перечню 1961 г.) Р. Нигам лишь бегло касается очень важного для Индии вопроса двуязычия (хотя индийские переписи хорошо учитывают билингвизм).

Этнолингвистические итоги переписи 1971 г., видимо, добавлены в книгу в последний момент. Они приведены не только без анализа, но и без географической привязки приводимых цифр⁴. Для 1971 г. дано лишь распределение говоривших на каждом из 281 языков по полу. Впрочем, и на основе этого можно построить кое-какие гипотезы о ходе этнических процессов: ведь, как правило, смена этнического самосознания протекает у женщин медленнее, чем у мужчин, часто по условиям работы выезжающих в другой район на заработки, и т. п. Следует только помнить, что для Индии в целом характерно численное преобладание мужчин — в 1971 г. их было почти на 20 млн. больше, чем женщин⁵.

Обратим внимание и на другой показатель, получаемый из скупых данных по 1971 г. — различия в темпах прироста говорящих на разных языках по сравнению с 1961 г. Приведенная нами таблица по 10 самым распространенным языкам дает представление и о динамике численности наиболее крупных народов Индии (здесь стоит напомнить, что средний по стране прирост за 1961—1971 гг. составил 24,7%). Книга Р. Нигама позволяет судить о динамике численности народов, говорящих и на следующих 271 языке. Другое дело, что совокупность опубликованных данных не позволяет судить, в какой мере разница в динамике обусловлена различиями в естественном приросте, а в какой — этническими процессами, изменяющими языковое самосознание (а, быть может, и не полной идентичностью методики выявления родных языков, разным пониманием их диалектов и т. п. в ходе проведения самой переписи).

Обстоятельное исследование Р. Нигама и, особенно, включение в него первых лингвистических итогов переписи 1971 г. очень ценно. Советские индологи в отдельных случаях иначе, чем их индийские коллеги, подходят к проблеме самостоятельности или «диалектности» некоторых рассмотренных в книге языков; иными могут быть и приемы классификации. И все же книга Р. Нигама должна быть со вниманием изучена всеми, интересующимися «демолингвистикой» Индии.

В. В. Покишиевский

⁴ Наши пояснения об основных районах распространения языков сделаны в основном по данным переписи 1961 г.

⁵ См.: В. В. Покишиевский, Первые результаты индийской переписи 1971 г., «Сов. этнография», 1972, № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей (Москва). IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук	3
В. В. Седов (Москва). Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии)	16
Н. Г. Борозна (Москва). Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана (в связи с подготовкой Историко-этнографического атласа)	32
Л. В. Маркова (Москва). О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар	45
Н. М. Гириченко (Ленинград). Колониальный режим и традиционные социальные институты (на примере Танзании)	59
Из истории науки	
М. А. Итина (Москва). Средняя Азия на карте Страленберга	70
Сообщения	
А. А. Аншба, С. Л. Зухба (Сухуми). Этнографические и фольклористические исследования в Абхазии за годы Советской власти	84
А. А. Лебедева, А. В. Сафьянова (Москва). Русское население Курганской области и его хозяйственный быт во второй половине XIX — начале XX века (материалы к Историко-этнографическому атласу)	93
Г. С. Островский (Львов). О природе русского городского изобразительного фольклора	104
Л. П. Кузьмина (Улан-Удэ). Песни горнозаводских и приисковых рабочих как источник изучения положения сибирского пролетариата (XVIII — начало XX века)	113
Б. Г. Ахметшин (Уфа). Отражение условий труда и быта горнорабочих Башкирии в преданиях и других устных рассказах (по материалам фольклорных экспедиций Башкирского государственного университета)	119
В. Н. Мартынов (Саранск). Материалы по резному орнаменту мордвы	125
О. И. Смирнова (Ленинград). К вопросу о среднеазиатских культах (о культах Артавахишты и Митры по данным топонимики)	131
Л. А. Покровская (Москва). Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов.	139
Р. В. Николаев (Москва). Общие элементы в кетских и хакасских эпических сказаниях	145
М. Н. Серебрякова (Ленинград). Формы современной семьи в сельских районах Центральной Анатолии	151
Нгуен Куок Лок (Ханой). Этнический состав современного населения плато Тейнгуен	158
Поиски, факты, гипотезы	
В. Н. Басилов (Москва). Легенда: верить или не верить?	163
Хроника	
Л. Е. Куббель (Москва). Заседание, посвященное памяти И. И. Потехина	173
Научная жизнь	
Б. Н. Путилов (Ленинград). Научная конференция «Эпическое творчество народов Сибири»	175.
Коротко об экспедициях	177

Общая этнография

- А. И. Першиц (Москва). Ю. В. Кышенко. История первобытного общества. 179
 В. И. Козлов (Москва). А. Т. Базиев, М. И. Исаев. Язык и нация . . . 180

Народы СССР

- Г. П. Белорукова (Сыктывкар), В. В. Пименов (Москва). Новые работы по этнографии народов Коми АССР 182
 Э. С. Литвин (Ленинград). В. Н. Морохин. Хрестоматия по истории русской фольклористики . . . 184

Народы зарубежной Европы

- Э. В. Померанцева (Москва), В. Кербелите (Вильнюс). Gy. Ortutay. Hungarian folklore. Essays . . . 186

Народы зарубежной Азии

- В. В. Покшишевский (Москва). R. C. Nigam. Language handbook of mother tongues in Census, «Census Office of India. 1971» . . . 187

На первой странице обложки: Болгарские девушки в национальной одежде (см. статью Л. В. Марковой, стр. 54)

SOMMAIRE

- Yu. P. Avierkiéva, Yu. V. Bromley (Moscou). IXe Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques 3
 V. V. Siédov (Moscou). Les Slaves de la région du Dniepr Moyen (d'après les données de la paléanthropologie) 16
 N. G. Borozna (Moscou). Espèces des parures féminines en joaillerie chez les peuples de l'Asie Centrale et du Kazakhstan (en rapport avec la rédaction d'un Atlas historico-ethnographique) 32
 L. V. Markova (Moscou). Sur les manifestations de la spécificité ethnique dans la culture matérielle des Bulgares 45
 N. M. Guirénko (Léningrad). Régime colonial et institutions sociales traditionnelles (à l'exemple de la Tanzanie) 59

De l'histoire de la science

- M. A. Itina (Moscou). L'Asie Centrale sur la carte de Stralenberg . . . 70

Communications

- A. A. Anchba, S. L. Zoukhba (Soukhoumi). Recherches ethnographiques et folkloriques en Abkhazie à l'époque soviétique 84
 A. A. Lébedieva, A. V. Safyanova (Moscou). Population russe de la région de Kourgan et la vie économique de celle-là dans la deuxième moitié du XIXe — début XXe siècles (matériaux à un Atlas historico-ethnographique) 93
 G. S. Ostrovski (Lvov). De la nature du folklore urbain figuratif russe 104
 L. P. Kouzmina (Oulan-Oudé). Les chansons des ouvriers miniers en tant que source pour l'étude de la condition du prolétariat sibérien (XVIIIe — début XXe siècles) 113
 B. G. Akhmietchine (Oufa). Conditions du travail et du mode de vie des ouvriers miniers de la Bachkirie reflétées par les légendes et autres récits oraux (d'après les matériaux des missions folkloriques le l'Université d'Etat de Bachkirie) 119
 V. N. Martyanov (Saransk). Matériaux sur les ornements sculptés des Mordves 125
 O. I. Smirnova (Léningrad). Contribution au problème des cultes d'Asie Centrale (sur les cultes d'Arthavakhichta et de Mithra d'après les données de la toponymie) . . . 131

L. A. Pokrovskaja (Moscou). Les éléments musulmans dans le système de la terminologie religieuse chrétienne des Gagaouzes	139
R. V. Nikolaïev (Moscou). Eléments communs dans les poèmes épiques des Kètes et des Khakasses	145
M. N. Sériebriakova (Léningrad). Formes de la famille moderne dans les régions rurales de l'Anatolie Centrale	151
Nguyen Quoc Loc (Hanoï). Composition ethnique de la population contemporaine du plateau de Teinguen	158

Recherches, faits, hypothèses

V. N. Bassilov (Moscou). Une légende: à y croire ou non?	163

Chroniques

L. Ye. Koubbel (Moscou). Une réunion à la mémoire de I. I. Potékhine	173

Vie scientifique

B. N. Poutilov (Léningrad). Conférence scientifique dite «L'Oeuvre épique des peuples de la Sibérie»	175
Missions en bref	177

Critiques et bibliographie

Ethnographie générale

A. I. Perchits (Moscou). <i>Yu. V. Knychénko</i> . Histoire de la société primitive	179
V. I. Kozlov (Moscou). <i>A. T. Baziév, M. I. Issaïev</i> . Langue et nation	180

Peuples de l'U.R.S.S.

G. P. Bieloroukova (Syktyvkar), V. V. Piménov (Moscou). Travaux modernes sur l'ethnographie des populations de la R. S. S. A. des Komi	182
E. S. Litvine (Léningrad). <i>V. N. Morokhine</i> . Une chréptomatie pour l'histoire des études folkloriques russes	184

Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.

E. V. Pomierantseva (Moscou), V. Kerbélite (Vilnius). <i>Gy. Ortutay</i> . Hungarian folklore. Essays	186

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

V. V. Pokchichévskî (Moscou). <i>R. C. Nigam</i> . Language handbook of mother tongues in Census	187

Sur la couverture: Jeunes filles bulgares en costume national (v. l'article de L. V. Markova, p. 54)

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/XI-1973 г.	Т-01927	Подписано к печати 21/I-1974 г.	Тираж 2570 экз.
Зак. 5686	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Печ. л. 16,8.	Бум. л. 6.
			Уч.-изд. л. 18,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10